И 317/47

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Часть II.

Пѣсни Былевыя.

*

Выпускъ 5.

I. Новгородскія. — II. Княжескія.

Козаченька

IV.

1.

Военный казаченько
Во службу пошелъ.
Сходилъ казаченько
На широкій на дворъ,
Осѣдлывалъ-обратывалъ *)
Свого добраго коня,
Поѣхалъ же во чисто поле.

Пускалъ своего коня
Во зелены луга,
Самъ взошелъ
На высокъ бугоръ,
Раскидывалъ-развертывалъ
Бѣлъ-тонкой шатеръ,
Ложился спать
Во бѣломъ шатрѣ.
Дивнёхонекъ ему
Сонъ привидѣлся:
Со праваго со плечика
Соколъ солеталъ,
А изъ лѣваго рукавчика
Сѣра уточка.
Пошелъ путь-дорожкою,

*) Отъ *обротать*, обуздать.—*Q.*

На встрѣчу казаченькѣ
Старушка идетъ,
Онъ баитъ *) ее:
«Старушенька, стряпушенька,
«Разсудливая!
«Разсуди ты мой сонъ.»
—Военный сынъ, казачинька,
—Разскажи свой сонъ.—
«Старушенька, стряпушенька,
«Разскажу свой сонъ:
«Со права со плечика
«Соколъ солеталъ,
«Со лѣваго рукавчика
«Сѣра утушка.»
—Военный казачинька!
—Несчастье во домъ:
—Въ третій день жена твоя
—Сына родила,
—Черезъ часъ сама померла.—
Пошелъ казачинька
Во домикъ назадъ.

Подходитъ ко свому
Широкому двору:
Широкія воротишка
Растворенныя стоятъ,
Окошечки повыставлены;
Всходитъ казаченька
На высокъ крылецъ:
На встрѣчу ему
Жену-хозяюшку
Хоронить несутъ.
«Прости-прощай,
«Жена моя Марусенька!»

*

*) Уговариваетъ. *О.*

2.

(Русь Юго-западная).

Поихавъ козакъ на полюваньня *),
Зоставывъ жону свою на горюваньня.

Пустывъ конычека на попасаньня,
А самъ прилигъ къ сырий земли на спочиваньня.
Приснывся козакови дивнесенький сонъ:
Зъ-пидъ рученьки вылынувъ **) ясненький соколъ,
Зъ-пидъ другои билои сира утинка.
Поихавъ козаченько до вороженьки:
«Вороженько, голубонько, одгадай мий сонъ,
«Шчо вынувъ ***) зъ-пидъ рученьки ясненький соколъ,
«Зъ-пидъ другои билои сира утинка.»
—Бижи, бижи, козаченьку, и не стоючи ****),
—А вже твой мылинькои не застаючи:
—Учора изъ вечира *****) сына привела,
—Сама молоденька до гробу лягла.—

Приизжае козаченько къ новымъ воротамъ, —
Ажь выходить-выбигае найменьшая свисть ******)
И выносыть козакови недобрую висть:
—Чоломъ, чоломъ *******), пане зятю, чужый та не нашь!
—А уже твоеи мыленькои на свити не машь ********):
—А учора изъ вечира сына привела,
—Сама молоденька до гробу лягла.—

---

*) Полеванье—воеванье.—*О.*
**) Выскользнулъ, выпорхнулъ. *О.*
***) Вылынувъ?—*О.*
****) Не мѣшкая.—*О.*
*****) Изъ вечора, зъ вечора?—*О.*
******) Невѣстка.—*О.*
*******) Здраствуй, кланяюсь.—*О.*
********) Не имѣешь, нѣтъ ея.—*О.*

Приизжае козаченько на новенький двиръ:
Ударили по мыленький у голосный дзвинъ *);
Увиходыть козаченько у нову свитлыцю:
Лежить его мыленькая на усю скамницю;
Няньки-мамки молоденьки за столомъ сидять,
Дытя его коханое **) на ручкахъ держать.
«Ножки мои походящии, чомъ ***) не ходыте?
«Ручки мои роботящии, чомъ не робыте?
«Уста мои сахарныи, чомъ не мовыте?
«Очьки мои чорненькыи, чомъ не глянете?»
—Не той же, козаченько, теперъ свитъ наставъ,
—Шчобъ умершый еще зъ навы ****) вставъ;
—А не тая, козаче, теперъ година,
—Шчобъ умершая еще говорила!—

(Ср. «Пам. стар. Р. литер.», вып. I, и «Лѣтоп. Р. литер. и др.,» Т. IV).

*
* *

*) Громкій, церковный звонъ.—*О.*
**) Любимое.—*О*
***) За чѣмъ?—*О.*
****) Изъ мертвыхъ.—*О.*

Донской Козакъ *).

III.

1.

Охъ ты матушка, раздикая степь Саратовска,
Далекохонько протянулася,
Далѣ города и Саратова!

У ключа было у гремячаго
Донской Козакъ коня поилъ,
Гдѣ коня поилъ, тутъ жену терялъ.
Жена мужу возмолилася,
Ниже пояса поклонилася:
«Мужь мой, батюшко, Донской Козакъ!
«Не теряй меня рано съ вечера,
«Потеряй меня во глуху полнóчь,
«Какъ добры люди спать полягутся,
«Наши дѣтушки угомóнются.»

Большая дочка Аннушка,
Дочка Аннушка догадалася:
««Ты родимый нашь батюшка!
««Гдѣ родимая наша матушка?»»
—Ваша матушка въ свѣтлой свѣтлицѣ,
—Она бѣлится и румянится,

---

* Слѣдующія пѣсни, сами по себѣ Былевыя Безъимянныя, присоединены сюда по ближайшему родству: ср. „Замѣтку."—*О.*

—Во цвѣтно платье наряжается,
—Ко заутрени собирается.—
««Охъ ты батюшко, ты насъ обманываешь:
««Отъ чего же ты невеселъ ходишь,
««Невеселъ ходишь и нерадошенъ?»»
—Чѣму же мнѣ веселитися
—И на что глядя радоватися?
—Ваша матушка распутная:
—Пошла гулять съ полюбовникомъ.—

*

2.

(Новгородъ).

У колодезя у глыбокаго
Не Донской Козакъ коня поилъ,
Не коня поилъ *), онъ жену губилъ.
Что жена мужу возмолилася,
Во скоры̀ ноги поклонилася:
«Ахъ ты мужь ты, мужь мой, Донской Козакъ!
«Не губи меня съ вечера̀ рано,
«Погуби меня со полу́ночи:
«Всѣ добры̀ люди спать уляжутся,
«Малы дѣтушки поразо́спятся,
«Поутру про́снутся, матушки схватятся **).»

««Ро́дный батюшко́, гдѣ наша матушка?»»
—Ваша матушка
—Во высокомъ-новомъ теремѣ,
—Она бѣлится и румянится,

---

*) Отрицательный оборотъ: на самомъ дѣлѣ „Донской Козакъ“ и „коня поилъ.“—*О.*

**) Пѣсня постепенно забываетъ, что это слова жены и беретъ ихъ уже какъ разсказъ, послѣ коего выводятся дѣти.—*О.*

—Въ цвѣ́тно платьице надѣвается.—
««Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!
««Посмотри́те вы, гдѣ наша матушка?»»
«Вашей матушки нѣтъ въ новомъ те́ремѣ.»

«««Ро́дный батюшко, куда дѣвалъ матушку?»»
—Ваша матушка во темно̀мъ лѣсу̀,
—Во темно̀мъ лѣсу, во сыро̀мъ бору̀,
—Во сыро̀мъ бору̀ берётъ ягоды.—
««Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!
««Вы сходите—посмотрите, гдѣ наша матушка?»»
«Вашей матушки нѣту въ темно̀мъ лѣсу.»

«««Ро́дный батюшко, куда дѣвалъ матушку?»»
—Ваша матушка во сыро̀й землѣ,
—Во сыро̀й землѣ, въ гробово̀й доскѣ,
—Въ гробово̀й доскѣ, въ золото̀й парчѣ.—

(Записано 10 Сент. 1834 г., отъ крестьянки Θёклы).

*

3.

(Москва).

У столба-столба новото́ченаго,
У колодезя у студенаго,
Молодоя-тъ Казакъ онъ коня поилъ,
Не коня-то поилъ, онъ жену губилъ.

Какъ жена-то мужу возмолилася,
Во рѣзвыя ноги поклонилася:
«Не губи же ты меня, мужь, со вечера:

«Погуби со полуночи,
«Когда дѣтушки спать улягутся.»

Просыпалися малы дѣтушки,
Взыскались своей матушки:
««Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!
««Ужь и гдѣ же наша матушка?»»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
—Въ новой горницѣ Богу молится.—
««Ужь и тамъ-то нѣту нашей матушки!»»
—Ваша матушка въ высокомъ терему:
—Она бѣлится-румянится.—
««Ужь и нѣтъ тамъ нашей матушки!»»
—Ваша матушка въ зеленомъ саду,
—Рветъ алы вишенья.—
««Ужь и тамъ нѣтъ нашей матушки!»»
--Пошла ваша матушка на Дунай-рѣку,
—Съ ведрами по́ воду.—

Какъ пошли-то наши дѣтушки на Дунай-рѣку:
Изъ за горъ-горъ высокихъ
Вылеталъ-то младъ-сизо́й орелъ,
Во когтяхъ-то несетъ правую ручиньку.
Воскричали-то малыя дѣтушки:
««Охъ вы нянюшки, наши мамушки!
««Ужь какъ несётъ-то орёлъ рученьку,
««Несетъ рученьку нашей матушки
««И со перстнемъ обрученнымъ!
««Ужь и Богъ же суди нашему батюшкѣ,
««Что оставилъ насъ безъ родимой матушки!»»

(Отъ мѣщанъ Рогожской части).

4.

(Саратовск. губ.).

На степи-то степи на Саратовской,
На другой-то степи на Камышинской,
У лѣсика было у дремучаго,
У ключа-то было у текучаго,
У колодезя у студенаго,
Младъ Донской Казакъ коня поилъ,
Коня чорнаго, возбочёнаго *).
Не коня-то онъ поилъ, онъ жену журилъ,
Онъ жену журилъ, погубить хотѣлъ.
Какъ жена-то мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноженьки поклонилася:
«Ужь ты мужь мой, младъ Донской Казакъ!
«Не губи ты меня рано съ вечера:
«Погуби ты меня со полуночи,
«Когда дѣтушки спать полягутся,
«Шабры **) ближніе припокоются.»

Просыпа́лися малы дѣтушки,
Хватилися они родной матушки:
««Ты скажи, скажи, родной батюшка,
««Гдѣ дѣвалася наша матушка?»»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
—Она бѣлится и румя́нится,
—Во цвѣтно платье наряжается,
—Въ Божью церковь собирается.—
Пошли дѣтушки во Божью церковь:
А и всѣхъ людей они видѣли,
Ихней матушки тамъ нѣтъ какъ нѣтъ.

---

*) Крутобокаго.— *О.*
**) Сосѣди. *О.*

««Охъ ты батюшка, ты родимой нашь!
««Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»»
—Ваша матушка во сыромъ бору,
—Во сыромъ бору беретъ ягодки.—
Какъ пошли малы дѣтушки во сырой боръ:
А и всѣхъ людей они видѣли,
Берутъ ягодки, берутъ красныя,
Ихней матушки все нѣтъ какъ нѣтъ.

Какъ расплакались малы дѣтушки,
Какъ ударились объ сыру землю,
Завопили громкимъ голосомъ:
««Не обманывай насъ, родной батюшка:
««Наша матушка во темномъ лѣсу,
««Во темномъ лѣсу подъ колодою,
««Подъ колодою подъ дубовою.
««Ужь и Богъ тебѣ судья, родной батюшка:
««Ты убилъ-убилъ нашу матушку!»»
—Вы не плачьте, малые дѣтушки:
—Я сострою вамъ нову горницу,
—Я складу вамъ муравлену печь,
—Я собью вамъ дубовую дверь,
—Я собью *) вамъ золотую цѣпь,
—Я возьму вамъ молодую мать.—
««Загорись, загорись, нова горница,
««Развались, развались, муравлена печь,
««Расколись, расколись, дубовая дверь,
««Растопись, растопись, золотая цѣпь,
««Ты умри, умри, злая мачиха,
««Ты возстань, возстань, родна матушка!»»

Ср. «Лѣтоп. Р. литер. и др.,» т. IV, записанное гг. Костомаровымъ и Мордовцевой).

*

*) Солью.—*О.*

5.

Охъ ты матушка, степь Саратовска,
Широкà-долгà протянулася,
Дальше города Саратова,
До того ключа до гремячаго,
До колодезя до студенаго!

У того ключа у гремячаго,
Тутъ Донской Козакъ коня поилъ,
Поилъ коня—выглаживалъ
И самъ коню наказывалъ:
«Ужь ты стой-постой, мой добрый конь,
«И до той поры, до бѣлòй зари,
«Какъ красная дѣвка за водой пойдетъ.»

У того у ключа у гремячаго,
Тутъ Донской Козакъ жену губилъ:
Какъ жена-то мужу возмолилася,
Въ рѣзвы ноженьки поклонилася.

*

6.

Охъ ты матушка, степь Саратовска,
Далеко ты, степь, протянулася,
Далѐ города—далѐ Питера,
Далѐ матушки каменнòй Москвы!
Ничего въ степи не уродилося:
Уродился тутъ частъ-ракитовъ кустъ,
Изъ подъ кустика тутъ колодецъ бьетъ.

У ключа, у ключа у гремячаго,

У колодезя у студенаго,
Добрый Молодецъ тутъ коня поилъ,
Онъ поилъ коня, самъ выглаживалъ,
Онъ выглаживалъ, выхорашивалъ *):
«Охъ ты стой-постой, мой добрый конь!»

Во кусту, во кусту во ракитовомъ,
Тутъ Донской Козакъ жену терялъ.
Что жена мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноги поклонилася:
«Охъ ты гой еси, мужь, Донской Козакъ!
«Не теряй меня поздо вечеромъ:
«Охъ ты дай уснуть дочкѣ Аннушкѣ!»

Дочка Аннушка догадалася,
На шеюшку она кидалася:
««Охъ ты гой еси, родной батюшка!
««Нетеряй-ка ты родиму матушку:
««Возкуютъ тебя во желѣзушки,
««Отдадутъ тебя во солдатушки!»»

*

7.

Далекохонько степь протянулася,
Далѣ города—далѣ Питеру,
Далѣ матушки каменной Москвы.

У ключа-то было у гремучаго,
У колодезя было у студенаго,
Добрый молодецъ коня поилъ;
Онъ бьетъ по крутымъ бедрамъ:

*) Долженъ быть еще стихъ:
Выхорашивалъ, выговаривалъ.—*О.*

«Охъ ты конь мой, конь,
«Ты добра лошадь!
«Что же ты, конь, спотыкаешься,
«За ковылъ-траву запинаешься?»
—То-то я, конь, спотыкаюся:
—Какъ со вечера мужь жену терялъ,
—Какъ жена мужу возмолилася,
—Ниже пояса поклонилася:
—«Охъ ты мужь мой, Донской Козакъ!
—«Не теряй меня, мужь, со вечера,
—«Теряй меня, мужь, близь полу̀ночи:
—«Чтобы дѣти наши пріуснули,
—«А чужи люди не слыхали бы!»
—Потерялъ мужь жену близь полуночи *).—

Поутру малы дѣти догадалися,
Пришли малыя дѣти къ свому батюшкѣ:
««Ты сударь ты, нашь батюшко!
««Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»»
—Охъ вы дѣти мои малые, глупые!
—Ваша матушка въ зеленомъ саду гуляетъ.—
««Ты сударь ты, нашь батюшко!
««Все неправда ваша:
««Наша матушка во гробу лежитъ,
««Во сырой землѣ **).»»

*

8.

(Тульской губ., Чернскаго уѣзда).

Изъ-подъ бережку изъ-подъ кру́това,
Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго

*) Стихъ этотъ изъ рѣчи лица дѣйствующаго переходитъ въ разсказъ о событіи также, какъ выше.—*О.*

*) Стихи во многомъ сокращены: какъ слѣдуетъ ихъ дополнить, указаны примѣры выше. *О.*

Течетъ рѣчка быстрая.
Во той рѣчкѣ дѣвка мылася,
Во цвѣтно платье одѣвалася,
Она бѣлилася и румянилася,
Набѣлёмши она, нарумянивши, на гору взошла,
Диво видѣла—дивовалася:
Какъ Донской Козакъ коня поилъ,
Онъ коня поилъ, съ дѣвкой рѣчи говорилъ,
Съ дѣвкой рѣчи говорилъ, какъ жену погубить:
«Не губи жену рано съ вечера,
«Погуби жену ко полуночи:
«Малы дѣтушки спать поляжутся.»
Малы дѣтушки расплачутся:
««Государь батюшка, гдѣ наша матушка?»»
—Ваша матушка на Дунай пошла—утопилася *).—

* *

* Здѣсь, какъ и въ предыдущихъ образцахъ, безпрерывно разсказъ переходитъ въ рѣчь дѣйствующихъ лицъ и обратно.—*О.*

Добрый Молодецъ.

IV.

1.

На степи-степи на Саратовской,
У ключа была у гремячаго,
Добрый Молодецъ тутъ коня поилъ,
Поилъ-кормилъ, выглаживалъ,
Выглаживалъ, охорашивалъ:
«Охъ ты батюшка, конь, добра лошадь!
«Увези ты меня отъ побѣдушки *):
«Отъ худой жены—отъ любовницы!»

Онъ не коня поилъ,
Тутъ поилъ мужь—жену терялъ **).
Жена мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноги ему поклонилася:
«Не губи ты меня, мужь, на дикой степи:
«Потеряй ты меня на большой дороженьки,
«Близъ кустика ракитова,
«Подъ мостикомъ подъ калиновымъ!»

Подъѣзжаетъ мужь ко широкому двору,
Встрѣчаютъ его малы дѣтушки,
Малы дѣтушки, голубятушки:
««Государь ты нашь, родной батюшка!

---

*) Отъ бѣды.— *О.*

**) Сообразно ближайшимъ стихамъ, здѣсь должно быть: „губилъ.“— *О.*

««Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»»
—Охъ вы мои малые дѣти!
—Ваша матушка ушла во чисто поле,
—Во чисто поле, въ боръ по ягоды.—
Побѣжали же малы дѣтушки,
Искать свою матушку:
««Государь ты нашь, родной батюшка!
««Не нашли мы свою матушку!»»
—Поди-ка вы во чисто поле:
—Ваша матушка лежитъ подъ кустикомъ,
—Подъ мостикомъ подъ калиновымъ.—
Побѣжали малые дѣти:
Нашли они свою мать убитую.

*

2.

Изъ подъ камушка-камня бѣлова,
Протекала тутъ рѣка быстрая,
Какъ по той ли по рѣченьки
Плыла легка лодочка, 2.
За той ли за лодочкой
Плылъ тамъ корабличекъ,
Въ томъ ли корабличкѣ
Душа красна дѣвица.
Она мылася и бѣлилася, 2.
И бѣлилася, и румянилася, 2.
Нарумянившись на гору взошла. 2.

Какъ увидѣла она Добраго Молодца 2.
У колодезя у студенаго:
Онъ стоялъ тутъ и коня поилъ, 2.
Не коня поилъ—онъ жену терялъ *). 2.

*) Должно быть: „губилъ.“—*О.*

Какъ жена мужу возмолилася: 2.
«Не губи ты меня со вечеру, 2.
«Потеряй меня ко бѣлу свѣту: 2.
«Ко бѣлу свѣту малыхъ дѣтушекъ
«[Малыхъ дѣтушекъ] прибаюкаю.» 2.

(Пѣсенникъ 1805 г.).

*

3.

(Саратовск. губ.).

Полетѣлъ орелъ черезъ сырой боръ,
Во кохтяхъ-то держитъ востру саблицу,
Подъ правымъ крыломъ слезну грамотку,
Въ этой грамоткѣ есть написано,
[Есть написано,] нарисовано:
«Родной матушкѣ разнизкой поклонъ,
«Родному батюшкѣ на заботище,
«На заботище—на работище,
«Молодой женѣ на загульбище.»

Добрый Молодецъ коня поилъ,
Напоемши коня во луга пустилъ,
Во луга пустилъ, за ворота сталъ,
За ворота сталъ, думу думаетъ,
Думу думаетъ, думу крѣпкую:
—Ужь и какъ-то мнѣ жену убить?
—Я убью жену не со вечера,
—Я убью жену со полуночи,
—Когда дѣтушки спать полягутся,
—Всѣ народушки пріугомонятся.—

(Ср. „Лѣтоп. Р. литер. и др.," т. IV, записанное гг. Костомар. и Мордовц.).

* *

Л 317/47

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

—

Часть II.

ПѢсни Былевыя, Историческія.

*

Выпускъ 6.

Москва.

Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.

Помочь Царю подъ Казанью.

I.

1.

(Симбирск. губ., с. Языково).

Не ясные соколики солеталися,
[Не] Персидскіе Мазуры [1]) собиралися,
Они думали-гадали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую за единую:
«« А кому-то намъ, ребяты, атаманомъ быть,
«« Атаманомъ быть, есауломъ слыть?
«« Атаманомъ быть Степанушкѣ,
«« Есауломъ слыть Никитушкѣ [2]).»»

Есаулъ рѣчь взговорилъ, — во трубу вострубилъ,
Атаманъ рѣчь взговорилъ, — во свирѣль взыгралъ:
«Какъ не полно намъ, ребяты, на моряхъ стоять,
«Не пора ли намъ, ребятушки, во Россіюшку итти?
«Какъ подъ городомъ по Казанью стоитъ Бѣлый Царь,
«Стоитъ Бѣлый Царь, Царь Иванъ Васильевичь:
«Онъ не годъ стоялъ, не два года,
«Онъ стоялъ ровно семь годовъ:
«Не взявши Казань горюетъ, хочетъ прочь итти.
«Пойдемте-ка, ребятушки, на подмогушку,

---

[1]) Мазуры, Мазурушки — Мурзы, мурзушки: и ниже. — [2]) И ниже безпрерывная смѣна именъ — Ермака, Стеньки Разина и Никиты Романовича. — *О.*

«[На подмогушку] въ Волгу матушку!
«Еще какъ-то намъ, ребята, города̀ пройти?
«Астраханское славно царство пройдемъ съ вечера,
«А Царицынъ городочикъ во глухую полно̀чь,
«А Саратовъ славный городъ на бѣло̀й зарѣ,
«Вольской и Хвалынской средь бѣла дня,
«Сызрану и Самарѣ не поклонимся,
«Въ Жегулевскіихъ крутыхъ горахъ остановимся;
«Мы вобьемъ-ка приколушки пихтовые,
«Мы чалики зачалимъ шелковыя,
«Мы сходенки положимъ кипарисовыя,
«Мы сойдемте-ка, ребята, на сухой берегъ,
«Мы взойдемте-ка, ребята, на крутой берегъ,
«Поглядимъ-ка, ребята, съ горы по̀дъ гору,
«Разобьемте-ка, ребятушки, три суденушка,
«Мы пошлемте-ка, ребятушки, записочки
«Царю Ивану Васильевичу:
«Возьму городъ Казань въ три часа!»

*

2.

(Сызрань).

««Не полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
««Не пора ли намъ, братцы, возвратитися?
««Подъ Казанью городочкомъ стоитъ
««Бѣлый Царь Иванъ Васильевичъ:
««Мы пойдемте-ка на помочь къ нему!
««Мы Астрахань городочекъ пройдемъ съ вечера,
««А Саратовъ городочекъ на бѣло̀й зарѣ,
««А Самарѣ городочку мы поклонимся,
««Въ Жигулевскихъ горахъ мы остановимся:

«« Шатрики раскинемъ шелковые,
«« Приколочки поставимъ дубовые,
«« Сядемте, братцы, позавтракаемте,
«« По рюмочкѣ мы выпьемъ, — поздравствуемъ,
«« По другой мы выпьемъ, — пѣсни запоемъ,
«« Погуляемъ да въ путь пойдемъ
«« Подъ Казань городокъ!»»

*

3.

(Саратовъ).

Какъ далеченько, далеченько во чистомъ полѣ,
Да еще того подалѣй — на синёмъ морѣ,
Какъ на синемъ морѣ было на Каспискіимъ,
Что на славномъ было островѣ на Персидскіимъ,
Собиралися музуры, добры молодцы.
Они думушку гадали всѣ великую,
Думу крѣпкую гадали за единую:
«« Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ быть,
«« Да кому изъ насъ, ребятушки, есауломъ слыть?
«« Атаманомъ быть Ермилу Тимоѳеичу,
«« Есауломъ слыть Никитушкѣ Романычу.»»

Атаманъ-то рѣчь возговоритъ, что въ трубу трубитъ,
Есаулъ-то рѣчь возговоритъ, какъ въ свирѣль игратъ:
« Не пора ли намъ, ребята, со синя моря,
« Что на матушку на Волгу, на быстру рѣку?
« Еще какъ-то намъ, ребята, города пройти?
« Астраханское славно царство пройдемъ съ вечеру,
« А Царицынъ городочикъ во глуху полнóчь,
« А Саратовъ на бѣлóй зарѣ,
« Мы Самарѣ городочку не поклонимся,
« Въ Жигулёвскіихъ горахъ мы остановимся:

«Вотъ мы чалочки причалимъ все шелковыя,
«Вотъ мы сходенки положимъ все кедровыя,
«Атаманушку сведемъ двое подъ руки,
«Есаулушка, ребятушки, — онъ самъ сойдетъ.»

Какъ возговоритъ нашь батюшка атаманушка:
«Еще какъ-то намъ, ребята, Казань городъ брать?
«Вотъ подъ городомъ Казанью стоитъ Бѣлый Царь,
«Стоитъ Бѣлый Царь, Иванъ сударь Васильевичь,
«Онъ не много и не мало стоитъ — семь годовъ,
«Онъ подкопушки подкапывалъ все на семь верстъ,
«Калены стрѣлы пускалъ безсчётныя:
«Мы пойдемъ-ка же, ребята, на подмогу къ нимъ!»

(Запис. А. Н. Пасхаловою; ср. Изв. А. Н.).

* *

II.

1*).

(Симбирск. губ., с. Головино).

Далече-далече, во чистомъ полѣ,
Еще подалѣ, на синёмъ морѣ,
На синёмъ морѣ, на возморьицѣ,
Выплывали-выгребали добры молодцы,
Славные мазурушки Персидскіе.
Становились добры молодцы на зеленый лугъ,
Сходились добры молодцы во единый кругъ,
Думали крѣпку думу за единую:
«Кому-то у насъ, братцы, атаманомъ быть?
«Атаманомъ быть Ермохѣ Тимоѳеичу,
«Есауломъ быть Никитѣ Иванычу.»

*) Слѣдующій за симъ отдѣлъ, мало по малу забывая о Казани, Иванѣ Васильевичѣ и Бѣломъ Царѣ, переходитъ къ простымъ Молодецкимъ и Безъименнымъ пѣснямъ. — *О.*

По́ кругу Ермакъ похаживаетъ,
Козакамъ добрымъ молодцамъ приказываетъ:
«Пойдемте-ка, робята, во Казань городъ;
«Подъ городомъ Казанью стоитъ Бѣлый Царь,
«Онъ стоялъ семь годовъ,
«На восьмомъ годочкѣ хочетъ прочь итти:
«Пойдемте, робята, поклонимся Бѣлому Царю!
«Казанскому губернатору не поко́римся,
«Саратовску губерню съ вечера пройдемъ,
«Царицынъ городочекъ во глухо́ю полно́чь,
«Въ Жегуляевскихъ горахъ остановимся,
«Остановимся, расположимся.»

(Доставл. П. М. Языковымъ).

*

2.

(Тамъ же).

Далече-далече, во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ,—на синемъ морѣ,
На синемъ морѣ на Каспійскіемъ,
Не ясные соколы солеталися,
Соходились-собирались добры молодцы,
Заславные [1]) музурушки Персидскіе.
Они думали думу крѣпкую за единую,
Выбирали они атаманушку походнаго.

Атамана-тъ говоритъ, какъ въ трубу трубитъ,
А есаула-тъ говоритъ, какъ во свирѣль игратъ.

«Ой вы гой еси, дружья-братья, товарищи!
«Надобно намъ, братцы, атаманушку
«И надобно дородным есаулушку:
«Атаманомъ быть Никитушкѣ Романычу,

[1]) Разславные, преславные. —*О.*

«« Есауломъ слыть Ермилѣ Тимоѳеичу [1]).»»
« Не полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
« Не пора ли намъ, дороднымъ, на свѣжу́ воду,
« На свѣжую воду — на Волгу, на Волгу матушку?
« И станемъ разбивать бусы-ка́рабли.
«Бусы-ка́рабли и лодки легкія.»

(Отъ того же).

*

3.

(Городъ Симбирскъ).

Какъ далече было—далѣ, во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ, — на синемъ морѣ,
Какъ на славномъ морѣ было на Каспійскіемъ,
Вотъ не ясны тутъ соколы слеталися,
Собиралися морзорушки Каспійскіе,
Еще стары бродяги безпашпортные,
Безпашпортные хайлы, да все разбойнички.
Они думали тутъ думушку за единое:
«« Да кому, де, изъ насъ, братцы, атаманомъ быть,
«« И кому изъ насъ, удалы, есауломъ слыть?
«« Атаманомъ быть Ермакъ — сынъ — Тимоѳевичу,
«« Есауломъ слыть Никитѣ — сынъ — Иванычу.»»

Атаманъ-то говорилъ, какъ въ трубу трубилъ,
Есаулъ-то говорилъ, какъ въ свирѣль игралъ:
« Еще полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
« Не пора ли намъ, удалы, воротитися
« Какъ во славную во нашу мать Россіюшку?
« Астрахань мы городочекъ съ вечера пройдемъ,

---

[1]) Переставлены рѣчи товарищей и атамана. — *О*.

«А Царицынъ городочекъ на бѣлой зарѣ,
«Мы Самарѣ городочку тутъ поклонимся,
«Въ Жигулевскихъ мы горахъ жить остановимся.»

(Доставл. П. И. Юрьевымъ).

*

4.

(Отъ Самары до Ставрополя по Волгѣ).

На морѣ стояли разбойнички семь годовъ,
Разбивали они суда-корабли [1]),
Что [2]) Армянски, Татарски и купечески.
Они думали-гадали думу крѣпкую за единое [3]):
«А кому у насъ, ребята, атаманомъ [4]) быть?
«Атаманомъ быть Ивану Тимоѳеевичу [5]),
«Есауломъ быть Никитушкѣ Васильевичу [6]).
«А и какъ-то намъ будетъ [7]) города пройти?
«Славну Астрахань-то мати [8]) пройдемъ съ вечера,
«А Саратовъ и Дубовку на бѣлой зарѣ,
«Мы Самарѣ городишку [9]) не поклонимся,
«Въ Жигулинскихъ горахъ остановимся;
«Какъ мы колышки вколотимъ кленовые,
«А причалами причалимся шелковыми,
«Атаманушка Иванушка [10]) сведемъ подъ руки,
«Есаулушко Никитушка и самъ сойдетъ.»»

(«Москов. Вѣдом.,» 1861, № 210).

*

---

[1]) Разнорѣч. *Варенц.*, «Сборн. Пѣс. Самарск. края,» 1862: «судна-корабли.»— [2]) *Вар.* нѣтъ. — [3]) *Вар.* «за единую.»— [4]) *Вар.* «атаману;» и ниже.— [5]) *Вар.* «Тимоѳееву.»—У *Костомар.* «Степану Тимоѳеичу.» — [6]) *Вар.* «Есаулу... Васильеву.» — [7]) *Вар.* «Какъ-то намъ, ребятушки.» — [8]) *Вар.* «Астрахань-то, славну мати.» — [9]) *Вар.* «городишкѣ.» — [10]) «Атаманушку Иванушку.» — *О.*

5.

(Симбирск. губ., с. Головино).

Далече-далече, во чистòмъ полѣ,
Еще того далече,—на синёмъ морѣ,
На синёмъ морѣ на Каспійскіемъ,
На славномъ Черностовѣ, славномъ островѣ,
Не ясны соколы солеталися,
Соходились тутъ удалы-добры молодцы,
Музурушки Персидскіе.
Они думали крѣпку думушку за единую:
«« А пò роду мы рòду всѣ умны,
«« А одинъ изъ роду умнѣе всѣхъ:
«« Кому-то у насъ, братцы, атаманомъ быть?
«« Атаманомъ быть Микитушкѣ Тимоѳеичу,
«« Есаулошкѣ Ермилѣ Романовичу.»»

Возговоритъ Микитушка Тимоѳеевичь:
« Не пора ли намъ, добрымъ молодцамъ,
« И не полно ли намъ, добрымъ молодцамъ,
« На моряхъ стоять?
« Не пора ли намъ, добрымъ молодцамъ,
« На свѣжу̀ воду,
« На свѣ́жую на воду, — Волгу матушку?
« И сядемъ мы, добры молодцы, во лодки легкія,
« И станемъ разбивать бусы-ка́рабли
« И мелки судёнушки!»

(Доставл. П. М. Языковымъ).

*

6.

(Той же губ., с. Усть-Урень).

Какъ далеченько-далеченько, въ чистомъ полечкѣ,
На синемъ-то на моречкѣ,
На Черностовскіимъ славномъ островѣ,
Не бѣленькія лебедочки солеталися,
Не ясные соколочки сопорхалися,
Соходилися музурушки Персидскіе,
Бурлаченьки низовые безпашпортные,
И собирались они во единый кругъ,
Они думали-гадали думу крѣпкую за единую:
«« Ужь кому-то изъ насъ, доброму молодцу, атаманомъ быть,
«« И кому-то изъ насъ, доброму молодцу, есауломъ слыть?
«« Атаманомъ быть Матвеюшкѣ Тимоѳеевичу,
«« Есауломъ слыть Никитушкѣ Романовичу.»»

Атаманушка по округѣ похаживаетъ,
Онъ серебреной своей тростонькой помахиваетъ.
Атаманъ рѣчь возговоритъ, — въ трубу струбитъ,
Есаулушка слово молвитъ, — какъ въ свирѣль заиграетъ.

«« Ужь какъ-то намъ, ребятушки, протить въ славный Астрахань,
«« Ужь какъ-то намъ будетъ, ребятушки, по базару гулять,
«« Ужь чего-то намъ будетъ, братцы, на базарѣ закупать?
«« Ужь мы закупимъ нашему атаманушкѣ коня добраго,
«« Еще купимъ мы ему саблю вострую,
«« Есаулушкѣ мы закупимъ ружье огненно,
«« И поѣдемъ гулять по возморьицу.»»

(Запис. П. В. Шейномъ, отъ Н. Картавенко).

*

7.

(Тамъ же).

Какъ далеченько-далеченько, во чистомъ полечкѣ,
А еще того подалече,—на синемъ моречкѣ,
Какъ на славныимъ на Черностовскіимъ было островѣ,
Какъ не бѣлыя лебедочки солеталися,
Какъ не ясные соколочки сопорхалися,
Соходилися музурушки Персидскіе
И низовые бурлаченьки безпашпортные;
Они думали-гадали думу крѣпкую за единую,
Выбирали себѣ атаманушку походнаго:
«Ужь кому-то у насъ, ребята, атаманомъ быть,
«Ужь кому-то, разудалые, есауломъ слыть?
«Атаманомъ быть у насъ Степану Тимоѳеевичу,
«А есауломъ слыть Микитѣ Романовичу.»

Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,
Онъ серебряной своей тросточкой помахиваетъ,
Атаманушка рѣчь возговоритъ,—какъ въ трубу струбитъ,
Есаулъ рѣчь промолвитъ,—какъ въ свирѣль заиграетъ.

«Ужь какъ-то намъ будетъ, братцы, пройти въ славну Астрахань?
«Мы проѣдемъ, братцы, въ славну Астрахань въ глухую полночь,
«Ужь и купимъ-то мы, братцы, атаманушкѣ забавушку — коня добраго,
«А есаулу купимъ забавушку—ружье огнепное.»

(Записано тѣмъ же, отъ Цыплова).

* *

III.

1*).

(Той же губ., Корсунск. уѣзда, Александровка).

. . . . . .

Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,
На нимъ бархатный кафтанчикъ на распашечку,
Бобровая его шапочка подъ пазухой,
Сафьянные сапожечки на босу ногу,
Онъ серебряной своей тросточкой помахиваетъ;
Атаманушка рѣчь возговоритъ, — какъ въ трубу струбитъ,
Есаулъ рѣчь промолвитъ, какъ въ свирѣль заиграетъ.

«« Ужь какъ-то намъ будетъ, братцы, пройти въ славну Астрахань?
«« Мы проѣдемъ, братцы, въ славну Астрахань въ глухую полночь,
«« Ужь и купимъ-то мы, братцы, атаманушкѣ забавушку — коня добраго,
«« А есаулу купимъ забавушку — ружье огненное.»»

И возговоритъ атаманъ Степанъ Тимоѳеевичь:
« Подъ Казань городокъ [1]) стоитъ Бѣлый Царь,
« Ни много, ни мало стоитъ, — семь годовъ,

*) Начало то же, какъ въ пѣсни предыдущей. — Здѣсь, не смотря на позднѣйшія вставки, важны подробности о взятіи Казани и то, что Былина въ концѣ непосредственно связуется съ Былинами о покушеніи на жизнь сына. Старикъ пѣвецъ пѣлъ все это въ связи, но записать успѣли у него лишь отрывки. — *О.*

[1]) Подъ Казанью городкомъ. — *О*

«Не взявши Казань городъ, хочетъ прочь итти:
«Пойдемъ-ка, удалые, на подмогу къ нимъ!
«Волжскій городокъ съ вечера возьмемъ,
«Царицынъ городокъ во глуху полночь,
«Мелкимъ городочкамъ не поклонимся,
«Казань-то городокъ на бѣлой зарѣ,
«Во самую во Микольскую во заутреню.»

. . . . . .

«« Какъ намъ, братцы, пристать къ пристани?
«« Ежели бокомъ пристать, станутъ палить изъ пушекъ,
«« Ежели кормой пристать, ловить станутъ,
«« Ежели пристать носомъ, примутъ подъ руки,—
«« — На подмогу ѣдутъ къ намъ.—»»

. . . . . .

Вотъ Царь Иванъ Васильевичь шлетъ посланника:
— Ежели бокомъ пристали, палить изъ пушекъ,
— Ежели кормой пристали, ловить ихъ,
— Ежели жь носомъ пристали, принять ихъ подъ руки.—

И призываетъ онъ атамана:
— Скажись ты мнѣ, кто?—
«Слыхалъ ты? Степанъ Разинъ,
«Тимоѳеевъ съ молодцами.»
— Много ли у тея посланниковъ?—
«Три ста человѣкъ.»
— Во всѣхъ я тея прощаю,
— Только скажи, какъ Казань городъ взять?—

. . . . . .

Подвели подкопъ подъ Казанку подъ рѣку,
Пудъ порхву казну, затеплили свѣчи на бочкахъ,
И вышли сами подлѣ стѣны,
Въ рукахъ тоже свѣчи держутъ.
Осердился Царь Иванъ Васильевичь,—
Свѣчи всѣ дошли, а бочки не рветъ;
И хочетъ его казнить.

«Царь Иванъ Васильевичь!
«На верху свѣчка теплится,
«Ее вѣтромъ качаетъ.»
Только переговорили, — и зачало бочку рвать:
И полетѣли стѣны, гдѣ кого,
Гдѣ рука, гдѣ Татарска голова.

. . . . . .

Пріѣзжаетъ Царь Иванъ Васильевичь въ Москву,
Сдѣлалъ пиръ, съѣхались господа къ ему.
Гдѣ хвалится конями, гдѣ хвалится женами хорошими,
Кто хвалится крестьянами богатыми [1]).

. . . . . .

(Записано отъ 80-тилѣтняго старика, тѣмъ же).

См. ниже Былины о помянутыхъ въ семъ отдѣлѣ лицахъ и вообще пѣсни Козацкія.

* *
*

1) Это уже начало Былинъ о покушеніи на смерть сына, которыя см. ниже и которыя начинаются такъ, непосредственно связуясь съ Былинами о взятіи Казани.—*О.*

Ермакъ. Сибирь покорена *).

Ср. Ермака въ вып. I-мъ, IV *Прилож.* и «Указатель.»

I.

1**).

Какъ на Волгѣ на рѣкѣ, на Камышенкѣ,
Живутъ казаки, люди вольные,
Донскіе, Гребенскіе со Яицкими.
У казаковъ атамнушка [1])
По имени Ермилъ сынъ Тимоѳеевичь.

Не золота его [2]) трубочка вострубила,
Ни звонкая, ни громкая его рѣчь возговорила,
Говорилъ-то нашь Ермилъ Тимоѳеевичь:
«Ужь вы слушайте, братцы, послушайте,
«Дайте мнѣ, Ермилу, думушку придумати:
«Проходитъ у насъ лѣто теплое,
«Наступаетъ зима холодная,
«Еще гдѣ же намъ, казакамъ, зиму зимовать?
«Намъ на Волгѣ быть—все ворами слыть,
«На Яикъ итти—переходъ великъ,
«Подъ Казань итти—Грозенъ Царь стоитъ,

---

*) Былины этого отдѣла тѣсно связаны съ предыдущими, Козацкими, потому и ставятся въ промежуткѣ между «Взятіемъ Казани» и «Покушеніемъ на сына.»— Ср. «Замѣтку.»—*О.*

**) Былина странная и сомнительная; ср. «Замѣтку.»—*О.*

[1]) «Атэманушка.»— [2]) «Его» неумѣстно.—*О.*

«Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь:
«У него много силы-арміи,
«Не мало, не много,—сорокъ тысячь.
«Итти ль, не итти ль, братцы, намъ,—
«На Иртышъ рѣку:
«Мы возьмемъ, братцы, Тоболь городъ,
«И пойдемъ къ Царю съ повинною,
«Возьмемъ топоръ съ пикою.»

Ловилъ Ермилъ сынъ Тимоѳеевичь
Своего не лучшаго [1]) коня,
Вдѣвалъ свою уздечку тесмянную,
Накладывалъ портники [2]) бѣлы бумажны,
И накладывалъ свое сѣдельцо Черкасское,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Не для красы, а для крѣпости,
Садился Ермилъ на своего добра коня,
И поѣхалъ къ Царю своему съ повинною.

Пѣшкомъ идетъ Ермилъ—свою силу ведетъ,
Онъ идетъ потихохоньку и почастехоньку;
Подъѣзжаетъ онъ къ широку дворцу,
Къ широку дворцу къ царскому,
Ко крылечику окрашенному [3]).
Онъ слѣзъ, Ермилъ, съ добра коня,
Потихохоньку и почастехоньку [4]),
Онъ пошелъ, Ермилъ,
Во царски бѣлыя полатушки,
Онъ идетъ, Ермилъ сынъ Тимоѳеевичь,
Потихохоньку и почастнехоньку [5]);
Онъ взошелъ во царски бѣлы во палатушки:
«Ты здорово, батюшка нашь, православный Царь,
«Иванъ сынъ [6]) Васильевичь!

---

[1]) Ни лучшаго, самаго лучшаго.— [2]) Потники.— [3]) Странно (вмѣсто «красному»).— [4]) Слѣзъ «почастехоньку!»— [5]) почастехоньку.— [6]) Народъ сказалъ бы «сударь.»— *О.*

«Я пріѣхалъ къ тебѣ, Ермилъ, съ повинною.
«Я шатался-мотался, Ермилъ,
«По чисту полю и по синю морю,
«Разбивалъ я, Ермилъ, бусы-корабли,
«И Таксырскіе, и бусурманскіе,
«А больше корабли государевы,
«Государевы карабелички безъ примѣтушекъ,
«Безъ царскаго герба.»
Да возговорилъ нашь батюшка, православный Царь:
— Ужь вы гой еси, князья-бояре
— И думные мои боярушки [1])!
— Еще что̀ мнѣ дѣлать надъ Ермиломъ:
— Иль казнити, иль вѣшати?—

Да возговорилъ одинъ думчій бояринъ:
«« Еще мало намъ Ермила
«« Казнити-вѣшати!»»
Да возговорилъ Ермилъ сынъ Тимоѳеевичь:
«Злодѣй бояринъ, не царскій думчій!
«Безъ суда хочешь меня казнити-вѣшати!»
Богатырска его сила подымалася
И богатырская его кровь разгоралася,
Вынималъ Ермилъ изъ своихъ поженъ саблю острую:
Буйна голова отъ плечь могучихъ отвалилася [2])
И по царскимъ палатамъ покатилася.
Ермакъ въ бѣдѣ сидитъ, бѣдой крутитъ,
А думчіе боярушки испугалися,
Изъ царскихъ палатушекъ разбѣжалися,
А царская хорантина [3]) перемѣнялась.

(Ср. Сахар., «Пѣсни Р. нар.,» ч. 4).

Объясненіе этой передѣланной Былинѣ находится въ слѣдующей:

* *

[1]) Бояре и боярушки!— [2]) Народъ сказалъ бы: «съ плечь повалилася.»— [3]) Вѣроятно хорунжіе: но какъ попало сюда это слово?—*О.*

II.

1 *).

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались козаки, други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единъ [1]) кругъ,
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ сынъ Тимоѳеевичь,
Есаулъ у нихъ Асташка сынъ Лаврентьевичь;
Они думали думушку всё единую:
«Ужь какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
«А зима настаетъ, братцы, холодная:
«Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
«На Яикъ намъ иттить, — да переходъ великъ;
«Да на Волгѣ ходить намъ,—всё ворами слыть;
«Подъ Казань градъ иттить [2]),—да тамъ Царь стоитъ,
«Какъ Грозной-то Царь Иванъ Васильевичь,
«У него тамъ силы много множество:
«Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
«А намъ, козакамъ, быть переловленымъ,
«Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсоженымъ.»»

Какъ не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная — рѣчь громко возговоритъ,
Рѣчь возговоритъ Ермакъ сынъ Тимоѳеевичь:
«Гей вы, думайте, братцы, вы подумайте,
«И меня, Ермака, братцы, послушайте:
«Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
«А зимою мы, братцы, поисправимся;

---

*) Сахаровъ напечаталъ съ измѣненіями, которыя укажемъ. —*О.*

[1]) *Сахар.* «во единый.» — [2]) *Сахар.* «идти.»—*О.*

«А какъ вскроется весна красная,
«Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ,
«Мы заслужимъ предъ Грознымъ Царемъ вину свою:
«Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
«Да по синему морю по Хвалынскому,
«Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
«Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
«Мы убили посланничка все царскаго [1]),
«Какъ того-то вѣдь посланничка Персидскаго.»

Какъ во славномъ было городѣ во Астраханѣ [2]),
На широкой на ровной было площади,
Собирались козаки, други, во единый кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
««Какъ зима-то проходитъ всё холодная,
««Какъ и лѣто настанетъ [3]), братцы, лѣто теплое:
«« Да пора ужь намъ, братцы, въ походъ иттить.»»

Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимоѳеевичь:
«Ой вы гой еси, братцы, атаманы молодцы!
«Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
«Забивайте вы кочета [4]) еловые,
«Накладайте бабаички [5]) сосновые,
«Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью [6]),
«Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
«Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
«Доберемся мы до царства бусурманскаго,
«Завоюемъ мы царство Сибирское,
«Покоримъ его мы, братцы, Царю Бѣлому,
«А царя-то Кучума во [7]) полонъ возьмемъ:
«И за то-то государь Царь насъ пожалуетъ;

---

[1]) *Сахар.* «не царскаго.» — [2]) *Сахар.* «Астрахани.» — [3]) Д. б. «настаетъ.» — [4]) Вбитые въ бортъ колышки, на которые надѣваютъ весло. — [5]) Весла. — [6]) *Сахар.* «помочью.» — [7]) *Сахар.* «въ.»—*О.*

«Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
«Я надѣну тогда шубу соболиную,
«Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
«Принесу я Царю Бѣлому повинную:
«— Ой ты гой еси, надежа, православный Царь!
«— Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
«— Какъ и я-то, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичь,
«— Какъ и я-то, воровской Донской атаманушка,
«— Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
«— Что по синю морю по Хвалынскому,
«— Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы-корабли,
«— Какъ и тѣ-то корабли всё не орленые;
«— А теперича, надежа, православный Царь,
«— Приношу тебѣ буйную головушку
«— И съ буйной головой царство Сибирское [1])!—»

Рѣчь возговоритъ надежа православный Царь,
Какъ и Грозной-то Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичь,
«Ой ты гой еси, войской [2]) Донской атаманушка!
«Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
«Я прощаю тебя да за твою службу,
«За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
«И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный-тихой Донъ!»

(Изъ «Русск. Старины» Карниловича).

* *

[1]) Отселѣ рѣчь забывается и переходитъ въ самое дѣло, какъ будто Ермакъ уже пришелъ и сказалъ. — [2]) Выше «воровской.» — *О.*

Госуд ретвенная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

III.

1.

(Орловск. губ.).

Какъ было при старомъ при Царѣ при Иванѣ Васильевичѣ,
Было время нехорошее, время нездоровое:
Только слышишь брани-драки, всё-то буйныя дѣла!
Вотъ настало времечко счастливое:
Ужь и сталъ-то Грозный Царь Россеюшку любить,
Сталъ Россеюшку любить, чужи страны съ ней сводить.

Проявился въ Сибири славный-крѣпкій казакъ,
Славный-крѣпкій казакъ, по прозванію Ермакъ.
Ужь какъ этотъ-то Ермакъ, онъ сражался—не робѣлъ,
Онъ сражался—не робѣлъ, всей Сибирью завладѣлъ.
Завладѣвши всей Сибирью, онъ Царю послалъ поклонъ:
«Ты прими, де, Грозный Царь, ты поклонъ отъ Ермака,
«Посылаю тѣ въ гостинецъ всю Сибирскую страну,
«Всю Сибирскую страну: дай прощенье Ермаку!»

(Отъ раскольника старика).

* *

IV.

1*).

(Кирша Даниловъ).

На славной Волгѣ рѣкѣ, на верхней изголовѣ [1]),
[На верхней изголовѣ,] на Бузанѣ островѣ,
На крутомъ-красномъ берегу,
На желтыхъ-разсыпныхъ пескахъ,
А стояли бесѣды, что бесѣды дубовыя,
Изподернуты [2]) бархатомъ;
Во бесѣдочкахъ тутъ сидѣли атаманы козачіе,
Ермакъ Тимоѳеевичь, Самбуръ Андреевичь,
[Самбуръ Андреевичь,] Анофрій Степановичь:
Они думушку думали за единою,
Какъ про дѣло ратное, про добычу козачую.

Что есаулъ ходитъ по кругу, по Донскому, Яицкому,
Есаулъ кричитъ голосомъ, во всю буйну голову:
«А и вы гой еси, братцы, атаманы козачіе!
«У насъ кто на морѣ не бывалъ,
«[На морѣ не бывалъ,] морской волны не видалъ,
«Не видалъ дѣла ратнаго, человѣка кроваваго,
«Отъ желанья тѣ Богу не маливались:
«Останьтеся таковы молодцы на Бузанѣ островѣ!»

---

*) Слѣдующія двѣ Былины, хотя и пѣлись въ рознь, на разный голосъ, но составляютъ одно цѣлое, въ которомъ первая половина ближе къ пѣснямъ предыдущимъ, а вторая отличается особыми подробностями и полнотою, доходя до смерти Ермака; ср. «Замѣтку.»—*О.*

[1]) Въ головахъ, вверху.—У Калайдовича раздѣлены стихи иначе.—[2]) Должно быть прибавлено: «бесѣды.»—*О.*

И садилися молодцы во свои струги легкіе,
Они грянули, молодцы, внизъ по матушкѣ,
[Внизъ по матушкѣ] Волгѣ рѣкѣ [1]),
По протокѣ по Ахтубѣ;
А не ярые гоголи на сине море выплыли,
Выгребали тутъ козаки середи моря синяго;
Противъ Матицы [2]) острова легки струги выдергивали,
И веселечки разбрасывали, майданы [3]) разставливали,
Ковры раздергивали, ковры тѣ Сорочинскіе,
И бесѣды дубовыя, подернуты бархатомъ;
А играли козаки золотыми тавлеями,
Дорогими вальящатыми [4]).
Посмотрятъ козаки, они, на море синее,—
Отъ того зеленаго отъ дуба крековистаго,
Какъ бы бѣль забѣлѣлася, будто чернь зачернѣлася,
Забѣлѣлися на корабляхъ парусы полотняные
И зачернѣлися на морѣ тутъ двѣнадцать кораблей:
А бѣгутъ тутъ по морю
Славны гости [5]) Турецкіе, со товары заморскими.
А увидѣли козаки тѣ корабли червленные,
И бросалися козаки на свои струги легкіе,
А хватали козаки оружье долгомѣрное
И три пушечки мѣдныя,
Напущалися козаки на двѣнадцать кораблей,
Въ три пушечки гунули, а ружьемъ вдругъ грянули:
Турки, гости богатые,
На корабляхъ отъ того испужалися,
Въ сине море металися,
А тѣ товары заморскіе
Козакамъ доставалися,

---

[1]) Это одинаково значитъ и «гребнули,» грянули веслами, и грянули пѣсню «Внизъ по матушкѣ»: то и другое тѣсно соединяется въ самой этой пѣсни («Грянемте, братцы! Дунь, грянь!»); — ср. Былины выше. — [2]) Это можетъ быть и нарицательнымъ именемъ, — середняя верхушка, середина поверхности. — [3]) Помѣщенія для сборища, на стоянкѣ. — [4]) Ср. прежніе выпуски. — Выше показанъ образецъ, какъ дополнять эти короткіе стихи. — [5]) Торговцы. — *О.*

А и двѣнадцать кораблей.
А на тѣхъ корабляхъ одна не пужалася,—
Душа красная дѣвица,
Молода Урзамовна, мурзы дочь Турскаго.
Что сговоритъ дѣвица:—Не троньте меня, козаки,
—Не губите моей красоты,
—А и вы везите меня, козаки,
—Къ сильну царству Московскому, государству Россійскому,
—Приведите, козаки, меня въ вѣру крещеную.—
Не тронули козаки душу красну дѣвицу,
И посадили во свои струги легкіе.

А и будутъ козаки на протокѣ на Ахтубѣ,
И стали козаки на крутомъ-красномъ бережку,
Майданы разставливали, майданы тѣ Терскіе,
Ковры Сорочинскіе, а бесѣды разставливали,
А бесѣды дубовыя, подернуты бархатомъ,
А столы—дорогъ рыбій зубъ [1]);
А и кушали козаки тутъ они кушанье разное,
И пили питья медвяныя, питья все заморскія.
И будутъ козаки на великихъ на радостяхъ,
[На великихъ на радостяхъ] со добычи козачія,—
Караулы ставили, караулы крѣпкіе, отхожіе,
Сверху матки Волги рѣки,
И съ низу таковыя жь стоятъ,—
Запилися, молодцы, а всѣ они до единаго.
А втапоры и во то время на другой сторонѣ
Становился стоять Персидской посолъ,
Коромышевъ Семенъ Константиновичь [2]),
Со своими солдаты и матросами.
Козаки были пьяные, а солдаты не со всѣмъ умомъ,
Напущалися на нихъ дратися, ради корысти своея.

---

[1]) Ср. прежніе выпуски.— [2]) См. это лицо въ Былинахъ ниже, и въ другихъ выпускахъ.—*О.*

Вѣдалъ ли, не вѣдалъ о томъ Персидской посолъ,
Какъ у нихъ драка сочинилася,—
Въ той было дракѣ Персидскаго посла
Солдатъ пятьдесятъ человѣкъ,
Тѣхъ козаки прибили до смерти,
Только едва остались три человѣка,
Которые могли убѣжать на корабль,
Къ своему послу сказывати.
Не разобралъ того дѣла Персидской посолъ,
О чемъ у нихъ драка сочинилася,
Послалъ онъ сто человѣкъ,
Всю ту правду распрашивати.
И тѣмъ солдатамъ показалися [1]),
Что тѣ люди стоятъ недобрые:
Зачали съ козаками дратися.
Втапоры говорилъ имъ большой атаманъ,
[Большой атаманъ] Ермакъ Тимоѳеевичь:
«Гой вы еси, солдаты хорошіе, слуги Царя вѣрные!
«Почто съ нами деретеся, корысть ли отъ насъ получите?»
Тутъ солдаты безумные на его слова не сдавалися,
И зачали дратися боемъ-то смертнымъ,
[Боемъ-то смертнымъ,] что дракою некорыстною.
Втапоры доложился о томъ большой есаулъ,
[Большой саулъ] Стаѳій Лаврентьевичь:
«Гой вы еси, атаманы козачи!
«Что намъ съ ними дѣлати?
«Солдаты упрямые лѣзутъ къ намъ,
«[Лѣзутъ къ намъ] съ дракою въ глаза?»
И на тѣ его слова большой атаманъ,
[Большой атаманъ] Ермакъ Тимоѳеевичь
Приказалъ ихъ до смерти бити
И бросати въ матку Волгу рѣку.
Зачали козаки съ ними дратися,

---

[1]) Показалося? — *О.*

И прибили ихъ всѣхъ до смерти,
Только изъ нихъ единъ ушелъ капралъ островской,
И прибѣжавши на свой корабль къ послу Персидскому,
Семену Константиновичу Коромышеву,
Сталъ обо всемъ ему разсказывати,
Кака у нихъ съ козаками драка была.
И тотъ Персидской посолъ не размыслилъ ничего,
Подымался онъ со всею гвардіею своею
На тѣхъ Донскихъ козаковъ;
Втапоры жь подымалися атаманы козачіе,
Ермакъ Тимоѳеевичь, Самбуръ Андреевичь,
[Самбуръ Андреевичь] и Анофрій Степановичь:
И стала у нихъ драка великая и побоище смертное.
А атаманы козачіе, сами они не дралися,
Только своимъ козакамъ цыкнули:
И прибили всѣхъ солдатъ до смерти,
Ушло ли, не ушло—съ десятокъ человѣкъ,
И въ той же дракѣ убили самого посла Персидскаго,
Семена Константиновича Коромышева.
Втапоры козаки всѣ животы посла Персидскаго
Взяли себѣ, платье цвѣтное,
Клали въ гору Змѣевую.

Пошли они, козаки, по протокѣ по Ахтубѣ,
Вверхъ [1]) по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;
А и будутъ козаки у царства Астраханскаго,
Называется тутъ Ермакъ со дружиною
Купцами заморскими;
А явили въ таможнѣ товары разные,
И съ тѣхъ товаровъ платили пошлину
Въ казну государеву,
И тѣми своими товарами
Торговали безъ запрещенія.

Тѣмъ Старина и кончилась.

*

[1]) Должно быть: «внизъ.» — *Прим. К. Ѳ. Калайдовича.*

*

Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани,
Противъ пристани матки Волги рѣки,
Сходилися тутъ удалы-добры молодцы,
Донскіе славны атаманы козачіе,
Ермакъ Тимоѳеевичь, Самбуръ Андреевичь,
[Самбуръ Андреевичь] и Анофрій Степановичь.
И стали они во единой кругъ,
Какъ думати думушку за единое,
Со крѣпка ума, съ полна разума.
Атаманъ говорилъ Донскимъ козакамъ,
По имени Ермакъ Тимоѳеевичь:
«А и вы гой еси, братцы, атаманы козачіе!
«Некорыстна у насъ шутка зашучена:
«Гуляли мы по морю синему
«И стояли на протокѣ на Ахтубѣ,
«Убили мы посла Персидскаго
«Со всѣми его солдатами и матросами,
«И всѣмъ животомъ его покорыстовались;
«И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?
«Въ Астрахани — жить не льзя,
«На Волгѣ жить — ворами слыть,
«На Яикъ итти — переходъ великъ,
«Въ Казань итти — Грозенъ Царь стоитъ,
«Грозенъ Царь осударь Иванъ Васильевичь;
«Въ Москву итти — перехватаннымъ быть,
«По разнымъ городамъ разосланнымъ
«И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ [1]).
«Пойдемте мы въ Усолья ко Строгоновымъ,
«Ко тому Григорью Григорьевичу,
«Къ тѣмъ господамъ къ Вороновымъ:
«Возмемъ мы много свинцу-пороху и запасу хлѣбнаго.»

---

[1]) Вѣроятно «разсоженнымъ,» какъ и въ предыдущихъ Былинахъ. — *О.*

И будутъ они въ Усольѣ у Строгонова,
Взяли запасы хлѣбные, много свинцу-пороху,
И пошли вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
Гдѣ бы Ермаку зима зимовать [1]).
И нашли они пещеру каменну,
На той Чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ каменю;
И зашли они сверхъ того каменю,
Опущалися въ ту пещеру козаки,
Много не мало [2]) — двѣсти человѣкъ;
А которые остались люди похужѣе, на другой сторонѣ,
Въ такую жь они пещеру убиралися.
И тутъ имъ было хорошо зима замовать.

Та зима проходитъ, весна настаетъ:
Гдѣ Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебреной рѣкѣ;
Сталъ Ермакъ убиратися со своими товарищами.
По Серебреной пошли, до Жаровля дошли,
Оставили они тутъ лодки коломенки:
На той Баранченской переволокѣ,
Одну тащили, да надсѣлися, тамъ ее и покинули.
И въ то время увидѣли Баранчу рѣку, — обрадовались,
Подѣлали боты сосновые и лодки набойницы,
Поплыли по той Баранчѣ рѣкѣ.
И скоро [3]) они выплыли на Тагиль-рѣку,
У того Медвѣдя камня, у Магницкаго горы [4]), становилися;
А на другой сторонѣ было у нихъ плотбище [5]):
Дѣлали большія коломенки,
Чтобъ можно имъ совсѣмъ убратися.
Жили они тутъ, козаки, съ весны до Троицева [6]) дня:
И были у нихъ промыслы рыбные,
Тѣмъ они и кормилися.

---

[1]) Древнее словосочиненіе. — [2]) Не много, не мало, ровно. — [3]) Какъ скоро, когда. — [4]) У Магницкія горы? — [5]) Мѣсто постройки судовъ. — [6]) До Тройцева; обыкновеннѣе «Тройцынъ.» — *О.*

И какъ имъ путь надлежалъ,
Совсѣмъ въ коломенки убиралися,
И поплыли по Тагиль-рѣкѣ;
А и выплыли на Туру рѣку,
И поплыли по той Турѣ рѣкѣ въ Епанчу рѣку:
И тутъ они жили до Петрова дня.
Еще они тутъ управлялися,
Подѣлали людей соломенныхъ,
И нашили на нихъ платье цвѣтное:
Было у Ермака дружины триста человѣкъ,
А стало уже со тѣми больше тысячи.

Поплыли по Тоболь-рѣкѣ,
Въ Мяденски юрты приплыли:
Тутъ они князька полонили небольшаго,
Дабы показалъ имъ путь по Тоболь-рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ Тобольскіихъ,
На и́зголовѣ становилися,
И собиралися во единой кругъ,
И думали думушку за едино:
Какъ бы имъ приплыть къ горѣ Тобольской той?
Самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхніимъ,
Самбуръ Андреевичь устьемъ средніимъ,
Аноφрій Степановичь устьемъ нижніимъ,
Которое устье впало противъ самой горы Тобольскія.
И выплыли два атамана козачіе,
Самбуръ Андреевичь и Аноφрій Степановичь,
Со своими товарищами на Иртышь-рѣку,
Подъ саму высоку гору Тобольскую.
И тутъ у нихъ стала баталія великая
Со тѣми Татары Котовскими:
Татары въ нихъ бьютъ со крутой горы,
Стрѣлы летятъ какъ часты дожди,
А козакамъ взять не можно ихъ.
И была баталія цѣлой день,
Прибили козаки тѣхъ Татаръ не мало число.
И тому Татары дивовалися, —

Каковы Руски люди крѣпкіе,
Что ни единаго убить не могутъ ихъ:
Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ какъ въ снопики налѣплено,
Только козаки всѣ невредимы стоятъ [1]);
И тому Татары дивуются наипаче того.
Въ то же время пришелъ атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичь,
Со своею дружиною, тою лукою Соуксанскою;
Дошелъ до устья Сибирки рѣки,
И въ то время полонилъ Кучума царя Татарскаго;
А перваго князька, поиманнаго,
Отпустилъ со извѣстіемъ
Ко тѣмъ Татарамъ Котовскіимъ,
Чтобы они въ дракѣ съ козаками помирилися:
«Ужь, де, царя вашего во полонъ взяли
«Тѣмъ атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеевымъ.»
И таковы слова услыша, Татары сокротилися,
И пошли къ нему, Ермаку, съ подарочками,
Понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ Сибирскіихъ:
И принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи;
А на мѣсто Кучума царя утвердилъ Сабанака Татарина,
И далъ ему полномочіе владѣть ими.
И жилъ тамъ Ермакъ съ Покрова
До зимняго Николина дня:
Втапоры Ермакъ шилъ шубы соболиныя,
Нахтармами [2]) вмѣстѣ сшивалъ,
А теплые мѣхи на верхъ обоихъ сторонъ;
Таковымъ манеромъ и шапки шилъ.

И убравши Ермакъ со всѣми козаки [3]),
Отъѣзжалъ въ каменну Москву,
Ко Грозному Царю Ивану Васильевичу.
И какъ будетъ Ермакъ въ каменной Москвѣ,

---

[1]) Дѣло идетъ о соломенныхъ чучелахъ. — [2]) Мездрами, непушистой стороной, выворотами. — [3]) Или «убравшись,» или «убравши (нарядивши) совсѣмъ козаки (козаковъ).» — *О.*

На канунъ праздника Христова дня [1]),
Втапоры подкупилъ въ Москвѣ
Большаго боярина Никиту Романовича,
Чтобы доложилъ объ немъ Царю Грозному.
На самой праздникъ—Христовъ день,
Какъ изволилъ Царь государь итти отъ заутрени,
Втапоры доложилъ объ нихъ Никита Романовичь:
«« Что, де, атаманы козачіе,
«« Ермакъ Тимоѳеевъ съ товарищи,
«« Къ твоему Царскому Величеству съ повинностью пришли,
«« И стоятъ на Красной площади.»»
И тогда Царь государь
Тотчасъ велѣлъ предъ себя привести
Того атамана Ермака Тимоѳеева,
Со тѣми его товарищи.
Тотчасъ ихъ ко Царю представили
Въ тѣхъ шубахъ соболиныихъ;
И тому Царь удивляется,
И не сталъ больше спрашивати,
Велѣлъ ихъ разослать по квартирамъ,
До того часу, когда спросятся.
Втапоры Царю праздникъ радошенъ былъ,
И было пированіе почестное,
На великихъ на радостяхъ,
Что полонилъ Ермакъ Кучума царя Татарскаго
И вся сила покорилася тому Царю Грозному,
Царю Ивану Васильевичу.
И по прошествіи того праздника,
Приказалъ Царь государь
Того Ермака предъ себя привести.
Тотчасъ ихъ собрали
И ко Царю представили.
Вопрошаетъ тутъ ихъ Царь государь:
«Гой ты еси, Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ!

---

[1]) Свѣтлаго Воскресенья. —*О.*

«Гдѣ ты бывалъ, сколько по волѣ гулялъ
«И напрасныхъ душь губилъ,
«И какимъ случаемъ Татарскаго
«Кучума царя полонилъ,
«И всю его Татарскую силу
«Подъ мою власть покорилъ?»
Втапоры Ермакъ предъ Грознымъ Царемъ на колѣни палъ,
И письменное извѣстіе обо всемъ своемъ похожденіи подавалъ [1],
И при томъ говорилъ таковыя слова:
— Гой еси, вольной Царь, Царь Иванъ Васильевичь!
— Приношу тебѣ, осударь, повинность свою:
— Гуляли мы, козаки, по морю синему,
— И стояли на протокѣ на Ахтубѣ;
— И въ то время годилося мимо итти послу Персидскому,
— Коромышеву Семену Константиновичу,
— Со своими солдаты и матросами;
— И они напали на насъ своею волею,
— И хотѣли отъ насъ поживитися;
— Козаки наши были пьяные, а солдаты упрямые,
— И тутъ Персидскаго посла устукали
— Со тѣми его солдаты и матросами.—
И на то Царь государь не прогнѣвался,
Но и паче [2] умилосердился,
Приказалъ Ермака пожаловати.

И посылалъ его въ ту сторону Сибирскую,
Ко тѣмъ Татарамъ Котовскіимъ,
Брать съ нихъ дани-выходы въ казну государеву.
И по тому приказу государеву,
Поѣхалъ Ермакъ Тимоѳеевичь

---

[1]) Въ Былинѣ не только перебито стихосложеніе, не только она ниспускается до такъ называемой «бабьей Старины,» но даже и до простаго Сказанія.—[2]) Наипаче, напаче?—*О.*

Со своими козаками въ ту сторону Сибирскую.
И будетъ онъ у тѣхъ Татаръ Котовскіихъ,
Сталъ онъ ихъ наибольше [1])
Подъ власть государеву покаряти,
Дани-выходы безъ запущенія выбирати.

И годъ-другой тому времени поизойдучи,
Тѣ Татары взбунтовалися [2]),
На Ермака Тимоѳеева напущалися,
На той большой Енисѣ-рѣкѣ.
Втапоры у Ермака были козаки разосланы
По разнымъ дальнымъ странамъ,
А при немъ только было козаковъ—
На дву коломенкахъ.
И билися-дралися съ Татарами время не малое.
И для помощи своихъ товарищевъ,
Онъ, Ермакъ, похотѣлъ перескочити
На другую свою коломенку,
И ступилъ на переходню обманчивую,
Правою ногою поскользнулся онъ,
И та переходня съ конца верхняго
Подымалася и на его опущалася,
Разшибла ему буйну голову
И бросила его въ тое Енисей-быстру-рѣку:
Тутъ Ермаку такова смерть случилась [3]).

При Былинахъ этого отдѣла ср. другія Былины ниже, въ другихъ выпускахъ, и вообще Пѣсни Козацкія.

* *
*

---

[1]) На́большихъ?— [2]) Свобода словосочиненія («поизойдучи — взбунтовалися»), весьма часто встрѣчаемая въ народномъ творчествѣ.— [3]) «Случилàсь» или «случилася,» судя по стихосложенію и напѣву.—*О.*

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

—

Часть II.

Пѣсни Былевыя, Историческія.

Выпускъ 7.

Москва.

Отъ Грознаго Царя до Петра I-го.

Заронила она огню йскорку; [1])
Отъ того наша матушка
Каменна́ Москва загоралася![2])

(Пять варіантовъ, записанныхъ въ Симбирской губ.: четыре А. М. Языковымъ и одинъ Д. Валуевымъ. Одинъ изъ Языковскихъ принятъ за текстъ.)

Царствованіе Алексѣя Михайловича. Стенька Разинъ.

1.

(Г. Симбирскъ).

Разливалася въ зеленыхъ лугахъ вода полая,
Потопляла у казачиньковъ теплы лагери.
Середи моря было Каспицкова
Стоялъ тутъ Лиманъ-островъ,
На этомъ на островѣ стоялъ воровской корабль,
На этомъ на корабличкѣ муравлинъ чердакъ,
Въ этомъ чердачкѣ золотой бунчукъ,
Въ этомъ бунчукѣ царски знамечки,
У этихъ у знамечковъ часовой стоитъ;
Передъ нимъ передъ молодцемъ раздвижной стулъ,
На стулу сидитъ воровской атаманъ,
По имени атаманушка Степанушка,
Па батюшкѣ Степанушка Тимоѳеевичь,
По великому по фамильицу Степанъ Разинъ.
Съ старшинами онъ думушку не думаетъ,
Къ казакамъ онъ Степанъ Разинъ въ кругъ не хаживаетъ;
Онъ думаетъ крѣпку думушку съ своей буйной головушкой.

(Записалъ. Д. А. Валуевъ).

---

[1]) 2) Зажигала его вѣрная ключница порховую казну. 3) Заронила огня искру въ порховую она казну. 4) Заронила отъ сальной свѣчи съ огнемъ искору 5) Заронила въ пороховую казну.

[2]) 2) Отъ того, братцы, загоралась каменная Москва. 3) Отъ того, братцы, каменна Москва и загоралася. 4) Она тлѣла и горѣла ровно три часа. 5) Отъ того наша мать каменна Москва загоралася, Отъ того господскіе дома разорилися.

2.

(Нов. II.)

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону, во Черкасскомъ городу,
Породился удалый добрый молодецъ,
По имени Степанъ Разинъ Тимоѳеевичь.
Во казачей кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами казаками думу не думывалъ;
Ходилъ-гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голудбою:
«Судари мои, братцы, голь кабацкая!
«Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять,
«Разобьемте, братцы, бесурмански корабли,
«Возьмемъ мы, братцы, казны сколько надобно,
«Поѣдемте, братцы, въ каменну Москву,
«Покупимъ мы, братцы, платье цвѣтное,
«Покупивши цвѣтно платье, да на низъ поплывемъ.»

3.

На маткѣ Волгѣ
Не бѣлыимъ забѣлѣлось,
Не черныимъ зачернѣлось:
Зачернѣлись на Волгѣ,
Зачернѣлись на маткѣ
Черногорскіе стружечки;
Забѣлѣлись на Волгѣ,
Забѣлѣлись на маткѣ
Полотняны парусочки.
На стружечкахъ сидятъ ребята,
Удáлы дóбры мóлодцы;
Атаманомъ у нихъ Стенька,
По прозванью Степанъ Разинъ.
Возговоритъ Стенька,

15. По прозванью Степанъ Разинъ:
«Охъ! вы гой еси ребята,
«Удáлы, дóбры мóлодцы!
«Работайте, не робѣйте,
«Бѣлыхъ ручекъ не жалѣйте.
20. «Во полночь бы намъ, ребята,
«Астрахань-городъ проѣхать;
«Никто бы насъ не (у)видѣлъ,
«Да никто бы насъ не услышалъ.
«Одинъ-то насъ увидѣлъ
35. «Астраханскій губернаторъ,
«У заутрени стоя
«У Николы-чудотворца,
«Изъ окошечка глядя.»

4.

Какъ во славномъ было городѣ во Астраханѣ [1])
Очутился, проявился тутъ незнамый человѣкъ —
Онъ незнамый–незнакомый и не вѣдано отколь. [2])
Чисто щепетко по городу погуливаетъ: [3])
5. Черный бархатный кафтанчикъ на могучіихъ плечахъ,

---

[1]) 2) 10) 12) Во славномъ во городѣ во Астрахани 3) Посмотрите-ка, ребятушки, на сторонку на свою, На своей сторонкѣ жарко и тепло! Во городѣ было въ Астрахани 4) Какъ во матушкѣ во Астрахани 5) Какъ во славной во деревнѣ во Коломенскомъ селѣ 6) Какъ во городѣ во Астрахани 7).... во славныемъ.... 8) Во славномъ было во городѣ во Астраханѣ 9) Какъ у нашемъ славномъ городѣ въ Астрахани. 11) Во славныемъ....

[2]) 2) 6) 7) 8) 9) 10) Проявился тутъ [9) тамъ] дѣтинушка незнáмый человѣкъ. 3) Проявился разудалый молодецъ. 4)... всѣмъ незнáмый человѣкъ, Незнамый, незнакомый, онъ невѣдомо чей. 5) Проявился добрый мóлодецъ, удалый молодецъ. 11) Проявился дѣтинушка невѣдомо какой 12) Проявился дѣтинушка незнакомый человѣкъ. 13) Шелъ–прошелъ дѣтинко Незнамый кто такой.

[3]) 2) 6).... по Астрахани похаживаетъ 4) Баско-щепетко.... 5) И онъ ходитъ, больно щепетко похаживаетъ. 7) 9) 13) *Эт. ст. нѣтъ.* 8) Больно щепотко по Астрахани.... 10) Онъ по городу по Астрахани погуливаетъ 11) Шибко, щепетко по Астрахани погуливаетъ 12).... по Астрахани погуливаетъ.

Черна шляпа съ позументомъ на его русы́хъ кудряхъ. [1])
Съ Астраханскими купцами онъ не знается,
Астраханскому губернатору челомъ не бьетъ [2]).
Какъ увидѣлъ молодца губернаторъ со крыльца: [3])

---

[1]) 2) На немъ черной бархатный кафтанчикъ, Зеленъ сафьянъ сапожки, Черна шляпа со репьемъ и рукавички съ серебромъ. 3) На распашечку черный бархатный кафтанъ, Во бѣлыхъ рукахъ златъ Персидскій кушачокъ. 4) 7) 10) 12) *Эт. ст. нѣтъ.* 5) Черна шляпа пухова́я на русыхъ его кудряхъ, Черны бархатны сапожки на босую его ногу. 6) Смуръ кафтанчикъ, черной запанчикъ, на распаску гуляетъ, Платъ Персидскій кушачёкъ во права́й рукѣ несётъ, Черну шляпу съ прозументами на ру́сыхъ кудряхъ, Вострой сабелькой булатной подпирается—идётъ. 8) Въ бархатномъ кафтанчикѣ на распасочку, А шелкову свою поясочку во правой рукѣ несетъ, Черна шляпа съ прозументомъ на русыхъ его кудряхъ, Касандревска рубашечка—косой былъ воротокъ, Во правой рукѣ тросточка камы́шевая; Онъ и тросточкой разудаленькій подпирается — идётъ. 9) Въ черномъ бархатномъ кафтанѣ па опашку въ немъ, Тонкой шелковой кушачекъ во рукахъ несетъ; Онъ по городу дѣтинушка погуливаетъ. 11) въ однѣмъ ситцевомъ халатѣ на распашечку. *Эт. ст. послѣ 8-го.* 13) На немъ бархатный кафтанчикъ, Персидскій кушачекъ, Во правой рукѣ несетъ Бѣлые чулочки сафьяные башмачки; Онъ идетъ улицей, не торопится.

[2]) 2) Онъ со штатами и съ офицерами не кланится, Астраханскому губернатору подъ судъ нейдетъ. 3) Астраханскимъ купцамъ онъ не кланіится, офицерамъ господамъ онъ челомъ, челомъ не бьетъ, Астраханскому губернатору онъ подъ судъ ему нейдетъ. 4) Астраханскимъ обывателямъ не кланяется, Астраханскому... 5) 7-го *ст. нѣтъ.* 6) 12) Никому этотъ [12) ни съ кѣмъ–то онъ] дѣтинушка не кланется, Ни штабамъ, ни офицерамъ челомъ не бьетъ, Къ [12) къ — *нѣтъ*] Астраханскому губернатору подъ судъ нейдетъ. 7) Идетъ городомъ дѣтинушка—не кланятся ни съ кѣмъ, Онъ ни съ княземъ, ни съ бояриномъ челомъ, братцы, не бьетъ, Къ Астраханскому губернатору подъ судъ, братцы, нейдетъ. 8) Никому онъ добрый молодецъ не кланется, Онъ ни шефамъ, ни маіорамъ подъ судъ нейдетъ, Астраханскому губернатору челомъ не бьетъ. 9) Онъ и штабамъ, офицерамъ не кланяется, генераламъ и фельдмаршаламъ челомъ не бьетъ. 10) Онъ и штапа́мъ-офицерамъ мало кланяется, Астраханскому.... 11) Астраханскіимъ обывателямъ не кланяется.... Самому губернатору челомъ не бьетъ. 13) 7-го и 8-го *ст. нѣтъ.*

[3]) 2) Выходилъ жа губернаторъ на высокъ красенъ крылецъ, Воскричалъ жа губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ. 3) Какъ увидѣлъ губернаторъ изъ косящета окна, Закричалъ ли губернаторъ громкимъ голосомъ

10. «Ахъ вы гой еси, солдаты, слуги вѣрные мои!
«Вы подите-приведите удалаго молодца;
«Какъ мы станемъ его крѣпко спрашивати: [1])

своимъ. 4) Какъ случилося мнѣ ли молодцу Вдоль по городу пройдти; Вдоль по городу прошелъ, Во царевъ кабакъ зашелъ; Увидалъ же меня молодца губернаторъ изъ окна, Закричалъ же губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ. 5) Какъ увидѣлъ молодца воевода изъ окна, Закричалъ онъ больно шибко громкимъ голосомъ своимъ. 6) Увидалъ же его губернаторъ изъ высокаго окна, Закричалъ онъ, губернаторъ, своимъ голосомъ. 7) Увидалъ же губернаторъ изъ высока терема, Изъ косящета окна, Скрозь французскаго стекла; Посылалъ же губернаторъ своихъ вѣрныихъ слуговъ. 8) Увидалъ его губернаторъ изъ косящетаго окна, Закричалъ онъ, губернаторъ, своимъ вѣрнымъ слугамъ. 9) Какъ подходитъ дѣтинушка къ воеводскому двору; Какъ увидѣлъ дѣтину воевода изъ окна, Закричалъ воевода громкимъ голосомъ своимъ. 10) Гризетовый балахонъ на распашечку на немъ, Черной шляпою пухóвой онъ помахиваетъ. Какъ увидѣлъ-усмотрѣлъ губернаторъ молодцá, Губернаторъ молодцá съ круглаго краснаго крыльца. 11) *Нѣтъ.* 12) Увидалъ Губернаторъ изъ окна молодца, Закричалъ губернатсръ громкимъ голосомъ своимъ. 13) Увидалъ же молодца губернаторъ изъ окна.

[1]) 2) «Есть ли, братцы, слуги вѣрные при мнѣ?» «Вы подите приведите удалова молодца». — Взяли, подхватили удалова молодца, Повели жа молодца къ губернаторскому крыльцу. Ужь и сталъ жа губернаторъ крѣпко спрашивать ево. 3) «Да вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои, Вы подите—приведите, вы удалова молодца.» Какъ и взяли молодца во царевомъ кабакѣ, Приводили-жъ молодца къ губернатору на дворъ, Становили-жъ молодца супротивъ краснова крыльца. Выходилъ ли губернаторъ съ губернаторщей своей, Какъ и сталъ губернаторъ его спрашивати. 4) «Уже есть ли кто при мнѣ, Слуги вѣрные мои? Вы подите, приведите удалаго молодца Изъ царева кабака.» Ужь какъ взяли, подхватили Къ губернатору на дворъ, Становили молодца противъ краснаго крыльца. Выходилъ же губернаторъ на новый красенъ крылецъ. 5) «Ужь вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои, Вы подите, приведите удалова молодцá!» Вотъ приводятъ молодца на парадное крыльцо, На парадное крыльцо, къ воеводѣ на лицо; Ужь и сталъ его воевода, сталъ выспрашивати. 6) «Охъ гой еси, ребята, мои вѣрные слуги! Вы подите, приведите удалаго молодца.» Они взяли, подхватили на высокой горѣ, На высокой на горѣ, во царевомъ кабакѣ, Приводили же дѣтинушку къ губернатору на дворъ. Выходилъ же губернаторъ на высокое крыльцо, И сталъ же губернаторъ дѣтинушку выспрашивати. 7) «Вы подите, приведите—ка ко мнѣ.» Выходили же слуги вѣрные его: Пойдемъ, добрый молодецъ къ губернатору во дворъ. Подходилъ же добрый моло—

«Ты скажи, скажи, дѣтина, чей, откудова незнамый человѣкъ —
«Съ Дону ли ты казакъ, или казачій сынъ,
«Или съ матушки Москвы разу́далый молодецъ?» [1])
— Я не съ Дону казакъ, не казачій сынъ,
Я не съ матушки Москвы, не разудалый молодецъ,
Я изъ Астрахани Стеньки Разина сынъ;
Ты изволь-ко его встрѣчать, изволь подчивать! [2]) —

децъ ко высокому крыльцу. Выходилъ же губернаторъ на высокъ красенъ крылецъ. 8) «Подите, приведите его удалова молодца, Постановьте удалова у паратнаго крыльца.» Сталъ его губернаторъ крѣпко спрашивати. 9) «Ужь вы, слуги мои вѣрные, солдатушки военные! Вы подите, приведите разудалова молодца.» Какъ приходитъ дѣтинушка къ воеводѣ на лицо; Тутъ сталъ воевода у него спрашивать. 10) 10-го, 11-го и 12 *ст. нѣтъ.* 11) 10-го *ст. нѣтъ.* Еще сталъ его губернаторъ спрашивати. 12) «Есть ли кто въ передней, слуги вѣрные мои! Выподите, приведите удалова молодца, Не честью, не лестью, за русы кудри его.» Привели же молодчика къ губернатору, Сталъ губернаторъ его спрашивати. 13) «Пошлите молодца.»

[1]) 2) Ты скажи, скажи, молодецъ, коего роду удалецъ: Съ Москвы ли ты купецъ, или съ Казани удалецъ, Съ тиха ли Дону козакъ, или козачій сынокъ? 3) Ты скажи, скажи, бродяга, ты откуда, чей такой: Или съ Дону ты казакъ, иль казацкій сынъ, Иль казацкій ты сынъ, или низовскій купецъ? 4) Ты скажи, скажи, дѣтина, всѣмъ незнамой человѣкъ! Чьего роду, чьего дому, Какъ по имени назвать? 5) Ты не съ Дону ли козакъ, иль не съ Польши ли Полякъ, иль со матушки Москвы ты купеческій сынокъ? 6) Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнамый человѣкъ: Али Питерскій, Казанскій, или Астраханскій? 7) Чей такой, дѣтинушка, незнамый человѣкъ, Чьего дома, чьего рода, какъ по имени назвать? 8) Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнамый человѣкъ, Ты незнамый, незнакомый, невѣдомо какой: Ты не царь ли, не царевичь ли, не царской ли сынокъ, Ты не съ Дону ли казаченька, не казачій ли сынокъ? 9) Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнамый человѣкъ, Чьего дому, чьего роду, какъ по имени зовутъ? Или съ Дону казакъ, или казачій сынъ? 10) Ахъ, ты чей такой дѣтинушка, незнамый человѣкъ? Ты Казанскій, иль Московскій, или Астраханскій? 11) Ты скажи, скажи, дѣтинушка невѣдомо какой, Чьего роду, чьего дому, чьего матери-отца? *Эт. вар. оканчивается.* 12) Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнакомый человѣкъ, Котораго ты города урожденьице? Казанскаго, или Рязанскаго, или Астраханскаго? 13) Ты скажи-ко, молодецъ, Чьего роду ты сынокъ: Или царскій, или барскій, Иль купеческій сынокъ?

[2]) 2) Отвѣтъ держитъ молодецъ губернатору на крылецъ: «Не изъ Москвы я купецъ, не изъ Казани молодецъ, Не съ тиха Дону козакъ, ни ко-

20. Ужь какъ внизъ-то было по Камѣ по рѣкѣ́,
Какъ плыла тутъ-выплывала легка лодочка косна,

зачій сынокъ; Я со Камы со рѣки Стеньки Разина сынъ!» Тутъ взяли, подхватили удалова молодца, Посадили молодца ево въ темную тюрьму, Во засаду крѣпкую. 3) «Не тебѣ бы, губернаторъ, меня спрашивати, Не тебѣ ли было мнѣ сказывати! Со рѣки, рѣки Камышки Сеньки Разина я сынъ. Мой батюшка хотѣлъ въ гости побывать, Хотѣлъ въ гости побывать, ты умѣй его принять, Ты умѣй его принять, умѣй подчивати; Если умѣешь ты принять—кунью шубу подарю, а не умѣешь ты принять—на оброкъ посажу. Закричалъ ли губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ: Ужь вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои! Вы подите, отведите удалова молодца Въ бѣлу каменну тюрьму. Какъ и душечка-молодчикъ онъ посиживаетъ, Да частенько въ окошко онъ посматриваетъ, На рѣку, рѣку Камышку онъ поглядываетъ. 4) Я не съ Дону казакъ, Не казачій я сынокъ, Я со матушкѝ со Камы Сеньки Разина сынъ! — «Отведите молодца Въ нову каменну тюрьму.» Тутъ сказалъ ему Иванъ: Погляди-ко, губернаторъ! 5) И не съ Дону я козакъ, и не съ Польши я Полякъ, Я не съ матушки Москвы, не купеческій сынокъ; А я съ матушки Алканки Стеньки Разина сынокъ.—Тутъ велѣлъ его губернаторъ во тюрьму посадить. «Ты послушай, губернаторъ, что я буду тебѣ говорить: Ужь какъ завтра на разсвѣтѣ родный батюшка придетъ; Ты умѣй его принять, умѣй подчивати, то я крѣпкую твою тюрьму по кирпичку размечу, А младу твою жену на воротахъ разстрѣлю, А тебя я воеводу на Алканку уведу. *Эт. вар. конч.* 6) Я не Питерскій, не Казанскій и не Астраханскій, Я со матушки рѣки Камы Сеньки Разина сынокъ. Ужь какъ ты, губернаторъ, меня смѣлъ спрашивати? Заутро мой батюшка къ тебѣ въ гости будетъ. 7) Ужь я города Камышенки Степана Разина сынокъ, А заутра мой батюшка къ губернатору въ гости придетъ, Мой батюшка по прозванью Степанъ Разинъ Тимофеевъ. *Эт. вар. конч.* 8) Я съ матушки Волги Сеньки Разина сынокъ; Хотѣлъ мой батюшка къ тебѣ въ гости побывать; еще чѣмъ ты моего батюшку будешь подчивати? «Есть у насъ пироги—въ Тулѣ печены́, А есть сухари — въ Петербургѣ крошены́, Въ Петербургѣ крошены, въ Москвѣ высушены, Есть легкая похлебочка — у солдата на бедрѣ: Рѣдко имъ падаютъ, низко кланяются, Изъ ружей палятъ—много силушки валятъ.» *Эт. вар. конч.* 9) Отвѣтъ держалъ дѣтинушка-незнамый человѣкъ: Я не съ Дону казакъ и не казачій сынъ, И не изъ матушки вашей каменной Москвы разудалый молодецъ; По Камышенкѣ рѣкѣ красна лодочка плыветъ, На этой на лодочкѣ пятьсотъ гребцовъ, Пятьсотъ гребцовъ, все удалыхъ молодцовъ; Надо всѣми-то я атаманщикъ былъ. *Эт. вар. конч.* 10) Я со матушки со Камы Стеньки Разина сынокъ; Заутра мой батюшка и самъ въ гости прійдетъ. *Эт вар. кон.* 12) «Я изъ города изъ Камышенки Стеньки Разина сынокъ; Заутра мой батюшка будетъ въ гости къ вамъ: Вы умѣйте его принять, умѣйте его уподчивать.» — Готовъ давно десертъ

Какъ во лодочкѣ во той немало людей
И немало-немного — пятьдесятъ человѣкъ;
Середи лодочки косной сидитъ нашъ воровской атаманъ; [1])
Онъ повѣсилъ головушку на правую сторонушку,
Онъ потупилъ очи ясныя во мать во сыру землю. [2])
Какъ не сѣрые (гуси?) привозгакнули,
Какъ возговорятъ-промолвятъ добры молодцы ему: [3])
«Ты не плачь-не тужи, нашъ воровской атаманъ!» [4])
— Ничево вы-то, братцы, не знаете, не вѣдаете:
Какъ мой-атъ сынъ во поиминѣ (поиманьи) сидитъ —
Онъ во славномъ городѣ во Астраханѣ! [5])
«Ты не плачь, не тужи, нашъ казачій атаманъ!
«Ужь мы сына твоего мы выручимъ,

во всемъ городѣ ему! *Эт. вар. конч.* 13) Я и не царскій, я и не барскій, Я и не купеческій сынокъ. Ты изволилъ знать Стеньку Разина; Я его сынокъ. Осердился-жъ губернаторъ На такого молодца, Отсылаетъ Стеньку Разина Прочь отъ себя *Эт. вар. конч.*

[1]) 2) Только внизъ было ужь по матушкѣ по Волгѣ по рѣкѣ, Тутъ плыветъ-выплываетъ съ верху лодочка на низъ, У лодочки снастычки всѣ шолковыя, Парусы на лодочкѣ коноватны, Посередъ лодки сидитъ воровской атаманъ, По нашестычкамъ сидятъ удалые молодцы. 3) По рѣкѣ, рѣкѣ Камышкѣ тамъ суденушко плыветъ. «Вы ребята, вы ребята, удалые молодцы Посмотрите-тка, ребята, то мой батюшка идетъ.» 4) Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ Косна лодочка плыветъ, Въ этой лодочкѣ косной Двѣсти двадцать сидитъ человѣкъ, Посреди лодки косной Сидитъ батюшка родной Семенъ Ѳедоровичь. 6) По утру-то ранымъ-ранехонько сверху лодочка бѣжитъ, На той ли же на лодочкѣ немного людей — На счетъ полтораста человѣкъ.

[2]) 2) 3) 4) 6) *этихъ двухъ стиховъ нѣтъ.*

[3]) 2) Ужь не гуси гогочутъ, добры молодцы говорятъ, Говорятъ добры молодцы атаману своему. 3) 4) 6) *эт. ст. нѣтъ.*

[4]) 2) Что же ты, нашъ батюшка, не веселъ сидишь? 3) 4) 6) *эт. ст. нѣтъ.*

[5]) 2) Какъ-то мнѣ, ребятушки, веселому быть? Сынъ-атъ мой любезнай во засадушкѣ сидитъ, Во засадушкѣ сидитъ, онъ во темной во тюрьмѣ. 3) Вы ребята, вы ребята, вы товарищи мои! Вы не знаете, ребята, про несчастьице мое: какъ и мой дитя Ванюша въ бѣлой каменной тюрьмѣ. 4) 6) *эт. ст. нѣтъ.*

35. «Астраханскаго губернатора мы выучимъ:
«Да гдѣ мы его найдемъ — тутъ въ огнѣ созжемъ! (1)

(13 варіантовъ: 1) Саратовской губ., Петровск. у. с. Даниловка, зап. С. П. Шевыревъ; 2) Симбирской губ. с. Станишное, зап. А. М. Языковъ; 3) Костромской губ.; 4) и 5) Московской губ. и у. село Коломенское; 6) 7) и 8 Симбирской губ., Сызрань, зап. А. М. Языковъ; 9) Тульской губ., Чернск. у.; 10) Симб. губ.; 11) и 12) Орелъ; 13) Симбирскъ, записалъ Д. А. Валуевъ. Первый принятъ за текстъ).

5.

(Калужск. губ., Лихвинск. у., д. Андроновское).

Вы лѣса мои лѣса, братцы, лѣсочики, лѣса темные!
Вы кусты ли мои, братцы, мои кусточки, кусты частые!
Вы станы ли мои—вы, мои братцы, станочки всѣ пы(о)разорены!
Какъ и всѣ мои, братцы, лѣсочки, всѣ порублены;
Какъ и всѣ–то мои, братцы, кусточки всѣ повыжжены,
Какъ и всѣ-то мои, братцы, товарищи, всѣ половлены!
Какъ одинъ изъ насъ, братцы, товарищей не пойманный,
Не пойманъ изъ насъ, братцы, товарищь нашъ Стенька Разинъ сынъ;
Выходилъ же тутъ Стенька Разинъ сынъ на Дунай-рѣку,

1) 2) Вы гребите, добры молодцы, изъ рукъ веселъ не пущай! Мы Саратовъ городочикъ поутру мы прогребемъ, А Царицынъ городочикъ ввечеру мы прогребемъ, Въ Астраханскую губерню ко бѣлу свѣту поспѣмъ, Чтобы Астраханскаго губернатора у заутрени застать, И съ живова кожу снять. 3) Мы до походу дойдемъ, до походу дойдемъ, Бѣлу каменну тюрьму мы по камню разберемъ, Съ самого ли губернатора мы шкуру сдерёмъ! 4) Какъ сказалъ же Семенъ Громкимъ голосомъ своимъ: Ужь вы грянь-кате, ребята, Вы гряньте молодцы! Подъ Астрахань подгребемъ, Всю Астрахань разобьемъ, Астраханскія тюрьмы По кирпичику разберемъ, Своего сынка Иванушку повыручимъ, Астраханскаго губернатора повыучимъ. 6) Приворачивайте–ка, ребята, къ городу Астрахани, Приколочки ударимъ пихтовыя, Причалимъ мы лодочку причалами шелковыми, Мы остроги и тюрьмы всѣ по камню разберемъ, Съ Астраханскаго губернатора съ живóва кожу сдеремъ.

Закричалъ же тутъ Стенька Разинъ сынъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Какъ и всѣ-то вы, мои братцы товарищи, всѣ половлены!
«Вы возьмите-тко, мои братцы товарищи, свой тугой лукъ,
«Натяните-тко, братцы мои товарищи, калену стри(ѣ)лу
«Простримите-тко, братцы товарищи, грудь мою бѣ-бѣлую!»

6.

(Нов. II.)

На зарѣ-то было, братцы, на утренней,
На восходѣ краснаго солнышка,
На закатѣ свѣтлова мѣсяца,
Не соколъ леталъ по поднебесью,
Ясаулъ гулялъ по насадику;
Онъ гулялъ, гулялъ, погуливалъ,
Добрыхъ молодцевъ побуживалъ:
«Вы вставайте, добры молодцы,
«Пробужайтесь, козаки Донски!
«Нездорово на Дону у насъ,
«Помутился славной тихой Донъ,
«Со вершины до черна мо́ря
«До черна моря Азовскова,
«Помѣшался весь козачей кругъ;
«Атамана больше нѣтъ у насъ,
«Нѣтъ Степана Тимоѳеевича,
«По прозванью Стеньки Разина;
«Поимали добра молодца,
«Завязали руки бѣлыя,
«Повезли во каменну Москву,
«И на славной Красной площади
«Отрубили буйну голову.»

Сынъ Стеньки Разина.

(Тамбовской губ., Моршанскаго у. село Соколо́вка).

Какъ не буйные вѣтры въ чистомъ полѣ бушевали,
Бушевала бѣла грудь красной дѣвицы,
Раздиралось ретиво́ сердечко у молодушки,
Тосковала красна дѣвица по любовничку,
Возрыдала еще я, голубушка, по обманщику;
Въ возрыданьицѣ она рѣчи молвила:
«Ахъ, на что меня родители поро́дили,
«А на что меня на свѣтъ пу́стили?
«Для того ли, чтобъ кручиниться,
«Для того ли, чтобъ мнѣ вѣкъ печалиться?
«Какъ и былъ у меня милъ сердечный другъ,
«Онъ любилъ меня и жаловалъ,
«Много злата, серебра обѣщивалъ,
«Онъ частёхонько говаривалъ:
«Я куплю тебѣ, дѣвица, цвѣтно платье,
«А на шею твою бѣлу жемчужны жере́лья, [1])
«На головушку твою золотой повойникъ,
«Я сострою тѐ ([2]), дѣвица, каменны палаты,
«Я поставлю во палатахъ кровать тесовую,
«На кроватку положу перину пуховую,
«Я покрою постелюшку одѣяломъ соболинымъ;
«Я частенько буду, дѣвица, къ тебѣ ёзжа́ти
«И со Волги со разбою буду отдыхати.
«А уѣхалъ злой разбойникъ — со мной не простился,
«Ужь и съ той поры злодѣй со мной не водился.
«И не вѣдала я дѣвица ровно десять лѣтъ,
«Гдѣ злодѣй живетъ, гдѣ разбойничаетъ?
«Услыхала я дѣвица на одинадсятый годъ,
«Что поймали разбойничка на большой Волгѣ рѣкѣ,

---

[1]) Ожерелья. — [2]) Тебѣ.

«Допросили разбойничка изъ какого роду-племени онъ былъ?
«Показалъ злодѣй-разбойникъ, что онъ Стеньки Разина былъ сынъ.»

Смерть стрѣлецкаго воеводы.

(Г. Симбирскъ).

Царя бѣлаго, царя Русскаго
Алексѣя Михайловича
Тридцать три полка стрѣльцовъ —
Въ барабаны бьютъ стрѣльцы
По унывному,
Они пѣсенки пропѣли
По веселому.
Во второмъ отрядѣ стрѣлеческомъ
Уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался у молодчиковъ —
Воевода ихъ померъ.
Воеводы конечка
Въ поводу вели,
А самаго-то воеводу
На головахъ несли —
На тѣ горы воеводу
На Сіонскія,
Къ синему морю.
Ужь вы ройте-ко могилу
Глубокую,
Въ головахъ-то поставьте
Часовеньку,
Во ногахъ-то вы поставьте
Дубовый столпъ,
Къ нему привяжите
Ворона коня.
Кто ни пройдетъ,

—У вдовушки дочь хорошая, люби таки, люби *). —
«Родимая мать, тебѣ меня не унять,
«Тебѣ меня не унять, за быстру рѣчку гулять,
«За быстру рѣчку гулять, ко вдовушкѣ побывать,
«У вдовушки дочь хорошую любить таки, любить:
«Брови соболины, очи соколины,
«Ей походочка павлина, тиха рѣчь лебедина;
«Она бастъ–разсыпаетъ,—сверхъ погодой посыпаетъ **).»
Хоть погодой посыпаетъ, Васѣ ***) мать не потакаетъ.

(Запис. С. В. Максимовымъ, ср. „Р. пѣсни“ изд. Якушкина, 1865 г., стр. 208).

* * *

Садко.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Во славномъ во городѣ во Царѣ–градѣ *),
Во Царѣ–градѣ, во царскомъ кабакѣ,
Пьетъ–то Садко, напивается,
Во глупомъ–то хмѣлю похваляется:
«Какъ нѣту Садка богаче его,
«Богаче его, тороватѣй его,—
«Всю Россеюшку я повыкуплю,
«Чисто на́ чисто вѣничкомъ повымету!»
Да бѣда на Садка,—рядо́чки горшечные,
Скоро жгутъ да скорѣй того и дѣлаютъ **).

*) Очевидно подлинный складъ таковъ: «Полно, Вася, ты гулять,—У вдовушки дочь хорошую любить таки, любить.»

**) Т. е. словно сверхъ погодой посыпаетъ.

***) Въ подлинникѣ ошибка: «Ванѣ.»

*) Вмѣсто: «во Новѣ–градѣ.»

**) Всѣ ряды съ товарами онъ выкупилъ, только бѣда ему съ рядами горшечными: скупилъ горшки, а ихъ еще скорѣй нажгутъ новые.

Нагружаетъ Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей и одинъ карабль.
Пущался Садко въ Океанъ–море,
Въ святое озеро Ялынское *).
Всѣ кораблики въ море пóплыли,
Но Садковъ–то корабль на морѣ становится,
Знать на камушку, знать на бѣлому **).
Воскричитъ–то Садко громкимъ голосомъ:
«Вы братцы мои, гости–корабельшички!
«Ну вы рѣжьте жеребочки кугинные ***),
«Пущайте ихъ въ сине море.»
Ну, всѣ жеребы въ море поплыли,
Ну, Садковъ–то жеребъ какъ ключь ко дну.
Воскричитъ Садко громкимъ голосомъ:
«Вы друзья мои, гости–корабельнички!
«Не бранилъ ли изъ васъ кто отца–матери
«И не клялся ли изъ васъ кто родомъ–племенемъ?
«Ну, вы рѣжьте жеребы всѣ таволжаные ****),
«Вы пущайте ихъ въ Океанъ–море.»
Ну, всѣ жеребы въ море поплыли,
Ну, Садковъ–то жеребъ какъ ключь ко дну.

(Ср. Сборн. А. Савельева, Спб. 1866, а у насъ въ Ч. II вып. 5-мъ I-й отдѣлъ былинъ о Садкѣ).

* *
*

За симъ по порядку должна бы слѣдовать Побывальщина о Гостѣ Новгородскомъ Терентьѣ, отпечатанная выше на стр. 48—51, замѣчательная по рѣдкости образцовъ сего рода и по нѣкоторымъ подробностямъ, кои, вмѣстѣ съ отличіями Побывальщины Рыбниковской, слѣдуетъ прибавить къ «Указателю» при 5-мъ выпускѣ.

---

*) Не Хвалынское (Каспійское), а Ильменьское, Ильмень, какъ знаемъ по другимъ Новгородскимъ образцамъ. — **) На алатырѣ, чудодѣйномъ камнѣ. — ***) Чугунные; стальные, булатные. — ****) См. прежніе выпуски.

Какъ о Князѣ Михайлѣ, и подобныя тому былины, по происхожденію Княжескія, принадлежатъ одинаково общей или Великой Руси и Руси Малой, такъ точно о Князѣ Романѣ, первоначально,, сказали мы, Галицкомъ и Волынскомъ. Потому разложившіяся былины о семъ послѣднемъ, какъ онъ жену терялъ, хотя и усвоены своеобразно Москвою, но въ ближайшихъ разнорѣчіяхъ своихъ сопоставляютъ Князя еще съ Южною или Юго-западною Русью, съ Владиміромъ и кругомъ былинъ Кіевскихъ. Такова именно Молодецкая или Безъимянная былина, изображающая вокругъ Владиміра бытъ Княжескій, и помѣщенная выше, по двумъ разнорѣчіямъ, на стр. 52 и 53, подъ числомъ II-мъ: ея подлинное мѣсто было бы здѣсь. Другія разнорѣчія, потерявъ уже имя, Княжескіе оттѣнки и черты Южной или Югозападной мѣстности, выводятъ опять простаго Молодца и Козака, но принадлежатъ также и общей Россіи, и части ея —Малой (вып. 5, Отд. II о Князѣ Романѣ, потомъ Козакѣ и Молодцѣ, стр. 100—127). Все это первоначально «Князь Романъ», а потомъ уже—

Донской Козакъ.

1.

(С. Мышенское).

Изъ-подъ камушка, изъ-подъ бѣлаго,
Течетъ рѣчушка, рѣчка быстрая.
На той рѣчушкѣ дѣвка мылася,
Дѣвка мылася, набѣлилася,
Набѣлившись нарумянилась,
Нарумянивши на гору пошла,
На горѣ спать легла,

На горѣ легла, во снѣ снилося,
Какъ Донской Козакъ коней поилъ,
Коней вороныхъ поилъ, жену губилъ.

Задумалъ Козакъ свою жену губить,
А жена его догадалася:
«Не губи меня, мужь, съ вечера,
«А загуби меня, мужь, за полуночь,—
«Наши дѣти малыя спать поляжутся,
«Они проснутся и матушки спросятся:
««Родной батюшка, гдѣ наша матушка?»»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
—Въ новой горницѣ умывается,
—Шелковымъ платкомъ утирается.—

Стали дѣти по матери плакать,
Отецъ сталъ дѣтей унимать:
—Не плачьте вы дѣтушки милыя,
—Я вотъ срублю горенку новую,
—Нагоню притолки косны *),
—Собью дверь дубовую,
—Солью цѣпь золотую,
—Приведу вамъ мачиху младую.—
««Родной батюшка, родной батюшка!
««Загорись наша горенка новая,
««И разскочись, наши притолки косны,
««Расколись, наша дверь дубовая,
««Расцѣпись, наша цѣпь золотая,
««Умри, наша мачиха младая,
««Встань, наша матушка родная!»»

(Запис. Петерсонъ).

*

*) Косящетыя, съ косяками.

2.

Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго,
Изъ-подъ кустика изъ-подъ ракитова,
Тамъ текла-текла рѣчка,
Рѣчка быстрая, бережистая.
Какъ во той рѣчкѣ дѣвка мылася,
Вышла, набѣлилася,
Набѣливши она нарумянилась,
Нарумянивши въ зеленъ лугъ пошла.
Въ зеленомъ лугу, тамъ Донской Козакъ,
Тамъ Донской Козакъ коня поилъ,
Напоивши коня сталъ думу думати,
Думу думати, думу крѣпкую:
—Охъ и какъ же мнѣ быть,
—Молоду жену сгубить?
—Загублю жену не рано, съ вечера,
—Схороню жену ближе кы полуночи.—

Его большая дочь рано просыпалася,
Къ батюшкѣ у ножки кидалася:
««Государь ты нашь, родной батюшка,
««Родной батюшка, идѣ наша матушка?»»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
—Умывается ключевой водой,
—Утирается бранымъ полотномъ.—
««Государь нашь батюшка! Не правда твоя:
««Наша матушка вы желтомъ песку,
««Въ новой горницѣ она закопана!»»

(Ср. Якушк. стр. 107, 108).

* * *

Добрый Молодецъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

На зорѣ было на зорюшкѣ,
На зорѣ было на утренней,
На восходѣ было солнца яснаго,
На восходѣ денечка прекраснаго,
Случилося Младцу мимо саду ѣхати,
Мимо садику зеленаго, мимо терему высокаго,
Да случилось Младцу въ саду голосъ слышати,
Какъ мужь-то жену бранилъ,
Бранилъ и убить грозилъ,
Какъ жена-то мужа уговаривала:
«Ты мужь мой, мужь, ты законный другъ!
«Ты не бей меня рано съ вечера,
«Ты убей меня во глуху полночь,
«Наши дѣточки будутъ крѣпко спать,
«Ничего-то они не будутъ знать.»

По утру рано дѣточки проснулися,
Про родимую матушку встрѣнулися *):
««Наша матушка есть убитая,
««Гробовой доской есть закрытая!
««Найдите же, тучи грозныя,
««Гряньте же, громы громкіе,
««Разбейте вы гробову доску,
««Встань, проснись, родимая матушка!»»

(Ср. Сборн. Г. Савельева, Спб. 1866).

* * *

*) Спохватилися.

Выпускъ 6.

Помочь Грозному Царю подъ Казанью.

1.

(Земля Войска Донскаго).

«Пойдемте мы, братцы, на Куму рѣку:
«На Кумѣ рѣкѣ зимовать будемъ,
«Мы подѣлаемъ балаганы камышевые,
«Разъѣзды имѣть будемъ дальніе,
«До того-то мѣстечка до урочнаго,
«До того-то кургана высокаго,
«Мы будемъ бить, братцы, куницъ-лисицъ,
«Куницъ-то, лисицъ и черныхъ соболей *).»

Погодя немножко на единый часъ,
Не буря шумитъ и не громъ гремитъ,
Отъ Царя къ Ермаку (курьеръ) бѣжитъ,
Прибѣгаетъ къ Ермаку Тимоѳеевичу,
Подаетъ онъ указы государевы.
Принималъ Ермакъ указы, самъ вычитывалъ,
Прочитавши указы, рѣчь возговорилъ:
«Я тебя, посланничка, не слушаю,
«А я самъ къ Царю на отвѣтъ пойду.»

Надѣваетъ Ермакъ свою кунью шубу,
Подпоясываетъ сабельку булатную,
А шапочку вздѣваетъ, молодецъ, трухмёночку **).
Идетъ Ермакъ вдоль по улицѣ,

---

*) Это слова Ермака или вообще атамановъ въ козацкомъ кругу.
**) Передѣлано изъ древняго—мурманочку, мурмолку.

У куньей шубы полы развѣваются *),
Князья-то бояры удивляются,
Что хорошь-пригожь молодецъ уродился.
Тутъ сталъ государь его распрашивать:
—Не ты ли Ермакъ сынъ Тимоѳеевичь,
—Не ты ли воровской Донской атаманушка?
—Не ты ли гулялъ тамъ по синю морю,
—Не ты ли разбивалъ мои корабли?—
Тутъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
«То-то я-то Ермакъ сынъ Тимоѳеевичь,
«То-то я-то казачій атаманушка,
«То-то я-то гулялъ по синю морю,
«То-то я-то разбивалъ корабли:
«Но корабли были не орлёные,
«Не орлёные были, не таврёные **),
«Не платили государю дани-пошлины.»
—За всѣ загадочки, за всѣ прошлыя,
—И за эту бѣду тебя Богъ проститъ:
—Заслужи ***) ты, Ермакъ, мнѣ службу вѣрную,
—Возьми ты, Ермакъ, мнѣ Казань городъ!—

(Ср. Сборн. г. Савельева 1866 г., а у насъ Отдѣлы I—III, стр. 23—35 и далѣе).

*

Былины сего рода тѣсно связаны со всѣми прочими былинами объ Ермакѣ и покоренiи Сибири, какiя слѣдуютъ у насъ въ 6-мъ выпускѣ со стр. 36 до 54-й въ 4-хъ отдѣлахъ: такое же разнорѣчiе у Рыбникова въ Ч. II № 38. Но, какъ самъ

*) Въ 1-мъ изд. «развиваются.»
**) Безъ царскаго орла и безъ всякой опредѣленной и таможенной мѣтки.
***) Конечно: «Сослужи.»

Ермакъ, сдѣлавшись любимымъ лицомъ пѣснотворчества у нашего народа, перенесенъ имъ во всѣ почти старшія былины, изображающія нашу борьбу съ Татарами и прочими Восточниками, а чрезъ это близко связанъ и съ Ильей Муромцемъ, и кругомъ Владиміра (ср. прежніе выпуски и собраніе П. Н. Рыбникова): такъ на оборотъ, спускаясь въ исторіи ниже и позднѣе, въ былины объ Ермакѣ обыкновенно вставляются неразлучно имена и прочихъ, дальнѣйшихъ удальцовъ, хотя бы и «воровскихъ» лицъ, запечатлѣнныхъ въ народной памяти изъ козацкаго круга,—Разина, Каина, Пугачева, даже Мазепы и т. п. Потому, какъ образъ Ермака можемъ встрѣтить еще и ниже, въ другихъ былинахъ изъ ряду Козацкихъ, такъ обратно судьбы Разина, Пугачева и подобныхъ описываются отчасти и въ Былинахъ Ермаковскихъ; выпускъ 7-й и дальнѣйшіе должны въ этомъ случаѣ возвращаться часто къ 6-му.

Съ покореніемъ Казани и пріобрѣтеніемъ Сибири, въ былевомъ народномъ изображеніи Грознаго, связывается постоянно, какъ послѣдующее, покушеніе Царя на убійство сына. Но поелику поводомъ къ тому выставляется закравшееся первое подозрѣніе въ измѣнѣ, то переходомъ промежуточнымъ служитъ народное сказаніе, помѣщенное у г. Рыбникова во II-й Части подъ № 39-мъ, о томъ, «Отчего на Руси завелась измѣна» и что самъ Царь былъ первой ея виною и образцемъ. За симъ, соотвѣтственно 54—101 страницамъ нашего 6-го выпуска, помѣщены у Рыбникова о покушеніи на сына: Ч. I, №№ 65,—67; Ч. II, 34; Ч. IV, 14, а въ III-й, какъ помянуто выше, въ образцѣ подъ №№ 57, 58 и особенно подъ послѣднимъ 58—событіе это возведено въ сказочную область или въ область древнѣйшаго, Придунайскаго и Черноморскаго былеваго творчества, гдѣ и связано съ тамошними героями.

Былина, помѣщенная у насъ въ 6-мъ выпускѣ, Отд. VII-мъ, стр. 102—109, служитъ уже переходомъ къ тѣмъ, въ коихъ изображается смерть первой супруги Грознаго, повтореніе же-

нитьбы и вмѣстѣ бо́рьба Московскихъ борцовъ съ Царскимъ новымъ шуриномъ, Мамстрюкомъ Темрюковичемъ, который преобращенъ народомъ въ прихотливыя имена отъ «Кострюка» до «Севрука:» вып. 6, стр. 109—186. У Рыбникова: Ч. I, № 68; Ч. II, 35—37; Ч. III, 44; Ч. IV, 15 и 16. Вновь можемъ присоединить только слѣдующее разнорѣчіе:

Царь Грозный еще женится.
Кастрюкъ—Севрукъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

А кто бы то дозналъ,
Когда бѣлый свѣтъ насталъ,
Праведно солнце взошло,
Ясенъ мѣсяцъ восходилъ *)?
Севрукъ тое дозналъ,
Когда бѣлый свѣтъ насталъ,
Праведно солнце взошло,
Ясенъ мѣсяцъ восходилъ.

—А вы люди стародавніе **),
—А давно вы живете,
—Ничего не смыслите:
—Либо мнѣ хлѣба-соли ставьте,
—Либо мнѣ борцовъ дайте,

---

*) Начало это есть обобщеніе извѣстнаго начала Былинъ о Грозномъ Царѣ:

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозный Царь.

**) Это слова Севрука, а за тѣмъ Московскихъ людей и борцовъ.

—Либо мнѣ голову срубите.—
««Вотъ тебѣ хлѣбъ-соль на столѣ,
«««И бойцы на дворѣ:
«««А головушки не будемъ рубить.»»»
Распился Севрукъ,
Разгулялся Севрукъ,
Семьсотъ казаковъ заборолъ,
Восемьсотъ Татариновъ,
Девятьсотъ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ.

Что идутъ-пройдутъ Донцы,
Добры-удалы молодцы,
На́ бокъ колпаки поскривляючи,
По́дъ бокъ кулаки зазымляючи *),
Своего Бога похваляючи:
«««А дай намъ, Боже, Севрука подолѣть
«««И съ кореньями повывертѣть!»»
Пришли они, подивилися **),
За бѣлыя груди взялися:
Какъ подымутъ Севрука
Вонъ повыше себя,
Какъ ударятъ Севрука
Объ сыру землю,—
Севрукъ глаза вытращилъ,
Севрукова кожа лопнула,
Всѣ ребрушки посыпались,
Всѣ косточки повыломались.

А Севрукова мать
По новымъ сѣнцамъ похаживаетъ,
Бѣлыя ручки поламливаетъ:
—А скурвій сынъ,
—А проклятый сынъ!

---

*) Подпирая.
**) Посмотрѣли на Севрука, другъ на друга.

45. —И на что было заводиться *),
—И на что было зазымливаться **)!—

Пошла слава по всему Сѣверу ***),
Очутилася и въ Кіеву.

(Ср. сборн. г. Савельева 1866 г.).

*

Разнорѣчія къ «Осадѣ Пскова,» перенесенныя къ осадѣ Волока, см. въ Дополненіяхъ къ слѣдующему 7-му выпуску.

Еще при изданіи II-й Части собранія П. Н. Рыбникова, замѣчено было, что былина, помѣщенная тамъ подъ № 42-мъ, хотя и отнесена пѣвцомъ къ Петру 1-му, «Объ удаломъ-добромъ молодцѣ и ограбленной имъ казнѣ,» но по складу и чистотѣ языка очевидно не подлаживается подъ такое опредѣленіе и восходитъ древнѣе: дѣйствительно, въ 6-мъ выпускѣ, стр. 194—201, приведены нами былины того же самаго рода, о «Правежѣ,» выставляющія Грознаго Царя Ивана Васильевича. Такимъ образомъ, хотя изъ времени Петра 1-го повторяется въ былинахъ тотъ же, близкій разсказъ (см. Ч. III, вып. 8), но всѣ разнорѣчія, пусть перешедшія въ Безъимянныя и Молодецкія, получаютъ основу старшую, куда мы и относимъ:

---

*) То же, что ссориться, старинное *вада*, *вазнь*, Серб. *завадити се*.

**) Подпираться, гордиться, набираться духу, надмеваться.

***) Здѣсь разумѣется извѣстная «Сивера,» промежутокъ между Русью Великой и Малой, съ Сѣверскимъ Козачествомъ.

У Сахарова въ «Сказаніяхъ» еще нѣсколько иначе:

2.

Мнѣ не дорого, хозяинъ,
Пиво пьяное твое,
Дорога мнѣ, хозяинъ,
Смиренная бесѣдушка твоя.

Во бесѣдѣ у насъ, хозяинъ,
Люди добрые сидятъ,
Они говорятъ–разсужаютъ,
Рѣчь хорошую говорятъ:
««Отчего наша каменна Москва
Загоралась?»»
Загоралась каменна Москва
Отъ большихъ господъ,
Отъ большаго господина
Графа Шереметева:
Высходила его ключница
Во новые выхода,
Зоронила она искру
Воскояровой свѣчей.
Оттого у насъ каменна Москва
Загоралась.

За симъ у Сахарова непосредственно присоединяется совсѣмъ уже другая Былина изъ временъ Елисаветы.

Изъ эпохи Михаила Ѳедоровича, по Былинамъ, всего болѣе посчастливилось *Семену Константиновичу* (Ивану) *Карамышеву*. Это самое любимое, самое народное имя той поры, второй половины XVI и первой XVII вѣка. Народныя имена любимѣйшихъ героевъ, воспѣваемыя Московскими Былинами и вставляемыя при всякомъ удобномъ случаѣ, на перечетъ. Кромѣ государей и вообще царскихъ особъ, неизмѣнно привлекаю-

щихъ вниманіе сихъ Былинъ по ихъ особому, государственному или державному характеру, какъ-то *Грозный Царь Иванъ Васильевичь*, *Борисовая дочь Годунова, царь и князь великій Михайло Ѳедоровичь*, *православный царь Алексѣй Михайловичь* и *государь Петръ Алексѣевичь*, кромѣ сихъ, говоримъ, царственныхъ именъ, таковы въ Московскихъ Былинахъ всюду любимѣйшія народныя: *Никита Романовичь* и, какъ злодѣй, *Малюта Скурлатовъ сынъ*; *Ермакъ Тимоѳеевичь* и, опять какъ злодѣй, но весьма привлекательный удалью, *Степанъ, Стенька Разинъ Тимоѳеевичь*; *князь Скопинъ Михайло Васильевичь* и *злой Разстрига Гришка Отрепьевъ сынъ*; *князь Голицынъ* (Василій Васильевичь) и *графъ Борисъ Петровичь Шереметевъ*; *Краснощоковъ* и *Чернышевъ Захаръ Григорьевичь*, наконецъ *Платовъ генералъ* и тому подобныя, менѣе важныя или болѣе новыя. Именно таковъ же точно *Карамышевъ Семёнъ Константиновичь* (всѣ имена сіи замѣтно укладываются въ стихъ съ большимъ удобствомъ, а иныя цѣликомъ составляютъ цѣлый стихъ и размѣромъ своимъ опредѣляютъ размѣръ въ теченіи всей Былины). Какъ скоро въ старшихъ Московскихъ Былинахъ, XVI и XVII вѣка, попадается выраженіе (и дѣйствующее лицо) «воевода Царёвъ» или «большой бояринъ,» такъ ужь всегда ожидайте, что пѣвецъ по привычкѣ прибавитъ имя — «Карамышевъ Семёнъ Константиновичь.» Онъ является какъ Персидскій (въ Персію) посолъ, убійство котораго послужило Ермаку и товарищамъ его поводомъ къ завоеванію Сибири; онъ же является Воеводой при осадѣ Пскова Баторіемъ (см. 6-й вып.); онъ же при подступѣ къ Волоку; онъ же наконецъ, историческій (Иванъ), при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, какъ извѣстно, убитъ Донскими козаками. Можно полагать, что имя его (Семёна) перешло въ Московскія Былины еще изъ Княжескихъ, изъ исторіи Тверскихъ князей, Борисовичей, и унаслѣдовано еще съ тѣхъ поръ народной памятью. Московскихъ же Былинъ о немъ много, и всѣ онѣ, какъ сейчасъ убѣдимся, дѣлятся, въ разсказѣ объ убіеніи

его, на двѣ главныхъ редакціи: въ одной событіе передано точнѣе и опредѣленнѣе, съ ясными чертами лица и мѣстности; въ другой рѣзкіе признаки стерты, мѣстность, поприще событія передвигается, и на Камышенку, и Самару, и общѣе на Волгу, и подъ Астрахань. Первыя Былины явно объ историческомъ лицѣ и событіи 1630 года, на Дону; вторыя же, должно думать, связуются именно съ преданіями о старшемъ героѣ, Персидскомъ послѣ, а отчасти видимо переходятъ даже въ эпоху Разина, чему поводомъ вѣроятно была извѣстная судьба воеводы, сходнаго по имени, *Семена Беклемишева*. Разумѣется, мы сначала помѣстимъ 1-ю, потомъ 2-ю редакцію:

Убитъ Карамышевъ.

1.

Ужь не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась,
Не муравая ко сырой землѣ приклонялась,
Подымается съ Москвы большой бояринъ,
Онъ на Тихой Донъ на Ивановичь гуляти.
Не доѣхавши онъ Тиха Дону становился:
Похвалялся онъ козаковъ всѣхъ тамъ перевѣшать.
Во единой кругъ козаки тотчасъ собирались,
Посередъ круга становился царевъ бояринъ:
Онъ началъ читать государевы для нихъ указы.
Дочитался онъ до царскаго только титула,
Козаки тотъ часъ всѣ шапки тугъ поснимали,
А большоя-тъ царевъ бояринъ шляпы не снялъ;
Отъ тово-то всѣ козаки тотчасъ взволновались,
Разъярившись они на боярина вдругъ бросались,
Буйну голову отъ бѣла тѣла отрубили,
А бѣло тѣло во Тихой онѣ Донъ бросали;
А убивши, они ево тѣлу говорили:
««Почитай ты, большой бояринъ, государя,
««Не гордися ты передъ нимъ, бояринъ, и не славься!»»

Ко царю они съ повинною приходили:
««Ты гой еси, нашь батюшка, православной царь!
««Ты суди, государь, насъ праведной расправой,
««Повели надъ нами дѣлать, что изволишь,
««Ужь ты воленъ надъ нашими головами *).»»

(Старшій пѣсенникъ Трутовскаго, ч. II.; повторялась и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ).

*

2.

(Симбирск. губ.).

Подымался съ Москвы большой бояринъ,
Онъ на Тихой Донъ Ивановичь гуляти.
Не доѣхавши Тиха Дона становился:
Похвалялся всѣхъ козаковъ перевѣшать.
Козаки, братцы, тотчасъ догадалися,
Во единой кругъ они собиралися,
Середи круга становился царевъ бояринъ:
Онъ сталъ читать государевы указы.
Дочитался онъ до царскаго титула,
Козаки всѣ шапки поснимали,
А большой царевъ бояринъ шляпы не снялъ;
Отъ тово козаки взволновалися,
На боярина они бросалися,
Буйну голову ево срубили,
А бѣло тѣло въ Тихой Донъ бросили.
И убивши, тѣлу говорили:
««Почитай ты, баринъ, государя,
««Не гордись ты передъ нимъ и не славься.»»

---

*) Такъ, извѣстно исторически, козаки извиняли убіеніе Карамышева, съ своей точки зрѣнія; но могъ быть правъ съ своей стороны и Карамышевъ: при послѣ Андреѣ Савинѣ и Кантакузинѣ, онъ собственно былъ Воеводою царскаго войска, и слѣдовательно, какъ воевода, могъ оставаться въ шишакѣ.

Ко царю они съ повинной приходили:
««Ты гой еси, батюшка православной царь!
««Ты суди насъ праведной расправой,
««Повели надъ нами дѣлать, что изволишь,
««Ты воленъ надъ нашими буйными головами.»»

(Запис. Языковъ).

* *

Въ слѣдующемъ образцѣ на концѣ есть книжная подправка издателей старшихъ нашихъ пѣсенниковъ: не зная хорошенько подлиннаго событія, они хотѣли и смягчить поступокъ козаковъ, и вывести нравственное поученіе касательно «гордости» Карамышева.

3.

Еще внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
Сопротивъ тово *) было устьица Самары рѣки,
Что плыветъ тутъ, выплываетъ лёгкая лодочка,
Лёгкая лодочка выплываетъ, братцы, коломенка;
Хорошо больно лёгкая лодочка изукрашена,
Серебромъ-златомъ лёгкая лодочка изнасѣчена;
Посередъ стоитъ лёгкой лодочки знамя царское,
Что во лодочкѣ сидитъ младой посланникъ царевъ,
Карамышевъ князь Семенъ сынъ **) Константиновичь.
Во правой рукѣ держитъ онъ государевъ указъ,
Во лѣвой рукѣ онъ держитъ саблю вострую.
Приставаетъ ***) онъ ко крутому красному бережку,
Ко сыпучему ко крупному ли желту песку.

*) Разнорѣчіе: «Супротивъ-то.»
**) «сударь.»
***) «пристаетъ.»

Козаки всѣ собираются во единой кругъ,
Становится младъ посланничекъ середи *) круга,
Козакамъ читаетъ посланничекъ **) государевъ указъ.
Козаки всѣ для указа шапки посняли,
Младъ посланничекъ не снимаетъ шляпы черныя.
Козаки тутъ всѣ въ минуту ***) взволновалися,
И со всею его гордостію изъ стану выгнали ****).

(Старшій пѣсенникъ Трутовскаго, ч. I.; разнорѣчія изъ 1-го изданія Прача 1791 г.; то же повторяется и въ нѣкоторыхъ другихъ пѣсенникахъ).

* *

Въ слѣдующемъ образцѣ еще болѣе стираются черты и, хоть удержано имя, но передвигается поприще событія, дѣло идетъ на лодкахъ, щекотливыя обстоятельства убіенія обойдены:

4.

(Симбирск. губ.).

Внизъ то было *) по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
Супротивъ то была устьица Самары рѣки,
Что плыветъ тутъ легка лодочка коломенка;
Что въ ло́донки **) сидитъ младъ посланникъ царевъ,
Карамышевъ князь Семенъ сударь ***) Константиновичь,
Въ лѣвой онъ рукѣ держитъ государевъ указъ,
А во правой рукѣ держитъ саблю острую.

---

*) «посреди.»
**) «Что читаетъ имъ посланникъ.»
***) «всѣ удалые.»
****) «И за его гордость изъ стану его выгнали.»
*) Разнор. «Ужь какъ внизъ-то было.»
**) «Что въ той лодочкѣ.»
***) «сударь» опущено.

Что по крутому, по красному бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
Что *) ходили тутъ—гуляли добрые молодцы,
Добрые молодцы гуляли, все Донскіе казаки,
Все Донскіе, Гребенскіе, Запорожскіе,
Да и славны казаки, братцы **), Яицкіе.
Они думали крѣпку думушку за едино ***),
Что сказали всѣ словечушко во единый гласъ,
Становили они пушку, братцы, мѣдную,
Закатили въ нее ядрушко чугунное,
Что палили они въ лодочку коломенку:
Никого они въ лодочкѣ не ранили,
Только убили одного царскаго посланника.

(Отъ Языкова; разнорѣч. изъ Кузнецовскаго пѣсенника 1822 года, то же есть и въ другихъ).

Другія того же рода Былины мы относимъ къ эпохѣ, къ которой вслѣдъ за симъ и переходимъ.

Ко времени царя Алексѣя Михайловича, кромѣ приведенныхъ выше Былинъ о Семенѣ Пожарскомъ, въ собраніи Рыбникова, Ч. II № 40 и III №№ 46 и 47 (въ печати ошибкою 42), относятся три замѣчательныхъ Былины о Земскомъ Соборѣ, держать ли за собою Смоленскъ. Хотя мы имѣли бы право относить ихъ къ царствованію Михаила, но въ семъ случаѣ слѣдуемъ опредѣленію, выраженному съ точностію въ самихъ Былинахъ.

*) «Какъ.»
**) «Еще славные козаки.»
***) «Они думали за едино крѣпку думушку.»

Главнымъ героемъ, занявшимъ народное вниманіе Былинъ, слѣдуетъ за симъ при Алексѣѣ Михайловичѣ Стенька Разинъ. Превосходная, извѣстная монографія г. Костомарова, «Бунтъ Стеньки Разина,» гдѣ расположено въ порядкѣ и нѣсколько Былинъ, сюда относящихся, можетъ служить хорошею нитью и помощью въ нашемъ собственномъ дѣлѣ. Нужно только прибавить, что сочинитель относитъ сюда нѣкоторыя Былины по догадкамъ, тогда какъ онѣ не имѣютъ при себѣ опредѣленнаго имени Разина или имя это вставилъ Сахаровъ. Потому здѣсь необходима въ пользованіи нѣкоторая осторожность. Исторія Козачества въ «Московской» области Былинъ начинается собственно съ Ермака: но мы имѣли случай уже достаточно убѣдиться, что многое тамъ, при Ермакѣ, покореніи Сибири и взятіи Казани (см. 6-й выпускъ), вставлено изъ эпохи Разина, даже имя сего послѣдняго. Очевидно также, что кое-что и изъ времени Ермака, и царствованія Михаила, перенесено потомъ на Разина, какъ мы упомянули при Карамышевѣ и еще увидимъ сейчасъ при разсказѣ о самыхъ первыхъ судьбахъ Разина. Съ другой стороны конечно и въ Безъимянныхъ Козацкихъ Былинахъ много дошло до насъ такого, что́ собственно истекаетъ изъ эпохи Разина, хотя и потеряло его имя. Поэтому надежнѣйшій путь въ дѣлѣ изданія Былинъ представляется намъ слѣдующій: отъ Былинъ о Разинѣ читателямъ приходится непремѣнно и часто восходить за подробностями въ 6-й выпускъ и во все предыдущее сему въ выпускѣ 7-мъ; за тѣмъ Былины безъ имени и опредѣленнѣйшихъ признаковъ, хотя здѣсь и было бы много сходства съ Разинскими, приходится въ изданіи оставить и отложить до болѣе удобнаго, своего имъ мѣста, развѣ только кое-гдѣ прибѣгая къ сличенію; наконецъ, избирать въ настоящемъ случаѣ лишь тѣ Былины, гдѣ есть имя Разина и прочіе несомнѣнные его признаки, не выводя притомъ историческихъ выводовъ, кои составляютъ предметъ критикующаго историка, а болѣе слѣдуя воззрѣнію самого творчества, какъ оно понимаетъ и распредѣляетъ ту эпоху, какъ даетъ о ней свои собственныя показанія.

Плѣнъ въ Азовѣ, чѣмъ начинаетъ г. Костомаровъ преданія о Разинѣ, по Былинамъ относится къ Ермаку; назовемъ это просто

Донской козакъ въ плѣну Азовскомъ.

1.

(Кирша Даниловъ).

А и по край было моря синяго,
Что на устьѣ *) Дону-то Тихаго,
На крутомъ-красномъ бережку,
На желтыхъ-разсыпныхъ пескахъ,
А стоитъ крѣпкой **) Азовъ городъ
Со стѣною бѣлокаменною,
Земляными розкатами и ровами глубокими,
И со башнями караульными ***).
Середи Азова города
Стоитъ темная ****) темница,
А злодѣйка—земляная тюрьма;
И во той было темной темницѣ
Что двери были желѣзныя,
А замокъ былъ въ три пуда,
А пробои были булатные,
Какъ засовы были мѣдные;
Что во той темной темницѣ
Засаженъ сидитъ Донской козакъ
Ермакъ Тимоѳеевичь.

Мимо той да темной темницы
Лучилося царю итти, самому царю,
Тому Турецкому Салтану Салтановичу.

---

*) Разночтіе: «А на усть.» — **) «тутъ славной.» — ***) «Со стѣной бѣлокаменной, И со башнями наугольными, И со рвами глубокими, Съ земляными роскатами, И съ рогатками желѣзными.» — ****) «Тутъ стоитъ темна.»

А кричитъ Донской козакъ
Ермакъ Тимоѳеевичь:
«А ты гой еси, Турецкой царь
«Салтанъ Салтановичь!
«Прикажи ты меня поить-кормить,
«Либо казнить, либо на волю пустить.»
Постоялся *) Турецкой царь
Салтанъ Салтановичь:
—А мурзы, вы, улановья!
—А вы згаркайте изъ темницы
—Того тюремнаго старосту.—
А и мурзы-улановья металися черезъ голову,
Привели его, улановья они, старосту тюремнаго;
И сталъ онъ, Турецкой царь,
У тюремнаго старосты спрашивать:
—Еще что за человѣкъ сидитъ?—
Ему староста разсказываетъ:
««А и ты гой еси, Турецкой царь
««Салтанъ Салтановичь!
««Что сидитъ у насъ Донской козакъ
««Ермакъ Тимоѳеевичь.»»
И приказалъ скоро Турецкой царь:
—Вы мурзы-улановья!
—Ведите Донскаго козака
—Ко палатамъ моимъ царскіимъ.—

Еще втапоры Турецкой царь
Напоилъ-накормилъ добраго молодца
И тожно **) сталъ его спрашивати:
—А ты гой еси, Донской козакъ!
—Еще какъ ты къ намъ въ Азовъ попалъ?—
Разсказалъ ему Донской козакъ:
«А и я посланъ изъ каменной Москвы
«Къ тебѣ, царю, въ Азовъ городъ,

*) Остановился.
**) Въ слѣдъ за тѣмъ.

«А и посланъ былъ скорымъ посломъ,
«И гостинцы дорогіе къ тебѣ везъ:
«А на заставахъ твоихъ меня всего ограбили,
«И мурзы-улановья моихъ товарищей
«Разсадили, добрыхъ молодцовъ,
«И по разнымъ темнымъ темницамъ.»
Еще втапоры Турецкой царь
Приказалъ мурзы-улановьямъ
Собрать добрыхъ молодцовъ,
Ермаковыхъ товарищей.
Отпущаетъ добрыхъ молодцовъ,
Ермака въ каменну Москву;
Снарядилъ добраго молодца
Ермака Тимоѳеевича,
Наградилъ златомъ-серебромъ,
Еще питьями заморскими.

Отлучился Донской козакъ отъ Азова города,
Загулялся Донской козакъ
По матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,
Не явился въ каменну Москву.

*

Рукопись Кирши Данилова оканчивалась началомъ такой же Былины (откуда мы выше привели разнорѣчія), со словъ «А и по край» до «Тутъ стоитъ темна темница.» Было ли въ рукописи при ней заглавіе, или отъ себя, К. Ѳ. Калайдовичъ замѣтилъ, что это «начало пѣсни *о Стенькѣ Разинѣ*.» Вѣроятно на семъ основаніи, исправивъ, какъ водится, Былину, перепечаталъ ее въ «Сказаніяхъ» г. Сахаровъ, поставивши вездѣ вмѣсто «Ермакъ Тимоѳеевичь» имя «Степанъ Тимоѳеевичь.» Это подѣйствовано и на г. Костомарова. Но такія же точно Былины являются о другихъ, Безъимянныхъ Козакахъ, и даже о Краснощоковѣ, о Чернышевѣ, при чемъ вмѣсто Султана Прусскій Король, а вмѣсто Азова Кистринъ или Берлинъ (см. ихъ ниже). Потому собственно началомъ Былинъ о Разинѣ мы

признаемъ только тѣ, кои и напечатаны у насъ выше, на стр. 32, 33, подъ №№ 1 и 2-мъ, о томъ, какъ породился, проявился и къ другимъ козакамъ относился Разинъ. Ко 2-й изъ нихъ маленькія разнорѣчія у г. Костомарова.

Слѣдующая за тѣмъ у г. Костомарова, Былина о переходѣ на Волгу, не имѣетъ при себѣ имени Разина и относится вообще ко всѣмъ прочимъ Козацкимъ.

Былина, отнесенная г. Костомаровымъ къ возвращенію Разина изъ Персіи на Волгу, опять не всегда имѣетъ при себѣ имя сего послѣдняго, напротивъ ставитъ старше имя Ермака, отсюда ведетъ его на помощь Грозному Царю подъ Казань, а также вставляетъ всевозможныя козацкія имена. Нѣсколько образцовъ ея уже напечатано нами въ выпускѣ 6-мъ, стр. 23—35, потомъ 36 и 39. Впрочемъ мы прибавимъ здѣсь разнорѣчіе Костомаровское (въ Сборн. пѣс. Самарскаго края, 1862 года, приведенъ варіантъ одинаковый съ нашимъ въ 6-мъ вып. стр. 29, № 4, съ именемъ *Ивана* Тимоѳеева):

Стенька Разинъ.

Переходъ на Волгу.

1.

Какъ далеченько-далеченько во чистомъ полѣ,
Да еще какъ подалѣй на синемъ морѣ,
Какъ на синемъ морѣ было на Хвалынскомъ,
Что на славномъ было островѣ на Персидскомъ,
Собирались музуры *), добры молодцы.
Они думушку гадали всѣ великую,
Думу крѣпкую гадали за единую:
««Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ быть,
««Да кому изъ насъ, ребятушки, есауломъ слыть?

*) См. вып. 6-й.

««Атаманомъ быть Степану Тимоѳеевичу,
««Есауломъ быть Василью Никитичу.»»
Атаманъ рѣчь возговоритъ, какъ въ трубу трубитъ,
Есаулъ-то рѣчь возговоритъ, какъ въ свирѣль игратъ:
«Не пора ли намъ, ребята, со синя моря,
«Что на матушку на Волгу на быстру рѣку?»

*

Гораздо дѣйствительнѣе выводъ г. Костомарова, что извѣстная Былина о Соколѣ кораблѣ, а на немъ о Разинѣ съ Ильею Муромцемъ (она напечатана у насъ по нѣсколькимъ разнорѣчіямъ въ вып. 1-мъ, 1-го и 2-го изд., стр. 22, 23, № 7), имѣетъ очевидное отношеніе къ исторіи Разина, ибо, извѣстно, корабль его носилъ имя Сокола, а врагами являются Восточные народы (противъ Разина Персіяне). Варіантъ, который при семъ приводитъ г. Костомаровъ, есть тотъ самый, что напечатанъ въ «Лѣтопис. Р. Литер. и др.» изъ сборник. гг. Костомар. и Мордовц., подъ № 1-мъ, и уже помянутъ нами выше, въ Приложеніяхъ стр. 9. Къ сожалѣнію только, во всѣхъ образцахъ сей Былины врагами Сокола являются «Татары съ *Калмыками,*»—такъ и по сборнику г. Костомарова въ «Лѣтопис.»: а въ монографіи о бунтѣ Стеньки Разина совершенно неожиданно явились вмѣсто того «Татары *съ Персіянами.*» Признавая всѣ права за симъ варіантомъ, подходящимъ къ исторіи Разина, мы въ замѣнъ того имѣемъ право прибавить, что въ лучшихъ, очевидно старшихъ, образцахъ, вмѣсто Разина стоитъ Святогоръ и Полканъ, что главная роль во всей Былинѣ отдана Ильѣ, а не Разину, что, независимо отъ Разина, есть особыя преданія о подвигахъ Ильи на Соколѣ, а на Соколѣ же является и другая, древнѣйшая героиня, Настасья Никулична (см. Приложенія къ нашему 1-му вып. стр. 34 и во II-й части собр. Рыбникова стр. 317, 318, № 61). О сшибкѣ же Сокола съ Орломъ см. ниже.

Присутствіе Настасьи Никуличны на Соколѣ кораблѣ могло бы послужить для монографовъ выгоднымъ поводомъ къ объясненію, что здѣсь разумѣется Персіянка, извѣстная любовница Разина, имъ послѣ убитая. И вѣроятно изслѣдователямъ неизвѣстно, что у насъ есть цѣлая куча, конечно Безъимянныхъ и позднѣйшихъ, Былинъ, гдѣ именно, въ плаваніи, при атаманѣ выставляется дѣвушка любовница, которая то горюетъ, то кается въ разбояхъ, то пророчитъ другу своему спасеніе отъ бѣды, то сама спасаетъ его, или же, наконецъ, варварски убита имъ. Не отрицаемъ, что сюда вѣроятно проникли нѣкоторыя черты изъ судебъ Разина: но, зная, что это все обычно бывало и у другихъ козаковъ, особенно атамановъ, и притомъ не имѣя нигдѣ прямаго *имени Разина,* мы всѣ такіе образцы отлагаемъ до будущаго, къ Безъимяннымъ.

Въ теченіе всѣхъ переходовъ Разина, съ Волги къ Персіи и оттуда обратно, извѣстны разныя затруднительныя стоянки его на островахъ и даже зимовка. Къ сей конечно эпохѣ относится Былина, неизвѣстная г. Костомарову:

Стоянка Разина.

1.

Тихохонько сине море становилося,
Ничѣмъ наше Каспійское не шевельнулося,
Что осеннимъ ледочкомъ покрывалося:
Замерзъ-то нашь воровской стружокъ.
Что на томъ ли на стружкѣ атаманъ сидитъ,
Что по имени Степанъ Тимоѳеевичь,
По прозванью Стенька Разинъ сынъ.
Онъ рѣчь говоритъ, братцы, какъ въ трубу трубитъ:
«Ахъ вы гой еси, удалы-добры молодцы!
«Вы берите еловчатыя *) веселечки,
«Вы бейте-пробивайте тонкой осенней ледъ:
«Ахъ, какъ бы намъ добиться до тихихъ мѣстъ,

*) Испорчено вм. яровчатыя, яворчатыя, изъ явора (обычное прозвище гуслей.)

«Что до той ли до проточинки Червонныя,
«Что до славнаго до острова Кавалерскаго!
«Ахъ, тамъ ли вамъ, братцы, дувань *) дѣлить,
«Намъ отласу и бархату по размѣру всѣмъ,
«Золотой парчи по достоинствамъ,
«Жемчугу по молодечествамъ,
«А золотой казны сколько надобно.»

(Ср. Новиковскій пѣсенникъ, ч. III).

*

Первоначальныя отношенія Разина къ Астрахани и искушенія или опасности, коимъ онъ подвергался съ сей стороны, прекрасно изображены въ Былинѣ, которую приводитъ г. Костомаровъ:

Искушеніе и опасность Разину въ Астрахани.

1.

Ужь вы горы мои, горы!
Прикажите-ка, вы, горы,
Подъ собой намъ постояти:
Намъ не годъ-то годовати,
Не недѣлюшку стояти,
Одну ночку ночевати,
И тою намъ всю не спати,
Легки ружья заряжати,
Чтобы Астрахань намъ городъ
Во глуху полночь проѣхать,
Чтобъ никто насъ не увидѣлъ,
Чтобъ никто насъ не услышалъ.

*) Полонъ, добычу.

Какъ увидѣлъ и услышалъ
Астраханскій воевода.
Приказалъ же воевода
Сорокъ пушекъ заряжати,
Въ Стеньку Разина стрѣляти:
«Ваши пушки меня *) не вóзьмутъ,
«Легки ружьица не прóймутъ;
«Ужь какъ вóзьметъ ли, не вóзьметъ,
«Астраханска дѣвка Маша.»

По бережку Маша ходитъ,
Шелкóвымъ платкомъ машетъ;
Шелковы́мъ платкомъ махала,
Стеньку Разина прельщала:
Стеньку Разина прельстила,
Къ себѣ въ гости заманила,
За убра́нъ столъ посадила,
Пивомъ-медомъ угостила
И до пьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила.

Какъ пришли къ нему солдаты,
Солдатушки молодые,
Что сковали руки-ноги
Желѣзными кандалами,
Посадили же да Стеньку
Во желѣзную во клѣтку:
Три дни по Астрахани возили,
Три дни съ голоду морили.
Попросилъ же у нихъ Стенька
Хоть стаканъ воды напиться
И во клѣткѣ окатиться:

*). Судя по складу, въ пѣсни должно стоять «насъ,» и это совершенно согласуется со всею пѣснею, очевидно пѣтою отъ лица козаковъ.

Онъ во клѣткѣ окатился—
45. И на Волгѣ очутился.

*

Начало сей Былины сходно съ помѣщенною у насъ выше на стр. 33, 34, подъ № 3: она кончается именно тѣмъ, что Астраханскій воевода узналъ подступившаго Разина.

Но съ нею тѣсно связана другая, гдѣ изображается судьба подосланнаго Разинымъ въ Астрахань передоваго человѣка, агента или шпіона, какъ полагаютъ историки, *сына*,—какъ единогласно увѣряютъ народныя Былины. Если въ самомъ дѣлѣ у Разина не было такого сына, то онъ могъ явиться въ Былинахъ, полагаемъ, вслѣдствіе частаго повторенія одного и того же выраженія—«Стенька Разинъ *сынъ*,» «Стеньки Разина *сына*,» откуда не трудно было уже сдѣлаться «сыну Стеньки Разина.» Первая Былина, которую о немъ приводитъ г. Костомаровъ, одинакова съ нашею, помѣщенною выше подъ № 4-мъ на стр. 34—40, по многимъ варіантамъ; развѣ только остается замѣтить отличія: «Да во нанковомъ халатѣ на распашечку;» «Астраханскимъ купчишкамъ (!) онъ не кланяется, Господамъ ли да боярамъ онъ челомъ не бьетъ;» «Увидалъ же воевода со параднаго крыльца, Приказалъ же воевода къ себѣ его привести;» «Вы подите, поймайте;» «Поимали, соковали удалова молодца, Привели ко воеводѣ незнамова на глаза (!);» «Ужь и чей такой дѣтинка, чей удалой молодецъ? Ты какого поведенья (!), чьего матери-отца?»—Къ тому же самому, на первую половину приведенной у насъ Былины, помѣщенъ весьма близкій варіантъ у Рыбникова въ Ч. Ш, стр. 273, № 49.—Вторая половина нашей Былины, начинающаяся со стиха 20-го (стр. 38), представляетъ сборы Разина въ Астрахань, какъ послѣдствіе задержки сына и желаніе отмстить воеводѣ. Эта половина отдѣлена у г. Костомарова какъ особая Былина и мы приведемъ ее какъ разнорѣчіе къ нашей:

Сборы Разина въ Астрахань.

1.

Какъ по матушкѣ по Волгѣ легка лодочка плыветъ,
Какъ во лодочкѣ гребцовъ ровно тридцать молодцовъ,
Посередь лодки сидитъ Стенька Разинъ самъ *).
Какъ возговоритъ онъ, Стенька, ко товарищамъ своимъ:
«Ужь и что-й-то это, братцы, мнѣ тошнымъ тошно,
«Мнѣ сегодняшній денечекъ да грустнехонько?
«Какъ и знать-то мой сынокъ во неволюшку попалъ!
«Ужь я въ Астрахань зайду,—вы́жгу-вырублю,
«Астраханскаго воеводу я подъ судъ возьму.»

(Стихъ двойнаго склада: можетъ быть дѣлимъ и на двѣ половины, впрочемъ вторая половина нѣсколько меньше и отдѣляется какъ припѣвъ. Этотъ складъ—самый употребительный въ Былинахъ о Разинѣ).

Другая Былина того же содержанія, приведенная у г. Костомарова, весьма испорченная, представляетъ сбивчивое смѣшеніе той же исторіи Разинова сына съ судьбою прочихъ козаковъ, проникавшихъ въ Астрахань:

Сынъ Разина. Попытки проникнуть въ Астрахань.

1.

Изъ славнаго изъ устьица синя моря,
Тутъ плыветъ-выплываетъ нова вы́кладна **),
Хорошо кладна **) изукрашена.
Она плыветъ-подплываетъ къ Астрахани,
Къ тому ли царству Астраханскому.
Добры молодцы въ городѣ во Астрахани

*) Стихъ дуренъ.
**) Расшива, верховое судно.

Погуляли, поцарствовали,
Попили-поѣли, на отвалъ пошли.

Увидали молодцы воеводу изъ окна *),
Закричалъ воевода громкимъ голосомъ:
«Заловите, поймайте добрыхъ молодцовъ!»
Добрый молодецъ **) противности не чинилъ,
Во дворецъ самъ подскочилъ.
Сталъ воевода его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, добрый молодецъ,
«Не утай самъ себя.»
—Я самъ тебѣ разскажу, всею правду объявлю:
—Я со Камы со рѣки, Стеньки Разина сынъ.
—Заутра хотѣлъ къ тебѣ батюшка въ гости побывать:
—Чѣмъ будешь батюшку потчивать?—
«Я пивушка не купаю, винца въ ротъ не беру;
«Есть у меня наготовлены сухари,
«Они въ Москвѣ крошены, въ Казани сушены:
«То я встрѣчу его, буду потчивать.»
Испугался добрый молодецъ,
Отъ него прочь бѣжалъ.

И подбѣгаетъ къ своей выкладной,
Закричалъ громкимъ голосомъ:
—Охъ братцы мои, товарищи!
—Пригряньте ко мнѣ выкладну,
—Не оставьте меня при бѣдности:
—На насъ воевода осердился ***).—
Добры молодцы ужаснулися,
Заторопились, отгрянули ко крутому берегу ****).

(Къ сожалѣнію не замѣчено, гдѣ и изъ какого источника взята или записана сія Былина).

*

*) Конечно на оборотъ: воевода увидалъ молодцовъ.
**) Крутой поворотъ отъ молодцовъ къ молодцу.
***) Хоть бы «прогнѣвался?» Былина замѣтно сложена изъ двухъ частей: одна о козакахъ вообще, въ другую хотѣли прилѣпить Разина, самого или сына.
****) Эти два послѣднихъ стиха вовсе не народны и никуда не годятся.

Наконецъ помянутое отношеніе любовницы къ атаману изложено въ формѣ особой Былины, напечатанной у насъ выше на стр. 42, 43, гдѣ опять выведенъ «Сынъ Стеньки Разина.»

*

Теперь, прежде чѣмъ перейдемъ къ Астраханской катастрофѣ, упомянемъ еще одинъ эпизодъ. Извѣстно, что Разинъ, ѣздившій на *Соколѣ*, сжегъ *Орла*, старшее наше судно: сопоставленіе само по себѣ разительное и вызывающее поэтическіе образы. Съ другой стороны, можетъ быть не безъ вліянія сего случая, существуютъ преданія о плаваніи Ильи Муромца на Соколѣ и также сшибкѣ съ Орломъ, отъ коего на силу ушли (см. конецъ нашего 1-го выпуска). Именно все это конечно и возбудило И. П. Сахарова, вообще склоннаго къ передѣлкѣ пѣсень по разнымъ тенденціямъ, составить и помѣстить въ «Сказаніяхъ» слѣдующую драматическую сцену:

Соколъ и Орелъ.

(№ первый и послѣдній).

Дотолѣва [1]) про окіанъ море не слыхано,
А нынѣ на окіанъ море собираются [2]):
Собирался на окіанъ море Новоторженинъ [3]),
Убиралъ [4]) онъ тридцать кораблей безъ единаго [5]),
Украшалъ себѣ Соколъ корабль:
Ужь онъ деревцы [6]) становилъ кипарисовы,
Снасточки, бичевочки [7]) шелковыя,

---

[1]) Якобы народное: по смыслу нужно «доселѣва.» — [2]) Сочинитель предполагалъ, что это не проза, а народная поэзія. — [3]) Взятъ изъ Новгородскихъ Былинъ, потому что управлялъ кораблемъ Буслаева: но зачѣмъ попалъ на Каспійское море, неизвѣстно. — [4]) По народному «снаряжалъ.» — [5]) Это въ пѣсняхъ употребляется потому, что тридцатый обыкновенно—самого героя или хозяина: а здѣсь всего 29. — [6]) Какіе это Божьи «деревцы» и за чѣмъ? — [7]) Бичевокъ шелковыхъ не слыхано.

О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Бѣлыхъ, полотняныхъ [1]).
Онъ на корму сажалъ Илью Муромца,
На носу Стеньку Разина [2]).
Отваливали они Соколъ корабль
Отъ бережку отъ крутаго,
Отъ песочку сыпучаго,
Отъ камышку [3]) зеленаго.
Плыли они по синю морю,
И несчастьице случилося [4]):
Билъ ихъ Соколъ корабль
Сизой Орелъ [5]), и отъ духу его
Соколъ корабль чуть не залился [6]).
Стенька Разинъ возговоритъ:
«Ужь ты общій [7]) большой братъ,
«Илья Муромецъ!
«Ты подай-ко мнѣ лукъ [8])
«Во пятнадцать пудъ.»
Натягивалъ Степанушка
Свой тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу,
Убивалъ сиза Орла
Во право крыло, въ ретиво сердце [9]).

Это такая мастерская Былина, что ее не помѣстилъ при своемъ изслѣдованіи даже г. Костомаровъ.

*

---

[1]) Изъ пѣсни: «Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ.» — [2]) Молодецъ Новоторженинъ, купеческій сынъ, является хозяиномъ надъ Ильею и Разинымъ, какъ мальчиками. — [3]) Это по народному значитъ то же, что *камешку*: сочинитель вѣроятно хотѣлъ выразить *камышь, камышикъ, камышничекъ*. — [4]) Обычное по ловкости выраженіе въ словарѣ г. Сахарова. — [5]) У народа это значило бы — безъ смысла, или что пловцовъ билъ собою корабль Соколъ, онъ же Орелъ; у Сахарова это значитъ, что ихній корабль Соколъ былъ битъ Орломъ. — [6]) Отъ чьего-то *духу* чуть не захлебнулся: у сочинителя предъ взоромъ носится образъ парящаго державнаго орла. — [7]) Илья почему-то сдѣлался *общимъ* (gemein) и посаженъ, чтобъ подать лукъ Стенькѣ. — [8]) Въ эпоху Стеньки стрѣляютъ изъ лука. — [9]) Выходитъ сердце подъ *правымъ* крыломъ.

Астраханское дѣло Разина и убіеніе Прозоровскаго, съ замѣчательными подробностями о *раскатѣ* и судьбѣ *дѣтей*, изображено въ слѣдующей Былинѣ, къ сожалѣнію неизвѣстной г. Костомарову и примыкающей, какъ заключеніе, къ помѣщеннымъ нами выше:

Буйство въ Астрахани.
Убитъ Прозоровскій.

1.

Что да на матушкѣ на Волгѣ не черны́мъ да зачернѣлось,
Не черны́мъ да зачернѣлось, не бѣлы́мъ да забѣлѣлось,
Зачернѣлися на Волгѣ Черноярскіе стружечки,
Забѣлѣлися на мачтахъ тонкіе-бѣлые парусочки.
Что не черной воронъ гаркнулъ, что возговоритъ Стенька Разинъ:
«Охъ вы гой еси, козачье наше вольное собранье!
«Вы гребите не робѣйте, бѣлыхъ ручекъ не жалѣйте,
«Намъ бы Астрахань городъ ополночи бы пробѣжати,
«Черноярской городочикъ что на утренней на зорѣ,
«Чтобъ никто насъ не увидѣлъ и никто бы не услышалъ.»

Какъ одинъ, братцы, увидѣлъ и одинъ, братцы, услышалъ,
Господинъ большой бояринъ, Черноярской Воевода:
Шолъ отъ раннія отъ обѣдни, велѣлъ въ колоколъ звонити,
Велѣлъ въ колоколъ звонити во большой во набатной,
Чтобъ стрѣльцы да собирались, пушкари бы снаряжались,
Они пушки бы заряжали и по Стенькѣ бы стрѣляли.
Што возговоритъ Стенька Разинъ городскому да Воеводѣ:
—И вы пороху не теряйте и снарядовъ не ломайте,
—Меня пулечка не тронетъ, меня ядрышко не возметъ.—

Что метался Стенька Разинъ на угольную на башню,
Со великова раскату Воеводу долой збросилъ,
Ево маленькихъ дѣтокъ онъ всѣхъ за ноги повѣсилъ.

(Старшій пѣсенникъ Трутовскаго, ч. III: въ другихъ эта Былина не повторялась).

*

Вмѣсто Астрахани поставленъ здѣсь Черный Яръ конечно потому, что и онъ игралъ во всемъ тогдашнемъ дѣлѣ важную роль. Вообще, какъ извѣстно, по всѣмъ сосѣднимъ мѣстностямъ, крупныхъ жертвъ падало не мало, то обесчещенныхъ, то мученныхъ, Унковскій, Тургеневъ, Семенъ Беклемишевъ, Семенъ Львовъ, и т. д. Вотъ почему, какъ, выше мы видѣли, черты Разинскихъ дѣлъ связались съ исторіей Карамышева, такъ сюда же примыкаютъ и другія убійства, помянутыя Былинами, хотя бы имена, въ нихъ вставленныя, были изъ другихъ эпохъ, или обстоятельства были только *похожи* на Разинскія.

Чтобъ не возвращаться послѣ для сравненій, мы кстати приведемъ здѣсь сіи Былины:

Убитъ Астраханскій Воевода (Губернаторъ).

1.

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала рѣка матушка Камышенка,
Что вела-то за собою берега круты,
Круты-красны берега, луга зеленые,
Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку.
Какъ по той ли рѣкѣ матушкѣ Камышенкѣ
Выплываютъ ли стружечки есаульскіе.
На стружечкахъ тѣхъ сидятъ гребцы бурлацкіе:
Все бурлаки, все молодчики Заволжскіе.
Хорошо всѣ удальцы были наряжены:
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатны;
На камкѣ *) у нихъ кафтаны однорядочны;

*) «Изъ камки» или «на плечахъ.»

Канаватные *) бешметы въ нитку строчены;
Галуномъ рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всѣхъ на молодцахъ сафьяновы;
Они веслами гребли да пѣли пѣсенки.
Къ островочку среди Волги становилися:
Они ждали-поджидали Губернатора,
Губернатора ли ждали Астраханскаго.
Какъ возго́ворятъ бурлаки тутъ удалые:
««Еще что́ то на водѣ у насъ бѣлѣется?
««Забѣлѣлися тутъ флаги губернаторски:
««Кого ждали-поджидали, того лядъ **) несетъ.»»
Астраханскій Губернаторъ догадался тутъ:
—Ой вы гой еси, бурлаки, люди вольные!
—Вы берите золотой казны, что надобно,
—Вы берите цвѣтно платье губернаторско,
—Вы берите всѣ диковинки заморскія,
—Вы берите всѣ вещицы Астраханскія.—
Какъ возговорятъ удалы люди, вольные:
««Какъ твоя не дорога намъ золота казна;
««Намъ не дорого ни платье губернаторско;
««Намъ не дороги диковинки заморскія;
««Намъ не дороги вещицы Астраханскія:
««Дорога намъ твоя буйная головушка.»»
Буйну голову срубили съ Губернатора,
Они бросили головку въ Волгу матушку;
Сами молодцы ему тутъ насмѣхалися:
««Ты добрѣ, вѣдь, Губернаторъ, къ намъ строгонекъ былъ,
««Ты, вѣдь, билъ насъ, ты губилъ насъ, въ ссылку ссылывалъ,
««На воротахъ женъ, дѣтей нашихъ разстрѣливалъ!»»

(Обстоятельнѣе напечатано, съ напѣвомъ, у Кашина, ч. II, изд. 1-е 1834 г.; перепечатано Бернардомъ и другими).

*

*) Старая узорочная ткань: κάνναβος, cannabus, наше конопъ, конопель (а не шелковая, какъ въ Словарѣ В. И. Даля).

**) Пустой, кромѣшный (то же, что «чортъ,» но по употребленію нѣсколько мягче). «Лядъ его возьми,»—то же, что «пусто ему!»

Эту-то Былину, не допечатавъ конца, какъ помянуто выше, привелъ г. Костомаровъ о первомъ переходѣ Разина на Волгу: конецъ ея показываетъ другое, прямое примѣненіе къ Астраханскому дѣлу.

Такова же и слѣдующая:

2.

(Кирша Даниловъ).

Промежь было Казанью, промежь Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Изъ тоя ли было нагорной сторонушки,
Какъ бы прошла-протекла Камышевка рѣка,
Своимъ устьемъ она впала въ матушку Волгу рѣку.
А по славной было матушкѣ Камышевкѣ рѣкѣ
Выгребали-выплывали пятдесятъ легкихъ струговъ,
(Пятдесятъ легкихъ струговъ) воровскіихъ козаковъ;
А на всякомъ стружечку по пятдесятъ *) гребцовъ,
По пятдесятъ гребцовъ, воровскіихъ козаковъ.
Заплывали-загребали въ Коловинскіе острова,
Становились молодцы во тихихъ заводяхъ,
Выгулять **) они на зеленые луга.
Разставили майданы ***) Терскіе,
И раздернули ковры Сорочинскіе;
А играли козаки золотыми они тавлеями,
Кто, де, костью, кто, де, картами, всѣ удалы молодцы.

Посмотрятъ молодцы внизъ по Волгѣ рѣкѣ,—
Какъ бы чернь-то на Волгѣ зачернѣется,

---

*) Стихъ требуетъ: «по пятидесятъ.»—Передъ симъ «стужечку:» конечно опечатка.

**) Выходили, вышли гулять: вѣроятно опечатка.

***) Сборныя палатки, крытыя площадки (собственно майданъ—наше «поле»).

А идутъ гребные изъ Астрахани.
Дожидались козаки, удалые молодцы,
Губернатора изъ Астрахани Репнина,
Князя Данилу Александровича:
А на что душа рождена, того Богъ и далъ.
Подошли тѣ гребные въ Коловинскіе острова,
И бросали козаки они потѣхи всѣ,
И бросалися во свои легоньки стружки,
Напущалися козаки на гребные струги,
Они всѣ *) тутo торговыхъ перещупали,
Они спрашиваютъ Губернатора изъ Астрахани:
««А то коли онъ съ вами, покажите его намъ,
««А до васъ до купцовъ, удалыхъ молодцовъ, и дѣла нѣтъ.»»
Потаили купцы Губернатора,
У себя они спрятывали подъ товары подъ свои.
Говорили молодцы, воровскіе козаки:
««А вы сами себѣ враги, за что его спрятывали!»»
Обыскали подъ товарами Губернатора,
Репнина князя Данилу Александровича:
Изрубили его во части мелкія,
Разбросали по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;
А его-то госпожу, губернаторску жену,
И со малыми дѣтушками,
Они всѣ *) молодцы, воровскіе козаки, помиловали;
А купцовъ-молодцовъ ограбили,
Насыпали червонцами легки свои струги,
Пошли по Камышевкѣ рѣкѣ.

(Ср. Др. Росс. Стихотвор).

* *

Путь Разина къ Симбирску изображенъ у г. Костомарова отрывкомъ той же Былины, которая напечатана у насъ по нѣ-

*) Всѣхъ?

сколькимъ образцамъ въ 6-мъ выпускѣ (стр. 25—35 и далѣе), относится по старшимъ образцамъ къ помощи Грозному подъ Казанью и дѣйствительно кончается, какъ и у г. Костомарова, Казанью. Не споримъ, что въ ней могутъ быть и черты Разинскія, какъ мы уже и говорили объ ней выше: но по крайности въ приведенномъ у г. Костомарова и въ сродныхъ, у насъ напечатанныхъ, образцахъ, говорится, что Астрахань «пройдутъ мимо» и притомъ тихонько, а это уже не было нужно послѣ завладѣнія Астраханью, и самъ г. Костомаровъ вынужденъ замѣтить здѣсь анахронизмы.

—

По мѣрѣ распространенія шаекъ и сообщниковъ Разина, у нихъ должны были непремѣнно сложиться *свои*, Круговыя или Хоровыя пѣсни, объ ихъ собственныхъ выгодахъ или подвигахъ, помимо Разина, имя коего только вставлялось для цвѣту и являлось на второмъ планѣ. Вообще у вольницы, козаковъ, это обычай, и конечно многія изъ помянутыхъ Былинъ сего же происхожденія, такъ что черты самого Разина попадали въ нихъ только вставкою. Такова Былина, или, лучше, помянутая Пѣсня Круговая, средоточіе которой составляетъ «построеніе церкви,» обстоятельство, именно въ Черкасскѣ, не безъизвѣстное изъ исторіи Разина. У г. Костомарова напечатанъ прекрасный образецъ того:

Пѣсня Разинцевъ.

1.

(Не извѣстно, гдѣ записана).

Ахъ туманы вы мои, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Какъ печаль-тоска ненавистные!
Не подняться вамъ, туманушки, со синя моря долой,

Не отстать тебѣ, кручинушка, отъ ретива сердца прочь *)!
Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей, частъ-крупенъ дождикъ,
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтобъ тюремнички, братцы, разбѣжалися,
Во темномъ бы лѣсу собиралися.
Во дубравушкѣ во зелененькой **)
Ночевали тутъ добры молодцы,
Подъ березонькой они становилися,
На восходъ Богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:
««Ты взойди, взойди, красно солнышко,
««Надъ горой взойди надъ высокою,
««Надъ дубравушкой надъ зеленою,
««Надъ урочищемъ добра молодца,
««Что Степана свѣтъ Тимоѳеевича,
««По прозванью Стеньки Разина ***).
««Ты взойди, взойди, красно солнышко,
««Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныихъ,
««Добрыхъ молодцевъ, людей бѣглыихъ:
««Мы не воры, не разбойнички,
««Стеньки Разина мы работнички,
««Есауловы все помощнички.
««Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
««Кистенемъ махнемъ—кованъ собьемъ,
««Мы рукой ****) махнемъ—дѣвицу возмемъ.»»

*

Покойный М. А. Стаховичь записалъ эту пѣсню не мудрствуя; она отличается необычайно широкимъ, характеристическимъ напѣвомъ; вотъ она:

---

*) Послѣдніе три стиха не считаемъ мы принадлежностью сей пѣсни: потому, что 1) они черезъ чуръ элегичны; 2) подлаживаются къ сочиненной пѣснѣ „Ужь какъ палъ туманъ;“ 3) послѣдніе два стиха не согласуются ни со складомъ, ни съ извѣстнымъ напѣвомъ пѣсни; 4) вносятъ необычное удареніе „отъ ретива“ и т. п. —**) Эти сосѣдніе два стиха не ладятся и усильно сопоставлены.—***) Отсюда-то и начинается за симъ собственно пѣсня, на сколько мы знаемъ ея подлинность. — ****) Вымышлено и прозаично.

2.

(Орловск. губ.).

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою *),
надъ высокою;
Надъ дубравою надъ зеленою,
Надъ долиною надъ широкою,
надъ широкою!
Освѣти ты насъ, добрыхъ мо́лодцевъ:
Мы не воры да не разбойнички,
не разбойнички,
Мы не воры да не разбойнички,
Стеньки Разина мы помощнички,
мы помощнички.
Какъ мы строили церковь славную,
Церковь славную, седмиглавную,
седмиглавную...

(Записано М. А. Стаховичемъ, потомъ напечатано имъ съ варіантами и съ музыкою въ „Собр. Р. нар. пѣсень," 1854 г.).

Та же самая пѣсня помѣщена въ Новиковскомъ пѣсенникѣ, Ч. Ш, а покойнымъ А. В. Кольцовымъ записана въ Воронежѣ и отдана для изданія Бѣлинскому. Но въ обоихъ сихъ образцахъ, послѣ того же, и прекрасно развитаго, начала, изображается атаманова любовница, то въ кручинѣ по родныхъ, то какъ убійца ихъ, особенно брата. Это, повторяемъ, хотя и безъ имени Разина, весьма подходитъ къ образу его любовницы Персіанки (она была невольною виною убійства брата): однако, по принятому правилу, мы помѣстимъ ее, съ другими сродными образцами, ниже, въ Козацкихъ, Безъимянныхъ, Молодецкихъ.

* *

*) Послѣднее слово въ каждомъ изъ двухъ стиховъ сперва надламывается напѣвомъ по поламъ, а потомъ выпѣвается цѣликомъ уже въ припѣвѣ.

Г. Костомаровъ приводитъ пѣсню, которую, говоритъ, по преданію, Стенька сложилъ сидя въ темницѣ: «Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ» и т. д. Но это только отрывокъ, и въ семъ видѣ онъ извѣстенъ изстари до новѣйшаго времени въ устахъ всѣхъ Козаковъ и Безъимянныхъ Молодцевъ. Ежели здѣсь и стоитъ въ концѣ имя Разина, то это *прибавлено* къ общей пѣснѣ, или же Разинъ примѣнилъ къ себѣ опять эту *общую* пѣсню. По образцамъ болѣе достовѣрнымъ, изъ губерній Пермской, Симбирской, Калужской, и другихъ, ближайшихъ къ поприщу дѣйствій Разина, пѣснею его собственно нужно счесть ту, которая напечатана у насъ выше на стр. 40, 41, подъ № 5-мъ, и начинается словами «Вы лѣса ль мои, лѣсочки.» Въ ней, напротивъ, и естественно, Разинъ выставляется еще «не пойманнымъ,» на волѣ, и оплакиваетъ гибель своихъ товарищей, своего всего дѣла. Тогда-то конечно онъ и сложилъ ее, при отчаянномъ исходѣ подвиговъ, но во всякомъ случаѣ до тюрьмы и заключенія, ибо иначе кто же въ тюрьмѣ, за грозными сторожами, подслушалъ бы, запомнилъ и распространилъ пѣсню? Изображая конецъ всего дѣла, Разинъ могъ пѣть о себѣ и въ третьемъ лицѣ. Вотъ еще разнорѣчія сей пѣсни:

Пѣсня Разина.

Гибель его товарищей и его самого.

1.

(Симбирск. губ.).

Не рябинушка со березенькой совивается,
А не травенька съ травенькой соплетается:
Какъ не мы ли, добрые молодцы, совыкалися.
Какъ лѣса ли мои, лѣсочки, лѣса темные,
Вы куста ли мои, кусточки, кустики таловые *),

*) Изъ таволги.

Вы станы ли мои, станочки, вы станы мои Теплые!
И еще ли вы, мои лѣсочки, всѣ порубленые,
Всѣ куста мои, кусточки, всѣ поломаные,
Всѣ дружья мои, братцы-товарищи, переловленые,
По разнымъ тюрьмамъ всѣ посажёные:
Оставался одинъ товарищь, Стенька Разинъ сынъ.

*

2.

(Оттуда же).

Вы лѣса наши, лѣсочки, лѣса наши темные,
Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великіе *),
Вы станы ли наши, станочки, станы наши Теплые,
Вы дружья ли наши, братцы-товарищи!
Лѣса наши всѣ порублены,
А куста наши всѣ поломаны,
Всѣ станы наши разорены,
Всѣ дружья наши товарищи переловлены,
Во крѣпкія тюрьмы наши товарищи посажены,
Рѣзвы ихъ ноженьки въ кандалахъ заклепаны,
У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
Грозные сторожи, бравые солдатушки:
Ни куды-то намъ **), добрымъ молодцамъ, ни ходу, ны выпуску,
Ни ходу, ни выпуску изъ крѣпкой тюрьмы.

(Запис. П. В. Шейномъ; ср. „Чтенія“ 1859 г.).

*

Такимъ образомъ необходимо раздѣлить слѣдующее: 1) Пѣсню самого Разина; 2) ту же пѣсню, гдѣ говоритъ онъ о себѣ въ третьемъ лицѣ; 3) ту же пѣсню, когда она пѣлась уже его, оставшимися, товарищами и послѣдователями, и конечно уже

*) Тутъ, вѣроятно, опечатка.

**) Здѣсь уже очевидно пѣсня *Разина* пѣта оставшимися въ живыхъ *его товарищамъ и послѣдователями*.

отъ *лица ихъ*, а объ Разинѣ въ третьемъ лицѣ; наконецъ 4), когда уже казнь и смерть совершилась, а дѣло стало прошлымъ, наступила возможность сложить изъ пѣсни и разсказа, или лучше изъ всего теченія событій, цѣлую Былину, подобно какъ, мы видѣли, Плачь *самой* Ксеніи, сложенный и пѣтый сначала ею самою, обращенъ послѣ нея въ Былину, съ разсказомъ о судьбѣ героини. Въ этомъ отношеніи крайне замѣчательна Былина, напечатанная нами во II-й части собранія П. Н. Рыбникова, стр. 239, 240, № 41, записанная въ Пермской губерніи. Она только одна, изъ сего разряда, и заслуживаетъ имя *Былины* въ собственномъ смыслѣ, а не простой Пѣсни, ибо послѣдовательно передаетъ теченіе *событій*, а вмѣстѣ вскрываетъ передъ нами способъ, какъ слагаются въ народѣ произведенія сего рода. Нужды нѣтъ, что тутъ, какъ и въ собраніи Кирѣевскаго, въ напечатанномъ выше образцѣ, черты нѣсколько разукрашены, вставленъ *Дунай* и т. п.: дѣло само очень ясно.

Былина начинается именно 1) Пѣснею Разина; 2) потомъ разсказывается о подвигахъ Разина, отъ лица его самого; 3) далѣе его Завѣщаніе, приведенное, какъ говорили мы выше, г. Костомаровымъ; 4) за тѣмъ Плачь товарищей надъ могилой и погребеніе; наконецъ 5) ихъ распрощанье между собою и рѣшеніе разойтиться. Впрочемъ мы обязаны цѣликомъ привести здѣсь этотъ замѣчательный образецъ:

3.

(Пермск. губ., Екатеринб. уѣзда).

Вы лѣса ль мои, лѣсочки, лѣса темные,
Вы станы ль мои, станочки, станы Теплые!
Ужь какъ вы ль, мои станочки, поразломлены,
Всѣ товарищи, всѣ пріятели поразловлены,
По злодѣйкамъ по тюрьмамъ поразсожены.
Только я то ли, добрый молодецъ, не пойманъ былъ,
По прозваньицу меня звали Стенька Разинъ сынъ.

Я не годъ гулялъ, я не два года,
Я гулялъ-то ровно тридцать лѣтъ.
Какъ пошелъ-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-рѣкѣ;
У Дунай-рѣки перевозъ кричалъ:
«Перевезите-ка меня, добра молодца,
«На ту сторону, на бѣлый камешекъ!»

На бѣломъ камешкѣ сталъ скончатися,
При кончинушкѣ сталъ наказывать,
Сталъ наказывать и выговаривать:
«Ахъ вы милые сотоварищи!
«Похороните меня, добра молодца,
«Промежду трехъ дорогъ, первой [Питерской],
«Другой Владимірской, третьей Кіевской.
«Вовъ правую ручку дайте саблю вострую,
«Вовъ лѣвую ручку калену стрѣлу,
«Въ головахъ поставьте чуденъ-дивенъ крестъ,
«Вовъ ногахъ поставьте ворона́ коня.
«Кто ни йдетъ, кто ни ѣдетъ мимо молодца,
«Мимо молодца, всякъ помолится:
«—Что не воръ ли лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
«—Тутъ лежитъ-то Стенька Разинъ сынъ!—

Приходили тутъ сотоварищи,
Помолилися на чуденъ-дивенъ крестъ,
Тому-то братцы сдивовалися,
Стенькѣ Разину покланялися:
—Ужь ты выстынь-ка, сотоварищь нашь,
—Ты возьми-ка въ руки саблю вострую,
—Вовъ лѣву руку калену стрѣлу,
—Ты ударь-ка буйной палицей
—По бедрамъ нашимъ широкіимъ *)!
—Кабы знали мы ужь вѣдали,
—Выручили бы съ бѣла́ камня́,

*) За то, что не спохватились и не выручили Стеньки Разина.

—Съ бѣла камня, со Дунай-рѣки,
—Со Дунай-рѣки, со широконькой.
—Покажи-ка намъ златы латы тутъ,
—Златы латы тутъ серпентинныя!—

Погрузили во Дунай-рѣку
Сотоварищи Стеньку Разина.
Со Дунай-рѣки сотоварищи
На Амуръ пошли думу думати;
У Амуръ-рѣки крута гора,
Крута гора высокая;
На той горѣ распрощалися,
Другъ другу покланялися:
—Ужь мы, братцы, разодеймтесь-ка,
—Разойдемтесь-ка по дикимъ мѣстамъ!—

(Отъ крестьянина; ср. II ч. собр. П. Н. Рыбникова).

* *

Что касается до *пѣсни*, которую г. Костомаровъ ставитъ при разсказѣ о заключеніи Разинова брата *Флора*, какъ будто ему принадлежащей, то она, еще болѣе Разинскаго *завѣщанія*, принадлежитъ одинаково любому Флору и Лавру, рѣшительно всѣмъ Безъимяннымъ Молодцамъ и Козакамъ, а поется вообще какъ олицетвореніе тюремнаго заключенія и пѣсня о подвигахъ заключеннаго, въ сотнѣ видовъ и редакцій.

Теперь идетъ уже *воспоминаніе* о Разинѣ, въ видѣ столь знакомаго намъ *Плача*, какъ поютъ его, на примѣръ, о смерти всѣхъ замѣчательныхъ лицъ, съ Ивана Грознаго до Александра I-го, и какъ могутъ видѣть читатели всюду у насъ, начиная съ 6-го выпуска. Въ настоящемъ 7-мъ выше напечатанъ у насъ образецъ (стр. 41, № 6) изъ Новиковскаго пѣсенника, съ замѣтною книжною придѣлкою на концѣ: «И на славной Красной площади Отрубили буйну голову.» То же, короче, изъ другихъ пѣсенниковъ напечатано и у г. Костомарова, съ началомъ:

Помутился славный-тихій Донъ
Отъ Черкаска до Чернаго моря,
Помѣшался весь козачій кругъ, и т. д.

* *

Какъ взятіе Казани, какъ Астрахань при Михаилѣ (ср. выше), такъ конечно не могло миновать народнаго вниманія послѣдовавшее взятіе и очищеніе Астрахани послѣ Разина. Вѣроятно событіе это отозвалось въ слѣдующей Былинѣ, хотя не скрываемъ, что она можетъ относиться и къ другимъ завоеваніямъ, и не только Астрахани, а даже и другихъ городовъ, какъ, на примѣръ, весьма сходно поется о взятіи Азова (ср. похожій пріемъ обмана при взятіи его выше, о Скопинѣ). Мы считаемъ не лишнимъ привести эту Былину здѣсь, въ старшемъ для нея по времени мѣстѣ; имя *Никиты Ѳедоровича* согласовалось съ тѣмъ, что послѣ Милославскаго прибылъ въ Астрахань Яковъ Никитичь *Одоевскій*, а въ исторіи Одоевскихъ народу особенно памятно имя *Никиты*.

Взятіе Астрахани.

1.

(Задонскій уѣздъ).

Собирался князь Никита
Сынъ Ѳеодоровичь,
Онъ во путь во дороженьку,
Въ Астрахань городъ.
Вотъ онъ дѣлалъ телѣжки
Астраханскія,
А не мало и не много—
Сорокъ восемь тысячь.
Обивалъ онъ телѣжки
Дорогимъ сукномъ,
Дорогимъ такимъ *) сукномъ,
Чернымъ бархатомъ.

*) Тонкимъ?

Онъ сажалъ на тѣ телѣжки
По семи человѣкъ,
По восьмому онъ сажалъ.
По кучеру,
По девятому онъ сажалъ
Кашеварому,
По десятому онъ сажалъ
Провожатому.
Напередъ онъ послалъ
Своего гонца:
«Ты гони, гони, гонецъ,
Въ Астрахань-городъ!
«Ты воскликни, ты возгаркни
Громкимъ голосомъ:
«—Ужь вы гой-еси, купцы
Астраханскіе!
«—Отворяйте-ка ворота
Вы широкіе,
«—Мы пріѣхали къ вамъ, купцы
Черноморскіе,
«—Привезли мы вамъ товары,
Все заморскіе:
«—Черныхъ соболей
Со куницами,
«—Съ чернобурыми
Со лисицами.—»

Отворяли имъ купцы
Свои ворота,
Становили купцы гонца
Во гостинницу.
Но тамъ гонецъ
Не уставился;
Очищали для гонца
Три площади,
Просили со гонца
Три пошлины:

—Заплачу́ я вамъ, братцы,
Всѣ три пошлины.—
Какъ съ перваго часу,
Со полуночи,
Выходилъ нашь гонецъ
На высокъ балконъ,
Онъ воскликнулъ–возгаркнулъ
Громкимъ голосомъ:
—Ты вставай, вставай,
Живой товаръ!
—Ты съ перваго конца
Жги–пали,
—А съ другаго конца
Сѣки–руби,
—А съ третьяго конца
Во полонъ бери,
—На каждаго молодца
Цѣпь тяжелую клади!—
Закричали купцы, купцы
Астраханскіе:
««Какъ ни честь, ни хвала
Царю Бѣлому,—
««Какъ не взяли Астрахань
Городъ въ тридцать лѣтъ,
««А теперь взяли его
Ровно въ три часа!»»

(Ср. Воронежск. Бесѣду 1861 г.).

Кстати, говоря о Былинахъ, оплакивающихъ смерть народныхъ героевъ, благодѣтелей или враговъ, укажемъ на Былину у Кирши Данилова о смерти *Михайлы Черкашенина*. Не ручаемся, чтобы она была сложена именно для этого лица: она похожа на весьма многія такія же Безъимянныя. Но по крайности мы имѣемъ здѣсь *имя* и образецъ того, какъ и съ какого времени Московское пѣснотворчество обратилось съ учас-

тіемъ къ представителямъ и событіямъ козачества. «Можетъ быть» даже и сложена она современно, въ одну эпоху съ Ермакомъ. Тогда мы для XVI и XVII вѣка Московскихъ Былинъ получаемъ *Ермака*, *Михайлу*, *Стеньку*, и *Флора Минаева*, съ ними Донъ, Волгу и Сибирь, Казань, Астрахань и Азовъ, однимъ словомъ главныя лица, поприща дѣйствія, черты и событія тогдашняго, «не-Малорусскаго» козачества.

Смерть Михайлы Черкашенина.

1.

(Кирша Даниловъ).

За Зарайскомъ городомъ, за Рязанью за Старою,
Изъ далеча изъ чиста поля, изъ раздолья широкаго,
Какъ бы гнѣдаго тура привезли убитаго,
Привезли убитаго атамана Польскаго,
Атамана Польскаго, а по имени Михайла Черкашенина.
А птицы ластицы кругъ гнѣзда убиваются:
Еще плачутъ малы его дѣти надъ бѣлымъ тѣломъ;
Съ высокаго терема зазрѣла молодая жена,
А плачетъ–убивается надъ его бѣлымъ тѣломъ,
Скрозь слезы свои она едва слово промолвила,
Жалобно причитаючи ко его бѣлу тѣлу:
«Козачья вольная *) по здорову пріѣхали,
«Тебя, свѣта моего, привезли убитаго,
«Привезли убитаго атамана Польскаго,
«А по имени Михайла Черкашенина!»

*) Вольница, козаки вольные, отчего и согласовано во множественномъ числѣ.

XII Д. 362.
И 317/47
15
XIII № 15/2

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

[Ч. 3]

Выпускъ 8.

МОСКВА.
Въ Типографіи П. Бахметева, на Срѣтенкѣ, д. Карлони.
1870.

II.

Возстанія и казни Стрѣльцовъ.

1.

(Губ. Симбирской, с. Головино).

Бывало, де, православный царь
Любилъ стрѣльцовъ, много жаловалъ:
Нынче государь на насъ прогнѣвался
И хочетъ стрѣльцовъ казнить-вѣшати,
Съ самóго съ атамана голову рубить.

Сходились стрѣльцы во-единый кругъ,
Они думали крѣпку думу за единую,
Посылали атамана къ самому царю:
««Поди-ка, атаманъ, къ самому царю,
««Кланяйся царю въ рѣзвы ноженьки,
««Проси у царя большой милости:
««Не можно ли насъ, батюшка, стрѣльцовъ простить?
««Возьмемъ мы ему городъ, который надобно,
««Безъ свинцу возьмемъ, безъ пороху.
««Безъ его снаряду государева [1]),
««Возьмемъ городъ грудью бѣлою.»»

Тутъ пошолъ атаманъ къ самому царю,
Пошолъ онъ вдоль по улицѣ,
Подходитъ онъ къ государеву Двору.
На то время государь-царь по дворцу гуляетъ.
Онъ и палъ, молодецъ, на колѣночки,
Сталъ кланяться царю въ рѣзвы ноженьки,
Сталъ просить у него большой милости:
«Охъ ты гой еси, нашь батюшка, православный царь,
«Всея Руси царь Петръ Ѳедорычь [2])!

---

[1]) Безъ нововведеній, принятыхъ въ новомъ войскѣ.—[2]) У новаго пѣвца прежнее имя уже замѣнено болѣе новымъ.

«Не можно ли насъ, стрѣльцовъ, простить?
«Возьмемъ мы тебѣ городъ, который надобно,
«Безъ свинцу возьмемъ, безъ пороху,
«Безъ твоего снаряду государева,
«Возьмемъ городъ грудью бѣлою.»
Выходитъ царь-государь на Красенъ Крылецъ,
Возговоритъ онъ громкимъ голосомъ:
—Охъ ты гой еси, стрѣлецкій атаманушка!
—И нѣтъ отъ меня вамъ милости.
—Ступай, сбирай стрѣлецкое свое войско,
—Гони-ты ихъ на Красну Площадушку,
—А которыхъ на поле на Куликово-то [1]:
—Кого стану казнить, кого вѣшати,
—Съ тебя, съ атамана, голову рубить.—
Тутъ у молодца рѣзвы ноги подогнулися,
Бѣлы руки его опустилися,
Буйна его головушка съ плечь долой катится,
Соболина его шапочка изъ рукъ выпала,—
Соболина шапка на немъ во сто рублей,
А кунья шуба на молодцѣ во тысячу.

Пошолъ молодецъ съ широка двора,
Съ того двора съ государева.
Всходитъ во Стрѣлецку большу улицу;
Тутъ не золота трубонька вострубила,
Не серебряна сипóвинка [2]) возъигрывала,
Тутъ вскричалъ атаманъ громкимъ голосомъ,
Чтобы слышно было по всему городу:
«Охъ вы гой еси, стрѣльцы, добры молодцы!
«Вы ступайте, убирайтеся вонъ изъ города:
«И нѣтъ намъ, братцы, отъ царя большой милости,
«Велѣлъ гнать на Красную Площадушку,

---

[1]) Московскія Былины повсюду перевели эту мѣстность въ Москву (смѣшивая „поле Кучково“): ср. вып. 6-й.—[2]) *Сиповка. сопѣль,* народный и войсковой духовой инструментъ.

«А которыхъ на поле на Куликово–то,
«Кого хочетъ казнить, кого вѣшати,
«А съ меня, съ атамана, голову рубить.»

(Записано Языковымъ).

*

2.

(Сызрань).

Во далечѣ, во далечѣ во чистомъ полѣ,
А ещё того подалѣ во раздольицѣ,
Тутъ на красное солнышко выкатáлося:
Выѣзжаетъ–то удалый–добрый молодецъ,
Еще тотъ же стрѣлецкій атаманушка.
Хорошá–больно на молодцѣ приправушка:
Подъ нимъ добрый конь ровно лютый звѣрь,
Кольчуга–то на молодцѣ серебряная,
Соболина на нёмъ шапка до могучихъ плечь,
На немъ тýгій лукъ какъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
Калены стрѣлы какъ часты звѣзды.
Онъ и держитъ путь-дороженьку въ каменну Москву,
Онъ и горы и долы въ перескóчь скакалъ,
Темные лѣсы межу ногъ пускалъ,
Быстрыя рѣки перепрыгивалъ.

Возъѣзжаетъ онъ во матушку каменну Москву,
Пріѣзжаетъ ко дворечушку ко судáреву.
Караульщиковъ онъ не спрашивалъ,
Приворотничкамъ не билъ челомъ,
Онъ и бьетъ свого добра коня—не жалуетъ,
Его добрый конь осержается,
Отъ сырой мати–земли отдѣляется,
Перепрыгивалъ онъ стѣнушку бѣлокаменну;
Подъѣзжаетъ онъ ко крылечушку ко судареву.
Воскрикнетъ онъ—возгаркнетъ громкимъ голосомъ:
«Охъ ты гой еси, нашь батюшка, православный царь,
«Во всеё Руси царь, Петръ, сударь, Лексѣевичь!
«Ты за чтó про что на насъ, сударь, прогнѣвался,

«Ты за что нашь зеленый садъ хочешь вижечь–вырубить,
«Всѣ и вѣтвицы–кореньицы повысушить?
«Не можно ли тебѣ, сударь, насъ стрѣльцовъ простить?
«Мы возьмемъ тебѣ городъ, какой надобно,
«Безъ свинцу–то мы—безъ пороху суда́рева.
«Мы безъ ружеецъ, безъ сабелекъ безъ вострыихъ,
«Мы возьмемъ тебѣ городъ своей грудью бѣлою.»
Выходилъ–то тутъ батюшка православный царь,
Во однихъ–то онъ чулочкахъ, онъ, безъ чоботовъ,
Во одной–то онъ сорочкѣ, онъ, безъ панцуровъ;
Воскричитъ–то онъ—возгаркнетъ громкимъ голосомъ:
—Охъ ты гой, стрѣлецкой атаманушка!
—Ужь и вотъ–то я съ боярами подумаю,
—Съ сенато́рами съ Федьмаршалами перевѣдаю.—
Ужь возговоритъ тутъ стрѣлецкой атаманушка:
«Охъ ты гой еси, нашь батюшка, православный царь,
«Во всеѣ Руси царь, Петръ, сударь, Лексѣевичь!
«Въ глазахъ ты меня, сударь, обманываешь:
«Не видать тебѣ меня у себя [1]) въ дворцѣ!»

Онъ и бьетъ свого добра коня—не жалуетъ,
Его добрый конь осержается,
Отъ сырой мати–земли отдѣляется,
Перепрыгиватъ онъ стѣнушку бѣлокаменну,
Онъ и держитъ путь–дорожку во далече во чисто поле;
Возъѣзжаетъ онъ во стрѣлецкую армеюшку,
Воскричитъ–то онъ—возгаркнетъ громкимъ голосомъ:
«Охъ вы гой еси, стрѣлецкія головушки!
«Еще хочетъ насъ православный царь всѣхъ жаловать,
«Жаловать хоромами, хоромами высокими,—
«Двумя столбами дубовыми
«И петлями шелковыми!»

(Языковъ).

---

[1]) Это дурно записано и вѣроятно подправлено.

3.

Дотолѣва зе́ленъ [1]) садъ зелёнъ стоялъ:
А нонче зе́ленъ садъ присохъ-приблёкъ,
Присохъ-приблёкъ, къ землѣ прилёгъ,
Пріуныли въ садочкѣ вольны пташечки,
Всѣ горькія кукушечки.

На зарѣ было на утренней,
На восходѣ солнца краснаго,
Государь-царь по дворцу гулялъ,
Онъ въ однѣхъ чулкахъ безъ чоботовъ,
Тоненькій созямчикъ [2]) на спашечку.
На всѣ сторонки обзирался:
Никто нейдетъ къ Бѣлу царю съ повинной,
Ни князья, ни бояре, ни сильны могучи богатыри:
Только одинъ изъ нихъ пошолъ добрый молодецъ,
По имени Иванушка Ивановичь,
Стрѣлецкій атаманушка.
Несетъ съ собой топоръ и плаху.
Подходилъ онъ къ Бѣлу царю близёхонько,
Кланялся Бѣлу царю низёхонько,
Рѣчь возговорилъ добрый молодецъ Бѣлу царю:
«Гой ты, гой еси, батюшка, православный царь!
«Не прикажи казнить, прикажи слово молвити:
«Никто нейдетъ къ тебѣ, къ Бѣлу царю, съ повинною,
«Только я пришолъ къ тебѣ съ повинною,
«Принесъ съ собой топоръ и плаху.»
Рѣчь возговоритъ православный царь:
—Да Богъ проститъ тѣ за всѣ вины, да и я прощу!—

Послалъ въ силу-ратію [3]) посланника,
Шла бы шла ратія къ Бѣлу царю съ повинною:

---

[1]) Зеленый.—[2]) *Озямъ* (ознять, ознимать) то же, что *запунъ* (спять, запять, запинать), сначала на застежкахъ, потомъ запашной полный кафтанъ халатомъ; частнѣе *запунъ*—застежкою, *озямъ* запашкою.—[3]) Рать.

Опять никто нейдетъ къ Бѣлу царю съ повинною.

На то же православный царь осержáился,
Приказалъ ихъ всѣхъ казнить-вѣшать.

(Кир.).

Сравните Ивана Ивановича ниже, въ Козакахъ.

*

4.

(Съ Урала).

Тонко-звонко во Успенскій большой колоколъ ударили.

У крыльца-крыльца было параднаго,
Стоялъ тутъ стрѣлецкій атаманушка:
Во правóй рукѣ держитъ коня добраго,
Соболиную шапочку подъ пазушкой.
Со крыльца идётъ надёжа православный царь,
Въ однимъ ситцевомъ халатѣ на-распашечку,
Въ однѣхъ шолковыхъ чулочкахъ и безъ туфелекъ.
Какъ возговоритъ стрѣлецкій атаманушка:
«Охъ ты гой еси, надёжа, православный царь!
«Не возможно-ли насъ, батюшка, стрѣльцовъ простить?»
Что возговоритъ надёжа православный царь:
—Охъ ты гой еси, стрѣлецкій атаманушка!
—Поѣзжай ты скоро во Слободы Стрѣлецкія,
—И я тамъ буду кого любить, кого жаловать,
—И кого буду казнить и вѣшать.—
Еще тутъ-то стрѣлецкій атаманушка призадумался:
Подогнулися у стрѣльца рѣзвы ноженьки,
И опустилися бѣлы рученьки,
И выпадаетъ изъ рукъ шапочка.

(Отъ В. И. Даля).

* *

Казнь Князя, Большаго Боярина, Атамана Стрѣлецкаго.

1.

Изъ Кремля-Кремля, крѣпка го́рода,
Отъ дворца-дворца государева,
Что до самой ли Красной Площади,
Пролегала тутъ широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Какъ ведутъ казнить тутъ добра мо́лодца,
Добра молодца, Большаго Барина [1]),
Что Большаго Барина, атамана стрѣлецкаго,
За измѣну противъ царскаго Величества [2]).
Онъ идетъ ли молодецъ—не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей озирается,
Что и тутъ царю не покоряется [3]).
Передъ нимъ идетъ грозёнъ палачь,
Во рукахъ несетъ остёръ топоръ,
А за нимъ идутъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена;
Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдаютъ, какъ ручьи шумятъ,
Въ возрыданьѣ выговариваютъ [4]):
««Ты дитя ли наше милое!
««Покорися ты самому царю,
««Принеси свою повинную,

---

[1]) Въ другихъ „боярина.“—[2]) *Дмитр.* „къ отечеству.“—[3]) *Дмитр.* „И въ измѣнѣ не кается.“—[4]) Въ изд. *Якушкина*, 1865 г. (записано А. А. Григорьевымъ у Цыганъ):

Позади пятъ отецъ съ матерію,
Отецъ съ матерью, молодая жена.
Отецъ-мать во слезахъ слово молвили.—*Дмитр.* „Они взрыдъ говорятъ ему.“

«««Авось тебя государь-царь пожалуетъ [1]),
«««Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ.»»»
Каменѣетъ сердце молодецкое [2]),
Онъ противится царю, упрямствуетъ,
Отца-матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ.
Привели его на Площадь Красную,
Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плечи [3]).

(Пѣсенникъ Чулковскій и Новиковскій; Дмитріева и др.).

Конецъ пѣсни явно подправленъ.

*

---

[1]) Въ другихъ:

Авось тебя Богъ помилуетъ,
Государь-царь пожалуетъ.

Якушк.:

Царю Бѣлому, Петру Первому,
Принеси ты головушку повинную;
Авось тебя тогда Господь-Богъ помилуетъ,
Государь-царь тебя пожалуетъ.

[2]) За симъ *Якушк.*:

Добрый молодецъ отца-матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой насмѣхается,
О милыхъ дѣтяхъ не болѣзнуетъ,
Что и тутъ онъ царю не покоряется.

[3]) *Дмитр.* разбавлено:

Сердце въ немъ было каменно,
Не внималъ отцу съ матерью,
Не тужилъ о женѣ своей,
Не вздыхалъ о сироточкахъ
И царю не покорствовалъ.
Привели его на площадь,
Не успѣлъ народъ воззриться...
Отхватилъ палачь молодцу
Въ одинъ разъ буйну голову
По его могучи плеча.

2.

Голова ль ты моя, головушка,
Голова моя послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Со добра коня не слѣзаючи,
Изъ стремянъ ногъ не вынимаючи.
Ахъ, не выслужила головушка
Ни корысти себѣ, ни радости,
Какъ ни слова себѣ добраго [1]),
И ни рангу себѣ высокаго [2]):
Только выслужила головушка
Два столбика высокіе,
Перекладинку клено́вую,
Еще петельку шелковую.

По Мясницкой славной улицѣ,
За Мясницкими за воро́тами,
Ведутъ князя-боярина.
Передъ нимъ идутъ попы, дьяконы,
Во рукахъ несутъ большу книгу,
А за нимъ идетъ солдатъ рота,
На голо́ несутъ шпаги [3]) острыя;
А по правую по сторонушку
Идетъ его грозной палачь,
Во рукахъ несетъ саблю острую [4]);
А по лѣвую по сторонушку,
Тутъ идетъ его родна сестра;
Она плачетъ, что рѣка льется,

---

[1]) Начиная съ Данiила Заточника, чрезъ всю нашу древнюю Словесность до пословицъ, повторяются эти выраженія.—[2]) *Сахаровъ* подправилъ: „И ни славы высокія.“—[3]) *Сахаровъ* подправилъ: „стрѣльцовъ рота;“ „бердыши.“—[4]) *Сахар.* „топоръ широкій.“

Возрыдаетъ, какъ ручьи текутъ.
Унимаетъ ее родный братъ:
«Ты не плачь, не плачь, родна сестра.
«Не слези свои очи ясныя,
«Не руди [1]) своего лица бѣлаго,
«Не надсажай своего сердца ретиваго.
«Какъ чего же тебѣ хочется:
«Иль помѣстій моихъ, иль вотчины,
«Иль имѣнія тебѣ—богатства [2]),
«Или злата, или серебра,
«Иль моего тебѣ здоровьица?»
—Ахъ ты свѣтъ же, мой любезной братъ!
—Ничего-то мнѣ не хочется,
—Ни помѣстій твоихъ, ни вотчинъ,
—Ни имѣній твоихъ—богатства,
—Ни злата, ни серебра:
—Ужь какъ только мнѣ, братецъ, хочется,
—Твоего, сударь, здоровьица.—
Да что взговоритъ родимой братъ:
«И ты свѣтъ, моя родна сестра!
«Тебѣ плакать,—не выплакать,
«Молить Бога,—не вымолить,
«У царя просить,—не выпросить.
«И такъ меня Богъ помиловалъ,
«Государь-царь пожаловалъ:
«Велѣлъ срубить буйну голову
«По мои плеча могучія.»

Какъ взвели князя на срубъ высокъ,
На его мѣсто показанно;
Онъ молился Спасу—чудному [3]) образу,
Онъ на всѣ стороны [4]) низко кланялся:

---

[1]) Не кровавь или не марай.—[2]) По складу—„богатества;“ въ другихъ „богатаго.“—[3]) Въ другихъ „образу“ отброшено.—Это на Спасской башнѣ, Красной Площади.—[4]) Въ другихъ: „Онъ кругомъ всѣмъ.“

«Ахъ прости, прости, міръ и народъ [1]) Божій!
«Помолитеся за мои грѣхи,
«За мои грѣхи тяжкіе.»
Не успѣлъ народъ лишь взóзрити,
Какъ отсѣкли буйну голову
По его плечи могучія.

(Оттуда же).

*

3.

Изъ Кремля-Кремля, крѣпка города,
Отъ дворца-дворца государева,
Что до самой ли Красной Площади
Пролегала тутъ путь-дороженька.
А по той ли по дороженькѣ,
Ахъ, казнить вели добра молодца,
Добра молодца, знатна барина,
Что главнѣйшаго атамана, де,
Атамана, де, слышь, стрѣлецкаго,
За измѣну, де, клятвы въ вѣрности,
Клятвы въ вѣрности царю Русскому,
Царю Русскому и Московскому [2]).
Молодецъ идетъ—не оступится,
Не оступится, не посупится:
Онъ на всѣхъ людей озирается,
Видомъ гордымъ такъ всѣмъ доказывать,
Что и тутъ царю нѣтъ повинности.
Передъ нимъ идетъ злой грозенъ палачь,
Онъ въ рукахъ несётъ страхъ-остёръ топоръ;
А за нимъ идутъ отецъ съ матерью
Того добраго удáлъ-мóлодца,
Удáлъ-мóлодца, знатна барина;

---

[1]) Ошибка вмѣсто „міръ-народъ.“
[2]) До того доходили исправленія!

А за матерью шла млада жена,
Его вѣрная сердцу милая.
Они плакавъ всѣ, горько всхлипывутъ,
Слезы горькія какъ рѣкой текутъ,
А рыданья ихъ, какъ ручей шумитъ,
Ихъ кручина зла обуяла всѣхъ,
Имъ надежды нѣтъ упросить царя,
Царя грознаго, справедливаго;
Безнадежные жь приговаривутъ:
«Ты дитя, дитя ль, дитя милое!
«Покорися самъ предъ царемъ своимъ,
«Ты пади предъ нимъ, поклонись ему,
«Повинись ему во повинности,—
«Милосерды всѣ цари Русскіе,
«Наказавъ они и пожалуютъ,
«Отдадутъ тебѣ честь и жизнь твою,
«Не лишишь ты насъ собой радости,
«Не оставишь насъ сиротами здѣсь.»
Сердце каменно молодецкое
Леденѣетъ лишь да упорствуетъ,
На царя дышетъ злобой дерзкою,
Злобой дерзкою, богомерзкою.
Молодецъ отца не послушался,
Не тронулся онъ воплемъ матери,
Надъ женой своей онъ не сжалился,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ,
Шедши съ гордостью усмѣхается.
Привели его къ Красной Площади,—
И буйна глава непокорнаго
Отдѣлилася отъ могучихъ плечъ.

(Наивная романтическая передѣлка въ „Русскомъ національномъ пѣснопѣніи.“ — Слѣдующія за симъ передѣлки, забывшія извѣстное лицо и обратившія князя-боярина-атамана въ простаго „добраго молодца“ или остановившіяся уже надъ казненнымъ, принадлежатъ къ дальнѣйшимъ судьбамъ пѣсни среди самаго народа).

* *

4.

Ты змѣйка, скоропейка [1]), змѣя лютая!
Изъ норы ты, змѣя, ползешь—озираешься,
По песку ползешь—извиваешься,
По травѣ ты ползешь—всю траву сушишь;
Изсушила въ полѣ всю травушку,
Да всю травушку, всю муравушку,
Всѣ цвѣточки, всѣ лазоревые [2]).
Ты душа ль, душа красна дѣвица!
Изсушила ты добра молодца,
Какъ былиночку въ [3]) чистомъ полѣ,
Довела его ты до погибели,
Что до той ли темной тёмницы.

Что изъ славнаго села Преображенскаго,
Изъ того Приказу государева,
Что вели казнить добраго молодца,

---

[1]) Скорпіонъ; *Сахаровъ*, не понявши, по обычаю исправилъ „*скороспѣйка*“ и, не смотря на то, что творческій сей образъ выражаетъ снѣдающую грусть, по другимъ образцамъ угрызающую совѣсть преступника, по инымъ язву несчастной любви, наконецъ и саму „погубительницу дѣвицу,“—напротивъ сочинилъ изъ этого жену (рядомъ съ полюбовницей!), а все начало изложилъ такими затѣйливыми стихами:

У меня ли, молодца, змѣя жена,
Змѣя жена, ладо (какъ это гармонируетъ со скорпіономъ!) скороспѣйка.
Моя-то змѣя изъ норы ползетъ, озирается,
По песку ползетъ, извивается,
По травѣ ли ползетъ, всю траву сушитъ;
Изсушила моя лада и травушку,
Да что травушку, муравушку.

[2]) Таково, можно думать, было вступленіе Былевой пѣсни „Изъ Кремля-Кремля, крѣпка города,“ когда она не перешла еще, отъ историческаго князя, къ простому „мо́лодцу“ и „дѣвицѣ;“ потомъ это начало окрѣпло лишь при пѣснѣ Безъимянной.—[3]) Въ другихъ „во“.

Что казнить его—повѣсити.
Его бѣлыя руки и ноги скованы [1]),
По правую руку идетъ страшенъ палачь,
По лѣвую идетъ его мать ро́дная,
Позади идетъ красная дѣвица,
Его милая полюбовница,
Что зазноба его ретива̀ сердца,
Погубительница живота его.

(Самая распространенная пѣсня; ср. пѣсенникъ Чулковскій, Новиковскій и другіе).

* *

5.

Голова ль ты моя, головушка,
Голова ль ты моя молодецкая!
До чего тебѣ дошататися,
По всему ли свѣту бѣлому,
По всему ли царству Московскому?

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменно̀й Москвѣ,
На Мясницкой славной улицѣ,
У кружала государева [1]):
Какъ лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Онъ бѣлы̀мъ лицомъ ко сыро̀й землѣ,

---

[1]) По другимъ: „Его бѣлыя руки связаны, Его скорыя ноги скованы.“

[1]) За обводъ Города, туда, гдѣ приходились (и нынѣ называются) ворота, на примѣръ Мясницкія или Петровскія, вынесены были „кружала, государевы,“—шатеръ съ питьями, а старше народные круги для гульбищь, хороводовъ и—тутъ же публичной казни; пѣсня отъ исторической казни перешла уже просто къ пропившемуся молодцу и, кажется, съ Красной Площади въ Бѣлый городъ.

Растрепавъ [1]) свои кудри черные,
Разметавъ [1]) свои руки бѣлыя,
Протянувши [1]) ноги скорыя.
Что ни ласточка—ни косаточка
Вкругъ тепла̀ гнѣзда увивалася,
Увивалася его родная матушка,
Причитавши сію рѣчь промолвила [2]):
«Я давно тебѣ, сынъ, говорила,—
«Не ходить было по чужимъ дворамъ,
«По чужимъ дворамъ, по чужимъ женамъ!»

(Ср. пѣсенникъ Шнора, изд. 2. Спб., 1791, и „Русск. національ. пѣснопѣніе“).

* * *

Творчествомъ связанная съ симъ *казнь князя Долгорукаго* вѣроятно имѣла позднѣйшее историческое происхожденіе и потому пѣсня о ней помѣщена будетъ послѣ.

Обратная сторона казней и милость царя нашла себѣ выраженіе въ другомъ отдѣлѣ подобныхъ пѣсней (ср. ниже „Замѣтку“):

III.

Правежъ.

1.

У насъ было, братцы, на святой Русѣ,
На святой Русѣ, въ каменной Москвѣ,
Стояла тутъ палата бѣлокаменна.
Къ той палатѣ бѣлокаменной
Съѣзжалися князья со боярами,
Всѣ сенаторы Московскіе,

---

[1]) Первоначально, разумѣется, было: „растрепалъ,“ „разметалъ,“ „протянулъ.“—[2]) Народная рѣчь подправлена на письмѣ.

Князь Стрѣлковскій въ походѣ съ козаками.

1.

(Симбирск. губ., с. Усть-Урень).

Мимо лѣсику, мимо бору сыраго,
Пролегала путь-дороженька;
Никто по ней не прохаживалъ
И никто по ней не проѣзживалъ:
Только шелъ-прошелъ одинъ полкъ козаковъ.
Напередъ у нихъ ѣхалъ злой полковничекъ,
Злой полковничекъ ѣхалъ, князь Стрѣлковскій.
««Прикажи ты намъ здѣсь ночевати?»»
Князь Стрѣлковскій на то разсердился,
И поѣхалъ онъ на крутыя горы,
И беретъ во правую рученьку подзорную трубоньку,
И поглядывалъ на чисто поле далекохонько:
Какъ во трубоньку ничего ему не видно,
Только и видно ему—быстрая рѣчка,
Какъ по рѣчушкѣ растетъ камышъ-травка;
Какъ со вечера травка притихаетъ,
Ко полуночи травка зашумѣла,
Ко бѣлой-то зарѣ травка завѣвала....

(Отъ Н. Картавенка, запис. П. В. Шейномъ; ср. „Чтенія“ 1859.—О связи сего съ ближайшими отдѣлами см. ниже „Замѣтку“).

* * *

При слѣдующемъ отдѣлѣ предварительно нужно вспомнить, по Былинамъ, первыя покушенія на Азовъ, соборы о томъ (подобные соборамъ о Смоленскѣ) и плѣнъ древнѣйшихъ козаковъ въ Азовѣ, о чемъ см. ч. II, вып. 7, стр. 116, 117, 133, 135—137, и Рыбник. ч. II, № 40, ч. III, №№ 46 и 47.

VI.

Азовскіе походы. Донскіе Козаки. Иванъ Заморянинъ.

1.

(Губ. Симбирской, с. Головино).

У насъ было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси, на Тихóмъ Дону,
На Тихомъ Дону на Иванычѣ,
Соходился тутъ хорошъ-пригожъ козачій кругъ,
Донское козачьё со Яицкими,
Гребенскіе съ Запорожскими.

По кругу ходитъ Иванъ Замóрянинъ,
Онъ и рѣчь-ту говоритъ,—во трубу трубитъ:
«Вечоръ-то намъ, братцы, указъ пришелъ,
«За утро намъ добрымъ молодцамъ во походъ итти,
«Подъ тотъ ли подъ Азовъ городъ,
«Подъ тую ли подъ стѣну бѣлокаменну.
«Ой гой еси, добрые молодцы,
«Донскіе козаки со Яицкими,
«Гребенскіе козаки съ Запорожскими!
«Вы возьмите, молодцы, по топорику,
«Сдѣлайте телѣженьки карлúнскія [1]),

---

[1]) Въ смыслѣ „иностранныхъ,“ не обычныхъ, на особый способъ, съ палубами, по образцу судовъ (въ постройкѣ которыхъ доселѣ есть техническій терминъ „карлингъ“). Иначе „бурмистровскія,“ бургомистровъ и бурмистровъ (также иностранныя), или „бурмицкія (отъ „бурма“),“—съ подъемомъ, съ крышкой, съ запястьемъ, съ запоромъ.

«Карли́нскія телѣги со палубами:
«Во телѣженьки кладите живой товаръ,—
«По восьми мо́лодцевъ,
«А по девятому въ провожальники,
«По десятому въ повозчики
«Ѣхать же намъ, добрымъ молодцамъ,
«Во Азовъ городъ.»

Не доѣхатчи Азова, становилися,
Пущали они въ зелены лу́ги заповѣдные,
Добрыхъ коней,
Вотъ луга́ княженецкіе [1]).
Изъ того же изъ славнаго города изъ Азова
Выходили тутъ Турецки цѣловальнички:
««Что́ это за диво, за дива́вище,
««Что́ у насъ въ лугахъ за народъ стоитъ,
««Попущали они [2]) добрыхъ коней на стреножники [3])?»»

Не золотая трубынька вострубила,
Не серебряне синовочки возговорили,
А возгово́ритъ Иванушка Замо́рянинъ:
«Ой вы гой еси, вѣрны клюшницы [4]),
«Турецки цѣловальнички!
«Я стою, Иванъ, со товарами со дорогильными [5]):
«Очищайте вы дворы въѣзжіе,
«Гдѣ со товаромъ раскластися,
«А я самъ стану, Иванъ, середь города,
«Середь города, середь Азова.»

---

[1]) Относится къ предыдущему: „въ зелены луги заповѣдные, вотъ (въ) луга княженецкіе (заповѣдные—княженецкіе, въ Былинахъ со временъ Владиміра).—
[2]) Народъ.—[3]) Спутавъ ноги; другой списокъ: „не стреноживши.“—[4]) Множ. отъ „ключникъ.“—[5]) Шелковыми: не отъ „дороговизны“ сихъ товаровъ (до́роги), какъ думаютъ иные, а скорѣе это товары 1) травчатые, съ узорами, полосатые, и 2) полосами, какъ извѣстно, у насъ постилавшіеся по царскому и вообще праздничному пути, откуда ихъ имя „доро́ги“ и „пути;“ были почетныя лица „съ путемъ“ и т. п.). Позднѣе это имя утвердилось за товаромъ „шелковымъ.“

Не золотая трубынька вострубила,
Не серебряная сиповочка возговорила,
Возговоритъ Иванушка Заморянинъ:
«Ой гой еси, удалы-добры молодцы!
«Чтобы были у васъ ружья [1]) чистыя,
«И кремни вострые,
«И во бѣлыхъ [2]) рукахъ сабли вострыя!»

На зарѣ было—на зоренькѣ,
На зарѣ было на утренней,
Не золотая трубынька вострубила,
Не серебряна сиповочка возговорила,
А возговоритъ Иванушка Заморянинъ:
«Вставай ты, вставай, мой живой [3]) товаръ,
«Во бѣлы руки берите сабли вострыя,
«Вы рубите со Татаръ буйны головы!»

(Доставл. П. М. Языковымъ).

Былина очень хорошая и по языку древняя; къ сожалѣнію предлежащій образецъ на половину разрушенъ въ стихѣ.

Именно эта Былина и подкрашена, въ книжной обработкѣ, именемъ Скопина, а потомъ перенесена ко взятію Астрахани, къ Одоевскому изъ временъ Разина, къ Шереметеву изъ временъ Петра. См. вып. 7, стр. 116, 117, 161 и дал.

* *

Самъ царь.

1.

(Губ. Нижегородской, с. Павлово).

Собирается православный царь
подъ крѣпкой Азовъ-городъ,
Собираетъ онъ телѣжинекъ
Сорокъ тысячей,

---

[1]) Въ другомъ спискѣ „рукавы.“ — [2]) „въ обѣихъ.“—[3]) „новóй,“ — то же. что свѣжій, живой.

Въ кажную телѣжку сажалъ
по пяти молодчиковъ,
По шестому приставливалъ
по извошшичку,
Укрывали сукнами
багрецовыми,
Убивали гвоздочками
полужоными.

Подъѣзжали къ Азовскимъ крѣпкимъ
воро́тичкамъ.
Возго́воритъ православный царь
таково слово:
«Охъ вы гой есте́, Азовскіи
караульшшички!
«Доложите во Азовѣ
свымъ начальничкамъ:
«Пріѣхалъ къ вамъ богатой гость
Ёдоръ Ивановичь,
«Съ тѣми ли съ товарами
со заморскими,
«Со куницами пріѣхалъ
и съ соболи́цами [1]).»
Отворили ёму Азовски
крѣпки воротички:
Онѣ [2]) ѣхали во Азовъ-городъ
трои суточки,
На четвёртые суточки
уставились.
Тутъ возго́воритъ православный царь
таково слово:
«Охъ вы гой есте, извошшички,
добры мо́лодцы!

---

[1]) Какъ отъ „куна“ и „кунь“ образована „куница,“ такъ отъ „соболь“—„соболица.“—[2]) Пріѣзжіе.

«Отдирайте суко́нцы
во единой махъ!»
Отдирали они суконцы
скоро на́ скоро,
Вылетали изъ кажней изъ телѣжки
по пяти молодчиковъ,
Они сабли востры
на голо держутъ.

Испужалися Азовскіи
начальнички:
««Ужь ты батюшка нашь,
православный царь,
««[Православный царь]
Петръ Алексѣевичь!
««Не мути ты нашь
Тихой Донъ:
««Мы станемъ тѣ [1]) служить вѣкъ
вѣрой-правдою,
««Вѣрой-правдою и какъ тѣ надобно [2]).»»

(Запис. свящ. Оаворскимъ; ср. Изв. А. Н. т. I).

* *

Ѣдетъ Шереметевъ графъ Борисъ Петровичъ.

1.

(Оттуда же).

Ужь ты славное сёло Павлово,
Слобода графа Шереметева!
Про тея, сёло, идетъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая:
Будто ты, сёло, на красѝ [3]) стоишь,

---

[1]) Тебѣ.—[2]) Влагаются тѣ же слова, какъ Донскимъ козакамъ.—[3]) На красѣ (какъ въ другихъ): красъ, высь, ширь и т. п.

На краси́ стоишь, на крутой горѣ́,
На крутой горѣ́, по раздольицу [1]),
Ты на двухъ рѣ́кахъ, на двухъ быстрыихъ,
Промежь тея бѣ́житъ рѣ́чка Та́рычка,
Возлѣ́ бо́къ [2]) бѣ́житъ Ока-матушка.

По Окѣ́-рѣ́кѣ бѣ́житъ ло́тычка [3]),
Лёгка лотычка раскраше́ная,
Всё гребцами ло́тка [3]) усажо́ная,
Какъ на восьмера на весе́лички.
Въ этой лотычкѣ́ самъ графъ гулялъ,
Шереметевъ графъ Борисъ Петровичь...

(Не кончено; запис. тѣмъ же).

* *

Пріѣздъ Донскихъ козаковъ на Воронежъ и Москву: народъ знакомится съ атаманомъ.

1.

Мимо славнаго города Воронежа
Пролегала тутъ широкая дороженька
[Что ко славному ко городу ко Санктпитеру [4])].
Что по той было по широкой по дороженькѣ
Ужь какъ шли-прошли козаки со Тиха Дона,
Со Тиха, братцы, Дона со Иваповича.
Ужь какъ всѣ, братцы, козаки сквозь Москву прошли [5]):

---

[1]) Обычное начало, обращаемое и къ Ярославлю, и къ друг.—[2]) По бокамъ, вдоль боковъ, о бокъ. — [3]) Одна изъ формъ, указывающая на корѣнь *лот-* (*лот-окъ*, *lat-us*, *лат-ка* и т. п., плоскость выгнутая или вогнутая).— [4]) Позднѣе вставленный стихъ. —[5]) Такъ какъ въ ту пору не было еще Санктпитера (и стихъ о немъ вставочный), то путь и слова самой пѣсни были конечно не „*сквозь* Москву," а „*на* Москву;" потому и первое знакомство, удивившее цѣловальниковъ, вѣроятно имѣло мѣсто *въ Воронежѣ* (безъ того не за чѣмъ было и выводить его).

Что одинъ изъ нихъ козакъ оставается [1]).
Онъ заходитъ на кружало государево [2]),
Онъ снимаетъ съ себя шапочку черна соболя,
Онъ и молится Спасителеву образу,
Онъ и кланяется на всѣ четыре стороны,
Государевымъ цѣловальникамъ особливъ поклонъ:
«Ахъ вы здраствуйте, государевы цѣловальники!
«Вы продайте мнѣ вина на пять сотъ рублёвъ,
«А товарищамъ моимъ на тысячу.»
Промежу [1]) собой цѣловальники взглянулися:
««Ужь какъ е́кова питуха у насъ не было,
««Ужь какъ знать это, братцы, не Донской козакъ,
««Ужь какъ знать это ата́манъ ихъ!»»
Вывозили имъ пойла, сколько надобно:
«Ужь вы пейте, мои робята [1]), сколько вамъ хочется!»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій).

* *

Атамановъ приказъ по Дону: сборы Донцовъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Не ясенъ соколъ леталъ по поднебесью:
Донской есаулъ бѣгалъ по Дону;
Казаковъ-то онъ рѣчью *привѣтствовалъ* [3]):
«Вы вставайте, добры мо́лодцы,
«Господу Богу помо́лимтеся:
«Да не пусти Господь руки варвара
«На Петра царя Бѣлаго, *православнаго!*

---

[1]) у *Сахарова*, какъ водится, исправлено: „остается;“ „промежду;“ „ребята.“—[2]) См. выше.—[3]) Отзывается книжною подправкой: ее и ниже мы отмѣчаемъ въ печати курсивомъ.

«Вы вставайте, други, пробудитесь,
«Борзыхъ кóней, други, вы сѣдлайте,
«Подъ Азовъ-городъ, други, поѣзжайте:
«Ой мы городъ разоримъ *съ головы до ногъ*,
«Много казны возьмемъ, много золота,
«Войсковую казну [1]) знатно поисправимъ.»
««Атамана своего семъ [2]) да послушаемъ [3]),
««Послушаемъ да пойдемъ въ походъ!»»
Самъ сизóй орелъ пробуждается:
Самъ Петро [4]) царь подымается,
Съ своими князьями-боярами,
Съ своими Донцами,
Съ своими Запорожцами.

(Ср. сборникъ г. Савельева, 1866, СПб.).

* *

Сборы солдатъ, новаго войска.

1.

(Симбирск. губ. с. Станичное).

Намъ пора-та, робятушки, съ кабаку итти!
Не вечерняя заря потухать стала,
Не утренняя заря занимается:
Бѣжитъ-то изъ Москвы скорый посолъ,
Держитъ во рукахъ грозный указъ,
Чтобы были мы солдатушки пріубрáные,

---

[1]) Свою, Донскую.—[2]) Давайте-ка, ну-ка.—[3]) Это уже отвѣтныя рѣчи козаковъ.—[4]) То есть „Пётра, Пётръ-тъ (оглашеніе конечнаго ъ, при зарождавшемся у насъ, подобно болгарскому, членѣ).“

Перевязи–портупеи были бы бѣленыя
И ружьецы были бы чищеныя.
Намъ заутра, солдатушкамъ, въ походъ итти,
Въ походъ итти подъ Азовъ–городъ:
Намъ стоять–то, солдатушкамъ, подъ Азовомъ три года [1])....

(Отъ А. М. Языкова).

* *

Дума и соборъ объ Азовѣ. Приступъ и побѣда.

1.

Ахъ [2]) бѣдныя головушки солдатскія,
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ!
Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко бѣлу свѣту солдаты во строю стоятъ.

Что не золотая трубушка [3]) вострубила,
Не серебрена сиповочка возыграла,
Что возговоритъ нашъ батюшка православный царь:
«Ахъ вы гой еси [4]), всѣ князья и бояря!
«Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:
«Еще какъ намъ Азовъ–городъ взяти?»
Еще [5]) князья и бояря промолчали:
Еще якъ самъ [6]) нашъ батюшка прослезился.
«Ахъ вы гой еси, солдаты и драгуны!
«Вы придумайте мнѣ думушку крѣпкую:
«Еще какъ–то намъ Азовъ–городъ взяти?»

---

[1]) Обыкновенное въ Былинахъ предупрежденіе, послѣ котораго въ пѣсни слѣдовало конечно описаніе самой стоянки.—[2]) *Сахар.* „Ахъ вы;“ *Костомар.* „Охъ.“—[3]) *Кост.* „трубонька.“ — [4]) *Кост.* „есте (!).“ — [5]) *Кост.* „Какъ.“ — [6]) *Кост.* „А и самъ.“

Какъ не ярыя пчолушки зашумѣли,
Что взговорятъ [1]) солдаты и драгуны:
««Взять ли намъ, не взять ли,—бѣлой грудью!»»

На восходѣ было краснова солнышка,
На закатѣ было свѣтлова мѣсяца,
На зорѣ они на приступъ пошли,
Подъ тотъ ли подъ славной подъ Азовъ-городъ,
Что подъ тѣ ли стѣны бѣлокаменныя,
Ахъ [2]) подъ тѣ ли подъ раскаты подъ высокіе
Что не съ горъ ли бѣлы камни [3]) покатилися:
Покатилися со стѣнъ *непріятели*;
Не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлѣлися:
Забѣлѣлися бѣлы груди бассурманскія;
Ахъ [4]) не съ дождичка [5]) ручьи разливалися,
Разливалася тутъ кровь *нечестивая* [6]).

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій; то же повторяется въ другихъ позднѣйшихъ; конецъ отзывается,—гдѣ у насъ *курсивъ*,—книжною подправкой; не много *исправили* Сахаровъ и гг. Костомаровъ съ Мордовцевой—„Лѣтоп. Р. литер. и др.“ Гораздо больше И. И. Дмитріевъ въ своемъ пѣсенникѣ, откуда перешла слѣдующая, вторая редакція и къ позднѣйшимъ:)

*

2.

Еще съ вечера солдатамъ
Приказъ отданъ былъ:
Со полуночи солдаты
Ружья чистили;

---

[1]) *Сахар.* и *Кост.* „возговорятъ.“—[2]) *Кост.* „Что.“ — [3]) Любопытно *Сахаровъ* исправилъ синтаксисъ: „Что съ горъ не бѣлы камни (такъ яснѣе!).“—[4]) *Кост.* „Что.“—[5]) *Сахар.* „не съ дождика.“ — [6]) У *Цертелева* въ рукописи: „Азовъ *крѣпкій*.“—„Что возговорятъ солдаты и драгуны: Ахъ ты батюшка, православной Рускій царь! Прикажи ты намъ скорѣй итти на приступъ, Мы возьмемъ тотъ Азовъ-городъ своей грудью.“—„Не съ крутыхъ горъ камни покатилися.“—„Ахъ не дожжички ручьями разливалися.“—„Не литавры Турецки раздалися, Раздалось ура Россійское побѣдное (подправлено)“

Ко бѣлу свѣту солдаты
Во строю стоятъ.
Не трубушка золотая
Вдругъ вострýбила,
Не серебрена сиповка
Вдругъ воскликнула,
То возговоритъ отецъ нашь
Православный царь:
«Ой вы гой еси, всѣ князи
И боярева!
«Придумайте-пригадайте
Вы мнѣ думушку:
«Какъ бы взяти поскорѣе
Намъ Азовъ-городъ?»
Всѣ князья-бояре нишкнутъ [1]).
Самъ ли батюшка
Прослезился, и, вздохнувши,
Къ нимъ возгóворилъ:
«Ой вы гой еси, драгуны
И солдатушки!
«Вы придумайте мнѣ, други,
Крѣпку думушку:
«Какъ бы взяти поскорѣе
Намъ Азовъ городъ?»
Какъ рои пчелъ зашумѣли,
Такъ солдатушки
Въ одинъ голосъ закричали:
««Царь нашъ батюшка!
««Взять ли намъ его, не взять ли,—
««Грудью бѣлою!»»

---

[1]) Такъ старались подладиться къ народному языку: *нишкни*—молчи.

До заката еще было
Свѣтла мѣсяца [1]),
Еще утренней зарею [1])
На приступъ пошли,
Что подъ тѣ ли крѣпки стѣны
Бѣлокаменны,
Что подъ тѣ ли подъ роскаты
Подъ высокіе.
Не съ крутыхъ горъ сѣры камни
Покатилися:
Съ стѣнъ высокихъ покатились
Непріятели;
Не въ поляхъ широкихъ снѣги
Забѣлилися:
Забѣлѣлися то груди
Непріятельски;
И не съ дожжика потоки
Разливалися:
Разливалася ручьями
Ихъ багрова кровь.

(„Карманный Пѣсенникъ“ И. И. Дмитріева, М. 1796 г.; если уже допускать было передѣлку,—одна изъ самыхъ мастерскихъ, достойная лучшей цѣли; замѣчательно, какъ талантъ писателя и чуткій слухъ угадалъ и воспроизвелъ подлинный складъ, господствующій въ Былинахъ этого періода,—см. образцы выше, съ особымъ способомъ печатанія *строфъ*).

* *

[1]) Поправка умная, хотя и безъ знанія пріемовъ народнаго творчества.

Плывутъ подъ Азовъ: взяли городъ и поздравляютъ царя.

1.

(Москва).

Ахъ, по морю, морю синему,
По синему морю по Верейскому [1]),
Плыли-восплывали три военныхъ корабля.
На передъ корабль бѣжитъ,—
Что соколъ летитъ:
Во томъ во корабликѣ,
Императоръ-царь сидитъ;
Во другомъ корабликѣ
Всё князья-бояра сидятъ;
Во третьемъ корабликѣ
Всё солдатушки сидятъ,
Солдаты сидѣли Преображенскаго полку.
Охоту имѣли [2]) подъ Азовъ городокъ.

Подкопы копали всё глубокіе,
Бочки закатáли съ лютымъ зельемъ,
[Съ лютымъ зельемъ] съ чернымъ порохомъ,
Свѣчи прилѣпляли воску яраго:
Свѣчи догорали,—бочки разóрвало,
Разметало башни всё угольчатыя [3]).

Стали поздравляти императора-царя:
««Здравствуй [4]), государь-императоръ, съ Азовомъ городомъ!»»

(Запис. П. В. Кир. отъ Московской мѣщанки, 70-ти лѣтней старухи, изъ Рогожской).

*

---

[1]) Осмыслено изъ „моря *Варяжскаго*,“ которое получило въ сей періодъ главную роль и куда перенеслись въ слѣдъ за симъ народные взоры; дальнѣйшее осмысленіе городомъ *Веревй* см. ниже.—[2]) Направлялись, стремились; козаки, шедшіе въ подобные походы, технически именовались *охотниками*.—[3]) Это совершенно одинаково съ описаніемъ взятой Казани, см. вып. 6-й.—[4]) Поздравляемъ тебя.

2.

(Симбирск. губернін, с. Станичное).

По морю-морю [1])
Плывутъ-выплываютъ тутъ тридцать кораблей.
На корабличкахъ распущены тонки парусы,
Тонки парусы распущены полотняные,
И флаки распущены разноличные,
А подъ парусами матросы земли Пруцкой [2]).

Подступали онѣ подъ славный подъ Азовъ-городъ,
Открывали онѣ окошечки всё боёвые,
Заряжали они пушечки всё ломóвыя [3]),
Пущали они во славный во Азовъ-городъ.

(Отъ А. М. Языкова).

* * *

VII.

Донскія и Азовскія дѣла.—Атаманъ Флоръ Миняевичъ.

1.

(Кирша Данилов).

Пріуныли-пріутихли [4])
на Дону Донски да козаки,
А Яицкіе, Донскіе,
Донскіе (Донски), Запорожскіе.
А и по чемъ они [5]) уныли?
Потому они пріуныли,
на Дону Донски да козаки,
Ахъ что взялъ у нихъ
государь-царь городъ [6]),

---

[1]) Тутъ уже не знали, какъ и назвать море.—[2]) Иностранцы.—[3]) Осадныя, для проломки стѣнъ; тяжолыя.—[4]) Образцы этого же склада см. выше. При расколовшихся двухъ половинахъ стиха, чтобы дополнить вторую, меньшую и прибавочную, повторяется иногда конецъ первой; это отмѣчено было и въ рукописи, и сообразно тому мы печатаемъ.—[5]) *Сахарову* показалось лучше исправить: „А и что казаки.“—[6]) Черкасскій.

Со треми съ тѣми со малыми
съ пригородками,
А и со славною со Кубаньей,
съ крѣпкимъ Лютикомъ
А во славномъ да во Черкасскомъ
во земляномъ городкѣ
А стоитъ у козаковъ
золотой бунчугъ,
А на бунчугѣ стоитъ
чуденъ-зóлотъ крестъ,
А передъ крестомъ тутo стоитъ
Войсковой ихъ атаманъ,
А по имени ли Флоръ
сынъ Минаевичь.
Ко кресту тутъ собиралися
Донски козаки,
А и Донскіе, Гребенскіе,
Запорожски хохлачи;
Становились молодцы
во единой войской кругъ,
Середи круга стоитъ
войсковой атаманъ,
А по имени ли Флоръ
сынъ Минаевичь.
Атаманъ рѣчи [1]) говорилъ,
будто въ трубу [1]) трубилъ:
«А и вы, братцы, козаки,
вы Яицкіе, Донски,
Донски, Запорожскіе!
«Пособите мнѣ, атаману, вы
думу думати:
«Челобитну ли намъ писати,
государю подавать?

---

[1]) По складу должно быть: „рѣчь;“ „въ трубушку.“—*Сахар.* для разнообразія поставилъ: „говоритъ; трубитъ.“

«Самому ли мнѣ, атаману,
въ Москву ѣхати?
«Перемирье бы намъ взять
передъ самимъ царемъ [1]):
«Залегли пути-дороги
за сине море гулять,
«Еще отъ вора отъ Васьки
отъ Голицына съ дѣтьми [2]),
«Залегли пути-дороги
за сине море,
«А и не стало намъ добычи
на синемъ морѣ
«И на тихомъ Дону
на Иванычѣ.»
И поѣхалъ атаманъ
въ каменну Москву.

---

[1]) Если царь Петръ Алексѣевичь, то все-таки перемирье разумѣется съ Турецкимъ царемъ, ибо послѣ похода Голицынскаго натянуты были отношенія и козаки стѣснены „въ промыслахъ“ военною сторожью Турокъ, особенно отъ Азова, равно какъ присыльными съ Москвы отрядами.—[2]) Почтительный Калайдовичь, при изданіи Кирши, какъ самъ говоритъ, оставивши одинъ *Г.* напечаталъ точками „два слова, означающія извѣстную Фамилію, не справедливо поносимую козаками (Сахаровъ потому и вовсе ее выкинулъ).“ Конечно это знаменитый *Голицынъ*: честили же такъ, одинаково и откровенно, всѣхъ посланцевъ, коими были недовольны, начиная съ Карамышева до Долгорукаго, Гагарина и т. д. „Съ дѣтьми“—обычное выраженіе (см. ниже о Гагаринѣ): съ его родичами, сообщниками, преемниками. Послѣдовательная связь такова: 1) присяга Донцовъ Петру; 2) походъ В. В. Голицына, въ которомъ участвовалъ Флоръ, старшій современникъ и потомъ дѣятельный, вѣрный сподвижникъ Петра; но вслѣдствіе похода, при неудачѣ, только запутались отношенія; за тѣмъ 3) сборы на Москву, чтобы явиться къ новому царю и кстати высказать нужды и жалобы (Флоръ ѣздилъ первый разъ 1694 года); туда же, и еще ближе на Воронежъ, приходилось собираться начальникамъ для новаго побѣдоноснаго, похода (см. выше первый пріѣздъ атамана и знакомство съ нимъ,—это конечно былъ Флоръ). Но пѣсня сложена вѣроятно еще позднѣе, когда, по взятіи Азова и за подаркомъ золотаго бунчука (1706), еще строже были взяты въ руки козаки съ ихнимъ Черкасскомъ и настала пора смутъ, разразившаяся вскорѣ открытымъ бунтомъ Булавина и отъѣздомъ Некрасова. „Грозенъ“ царь и весь тонъ Былины, къ великому сожалѣнію потерявшей конецъ, указываютъ уже „грозу“ на Донцовъ, о которой ниже.

Еще будетъ атаманъ
въ каменной Москвѣ,
Поклонился государю
о праву руку,
Сквозь слезы онъ словечко
едва выговорилъ:
«Ахъ ты свѣтъ нашь, надежда,
благовѣрный царь,
«А и грозенъ, сударь [1]),
Петръ Алексѣевичь!
«Прикажи намъ, на Дону,
чѣмъ кормитися?
«Залегли пути-дорожки
за сине море,
«Отъ вора отъ Васьки
отъ Голицына съ дѣтьми,
«Еще тѣ [2])... дороги увойные [3])....
«... царствѣ ... крѣп..... [4]).»
—А и гой есть, атаманъ,
и съ Донскими козаки!
—У тебя, у атамана,
вѣдь козачій судъ:
—Если ... непорядочно
живетъ ба..... [5])—.....

(Др. Росс. Стихотвор.; Сахар. и друг.).

* *

[1]) *Сахар.* „осударь.“—[2]) За симъ означенное точками въ подлинникѣ слиняло.—[3]) Вѣроятно: „Еще тѣ ли путь-дороги, увойные (уводные, воровскіе, краденые) пути.“—[4]) Сообразно съ другими того же рода пѣснями можно полагать: „А на царствѣ на Московскомъ крѣпки караулы стоятъ.“—[5]) По тѣмъ же признакамъ, можно предполагать отвѣтъ въ родѣ: „Если баба живетъ непорядочно, стерегутъ же ее и наказываютъ.“ Сахаровъ желалъ пособить, придумавши конецъ (перешедшій и въ новѣйшіе пѣсенники):

„У тебя, у атамана, есть козачій судъ:
„Если не порядочно живетъ (кто?),
„Суди правдой по тому суду,
„По тому суду да правому;
„Живи съ козаками на Дону во миру.“

Сенька Маноцковъ.

1.

У насъ, братцы, на Дону,
во Черкасскомъ городу,
Проявилась у насъ, братцы,
приророжóная тума [1]),
Онъ изъ тумъ, братцы, тума,
Сенька Маноцковъ [2]) злодѣй:
Крѣпкой думушки съ [3]) стариками
онъ не думывалъ,
Думывалъ крѣпкую онъ думушку
съ ярыжками [4]).

Перекинулся собака
ко Азовскому пашѣ.
А Азовскій-то паша
сталъ его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, пріятель,
правду истинную:
«Что́-то думаютъ у васъ,
во Черкасскомъ городу?»
—Да у насъ-то на Дону,
во Черкасскомъ городу,
—Старики-то пьютъ-гуляютъ,
по бесѣдушкамъ [5]) сидятъ,
—По бесѣдушкамъ сидятъ,
про Азовъ вашь говорятъ:

---

[1]) Порча, дрянь, глупость; уродъ, выродокъ.—[2]) Иначе *Маныцкой*, но не Сенька въ дѣйствительности, а *Лёвка*; событіе предшествовало Азовской осадѣ; бѣжавшій воротился, но былъ въ Черкасскѣ разстрѣлянъ.—[3]) Должно быть „со.“—[4]) Начало то же, какъ въ пѣсняхъ о Стенькѣ Разинѣ: см. вып. 7-й.—[5]) На скамьяхъ во бесѣдѣ.

—««Ой не дай Боже Азовцамъ
ума-разума того,—
—««Не поставили бъ они башенки [1],
на усть-рѣчки каланчи,
—««Не перекинули бы цѣпи
черезъ славный Тихій Донъ,
—««Не подвели бы они струны
ко звонкимъ колоколамъ,—
—««Ужь нельзя намъ, братцы, будетъ
во сине море пройтить,
—««По синю морю гулять,
зипуновъ-то доставать.»»—

Какъ у насъ было на Дону,
во Черкасскомъ городу,
Войсковой нашь атаманъ
во всю ночушку не спалъ;
Какъ со вечеру соколъ нашь [2]
Роговыя проплывалъ,
Ко бѣлу свѣту соколъ нашь
по синю морю гулялъ [3],
По синю морю гулялъ,
кораблики разбивалъ.

(Ср. Сахарова, потомъ Савельева и др.; до отысканія другаго подлинника въ устахъ народа или въ рукописи, пѣсню можно еще считать сомнительною).

* * *

[1]) Слово лишнее (и по складу пѣсни), ибо *каланчи* и есть тѣ же башенки (глосса, внесенная въ текстъ, интерполяція); Сахаровъ *каланчи* счелъ за имя „рѣчки.“—[2]) Атаманъ.—[3]) Испорчено.

Некрасовъ и князь Долгорукій.

1.

Возмутился славный нашъ
Тихій Донъ,
Возмутился *и совершился*
до славнаго до устьица [1]),
[До славнаго до устьица],
до города до Черкасскаго.
Возмутилъ его Донской козакъ,
По имени и по отечеству
Игнатьюшка Иванычь [2]),
[Игнатьюшка Иванычь]
по фамильицъ Некрасовъ.
Онъ-то ушелъ-увелъ
силы-рати сорокъ тысячь,
Окромѣ стариковъ
староженныхъ [3]),
Опричь малолѣтковъ
малолѣтнихъ,
И отъ тумовъ прирожденныхъ [4]).

Да со вечера они
собиралися,
А во полуночи они
во походъ пошли,

---

[1]) Ошибка Сахарова, конечно вмѣсто: „со вершины до славнаго до устьица;“ подобныя несообразности отмѣчены у насъ и ниже курсивомъ. — [2]) Д. б. „Ивановичь.“—[3]) Старожилыхъ, если не „старощенныхъ,“ бывшихъ старшинами; можно предполагать, что въ этомъ дѣлѣ старообрядцевъ противупола-гаются они извѣстнымъ „новоженамъ.“ — По складу ожидается, и ниже, окон-чаніе *ыихъ, іихъ*.—[4]) Ублюдковъ: ср. выше.

На бѣлой зарѣ проходили
славной Тихой Донъ,
На славную *Днѣпрэ*-рѣку
они становилися,
Во чистомъ полѣ и во зеленыхъ лугахъ
расположилися,
[Расположилися] коза́ченьки
теплыми *лагерьми.*
Распускали царску *знамечку*
позлащеную,
Собирался къ знамечку
козачій кругъ,
Во кругу стоитъ *хорошенькій*
раздви́жный стулъ,
На стулѣ сидитъ ихъ молодой
атаманушка,
Игнатьюшка Ивановичь сынъ
Некрасовъ [1]),
Передъ нимъ стоятъ его сотники
любимые.
Онъ же пишетъ *на скоро* [2])
граматку,
Не перомъ пишетъ,
не чернилами,
А онъ пишетъ своими
горючьми *слезами* [3]),
[Горючьми слезьми]
къ *графу* [4]) Долгорукому:
«Ты спасибо, нашь батюшка,
«Поилъ-кормилъ, берёгъ и жаловалъ!
«Ты въ одномъ же на насъ, батюшка,
прогнѣвался:

---

[1]) Должно быть: „Некрасовъ сынъ.“ — [2]) Д. б. „скорую.“—[3]) „Слезьми.“—[4]) „Какъ и выше—*Днѣпрэ* вмѣсто „Дунай.“—Ошибка, обличающая намѣренность Сахарова.—Князь Василій Владиміровичь.

«Захотѣлъ старикамъ
усы-бо́роды сбрить,
«И молодыхъ дѣтей
во солдаты брать;
«Ты пріѣхалъ къ намъ
на Тихой Донъ,—
«Безъ указу-то насъ
разорять сталъ;
«Ужь мы бросили свое
бытье-богатство [1]),
«Съ того-то мы со Тиха Дона
долой пошли,
«Мы пошли къ Турецкому *хану* [2])
въ подданство,
«Онъ принялъ насъ
со честію, *со славою*,
«И пожаловалъ намъ по коню,
коню хорошему,
«И сѣделечку
Черкасскому.»

(Оттуда же, и то же должно сказать о сомнительномъ происхожденіи пѣсни).

*

2.

(Земля Войска Донскаго).

Кто бы намъ сказалъ, братцы,
про батюшку Тихій Донъ,
Про того козачка
Игнатку измѣньшичка?

---

[1]) Д. б. „Житьё-бытьё, богатество.“ — [2]) Опять, вмѣсто „султану,“ якобы ошибка, но едва ли возможная у Донцовъ.—Поддѣлки на концѣ еще хуже.

Какъ измѣнилъ онъ служить
царю Бѣлому [1]),
Провѣръ [2]) сдѣлалъ нашей
государынѣ [3]):
На вышку взлѣзъ,
взялъ царску знамечку [4]),
Съ этимъ знамечкомъ
за Дунай [5]) бѣжалъ,
Не одинъ бѣжалъ съ Дону,—
козачковъ увелъ,
Не служилыхъ [5]) старыхъ,
а глупыхъ малолѣточковъ.

Переправушку имѣлъ онъ
на быстрóмъ броду,
Не въ бредки они брели,
все въ плывки плыли,
Знамя царское
на рукахъ несли.
Переплывши Дунай,
во кругъ собиралися,
Во кругу поставили
знамя царское,
Приказъ сталъ дѣлать [6])
нашъ измѣньшичекъ:
«Кидайте, козачки, вѣру
христіанскую,
«Понимайте [7]) вѣру
басурманскую!»

---

[1]) Въ пѣсняхъ почти всюду имя „царя *Бѣлаго*," какъ могутъ замѣтить читатели, усвоено по преимуществу Петру 1-му, и по этому признаку, даже безъ личнаго имени, можно легко отгадывать многія пѣсни изъ сего періода.—[2]) Измѣну: „изневѣрился (per-fidia)."—[3]) Вставка позднѣйшаго пѣвца.—[4]) По произношенію (и по соблазнительному примѣру Сахарова) вм. „знамечко," какъ ниже.—[5]) См. предыдущій образецъ. — [6]) „Держать? — [7]) Примите: обычное народное выраженіе въ семъ смыслѣ, иначе „поймите, понмайте."—Сахаровъ непремѣнно исправилъ бы.

Малые малолѣточки
перепужалися,
По темнымъ лѣсамъ
разбѣжалися;
Одинъ у нихъ стоитъ—
не полóшится [1]):
—Стойте, малые малолѣточки,
не пужайтеся,
—По темнымъ лѣсамъ
не разбѣгайтеся!
—Мы отрубимъ Игнаткѣ
буйную [2]) голову,
—Пойдемъ опять служить
царю Петру Первому!—

(Ср. сборникъ г. Савельева 1866 г.; эта чисто-народная, характерная пѣсня представляетъ одинъ изъ тѣхъ подлинниковъ, которые *обдѣланы* Сахаровымъ въ предыдущемъ образцѣ).

* *

Оплошность Донцовъ подъ Азовомъ и полонъ имъ.

1.

(Губ. Симбирской, село Головино).

Шли казаки съ моря Чорнаго,
Лузями-болотами топилися,
Азова крѣпкаго города таилися.
Не доѣхатчи Чагану становилися,
Становились казаки во единый кругъ,
Они думу думали крѣпкую за единую:
Выбирали атамана походнаго.

---

[1]) Не пугается, не знаетъ переполоху. — [2]) Д. б. „буйну“ по складу.

Атаманъ у нихъ по́ кругу похаживаетъ,
Онъ камы́шей [1]) своей тросточкой помахиваетъ,
Казакамъ братцамъ работать наказываетъ:
«Ой вы слушайте, ребята, моего слова,
«Моего слова атаманскаго:
«Поѣдете гулять чрезъ большую степь,
«Чрезъ такую чрезъ большую степь Азовскую,—
«Не стреножимши добрыхъ коней не пускайте въ степь,
«Не поставимши караула не ложитесь спать,
«Безъ денно́го часового чтобы не было.»

Казаки его слова не послушали,
Не стреножимши добрыхъ коней попускали въ степь,
Не поставимши караула сами спать легли.
Наѣзжали на нихъ Кайсаки,
Всѣхъ казаковъ въ полонъ по́брали.

(Отъ П. М. Языкова).

*

2.

(Оттуда же).

Шли тутъ казаки съ моря Чорнаго,
Они лугами-болотами топилися,
Азова крѣпкаго города таилися.
Не доѣхатчи Чагану становилися,
Соходились казаки, братцы, во единый кругъ,
Во единый соходились кругъ, на зеленый лугъ,
Они думали крѣпку думу за единую.

Атаманушка у нихъ по кругу похаживаетъ,
Онъ камы́шей тросточкой своей помахиваетъ,

---

[1]) Камышевою.

Казакамъ свои слова приказываетъ:
«Ой вы слушайте, робята, моего слова,—
«Не стреножившши добрыхъ коней не пускайте въ степь,
«И безъ крѣпкаго караула не ложитесь спать.»

Казаки-то его слова не послушали,
Не стреножимши добрыхъ коней попущали въ степь
И безъ крѣпкаго караула спать ложилися.
Наѣзжали на нихъ собаки злы Киргищины,
Всѣхъ ли казаковъ въ полонъ по́брали.
Одинъ оставался у нихъ добрый молодецъ,
Скорёхонько онъ садился на добра коня
И скорёхонько онъ метался на Тихой Донъ,
На Тихой Донъ къ атаманушкѣ:
—Ой ты гой еси, нашь батюшка, атаманушка!
—И у насъ ли несчастье солучилося:
—И всѣхъ ли насъ, казаковъ, въ полонъ по́брали.—

(Отъ него же).

*

3.

(Съ Урала).

Изъ подъ Турскаго изъ подъ славнаго Азова изъ подъ города,
Пролегала тутъ широка-больша дороженька.
Какъ по этой по широкой большой дороженькѣ
Туто шли-прошли коза́ченьки, добры мо́лодцы.
Не доѣхавши до уро́чества [1]) становилися,
Не стреножимши добрыхъ коней въ степь попускали,
Не выбрамши крѣпкаго сторожа сами спать легли.

---

[1]) Имя мѣста, по отдаленности, уже затеряно и замѣнено „урочьемъ.“

Нападали на нихъ мóлодцевъ злы Татарища.
Они билися-рубилися троя суточки,
Не пиваючи, добры молодцы, не ѣдаючи,
Со добрыхъ коней, добры молодцы, не слѣзаючи.
На сонныхъ на нихъ, добрыхъ мóлодцевъ, понаѣхали,
Сонныхъ добрыхъ молодцевъ всѣхъ порубили,
Козачьева атаманушка въ полонъ взяли.
Посадили его, добра молодца, въ темну тéмницу:
Морятъ его, разудалаго, на уморъ морятъ,
Не даютъ ему, доброму молодцу, ни пить, ни ѣсть.

(Отъ В. И. Даля).

* *

Подобные случаи повторялись во весь этотъ періодъ, и даже послѣ, отъ Флора до Краснощокова. Но пѣсня получаетъ здѣсь мѣсто особенно потому, что концомъ своимъ переходитъ къ полону Донскаго козака въ Азовѣ и объясняетъ происхожденіе пѣсенъ въ родѣ слѣдующей:

Донской козакъ въ плѣну Азовскомъ.

1.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ [1]),
Или участь моя горькая!

Ты звѣзда моя злосчастная!
Высокó звѣзда восходила:
Выше свѣтлаго [2]) младá мѣсяцá,
Что затмила [3]) солнце красное.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая:
На родý ли мнѣ написано,
На дѣлý ли [4]) мнѣ досталося,

---

[1]) Образецъ сей послужилъ подлинниковъ для множества послѣдующихъ пѣсенниковъ, откуда приводимъ *разночтія*; *Сахаровъ*, какъ водится, подправилъ.—*Разн.* „такой.“—[2]) *Разн.* „свѣтла.“—[3]) *Разн.* хуже: „затмило.“—[4]) *Дѣлъ*, какъ доселѣ у Ю. Славянъ,—доля, участь, судьба: на долю, по жеребью. *Сахар.* „на дѣлѣ (!);“ *разн.* поправляютъ: „на бѣду;“ „по дѣлóмъ.“

Что со младости до старости,
До сѣдóго бѣлá вóлоса,
Во весь вѣкъ мнѣ горя [1]) мыкати,
Что до самой гробовой доски [2])!

Во Азовѣ славномъ городѣ,
Во стѣнѣ [3]) бѣлокаменной,
Какъ была [4]) тутъ тéмна тéмница
Безъ дверей и безъ окошечекъ.
Ахъ во той ли тéмной тéмницѣ
Что сидѣлъ [5]) тутъ добрый мóлодецъ,
Добрый мóлодецъ, Донской козакъ,
Въ заключеньѣ ровно двадцать лѣтъ,
Ровно двадцать лѣтъ и двá года.

Лучилось [6]) тутъ мимо ѣхати
Самому царю Турецкому,
Что султанскому величеству.
Что возгóворитъ добрый молодецъ:
«Ахъ ты гой еси, Турецкой царь,
«Ты султанское величество!
«Прикажи меня поить-кормить!
«Не прикажешь ты поить-кормить,—
«Прикажи меня скорѣй казнить;
«Не прикажешь ты меня [7]) скорѣй казнить,—
«Прикажи на волю выпустить;
«Не прикажешь ты вонъ выпустить,—
«Напишу я вскорѣ [8]) грамоту [9]),
«Не перомъ и не чернилами,—

---

[1]) *Разн.* „горе.“—[2]) Все это начало сложено самимъ козакомъ въ неволѣ: но оно переходитъ въ разсказъ о событіи, какъ это обычно въ другихъ образцахъ и какъ именно можно видѣть на знаменитой пѣснѣ Разина, см. вып. 7-й; послѣ это послужило уже „вступленіемъ“ и такъ связалось съ другими однородными, Безъимянными пѣснями.—[3]) *Разн.* „Во стѣнѣ ли.“—[4]) „Какъ стоитъ:“ „Тутъ стояла.“—[5]) У *Сахар.* разнообразіе: „сидитъ:“—[6]) *Разн.* „Случилось.“—[7]) Выпущено, и лучше.—[8]) Ожидалось бы „скору.“—[9]) *Разн.* „грамотку.“

«Я своими горючьми слезьми,
«Ко товарищамъ на Тихой Донъ:
«Славной Тихой Донъ взволнуется,
«Весь козачей [1]) кругъ [2]) взбунтуется,
«Разобьютъ силу Турецкую
«И тебя, царя, въ полонъ возьмутъ.»

Ай что взго́воритъ Турецкой царь,
Что султанское величество,
Ко своимъ ли ко фельдмаршаламъ [3]):
—Выпускайте добра молодца,
—Добраго молодца, Донскаго козака [4]).
—Во его ли землю Русскую,
—Ко его да царю Бѣлому [5])!—

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій; потомъ дальнѣйшіе и Сахаровъ: всюду образецъ немножко подправленъ книжниками противу народнаго языка).

*

Эта знаменитая пѣсня, которую встрѣтимъ еще ниже, и съ развѣтвленіями, прошла весь длинный періодъ и остановилась на самыхъ любимыхъ народныхъ именахъ, отъ Ермака до Разина (см. вып. 7, стр. 135—137), потомъ до Краснощокова, Чернышова и даже Платова, въ томъ или другомъ видѣ, а съ передвиженіемъ мѣста дѣйствій, въ слѣдъ за обращавшимися взорами,—отъ Азова до Шведскаго стана, Кистрина, Берлина и даже Парижа. На такомъ протяженіи времени и пространства она конечно легко освобождалась отъ историческихъ именъ, переходила въ Безъимянную и, какъ любимая, въ Безъимянныхъ все болѣе и болѣе обобщалась чертами, пока дошла до всякой „темничной,“ „военной,“ всякой почти „любовной.“ Въ приведенномъ образцѣ весь строй и складъ (редакція), по несомнѣннымъ признакамъ, принадлежитъ эпохѣ Петровской; но вотъ кстати нѣсколько и ближайшихъ развѣтвленій:

---

[1]) „козачій.—[2]) „полкъ.“—[3]) Эта черта времени утвердилась особенно въ пѣсняхъ по перенесеніи поприща событій и военныхъ дѣйствій съ Азовскаго моря къ Варяжскому и Шведамъ: см. ниже.—[4]) *Разн.* весь стихъ: „Козака Донска удалаго.“—[5]) Между прочимъ одинъ изъ признаковъ, что окрѣпшій строй, если не отдаленное происхожденіе пѣсни, принадлежитъ именно эпохѣ Петра I-го.

2.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Иль звѣзда моя злосчастная!

Высокò звѣзда восходила,
Выше свѣтлаго мѣсяца,
Что затмило(а) красно солнышко.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая:
На роду ли то написано,
Чтобъ во всѣ дни горе мыкати,
Съ молодыхъ ли дней печаль узнать!
Старый вѣкъ мой приближается,
Моя младость сокрушается [1]):
Сокрушила красна дѣвица,
Что ни день, ни ночь покою нѣтъ,
Я не знаю, какъ разстатися;
Довела она добра мóлодца
До погибели великія;
Разорился я, добрый мóлодецъ,
Отъ души ли красной дѣвицы.

Какъ у насъ было, на Тихóмъ Дону,
Что на устьицѣ синя моря,
Какъ поставлена свѣтла свѣтлица
И еще тутъ темна тéмница [2]).
Какъ во той ли темной тéмницѣ
Что сидитъ ли добрый мóлодецъ,

[1]) Сравните за симъ, какой крутой поворотъ отъ исторіи внѣшней ко внутренней.—[2]) Желающіе могутъ на этомъ образцѣ съ любопытствомъ наблюдать, какъ, при выходѣ съ почвы исторической, забытой въ туманѣ прошлаго, на свѣтъ простой и современной дѣйствительности, въ самомъ твор-

Онъ повѣся [1]) буйну голову.
Приходила красна дѣвица,
Вызывала добра молодца.
Выходилъ къ ней добрый молодецъ
Какъ изъ той ли темной тёмницы,
При печали при великой бывъ [1])
Во оковахъ во желѣзныихъ.
Усмотрѣла красна дѣвица
Удало́го добра молодца,
Что въ такой тоскѣ-кручинушкѣ,—
Говорила она добру молодцу:
—Не печалься, добрый молодецъ!
—Всѣ оковы желѣзныя
—Они съ ногъ твоихъ долой пойдутъ [2])
—Какъ пойдемъ мы въ(во) чисто́ поле,
—Что на устьице синя моря,
—Разгуляемъ мы печаль свою,
—И мы пустимъ во чисто поле,
—По всему ли свѣту бѣлому
—И по устьицу синя моря.—

(Оттуда же).

*

На этой ступени пѣсня постепенно связывается съ Разинскою, объ извѣстной—по преданію—подругѣ Разина (ср. вып. 7-й, стр. 140): по тамъ, въ отличіе всѣхъ Разинскихъ, обычное начало и признакъ—„Вы лѣса ль мои,“ или „Вы тумапы,“ или „Ты взойди, взойди, солнце красное“ и др. (см. ихъ въ своемъ мѣстѣ), между тѣмъ какъ собственное отличіе Азовской-Донской, и притомъ въ Петровскомъ складѣ, составляетъ именно начало „Ахъ таланъ.“ Въ такомъ видѣ пѣсня важна здѣсь особенно тѣмъ, что представляетъ постепенный переходъ и объясненіе къ Донскому козаку въ темницѣ передъ Петромъ и къ Козацкому Правежу при Петрѣ,—вскорѣ въ слѣдъ за симъ.

Независимо отъ сихъ „исторически-былевыхъ“ судебъ, пѣсня имѣетъ и свои особенныя, въ области и пріемахъ творчества:

чествѣ и въ его образахъ совершается борьба—рядомъ—между свѣтомъ и тьмою, свѣтлицею и темницею.—[1]) Книжное.—[2]) Испорчено вм. „спадутъ.“

3.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Иль звѣзда моя злосчастная!

Высокò звѣзда восходила:
Выше свѣтлаго мѣсяца,
Что затмило(а) красно солнышко.

Какъ далече во чистóмъ полѣ,
Что стоялъ тута высокъ терёмъ [1]).
Что во томъ ли то во тéремѣ,
Подъ косящетымъ окошечкомъ,
За стеклянною оконницей,
Что сидѣла тутъ боярыня,
Передъ ней стоитъ ей рóдный сынъ.
Говоритъ ли она плачучи:
—Ты дитя ли мое милое,
—Ты дитя мое разумное!
—Съ чего, дитятко, состáрѣлся?
—Не жена ли тебя, дитятко,
—Не жена ль тебя состáрила,
—Или малы твои дѣтушки?—
«Государыня ты матушка!
«Не жена меня состарила,
«Что не малые ли дѣтушки,
«А состарила меня, матушка,

[1]) Замѣтьте переходъ отъ темницы.

«Что чужая-дальна [1]) сторонушка,
«Грозна служба государева,
«Что часты-дальные походы всѣ [2]).»

(Оттуда же).

*

Здѣсь уже мѣсто Азовской темницы постепенно занялъ простой теремъ, а воспѣта тягость принудительной, частой и далекой службы: переходъ отъ обязательной службы XVII вѣка къ солдатской и рекрутской, переходъ, совершившійся опять въ эпоху Петра (особо о сихъ пѣсняхъ въ своемъ мѣстѣ). Есть шагъ далѣе:

4.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Иль звѣзда моя злосчастная!

Высокó звѣзда восходила,
Выше свѣтлаго мѣсяца
И затмило(а) красно солнышко.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая:
На роду ли мнѣ написано,
На дѣлý ли мнѣ досталося,
Во всю жизнь [3]) несчастье видѣти!
Али въ людяхъ людей нé было,
Полюбить ли было нéкого?
Но несчастіемъ [4]) то случилося,

---

[1]) Въ другихъ, и лучше, „чужа-дальная.“ — [2]) „Что часты-дальны походушки.“— [3]) *Разнорѣчіе* въ другихъ позднѣйшихъ: „Чтобъ всю жизнь.“— [4]) *Сахар.* поправилъ: „По несчастіямъ.“

Что въ мила друга влюбилася [1]).
Онъ казался мнѣ милѣй всего,
Такъ взяла вѣру божбѣ его [2]):
А нынѣче [3]) мой сердечный другъ
Покидаетъ меня бѣдную,
Измѣняетъ мнѣ душа моя [4]).

(Оттуда же).

*

Того же происхожденія и разряда, какъ „Таланъ," но въ другой обстановкѣ и съ новымъ характеромъ пѣсня:

Донской козакъ въ плѣну Турецкомъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

По тому-то было морю, морю синему,
Тамъ плыли-восплывали пять сотъ кораблей,
А одно-то изъ нихъ суденышко на передъ бѣжитъ.
Хорошо-то это суденышко изукрашено:
У ней [5]) носъ сы кормой по звѣриному [6]).
На этомъ на суденышкѣ стояла палатушка,
Во этой-то палатушкѣ сидѣлъ Турецкій паша,
Передъ нимъ-то стоитъ младъ Донской казакъ,
[Младъ Донской казакъ] невольничекъ.
Стоитъ-то онъ, молодецъ,—какъ свѣча горитъ,

---

[1]) *Разн.* „Что въ такого я влюбилася, Что прельстилась я измѣнникомъ."—[2]) „Онъ казался мнѣ милѣе всѣхъ, Всѣхъ привѣтливѣй, всѣхъ ласковѣй, Я повѣрила божбѣ его."—[3]) *Сахар.* „А нынѣ ли."—[4]) „А теперь мой миловидный другъ—Измѣняетъ супостатъ злодѣй."—[5]) По причинѣ произношенія—„суденышка," женск. рода.—[6]) Попытка воротиться къ древнимъ богатырскимъ краскамъ: ср. корабль Ильи и Соловья, вып. 1 и 4.

Онъ рѣчи-то говоритъ,—какъ въ трубу трубитъ:
«Какъ ты славный Турецкій паша!
«Отпусти меня на волюшку!»
Отвѣчаетъ ему Турецкій паша:
«Загадаю я тебѣ, Донской казакъ, три загадочки;
«Отгадаешь ты мнѣ три загадочки,
«Тогда-то я отпущу тебя на Тихій Донъ:
«Чего [1]) у насъ на свѣтѣ безъ ногъ рѣзко [2]) бѣжитъ?
«Чего у насъ на свѣтѣ безъ крылъ скоро летитъ?
«Чего у насъ на свѣтѣ безъ огня жарко горитъ?»
Отвѣчаетъ ему Донской казакъ:
—Безъ ногъ у насъ бѣжитъ твое судно легкое,
—А безъ крылъ-то летитъ буйный вѣтеръ,
—Безъ огня-то печетъ на свѣтѣ красное солнышко.—

(Ср. сборникъ г. Савельева, 1866.—Переходъ отъ исторіи къ простымъ пѣснямъ „съ загадками:“ въ сущности древнѣйшаго происхожденія, старѣе всякой нашей исторіи, о дѣвицѣ на морѣ и кораблѣ, предлагающей загадки молодцу, и освобожденіе его отъ сфинкса разгадкою; см. ниже въ своемъ мѣстѣ).

* * *

Послѣ этихъ промежуточныхъ переходовъ, при возвратѣ къ историческимъ именамъ и къ Петровской эпохѣ, слѣдующія Былины, о Донскомъ козакѣ въ темницѣ или на правежѣ передъ Петромъ Первымъ, переносятъ на Донъ черты возстанія и казни Стрѣльцовъ, и также точно какъ тамъ, переходятъ отъ казней къ образу прощающаго царя-освободителя; съ тѣмъ вмѣстѣ Донской козакъ, какъ было и на самомъ дѣлѣ, передвигается постепенно съ Юга на Сѣверъ, отъ Азова и съ Дону къ другимъ станамъ и столицамъ государевымъ.

---

[1]) Особый видъ народнаго родительнаго „раздѣлительнаго (genitivus distributivus):“ чего много, чего есть и т. п.—[2]) Рѣзво.

VIII.

Гроза на Донцовъ.—Вѣсть о смутахъ.

1.

Ахъ служили мы на границѣ [1]) три годочка:
Намъ ни вѣсточки, ни граматки съ Дону нѣту,
Ни словеснаго челобитьица намъ *не прислано* [2]).
На четвертомъ годочкѣ перепала вѣсточка.
Не полуночная звѣзда съ небесъ упадала,
А скорая *почта* [3]) прибѣгала
Ко походному нашему атаману,
Ко Иванушкѣ *Ивановичу* Фролову [4]):
««Ужь ты здравствуй, походный нашь атáманъ,
««Ужь ты здравствуй съ походными старшинами,
««Ужь ты здравствуй со служащими казаками!
««Какъ у насъ-то на Тихóмъ Дону нездорово:
««Какъ пріѣхали къ намъ на Тихой Донъ все *разсыльщики* [5]),
««Во разсыльщикахъ были два боярина,
««Безъ указа-то они государева насъ разоряютъ,
««И они старыхъ стариковъ всѣхъ ссылаютъ,
««Молодыхъ, *де*, малолѣтокъ берутъ во солдаты.
««Отъ того-то нашь славный-Тихій Донъ возмутился,
««Возмутился славный-Тихій Донъ вплоть до *устьица* [6]),
««Какъ *и* до славнаго до города *Черкасскаго* [7]).»»

(*Сахар.* и за нимъ позднѣйшіе; до открытія другаго подлинника, подробности сомнительны).

* *

---

[1]) Сѣверозападной, въ первыхъ годахъ XVIII вѣка. — [2]) Курсивомъ означены у насъ сомнительныя выраженія, принадлежащія вѣроятно самому Сахарову. — [3]) Посылка? — [4]) Одинъ изъ сыновей извѣстнаго *Флора*, но ужь ни какъ не *Ивановичь*, ибо всѣ они по отцу и назывались *Фроловыми*: признавши это за фамилію въ родѣ нынѣшней, Сахаровъ конечно придумалъ другое отчество.—[5]) Разъищики?—[6]) До устья (по складу; Сахаровъ всюду любилъ подслащивать).—[7]) Черкасска.

Жалоба Дона.

1.

Какъ [1]) ты батюшка, славный-Тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашь Донъ Ивановичь!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая:
Какъ, бывало, ты всё быстёръ бѣжишь,
Ты быстёръ бѣжишь, всё чистёхонекъ;
А теперь ты, кормилецъ, всё *мутёнъ* течешь,
Помутился *ты*, Донъ, сверху до́ низу.
Рѣчь возго́воритъ славный-Тихій Донъ:
«*Ужь како-то* [2]) мнѣ *всё* [2]) мутну не быть,—
«Распустилъ я своихъ ясныхъ со́коловъ,
«Ясныхъ со́коловъ, Донскихъ ка́заковъ,
«Размываются безъ нихъ *мои* круты бережки,
«Высыпаются *безъ нихъ* ко́сы желты́мъ пескомъ.»

(Оттуда же и то же должно замѣтить).

* *

Челобитная Донцовъ.

1.

«Ахъ ты батюшка, *воеводушка* [3])!
«Ты за что на насъ прогнѣвался?
«Или сдѣлали тебѣ *измѣнушку*,
«*Измѣнушку*, *перемѣнушку*?

---

[1]) Ахъ?—[2]) Любимое у Сахарова „уснащиванье“ рѣчи.—[3]) И въ слѣдующихъ образцахъ, „изъ приличія,“ Сахаровъ сдѣлалъ „воеводушку“ вмѣсто „православный царь.“

«Ты за тѣмъ у насъ конéй обрáлъ,
«Ты коней обралъ, по полкамъ роздáлъ,
«Ты по тѣмъ полкамъ по *гусарскимъ* [1])?
«Ты полковничка у насъ разжаловалъ,
«*Есаулушковъ* на часы ставилъ:
«Аль мы въ чемъ тебѣ прослужилися?»
—Я за тѣмъ у васъ конéй обралъ,
—Я коней обралъ, по полкамъ роздалъ,—
—А [2]) на всѣхъ полкахъ кони вы́пали,
—*Генералушки* всѣ пріопѣшали,
—*Канонерушки* пѣшкомъ идутъ,
—Они лямочки на плечахъ несутъ,
—А орудія на себѣ везутъ.—

(Оттуда же и то же).

* *

Скорлыгинъ-Карыгинъ.

1.

(Губ. Симбирской, с. Головино).

На зорѣ было на зорюшкѣ [3]),
На восходѣ краснаго солнышка,
Государь-царь по дворцу гулялъ,
Онъ гулялъ-гулялъ, самъ разгуливалъ,
Въ одной тоненькой сорочкѣ и безъ пояса,
Въ однѣхъ чулкахъ [4]) и безъ чóботовъ;
Не одинъ гулялъ,—съ боярами,
Со Московскими офицерами:

[1]) Если это не прибавочное „объясненіе," то во всякомъ случаѣ ожидается по крайности „гусарскимъ."—[2]) Что?—[3]) Разнорѣчіе: „на зоринькѣ." Начало сходное съ плачемъ по Разинѣ, вып. 7, стр. 41.—[4]) „чулочкахъ."

Во рукахъ держитъ грознóй указъ.
Онъ и сталъ указъ прочитывать,
Казакъ [1]) братцевъ перекликивать;
Всѣ казаки соходилися:
Одного казака нѣтъ нелучшева [2]),
[Не лучшева], атаманушки,
А по прозваньицу Скорлыгина [3]).

У Иванушки [4]) была жена умная
Жена умная, разумная;
Выходила она на красёнь крылецъ,
Воскричала она громкимъ голосомъ:
«Гой еси, слуги вѣрные!
«Запрягайте вы вороныхъ коней,
«[Вороныхъ коней] что не лутчихъ [2]):
«Вы поѣдете гулять въ каменну́ Москву,
«Во проѣзжую славную улицу,—
«Не увидите ль моегó друга милаго,
«Горьку пьяницу Иванушку Скорлыгина,—
«Привезите его въ государевъ дворецъ!»....

(Отъ Языкова).

*

2.

На зорѣ-то *бывало*—на зоренькѣ,
На зорѣ утренней [5]),
На восходѣ солнца краснаго,
Воевода большой [6]) *по садику* [7]) гулялъ,

---

[1]) Козаковъ.—[2]) Наилучшаго: что ни лучшаго.—[3]) Объ этомъ „голомъ и пьяномъ“ см. ниже „Замѣтку.“—[4]) Вѣроятно изъ него-то сдѣлалъ въ предыдущемъ образцѣ Сахаровъ „*Иванушку* Флорова,“ вмѣсто Василья или Максима.—[5]) „На зорѣ было на зоренькѣ, На зорѣ было на утренней.“ Мы принуждены повсюду отмѣчать курсивомъ наивныя увлеченія Сахарова.—[6]) „Государь-царь“ или „православный царь:“ изъ любезной деликатности, какъ и выше, и далѣе, Сахаровъ сдѣлалъ „воеводу большаго“ или „воеводушку,“ вопреки даже явному складу пѣсни.—[7]) Вмѣсто: „по дворцу.“

Онъ гулялъ-погуливалъ,
Въ однихъ чулкахъ безъ чо́ботовъ [1]),
Азямчекъ [2]) на распашечку.

Дотолѣва зелёный садъ зелёнъ стоялъ,
А нынѣ зеленый садъ присохъ-приблёкъ
И пріуныли въ саду пташечки.
Дотолѣва-то *воевода большой* казаковъ любилъ,
Онъ любилъ [3]) и много жаловалъ,
А нынче *воевода* на казаковъ прогнѣвался,
На казаковъ прогнѣвался, разсе́рдился,
И сталъ казаковъ казнить-вѣшати,
И сажать по темны́мъ тюрьма́мъ.

Выходилъ нашъ *большой воевода* на широкій дворъ,
Во рукахъ держалъ *бумаженьку*,
Имянной указъ, повельньице [4]),
Ужь онъ всѣхъ казаковъ пересматривалъ,
Поимянно ихъ перекликивалъ:
Одного-*то* изъ нихъ не досчитывался,
Что ни лучшаго въ полку *боярина* [5]),
Козачьяго ихъ атаманушку,
Иванушку Ивановича,
По прозваньицу сына Карыгина.
Какъ у казачьяго атаманушки
Была жена умная-разумная,
Узнала она о несчастьицѣ,
Выходила она на красёнъ крылецъ,
Закричала громкимъ голосомъ:
«Ужь вы гой еси, слуги вѣрные
«*И казаки ординарные!*
«Вы кидайтесь и бросайтесь на конюшенъ дворъ,

---

[1]) У Сахарова „безъ чоботокъ.“ — [2]) См. выше, въ казняхъ и правежѣ Стрѣльцовъ, съ чѣмъ очень близко сродна пѣсня по самымъ даже выраженіямъ. — [3]) „Козаковъ любилъ.“ — [4]) Такъ изворачивался Сахаровъ, минуя простой „грозно́й указъ.“ — [5]) Это уже черезъ чуръ затѣйливо.

«*Вы* запрегайте-ка [1]) коней вороныхъ *во каретушку золотую*:
«Я поѣду по Москвѣ гулять,
«По Московской большой улицѣ
«И по мелкимъ переулочкамъ,—
«Буду искать своего друга милаго,
«Иванушку сына Ивановича.»
Какъ на встрѣчу ей идетъ пьяница,
Горькій пьяница-пропóица.
«Я спрошу, спрошу горьку пьяницу:
««Ужь ты гой еси, горькій пьяница,
««*Разудаленькій добрый молодецъ!*
««Не видалъ ли ты друга *моего* милаго,
««Иванушку *Иваныча*,
««*По прозванью сына Карыгина* [2])?»»
—*Твой-то* милый другъ, *казацкой атаманушка*,
—Въ кабакѣ сидитъ за *кружальцомъ* [3]) государевымъ,
—Онъ пьетъ вино *всё* безденежно [4]).—

Подъѣзжала она ко цареву кабаку,
Подъѣхавши она *восплакала*:
«Ужь ты гой еси, милый другъ,
«Иванушка Ивановичь,
«*По прозванью* сынъ *Карыгинъ*!
«*Несчастьице надъ нами случилося*:
«На насъ *воевода большой* осердился и прогнѣвался,
«Всѣ твои друзья-братья порублены,
«[Порублены] и всѣ повѣшены.»

---

[1]) Подобными „вульгарными“ рѣчами и quasi-обмолвками полагалъ Сахаровъ выставить подлинную народность и *скрыть* свои поддѣлки.—[2]) Такъ, вмѣсто простыхъ поисковъ мужа пьяницы и гола о (см. „Замѣтку“), сдѣлалъ Сахаровъ прогулку по Москвѣ „въ золотой каретѣ,“ особеннаго встрѣчнаго пьяницу и указаніе на мужа, котораго не хотѣлъ признать пьяницей, поелику возвелъ въ мелодраматическаго героя.—[3]) Не довольно было одного „несчастьица:“ изъ кружала сдѣлано „кружальцо,“ ради народной сладости.—[4]) Слѣдующее за симъ переходитъ рѣшительно въ область вымысловъ и, не въ со-

Онъ взялъ съ собою *топоръ и плаху*,
Пошелъ *къ восводѣ* съ повинною;
—Ужь ты батюшка, *воевода большой*!
—Я пришелъ къ тебѣ съ повинною,
—*Принесъ съ собой топоръ и плаху* [1]).
—Мои друзья и братья всѣ порублены,
—[Всѣ порублены] и всѣ повѣшены:
—Прикажи и мнѣ отрубить буйну *мою* голову!—

Эта прекрасная пѣсня, къ сожалѣнію слишкомъ воздѣланная Сахаровымъ, представляетъ потому лишь немного достовѣрныхъ пополненій къ предыдущей и въ остальномъ, особенно въ концѣ, за неимѣніемъ другаго подлинника, остается пока сомнительною.

* * *

Ефремовъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

По напрасну моя буйная головушка пропадаетъ,
Безъ вины-то мое сердце отвѣчаетъ [2])!

Нанесли на сына Ефремова [3]) славушку несносную:... [4])
«И за то на меня государь прогнѣвался... [4])
«Посадили меня, молодца, въ темную темницу,
«[Въ темну темницу], въ тюрьму заключевницу.

стоянiи будучи отличить какую ни будь правду, мы отмѣчаемъ курсивомъ только „слишкомъ“ затѣйливыя выдумки.—[1]) Безъ этихъ словъ было не видно.—[2]) Вѣроятно это начало имѣло извѣстный намъ запѣвъ: „Ахъ таланъ ли мой“ или „Голова ль моя, головушка (см. выше)!“—[3]) Одного изъ сыновей атамана Ефрема Петрова, дѣятеля той эпохи послѣ Флора.—[4]) Къ сожалѣнію первый издатель, вѣроятно соблазненный той же Сахаровской сахарностью, выпустилъ крайне интересныя намъ строки.

«Только я не годъ въ тюрьмѣ сидѣлъ,
«[Не годъ сидѣлъ] и не два года,
«Сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ:
«Побѣлѣла моя буйная головушка,
«Изныло мое ретивое сердечушко.
«При счастіи при бесѣдушкѣ [1])
«Друзьёвъ-братьёвъ много,
«При горѣ при кручинѣ
«Друзьёвъ-братьёвъ нѣту [2]):
«Всѣ-то отъ меня, Степана Ефремова, отступилися,
«Всѣ думчіи старшинушки въ совѣтъ [3]) не йдутъ [4]).»

Только одна молодая жена,
Меланья Карповна не отступилася:
Пишетъ она бѣлую грамотку
Своею горючёй слезой,
Припечатываетъ ее
Своимъ крѣпкимъ разумомъ...

(Ср. сборникъ г. Савельева, 1866.—Къ сожалѣнію не кончено: по сравненію знаемъ, что эта грамотка—къ мужу съ убѣжденіемъ повиниться и къ царю о милости).

* *

Подлинное мѣсто этой были при устьѣ Дона и въ Черкасскѣ, гдѣ мы и находимъ:

---

[1]) При весельѣ, при пиру при бесѣдушкѣ. - [2]) Это сходится и съ пѣснями козака Кирши Данилова, и Краснощокова, о чемъ см. въ слѣдующемъ выпускѣ.—[3]) На совѣтъ ко мнѣ, придумать-пригадать въ бѣдѣ.—[4]) Переходъ отъ самого себя и отъ пѣсни заключеннаго къ разсказу событія указанъ нами выше и разъясненъ при пѣсняхъ Разинскихъ, вып. 7, стр. 153—160.

Донской козакъ передъ царемъ.

Тюрьма, допросъ, правежъ и милость.

1.

(Оттуда же).

Да по край моря синяго,
на усть батюшки Дона Тихаго [1]),
Тамъ стояла избушечка [2]),
малы́мъ-ма́ла, таволжа́ная [3]).
Да покрыта эта избу́шечка
рытымъ бархатомъ,
Всѣ стѣночки у ней у́стланы
погребцо́вскими су́кнами [4]),
Позлащёными гвоздичками
они позапри́биты,
Да и столики стоятъ—
дубовыя но́женьки,
Всѣ проно́жечки [5])—
изъ слоновы́хъ костей.

Да никто къ этой избушечкѣ
съ роду не захаживалъ,
[Съ роду не захаживалъ],
съ роду не заѣзживалъ.

---

[1]) Ср. точь въ точь начало пѣсни объ Ермакѣ, вып. 7, стр. 135. — *Усть* соединяется несклоняемо: „Усть-Дону, на усть-Волги, Усть-Сысольскъ“ и т. п.— [2]) Изъ нея творчествомъ создана то палата судная, то дворецъ государя, то тюрьма, и обратно.—[3]) Изъ кустарника таволги, плетеная, мазанка; сдѣлавши *та* членомъ, пѣсни часто называютъ избушку „*валженою*,“ сырою, мазаною, и на оборотъ.—[4]) Такъ разставляемъ, по складу, вмѣсто „погребц. сукн. устланы;“ осмыслено вмѣсто „багрецовыми,“ багряными.—[5]) Связи ножекъ.

10. Случилось ѣхать самому-то царю,
Петру Первому,
Со любимыми-то казаками своими [1],
со гвардейскими.
Захватили въ этой избушечкѣ
добра мо́лодца,
Его разобутаго, его разодѣтаго,
въ одной его во черкесочкѣ [2],
У черкесочки рукавчики
позасу́чены,
15. Басурманскою кровью
позабрызганы [3].
Стали добраго мо́лодца
распрашивать:
««Ты скажи, добрый мо́лодецъ,
чѣмъ царю служилъ?»»
—Я не сотничкомъ, не полковничкомъ,
—А на синемъ морѣ былъ охотничкомъ [4].—

(Ср. тамъ же).

*

Эта главная и срединная пѣсня, изъ всѣхъ ближайшихъ и подобныхъ, соединяетъ собою и самую древнюю объ Ермакѣ—выпускъ 7, стр. 135, и всѣ дальнѣйшія Петровскія, сколько ни будь историческія, и выше помянутыя стрѣлецкія.—Любопытно видѣть за чей передѣлку Сахарова:

---

[1]) Вѣроятно: „Со любимыми со козаками“ или „Со любимы-то козаки“ и т. п. — [2]) Извѣстная Черкесская и Черкасская куртка. — [3]) Такъ изъ „голаго“ пѣсни дѣлаютъ „раздѣтаго на правежѣ,“ изъ крови басурманской—кровь пытки, и на оборотъ (см. „Замѣтку“); отсюда же вѣроятно возникъ и образъ раздѣтаго, въ рубашкѣ, самого царя.—[4]) См. выше: изъ козачьей „вольницы,“ въ родѣ Новгородскихъ повольниковъ.

2.

На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ было солнца краснаго,
Середи торгу-базару, красной площади [1]),
Собиралиси каза́ченьки во единый кругъ.
Во кругу-то стоитъ добрый мо́лодецъ,
Онъ стоитъ-стоитъ, самъ не тря́хнется
И русы-*то* его *ку́дрюшки* [2]) не воро́хнутся.
Передъ нимъ-*то* стоитъ *воеводушка* [3]),
Онъ не бьетъ его, не пытаетъ,—
крѣпко спрашиваетъ:
«Ты скажи, скажи, добрый мо́лодецъ,
«Скажи ты правду истинну,—
«Не ата́манъ ли ты, *разуда́ленькій*,
или атаманскій сынъ,
«Не воевода ли ты, *разудаленькій*,
воеводскій сынъ,
«Не съ иной ли земли ты, *разудаленькій*,
грозенъ посолъ [4])?»
Отвѣтъ держалъ добрый мо́лодецъ
воеводѣ:
—Не тебѣ, собакѣ, меня, молодца, спрашивать,
—А не мнѣ-то было тебѣ отвѣтъ держать!
—Распросилъ бы меня батюшка
православный царь,
—Я сказалъ бы ему, батюшкѣ,
правду истинну:
—Разорилъ ты [5]) *прежде* войско Донское,
—*А другое войско Оренбургское*,

---

[1]) Подобныя выраженія и привели пѣсню въ Москву, на Красную Площадь и къ Красному Крыльцу.—[2]) Отмѣчаются опять лиценціи Сахарова.—[3]) Такъ снова обойденъ „православный царь.“—[4]) Ср. въ 7-мъ вып. допросы Разину и его сыну.—[5]) По складу пѣсни, не смотря на уклончивость Сахарова, слова эти пришлись все-таки къ лицу „батюшки,“ а слѣдующія за тѣмъ „разоренія“ въ рукахъ Сахарова разорили подлинность и достовѣрность Былины.

—Пріѣхалъ ты къ намъ разорять въ городъ,
—Потревожилъ нашихъ стариковъ старыхъ.—

(*Сахар.* и позднѣйшіе).

* * *

Отъ Азова, отъ Черкасска и съ Дону пѣсня постепенно передвигается къ Сѣверу въ столицы. Переходомъ служатъ безъимянныя, приведенныя выше, „Таланъ,“ „На зарѣ,“ „Ты звѣзда моя,“ „Высоко звѣзда восходила“ и т. п. (см. ихъ еще послѣ). Помянутый выше обмѣнъ „Азовской темницы“ на тяжесть „службы государевой,“ обращаясь къ пѣснямъ солдатскимъ и рекрутскимъ, имѣетъ между прочимъ особое спеціальное начало „Сторона ль моя, сторонушка (чужа-дальная, походная)“ и связывается съ пѣснями другаго начала—„Ты змѣя ль“ или „Ты змѣйка,“—съ пѣснями, которыя описываютъ гибель молодца и его службу „отъ дѣвицы“ или „отъ жены,“ а въ свою очередь сливаются съ пѣснями Стрѣлецкими (ср. ихъ выше). Есть однако пѣсни, съ тѣми же нѣсколькими началами, но о „козакѣ Донскомъ“ и „въ темницѣ Московской,“ на примѣръ:

3.

(Губ. Саратовской).

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона ль моя незнамая,
Незнамая, незнакомая!
На сторонушкѣ слободушка,
На слободушкѣ квартерушка [1],
На квартерушкѣ зазнобушка,
Зазнобушка —*красна дѣвица,*
Бѣлолицая, круглолицая,
Чернобровая, черноглазая:
Ужь не ты ль меня высушила,
Безъ морозу сердце вызнобила,
Безъ морозу безъ студенаго?

---

[1]) Это черты пѣсенъ рекрутскихъ, солдатскихъ, походныхъ.

Высоко звѣзда восходила,
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше садику зеленаго [1]).

Пролегала тутъ *дороженька,*
Шириною она не широкая,
А долиною конца-краю нѣтъ [2]).

На дорожкѣ *нова улица,*
Нова улица—*Московская,*
Московская, посадская;
Какъ построена тутъ *тюрьма* темная,
Въ ней дубовая дверь тяжолая,
Запертая замкомъ крѣпкімъ,
Замкомъ крѣпкімъ, Нѣмецкімъ.
Въ [3]) тюрьмѣ сидитъ *невольничекъ,*
Невольничекъ, добрый мо́лодецъ,
Добрый молодецъ—*Донской козакъ.*
Во желѣзахъ ноги скованы,
Въ кандалахъ руки заклёпаны.
Сидитъ молодецъ задумавшись,
Задумавшись, пригорюнившись;
Ужь какъ тужитъ онъ о своей сторонушкѣ,
О своей сторонѣ, *молодой женѣ* [4])...

(Ср. сборн. *Костомар.* и *Мордовц.*).

* *

Такими-то постепенными переходами снова возстаютъ *историческія черты* и являются уже Былины *въ столицѣ, передъ Петромъ*:

---

[1]) Начало второе: ср. выше.—[2]) *Дороженька* отводитъ къ *улицѣ* и т. д.: постепенность такая означена у насъ *курсивомъ* въ печати.—[3]) Д. б. „во.“—[4]) Послѣдняя черта, *жена*, связующая снова съ историческимъ лицомъ: ср. выше.

4.

(Съ Урала).

Подъ стѣной-стѣной было каменной,
Подъ другой стѣной было дёрновой [1]),
Стояла тутъ темна́ тюрьма,
Безъ дверей тюрьма, безъ окошекъ,
Съ одной дымовой трубой.
Во той тюрьмѣ сидѣлъ тюремщикъ,
Со Тиха Дона молодой козакъ,
[Молодой козакъ] лѣтъ пятнадцати [2]).
Онъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ,
[Ровно тридцать лѣтъ], еще три́ года:
Посѣдѣла его бородушка
Со буйной его головушкой [3]);
Отростилъ онъ русы кудри
По могучи́ плеча́;
Не слыхалъ онъ звону колокольнаго,
Читья-пѣтья церковнаго.

Случилось царю по тюрьмамъ ѣхать,
Возвѣстили молодцу караульщички;
Доѣзжалъ царь до его тюрьмы
И сталъ царь его спрашивать:
«Гой ты, гой еси, тюремщичекъ,
«Донско́го войска молодой козакъ!
«Ты за што про што во тюрьмѣ сидишь,
«За какія бѣды безголовныя [4])?»

---

[1]) Изъ дёрну,—земляная тюрьма: но вѣроятнѣе здѣсь обмолвка или ослышка. И вмѣсто „было каменной“ скорѣе „бѣлокаменной.“ Такъ, потерявъ историческія имена, по отдаленности мѣста, пѣсня старается наверстать общими чертами изображеніе поприща дѣйствія.—[2]) Ср. выше борьбу съ драгуномъ.—[3]) Не совсѣмъ народно и противорѣчитъ „русымъ“ кудрямъ; съ ними вѣроятно и было связано, въ родѣ: „Отростилъ онъ русы кудри со буйной его головушки;“ ср. ниже.—[4]) То же, что „уголовныя,“ лишающія головы, падающія на голову: безголовье—напасть, бѣда уголовная.

—За первую я за бѣду сижу:
—Зарѣзалъ я своего отца рóднаго:
—За другую я вину сижу:
—Зарѣзалъ я молодýю жену;
—За третью за бѣду сижу:
—Зарѣзалъ я своего братца рóднаго,
—Изъ за одного коня винохóднаго [1]),
—Изъ [2]) ружейица винтовочки.—
Тутъ возгóворитъ православный царь:
«Ой ты гой еси, тюремщикъ [3])!
«По винамъ твоимъ тебя казнить-вѣшать:
«Я припасъ тебѣ два столба дубовы́,
«Третью кладочку соснову,
«Четверту петлю шелкову.»
Тутъ добрый молодецъ испугáился [4]),
Испустилъ слезы изъ ясны́хъ очей,
Сталъ просить царя Бѣлаго [5]):
«Гой ты, гой еси, батюшка,
«Православный царь!
«Выпусти меня изъ тошнóй тюрьмы,
«Заслужу я тебѣ свою вину,
«Я сослужу тебѣ службу царску:
«Возьму я тебѣ славный Азовъ-городъ,
«Возьму я тебѣ его своей бѣлой грудью,
«И возьму его безъ свинца, безъ пороху [6])»

Выводили молодца изъ тошнóй тюрьмы,
Подводили его къ рѣлушкамъ [7]),

---

[1]) Иноходца: „въ ино-ходь,“ въ иную, особую поступь, или „въ единую ступню,“ въ одинъ слѣдъ (такъ „единорогъ—инорогъ,“ „инокъ—единокъ“ и т. п.).—[2]) Изъ-за, ради.—[3]) Согласно предыдущему, слѣдуетъ, какъ и выше: „тюремщичекъ;“ „безъ окошечекъ;“ и ниже: „казнить-вѣшати, дубовые, сосновую, шелкóвую, царскую, грудью бѣлою.“—[4]) Этимъ усильно поддержанъ складъ пѣсни, уже разрушавшійся въ устахъ.—[5]) Петра, по извѣстному намъ признаку.—[6]) Ср. выше слова стрѣльцовъ при опалѣ.—[7]) Перекладинамъ висѣлицы; все, что „рѣетъ“ въ вышинѣ, виситъ или качается.

Надѣвали ему на бѣлу́ю шею
Петлю шелко́вую,
Подымали его высокохонько.
Тутъ счастьицо съ молодцомъ случилося:
Отрывалась петля шелко́вая,
Упада́илъ [1]) молодецъ на сыру́ землю.
Подходила къ нему государыня [2]),
Подымала его за бѣлы́ руки
И просила царя Бѣлаго:
««Ой гой еси, православный царь!
««Ты не дѣлай молодцу второй казни!»»
Тутъ осмѣливался добрый молодецъ,
Подходилъ къ царю близёхонько
И кланялся низёхонько:
—Ой ты гой еси, батюшко,
—Православный царь!
—Дай мнѣ волю
—По царёвымъ кабакамъ гулять,
—Безденежно вино пить [3]).—
Возговорилъ православной царь:
«Ой ты гой еси, добрый мо́лодецъ!
«Я вижу въ тебѣ сердце доброе:
«На што ты зарѣзалъ свого́ отца ро́днаго?
«Молись Богу за государыню:
«Она просила тебя у Бога и у меня царя;
«Богъ проститъ тебя, мо́лодецъ,
«И я прощаю, православный царь,
«Во всѣхъ винахъ!»

(Отъ В. И. Даля).

---

[1]) Опять то же усиліе возстановить складъ.—[2]) Такъ изъ жены виновнаго (см. выше) сдѣлана жена государева.—[3]) Этотъ, по видимому не кстати и неожиданный оборотъ получилъ мѣсто по памяти о виновномъ „пьяницѣ;“ этимъ же связывается пѣсня съ приведеннымъ выше Правежомъ.

«Въ зеленóмъ саду есть три дéревца
«Перво деревцо—кипарисное,
«Друго деревцо—сладка яблонка,
«Третье деревцо—зелена́ груша.
«Кипарисъ древо—родной батюшко,
«Сладка яблонка—родна матушка,
«Зелена груша—молода́ жена.
«Родной батюшка плачетъ,—какъ рѣка льется,
«Родна матушка плачетъ,—какъ ключи шумятъ,
«Молода жена плачетъ,—роса утренняя:
«Какъ солнце взойдетъ, росу высушитъ.»

(Запис. П. В. Кир.).

Пѣсня эта своимъ началомъ, а особенно концомъ, переходитъ уже въ совершенно особый разрядъ многочисленныхъ Молодецкихъ Безъимянныхъ пѣсенъ.

* * *

XII.

Шереметевъ и Шлиппенбахъ.

Маіоръ земли Шведской.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Какъ во тысяча во семьсотъ во первомъ го́ду,
Да и шестаго мѣсяца Іюня [1]),
Какъ шестаго на́ десять во числахъ [2]),
Какъ во томъ было во чистомъ полѣ,
Пролегала тамъ дороженька широка́я,
Долиною, пробойная,—краю нѣту [3]).

---

[1]) По другимъ „Іюля.“—[2]) Въ числахъ, по числу—Іюня 16-го.—[3]) Дороженька пробойная, долиною—краю нѣту.

Какъ по той по широкой по дорожкѣ,
Тамъ шелъ-прошелъ царскій Большой Бояринъ,
Кавалеръ Борисъ Петровичь Шереметевъ,
Со своимъ онъ со коннымъ эскадрономъ,
Со своимъ онъ пѣшеходнымъ батальономъ,
Со своими козацкими полками,
Со своими Донскими козаками.

Приходили они на Шведскую границу,
Вокругъ Краснаго Мыса [1]) становились,
Козаковъ посылали грабить городъ Илтаборы [2]):
Они Красный Мысъ разорили,
Въ полонъ Шведскаго маіора посадили...

(Не кончено; ср. сборникъ Савельева, 1866 г.).

Пѣсня важна тѣмъ, что, кромѣ чиселъ, соединяетъ сей отдѣлъ съ предъидущимъ описаніемъ „дороженьки широкой."

*

2.

(Губ. Калужской, у. Лихвинскаго, с. Андроновское).

Собирался-то Большой Баринъ,
Онъ со тѣмъ ли войскомъ со Россейскимъ,
Что на Шведску-то границу.

Не дошедши онъ границы, становился,
Становился въ чистомъ полѣ при долинѣ,
Россейскимъ войскомъ поле изуставилъ,
Россейскими знаменами поле изукрасилъ.

---

[1]) Красной Мызы.—[2]) Ерестферы (Елтафоры—Илтаворы).

XIII.

Левенгауптъ и Краснощоковъ.

Пріуныло-пріумолкло *войское Дóнское*,
Пріужáснулась армеюшка царя Бѣлаго,
Безъ вѣрнаго служителя государева,
Безъ Ивана Матвѣича Краснощокова.
Взяли Краснощокова въ полонъ Шведы,
Повели добраго мóлодца къ Левенгаупту.
Какъ и сталъ его Левенгауптъ спрашивать:
«Ты скажи, скажи, добрый молодецъ, *не утай ничего*:
«Ты чѣмъ служилъ царю Бѣлому, какъ ты жалованъ,—
«Сотникомъ, полковникомъ иль бригадирушкой [1])?»
Рѣчь возговорилъ Краснощоковъ Левенгаупту:
—Я служилъ царю Бѣлому ровно тридцать лѣтъ,
—И не сотникомъ-полковникомъ-бригадирушкой,
—Я служилъ царю Бѣлому—рядовой козакъ.—
«Нѣтъ, не правду, *разудалый*, *открываешь мнѣ*:
«На тебѣ, младецъ, управушка не козачая,
«На тебѣ-то управушка командирская.
«Я хочу тебя, младца, *просить просьбою*:
«Ты служилъ царю Бѣлому ровно тридцать лѣтъ,—
«Послужи ты *царю* Шведскому хоть трú года?»
Какъ воскрикнулъ Краснощоковъ Левенгаупту:
—*Ахъ если бы была* при мнѣ сабля острая,
—Послужилъ бы я надъ твоей буйной головушкой!—

(„Русская Старина“ Корниловича, Сахаровъ и г. Савельевъ: перепечатывали другъ отъ друга; въ старшихъ и лучшихъ изданіяхъ нѣтъ. Кромѣ выраженій, отпечатанныхъ курсивомъ и противныхъ складу народному, замѣтна вообще искусственность, а если и была подлинная основа, то вѣроятно и тамъ по смѣшенію Левенгаупта съ Ласси, Шведскаго плѣна съ Турецкимъ, въ которомъ точно увидимъ героя ниже, при подробностяхъ о немъ въ творчествѣ послѣдующей эпохи. Ср. „Замѣтку“).

* * *

Слѣдующій отдѣлъ связывается съ предыдущими—образцомъ тѣхъ же пріемовъ, съ маіоромъ:

---

[1]) Въ отличіе отъ другихъ старшинъ, полковниковъ, Краснощоковъ именовался „бригадиромъ.“

Она падала во армію Россійскую,
Молодаго Полковника на бѣлую грудь;
Она взрыла-разметала грудь всю бѣлую,
Она вынула румянецъ изъ бѣла лица.

Что возговоритъ Полковникъ *таковы слова*:
«Ахъ вы здѣсь ли, гранодеры моего полку!
«Не попомните вы, други, моей грубости,
«Вы возьмите мое тѣло на свои руки,
«Отнесите мое тѣло во бѣлой шатеръ,
«Вы обмойте мое тѣло горючой слезой,
«Положите мое тѣло въ гробовы доски,
«*И предайте* мое тѣло мать-сырой-землѣ.
«Отпишите потомъ, братцы, въ домъ мой грамотку,
«*Чтобы знали, что я умеръ за отечество.*»

(Пѣсня эта начинается съ пѣсенника И. П. *Дмитріева* 1796 года и, судя по выраженіямъ, изъ коихъ наиболѣе чуждыя народу отмѣчены у насъ курсивомъ, переправлена съ подлинника,—но какого, доселѣ не знаемъ. По нѣкоторымъ чертамъ, уцѣлѣвшимъ народнымъ оборотамъ и по самой мѣстности, сюда всего ближе стоятъ пѣсни *о Рычковѣ*, которыя и помѣщаются въ слѣдъ за симъ, хотя конечно по инымъ образцамъ принадлежатъ иной, во всякомъ случаѣ ближайшей, эпохѣ).

*

Рычковъ на морѣ Варяжскомъ.

1.

(Губ. Симбирской).

По морю-морю Верейскому [1]),
Плывутъ-выплываютъ тридцать кораблей:
Одина-тъ корабличекъ на передъ бѣжитъ,
На томъ на корабличкѣ Рычковъ атаманъ.

---

[1]) Такъ въ Былинахъ постоянно зовется море Варяжское, Балтійское, и почти исключительно со временъ Петра, когда перешло въ ту сторону поприще дѣйствій и устремилось вниманіе.

Что возговорилъ молодецъ атаманъ Рычковъ:
«Гребите вы, молодцы, не робѣйте,
«Своихъ бѣлыхъ ручушекъ не жалѣйте,
«Трехъ-гранныхъ веселичекъ не сушите!»
Подъ бережкомъ-бережкомъ подъ крутымъ,
Стояла тутъ силушка западная,
Западная силушка—воровская.
Что возговорилъ молодецъ Рычковъ атаманъ:
«Охъ вы гой еси молодцы, Донски казаки,
«Донскіе, Гребенскіе, всѣ Яицкіе!
«Заряжайте, молодцы, въ три заряда,
«Первый зарядичекъ чистымъ серебромъ,
«А другое-тъ зарядичекъ крупнымъ жемчугомъ,
«А третіе-тъ зарядичекъ свинцомъ-порохомъ,—
«Палите вы въ силушку западную!»

Не люта змѣя въ полѣ зашипѣла,
Просвистѣла пулечка свинцовая,
Убила у ярыжныихъ [1]) атамана,
Его въ молодецкую во бѣлу грудь,
Въ его ретивое злое сердце.

(Отъ Языкова).

*

2.

(Оттуда же).

По морю-морю по Верейскому
Плыли-выплывали тридцать кораблей:
На первомъ карабликѣ Рычковъ атаманъ.

---

[1]) Подначальныхъ, рабочихъ слугъ на службѣ (совсѣмъ не то, что позднѣе—безпутный, мотъ и плутъ).

По кораблику Рычковъ атаманъ похаживаетъ,
Онъ своимъ бурла́ченькамъ приказываетъ:
«Гребите вы, мо́лодцы, не робѣйте,
«Своихъ бѣлыхъ ручушекъ не жалѣйте!
«Гонятся за мо́лодцемъ три погони:
«Первая погоня всё солдаты,
«Вторая погоня всё гусары,
«Третья-то погоня Донски коза́ки,
«Донски, Гребенскіе, Запорожскіе [1].»

Не успѣлъ добрый мо́лодецъ слово молвити,
Вѣстова́я пушечка выпа́ливала,
Свинцо́вая пу́лечка просвистывала;
Никого на корабликѣ не убивала,
Вышибала на кора́блѣ карабельну доску,
Ушибала доскою Есаула,
Ушибала Есаула не до сме́рти.
Возговоритъ молодецъ:
«Берите вы мо́лодца за бѣлы руки,
«За бѣлы руки, за рѣзвы ноги,
«Кидайте вы мо́лодца въ сине море [2].»
Возговоритъ мо́лодецъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Заряжайте въ мо́лодца три заряда:
«Первый зарядецъ чисто се́ребро,
«Другой-то зарядецъ чистымъ золотомъ,
«А третій зарядецъ чистымъ жемчугомъ,
«Придайте мнѣ, молодцу, вы скорую смерть!»

(Отъ него же).

*

---

[1]) Гдѣ козаки „Донскіе,“ тамъ по привычному выраженію обыкновенно являются, по требованію самого склада въ стихѣ, „Гребенскіе, Запорожскіе, Яицкіе“ и т. п.—[2]) Здѣсь уже пѣсня начинаетъ отличать *есаула* и *молодца* отъ самого атамана Рычкова.

3.

(Г. Новгородской, Валдайскаго уѣзда, дер. Со́сница).

Охъ по́ морю-морюшку, по морю по Верейскому,
Плыли-восплывали тридцать кораблёвъ:
Нашь первый корабличекъ на передъ бѣжи',
На передъ бѣжи', какъ соколъ лети'.

Въ эвтомъ во корабличкѣ Ры́чковъ генералъ,
Рычковъ генералъ рѣчь гово́рилъ съ намъ:
«Гребите, ребятушки, не робѣйте,
«Своихъ бѣлыхъ ручушекъ не жалѣйте,
«Поѣдемте, ребятушки, ко всей страсти-ужасти,
«Ко всей страсти-ужасти, къ бережо́чку,
«Ко желтому ко сыпучему ко песочку!»

Тутъ стояла силушка западна́я,
Выпаляла пушечка ломова́я [1]),
Никого въ корабличкѣ не ушибло,
Толькя вышибло одну верьхнюю доску [2]).
Вси наши солдатушки испужались,
По мелкимъ шлюпочкамъ разбѣжались,
Опослѣ страсти-ужасти на корабличекъ собирались;
Опослѣ того Рычковъ генералъ
Бладаренье отдавалъ
И по рюмкѣ водки наливалъ.

(Записано П. В. Кирѣевскимъ въ Новгородѣ отъ трубочиста Савелья, 1834 года, 6 Сентября).

*

Слѣдующій образецъ переноситъ событіе съ Варяжскаго моря, также Синяго (см. предыдущіе выпуски), на Синее море Хвалынское, Каспійское:

---

[1]) См. выше.—[2]) Эта черта дала возможность спасти отъ смерти Рычкова, подобно какъ другіе образцы отдѣлили его отъ убитаго есаула. Потому же въ концѣ прибавлены несообразные стихи, отпечатанные у насъ курсивомъ.

4.

По́ морю, по мо́рю, морю синему,
По синему морю по Хвалынскому,
Плыли-выплывали тридцать кораблей:
Какъ одинъ корабличекъ по передъ бѣжитъ,
По передъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ;
На томъ на корабличкѣ Рыжковъ атаманъ.

Какъ возговоритъ Рыжковъ громкимъ голосомъ:
«Вы гребите, ребятушки, удалѣе!
«За нами, ребятушки, три погони,—
«Первая погоня всё солдаты,
«Вторая погоня всё гусары,
«А третья погоня Донски козаки,
«Донски, Гребенскіе, Запорожскіе.»

(Изъ рукописи *кн. Церетелева*, запис. Н. А. Полевымъ).

*

Наконецъ, переходя въ Безъимянную, пѣсня вмѣстѣ съ тѣмъ сближается тѣснѣе и съ передѣлкой (или лучше подлинникомъ) Дмитріева, но утверждаетъ событіе именно *за Донцомъ*:

5.

(Земля Войска Донскаго).

На зорѣ-то было на зорюшкѣ,
На зорѣ-то было на утренней,
На восходѣ было солнца краснаго [1],
Не буйные вѣтры подымалися,

---

[1]) Вотъ какими образами пользуется пѣсня, замѣняя время и мѣсто Шлюссельбурга или моря Верейскаго.—Ср. подобное начало Петровскихъ пѣсенъ выше.

Не синее море всколыхалося,
Не фузеюшка [1]) въ полѣ прогрянула,
Не лютая змѣя въ полѣ просвиснула,
Просвиснула пулечка свинчатая:
Она падала, пулька, не на́ землю,
Не на́ землю, пуля, и не на́ воду,
Она падала, пуля, въ козачій кругъ,
На урочную-то [2]) на головушку,
Что да на перваго есаулушку;
Попадала пулечка промежь бровей,
Что промежь бровей, промежь ясныхъ очей.

Упалъ молодецъ коню на черну гриву:
«Охъ вы братцы мои, товарищи!
«Поднимите меня на ворона́ коня,
«Повезите меня во бѣлъ шатеръ,
«Положите меня на ко́ечку.
«Кому изъ васъ судитъ Богъ на Тихій Донъ [3]),
«Поклонитесь всему Дону Тихому,
«Отцу-матери, молодой женѣ,—
«Пущай она въ тоску не убивается,
«Въ свое-то платье убирается,—
«Не покидайте родителей [4]) моихъ!»

(Ср. Сборникъ г. Савельева, 1866).

* * *

Къ симъ же отдѣламъ примыкаетъ, какъ прибавка, слѣдующая пѣсня по своему началу:

---

[1]) Извѣстное военное ружье. Здѣсь, кажется, *не* произошло изъ *ино, инъ*,—„Инъ фузеюшка въ полѣ прогрянула,“ и этимъ кончается одно сравненіе, за которымъ слѣдуетъ уже другое—змѣя и пуля.—[2]) Обреченную рокомъ.—[3]) Воротиться.—[4]) Отца-мать, но скорѣе всѣхъ вообще „родныхъ (какъ и доселѣ употребляется это слово).“

Донцы на морѣ Верейскомъ, передъ самимъ королемъ Шведскимъ.

1.

По морю-морю по Верейскому,
По тому морю—по морю *Турецкому* [1]),
Плывутъ-выплываютъ три кораблика:
Одинъ корабль на передъ плыветъ,
Какъ соколъ летитъ;
У него носъ корма по звѣриному [2]),
Водяные [3]) бока по змѣиному.

Въ томъ кораблѣ раскрашенъ чердакъ,
Въ томъ чердакѣ столики стоятъ, *черны дубовые* [4]),
На столахъ разостланы скатерти бѣлы-браныя,
На скатертяхъ стоятъ яства сахарныя
И пойлицы медовыя,
За столомъ сидитъ Шведскій король,
А предъ нимъ стоятъ два невольничка,
Со Тиха Дона два полковничка.
Одинъ держитъ царское знамечко позлаченое,
А второй держитъ золотой подносъ,
На подносѣ стоятъ *двѣ рюмочки* серебряныя,
Въ рюмочкахъ пойлицы медовыя.
««Ты *ужь* гой еси, Шведской король!
««Изволь принять, изволь выкушать!
««Да не намъ бы предъ тобою-*то* стояти
««И не намъ бы тебѣ подносити [5])!»»

---

[1]) Народная пѣсня этого не смѣшала бы; Сахаровъ или не зналъ различія, или, какъ это бываетъ у него не рѣдко, наивной нелѣпостью хотѣлъ доказать подлинность пѣсни. Выдающіяся странности отмѣчены у насъ курсивомъ.—[2]) Взяты на прокатъ образы изъ старшихъ Былинъ.—[3]) Вмѣсто „сведены," отъ „сводить:" вотъ до чего доходило „исправленіе!"—[4]) У народа „бѣлы дубовые" или „бѣлодубовы:" но сочинителю помѣшали послѣдующія *бѣлы* скатерти и онъ „избѣгъ" повторенія.—[5]) Къ какой стати эта грубость, неизвѣстно.

Да возговорилъ Шведскій король:
«Мнѣ пить-ѣсть не хочется,
«*Гульба-прохлада* на умъ не йдетъ.
«*Ноньсь вечеръ* [1]) мало спалось
«*И* во снѣ много видѣлось,
«Привидился мнѣ *некорыстный* сонъ:
«Во снѣ привидѣлась мнѣ крутая гора,
«На той на горѣ частъ-ракитовъ кустъ *стоитъ*,
«На томъ кустѣ тепло гнѣздышко,
«Тепло гнѣздышко соколиное.»
Да возговоритъ *душечка* Шведской король:
«Ужь вы гой еси, мои невольнички,
«Со Тиха Дона полковнички!
«Кто сонъ мой отгадаетъ,
«Того я выпущу *на волюшку.*»
Да возговорили *раздушечки* два полковничка,
Со Тиха Дона два невольничка:
««Устоишь ли въ своемъ словѣ королевскомъ?
««Выпустишь ли насъ невольничковъ *на волюшку?*
««*Ужь* мы сонъ твой отгадаемъ:
««Крута гора—наша *Россіюшка*,
««А *кустикъ* ракитовъ—наша каменна Москва,
««А гнѣздышко соколиное—Россійская *арміюшка.*»»

(Эта, больше чѣмъ сомнительная, пѣсня, приведенная *Сахаровымъ*, явно составлена изъ двухъ—плаванія Донцовъ по Варяжскому морю и выше помѣщеннаго Сна, видѣнія передъ войной Шведской, отчасти съ прибавкою Былины о Краснощековѣ. Не говоря уже о нелѣпости выраженій,—самый складъ никуда не годится, какъ во всѣхъ сочиненіяхъ Сахарова. Мы не выбрасываемъ потому лишь, что найдется, можетъ быть, подлинникъ старшій или болѣе порядочный).

* * *

Съ этимъ отдѣломъ связаны два послѣдующихъ, о плаваніи государя по Невѣ и морю Варяжскому:

---

[1]) Противорѣчіе въ двухъ словахъ.

XV.

Царь на пути къ Шлюссельбургу. Козаки не узнали его.

1.

Какъ по крутому по красному
бережку,
Какъ по желтому-сыпучему
песочку,
Тутъ ходилъ-гулялъ батюшко
православный царь.
Онъ садился, государь-царь,
на легокъ стружокъ,
Размахнули-разгребнули
въ верхъ Невы рѣки,
Что ко славному ко городу
ко Шлюшину.

Какъ на встрѣчу государю
Донскіе козаки,
Что Донскіе, Гребенскіе,
Запорожскіе.
Что козаки государя
не опознали:
Имъ подумалось—король
земли Шведскія [1]).
Заряжали свои ружья
огнёвыя,
Приготовились стрѣлять
по своемъ царѣ.

---

[1]) Доказательство ранняго, тогдашняго сложенія пѣсни: на Невѣ и взморьѣ можно еще было встрѣтить Шведскаго короля.

Какъ не золотая трубушка
вострýбила,
Что промолвилъ ли нашь батюшко
православный царь.
Козаки голосъ услышали,
Что кидались-бросались
на легóкъ стружокъ,
Приклонили свои буйны головы:
««Ты прости, прости, нашь батюшко,
православный царь!
««Еще мы тебя, государь-царь,
не опóзнали,
««Намъ подумалось—король
земли Шведскія.»»
Что взговоритъ нашь батюшко
православный царь:
«Вамъ спасибо ли, робята,
козаки Донскій,
«Что Донскіе, Гребенскіе,
Запорожскіе!
«Съ осторожностью [1]) вы по рѣкѣ-Невѣ
гуляете,
«Своего царя вы
защищаете.»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними *Костомар.* съ *Мордовц.* и другіе).

*

[1]) Переходъ уже къ языку письменному.

2.

(Г. Саратовской, у. Петровскаго, село Даниловка).

Да никто-то про то не знаетъ ни вѣдаетъ,
Куда нашь царь православный снаряжается [1]):
Соряжается-собирается на Неву рѣку.
Корабельное построеньецо переглядыватъ:
Полюбился-показался царю легкой корабль,
Со любимыми полками Преображенскими [2]),
Съ генералами съ Московскими.
И гребнули они—плеснули [3]) по Невѣ рѣкѣ,
До амбаровъ до государевыхъ.

Не признали козаки самого царя,
Заряжали пушечки ломóвыя [4]),
И ломовыя-боёвыя.
И воскликнулъ батюшка православный царь:
«Вы гой еси, люди знамые,
«Вы, де, знамые, братцы, знакомые!
«Поднимайте-ка знамёны государевы!»
Донскіе козаки испужалися,
На колѣнки становилися:
««Ой ты гой еси, нашь батюшка,
««Нашь батюшка, православный царь!
««Мы, де, не признали самогó царя,
««Заряжали пушечки ломовыя
««И ломовыя, и боёвыя.»»

(Записано, на его родинѣ, Ст. П. Шевыревымъ).

*

Изъ этой-то Былины передѣлалъ И. И. Дмитріевъ, съ большимъ впрочемъ умѣньемъ и съ замѣчательнымъ, подобно какъ выше, чутьемъ къ складу стиха:

---

[1]) Начало, сходное со сборами на Шведскую войну вообще: см. выше.—[2]) Т. е. садился на корабль.—[3]) Вѣроятно: „И гребнули—восплеснули," или въ этомъ родѣ.—[4]) См. выше.

3.

По желты́мъ пескáмъ сыпучимъ,
на крутомъ берегу,
Ходилъ-гулялъ православный
царь нашь батюшка;
Онъ съ боярами садился
на легóкъ стружокъ:
Размахнули-разребну́ли
вверхъ Невы рѣки.

Противъ крѣпкія защиты [1]),
противъ Шлюшена,
Тутъ на встрѣчу государю
Донски козаки.
Имъ помни́лось, что король то
земли Шведскія:
Заряжали свои ружья,
ружья меткія,
Приготовились стрѣляти
по своемъ царѣ.
Не трубушка золотая
вострубила *имъ*,
Голосъ батюшки раздался
и дошелъ до нихъ [2]).
Закидались-заметались
на легóкъ стружокъ,
Преклонили всѣ козáки
буйны гóловы:

---

[1]) Крѣпости, твердыни.—[2]) Это уже изъ числа неловкостей.

««Ты прости насъ, милосердый
православный царь!
15. ««Мы готовились стрѣляти
въ царя [2]) Шведскаго.»»
«Похваляю васъ, ребята,
Донски козаки,
«Что гуляли осторожно
по Невѣ рѣкѣ,
«Что *къ защитѣ вы готовы*
своего царя [2]).»
Такъ возговорилъ къ козакамъ
православный царь.

(Пѣсенникъ П. И. Дмитріева 1796 г.).

* * *

Съ этой поѣздкой связана другая, и она-то, своими новыми образами, объясняетъ, почему творчество допустило козаковъ *не узнать* Петра (ср. въ концѣ „Замѣтку“):

XVI.

Поѣздка царя въ Стокгольмъ и обратно.

1.

Ахъ по морю-морю Синему,
По синему морю по Хвалынскому [1]),
Что плывутъ тутъ—выплываютъ тридцать кораблей:
Что одинъ изъ нихъ корабль, братцы, на передъ бѣжитъ,

---

[1]) Это смѣшеніе Варяжскаго моря съ Хвалынскимъ-Каспійскимъ, замѣченное и выше, по перенесеніи самого поприща дѣйствій съ Юго-Востока на Сѣверо-Западъ, утвердилось въ творчествѣ тѣмъ легче, что Балтійское-Варяжское, подобно Хвалынскому, по преимуществу море *Синее*.—*Черное* у Славянъ и у Русскихъ—одно; *Синее*—Хвалынское и Адріатическое, потомъ вторично—на Сѣверо-Западѣ; *Бѣлое*—Мраморное и Средиземное, потомъ вторично опять на Сѣверѣ, по мѣрѣ шаговъ творчества въ ту сторону (см. о томъ Замѣтки прежнихъ выпусковъ).

Подымалась Полтавска баталья.
Запалитъ Шведская сила
Изъ большаго снаряда—изъ пушки;
Запалитъ Московская сила
Изъ мелкаго ружья—изъ мушкета.
Не крупенъ чеснокъ разсыпáлся:
Смѣшалася Шведская сила.
Распáхана Шведская пашня,
Распáхана солдатской бѣлой грудью;
Орана Шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронёна Шведская пашня
Солдатскими руками;
Посѣяна новая пашня
Солдатскими головами;
Полúвана новая пашня
Горячей солдатской кровью [1]).

(Записано Н. Борисовымъ въ Декабрѣ 1845 года).

* *

Слѣдующій образецъ представляетъ уже книжную работу, Западно-русскую, хотя и съ народнымъ складомъ (ср. „Замѣтку“):

Полтава, Король Шведскій и Мазепа.

1.

Кто не слыхивалъ у насъ таковыя славы?
Подымался Король Шведской даже до Полтавы.
Призываетъ онъ Мазепу къ себѣ на подпору:
Какъ бы вырыть подъ [2]) царемъ на погибель нору;

---

[1]) Опять пріемы Слова о Полку Игоревѣ, подобно начальнымъ пѣснямъ о войнѣ Шведской.—[2]) *Дмитр.* „надъ.“

Веселятся и ликуютъ, чаютъ—побѣдили,
И не справившись съ удачей все распорядили.
Король Шведскій говоритъ: «Какъ я буду паномъ,
«То устрою я Мазепу Короннымъ Гетманомъ.»
А Мазепа возносился выше [1]) своей мѣры,
Былъ [2]) предатель государевъ, былъ [2]) предатель вѣры.
Но что вышло изъ ихъ чванства? Не попали и въ отчизну [3]),
Потерявши [4]) цѣло войско утекли въ Нѣмчизну.

Виватъ Бѣлый царь и воинъ, разумомъ богатый!
Виватъ храбры генералы! Виватъ и солдаты!

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними Дмитріева, Глазунова П. Ш. 1819 г. и другіе.—Въ свое время самая распространенная пѣсня).

* *

Плата Запорожцамъ за Полтаву.

1.

(Губ. Саратовской).

Похвалились славны Запорожцы
Платавъ-городъ взяти.
Эхъ-хе [5])!

---

[1]) *Дмитр.* и *Глаз.* „паче.“ — [2]) Тамъ же: „бывъ.“ — [3]) *Дмитр.* „Но что жь вышло? Не попали и въ свою Турчизну.“—[4]) *Дмитр.* и *Глаз.* „А утративъ;“ *Дмитр.* „свое“ вмѣсто „цѣло.“—[5]) Въ этой передѣлкѣ на Великорусскій ладъ только и есть новаго, искусно вымышленнаго, что припѣвъ.

По утру они рано вставали,
Добрыхъ коней своихъ сѣдлали.
А къ вечеру славны Запорожцы
Всѣ въ полонъ попали.
Славны, славны вы Запорожцы,
А гдѣ ваши метки ружья?
««Наши ружья заряжоны,
««А мы въ острогъ посажоны.»»
Славны, славны вы Запорожцы,
А гдѣ ваши добрые кони?
««Наши кони на пригонѣ,
««А мы, казаченьки, во неволѣ.»»
Славны, славны вы Запорожцы,
А гдѣ ваши острыя копья?
««Наши копья отобрали,
««Во Дунай-рѣку побросали.»»

(Только лишь у *Костомар.* и *Мордовц.*; нѣтъ никакого складу, не довольно и смысл у; до открытія другаго подлинника, пѣсня сомнительнаго происхожденія и пока есть ничто иное, какъ плохая передѣлка знаменитой Малорусской „Галки," которая относится не къ Полтавѣ, а къ гибели Запорожской Сѣчи въ 1775. См. ниже на своемъ мѣстѣ).

* * *

Эти двѣ пѣсни служатъ переходомъ къ остальнымъ Малорусскимъ Думамъ и подобнаго рода произведеніямъ, связаннымъ съ Полтавой, кои помѣщаются въ слѣдъ за симъ для сравненія. Ближайшая къ „Саратовской" такова:

XIX.

Малорусскія [1]).

1.

Поплатились Запорожцы за Полтаву: Гордѣенко.—Царь Восточный и Голицынъ.

Запорожци небожата!
Пшениця не жата:
Ой пійдите, оглядите,
Пшеницю зажните!
««Ой, хочъ пійдемъ оглядати,
««Не будемо жати!»»
Хвалилися Запорожци
Полтавы достати [2]):

1.

Бѣдняжки вы Запорожцы!
Пшеница не жата:
Ой, пойдите, огляните,
Пшеницу зажните!
„„Хоть пойдёмъ мы и оглянемъ,
„„Ой, не будемъ жати.““
Хвалилися Запорожцы,
Добудемъ Полтаву:

---

[1]) Шрифтъ не предназначался для пѣсенъ Малорусскихъ и потому въ немъ недостаетъ потребныхъ знаковъ для указанія всѣхъ оттѣнковъ произношенія по Малорусскому нарѣчію.—[2]) Вотъ откуда взято начало для предыдущаго образца (а продолженіе его изъ пѣсни позднѣйшей).—Разумѣется неудачная осада Полтавы, веденная Запорожцами въ 1709 году въ пособіе Шведу и Мазепѣ, за что поплатились они временнымъ разореніемъ Сѣчи.

Ще Полтавы не достали,
А вже Шведъ издався;
На бидную головоньку
Кошовый [1]) зостався.
Ой умерла въ кошового
Старенькая мати:
Тай ни́кому кошовому
Порадоньки дати [2]).

Восточный царь на Вкраини
Не діймае виры;
Посылае Голицына [3]),
Щобъ не було змины:

Еще не взяли Полтавы,
А Шведъ уже сдался;
На бѣду своей головкѣ
Кошевой остался.
Умерла у кошеваго
Мать его старушка:
Никого нѣтъ, кто бы подалъ
Совѣтъ кошевому.

Восточный царь Украйнѣ
Вѣры ужь не емлетъ;
Посылаетъ Голицына,
Чтобъ не быть измѣнѣ:

---

[1]) Кошевой атаманъ Запорожскій Гордѣенко, сотоварищь Мазепы, вѣрный ему и послѣ Полтавы, спутникъ его въ Бендеры, скоро потомъ погибшій въ одной изъ отчаянныхъ битвъ. — [2]) У Срезневскаго переводъ не вѣренъ: „и некому кошеваго *утѣшить*.“—[3]) „Столь же неправильно, говоритъ Срезневскій, изображено отношеніе Петра I и Голицына къ Украинѣ; наконецъ за чѣмъ вязать Полтавскую битву и Гордіенко съ Голицынымъ? Какою дорогою могъ итти Голицынъ и какимъ слѣдомъ Петръ I за нимъ!“ Это совершенная ошибка: здѣсь разумѣется не фельдмаршалъ Михайло Михайловичь и не сынъ его Димитрій, а соименникъ послѣдняго, Дмитрій Михайловичь старшій, который именно выражалъ недовѣріе государя къ Украйнѣ и Мазепѣ, слѣдилъ за

«Ой иди жъ ты, Голицыну,
«Иди жъ ты горою,
«А я пійду зъ Москалями
«У слидъ за тобою.»

(Максимовичъ 1834, потомъ Срезневскій въ „Запорожской старинѣ“ 1834—38 и другіе; начало пѣсни ср. съ образцемъ предъидущимъ; вопреки мнѣнію Срезневскаго—совершенно народна. Складъ опредѣлившійся и краткій представляетъ переходъ отъ Думы къ Былевой Пѣснѣ, подобно какъ у насъ отъ Былинъ и Побывальщинъ къ Старинамъ).

* *

Это одинъ изъ эпизодовъ „Полтавскаго“ круга въ Малорусскомъ творчествѣ, помѣщавшійся вѣроятно, въ цѣлой связи, *началомъ* своимъ—на концѣ какой либо длинной и обстоятельной Думы, каковы на примѣръ слѣдующія, *концемъ же*—въ началѣ ихъ.

2.

а)

Замыслы Мазепы, Искра, Кочубей, Палій.

Ой, ты гадаешь, Мазепо,
Ты гадаешь изминяти:
Хочешь царя одступати [1]),
Въ пень Москву рубати;

„Ой иди-ко ты, Голицынъ,
„Иди ты горою,
„А я пойду съ Москвичами
„Слѣдомъ за тобою.“

* *

2.

а)

Ой, гадаешь ты, Мазепа,
Ты гадаешь измѣняти:
Хочешь царя отступиться,
Москву рубить въ корень;

Мазепою, сдерживалъ въ повиновеніи Кіевъ, велъ переговоры о сдачѣ Батурина и т. д. За нимъ-то и Менщиковымъ именно и двинулся Петръ къ Полтавѣ.—Вся пѣсня изъ двухъ отрывковъ: послѣдній есть вступленіе къ Полтавскому дѣлу, первый же — о Гордіенкѣ—эпизодъ, въ сторону и къ концу дѣла Полтавскаго.—Критика, воспитанная *на рукописяхъ*, не примѣнима къ *творчеству народному*.—[1]) Читая „оступати (то же самое),“ Срезневскій понялъ это—обступать и переводитъ „напасть на царя.“

Та не тилько що царя одступати,
Въ пень Москву рубати:
Ще й самъ хочешь на столици
Царемъ царствувати.

Ой, у городи у Полтави
Мазепа гуляе;
Сидить зъ Искрою, зъ Кочубіемъ [1]),
Все плаче й рыдае [2]):
«Та велю жъ я королю Шведському
«Та Москаля бити!
«Гей, велю жъ я Запорожцямъ
«Москву въ пень рубити!»

Тай уже жъ песъ проклятый Мазепа
У поли наметомъ ставъ:
Зеленымъ виномъ та медомъ
Солодкимъ почтувавъ.

Не царя лишь отступиться,
Москву рубить въ корень:
Хочешь самъ ты на престолѣ
Царемъ царевати.

Ой въ городѣ во Полтавѣ
Мазепа гуляетъ;
Сидитъ съ Искрой, съ Кочубеемъ,
Все плачетъ-рыдаетъ:
„Да велю королю Шведовъ,
„Велю Москаля бить!
„Эй, велю-ко Запорожцамъ,
„Москву рубить въ корень!“

Вотъ Мазепа, песъ проклятый,
Въ полѣ сталъ шатрами:
Потчивалъ виномъ зеленымъ,
Сладкими медами.

---

[1]) Знаменитыя лица, жертва своей ранней догадки и приверженности къ Петру. Дѣло происходило въ Бердичевѣ, 1704 года. — [2]) Тонкій намекъ на обычное его притворство, страхи, ссылки на болѣзнь и т. п.

Ой що взмовить гетьманъ Мазепа
Палію Семену:
«Ой ты, Палію Семене [1]),
«Чи не зрадишь ты мене?»
—Якъ же я маю, гетьмане Мазепо,
—Тебе изражати,
—Коли ты будешь, Мазепо,
—Добре починати?—
«Я думаю, Палію Семене,
«Москву въ пень рубати,
«А самъ хочу на столици
«Царемъ царствувати?»
—Впередъ будешь, гетьмане Мазепо,
—У стовба [2]) стояти,
—Ани жъ будешь на столици
—Царемъ царствувати.—

Взговоритъ Мазепа гетманъ
Палію Семену:
„А что̀ ты, Палій Семенъ,
„Меня ты не выдашь?“
—Какъ же мнѣ, Мазепа гетманъ,
—Тебя выдавати,
—Коли будешь ты, Мазепа,
—Добромъ починати?—
„Я думаю, Палій Семенъ,
„Москву рубить въ корень,
„А самъ хочу на престолѣ
„Царемъ царевати?“
—Прежде гетману Мазепѣ
—У столба стояти,
—Чѣмъ придется на престолѣ
—Царемъ царевати.—

---

[1]) Извѣстный, чисто-народный герой: образъ его очерченъ самыми прихотливыми красками—богатыря, чародѣя, пѣвца и т. п. См. ниже.—[2]) У позорнаго столба преступниковъ.

Ой не знавъ, не знавъ проклятый Мазепа,
Якъ Палія зазвати;
Ой ставъ же, ставъ проклятый Мазепа
На бенкетъ [1]) запрошати:
«Ой пріидь, пріидь, Палію Семене,
«Да на бенкетъ до мене!»

Ой скоро [2]) Паліенко Семенъ
Зъ своимъ військомъ пріизжае,
Ой такъ скоро [2]) проклятый Мазепа
Чашу меду высылае:
«Ой, прошу тебе, Палію Семене,
«По чаши вина пити?»
—Брешешь, брешешь, проклятый Мазепо:
—Хочешь мене згубити!—

Ой не зналъ проклятъ Мазепа,
Какъ зазвать Палія;
Ой сталъ же проклятъ Мазепа
На пиръ зазывати:
„Семенъ Палій, пріѣзжай-ка
„Ко мнѣ на пирушку!“

Ой скоро же Палій Семенъ
Съ своимъ войскомъ пріѣзжаетъ,
Проклятой Мазепа тотчасъ
Чашу меду высылаетъ:
„Пожалуй-ка, Семенъ Палій,
„Выпей вина чару?“
—Брешешь, проклятой Мазепа:
—Сгубить меня хочешь!—

---

[1]) Банкетъ: пирушка. — [2]) Какъ скоро, то; или, по нашему, „Скоро—скорѣй того.“

А той Максимъ Искра сидить,
Про Мазепу добро знае,
Паліеви Семенови
Отъ такъ привичае:
—«Ой и годи, Семене Палію,
—«Въ Мазепы вина пити:
—«Ой, хоче Мазепа проклятый
—«Тебе зъ карабина вбити!»—

Ой и пье Семенъ, ой и пье Палій,
Та головоньку клонить:
А Мазепинъ чура [1]) ёму
Кайданы [2]) готовить.
Ой и пье Семенъ, ой и пье Палій,
Изъ нигъ извалився:

А сидитъ тотъ Максимъ Искра,
Онъ Мазепу на сквозь знаетъ,
Онъ Семену онъ Палію
Приговариваетъ:
—„Эй, Семенъ Палій, постой-ка
—„Пить вино Мазепы:
—„Тебя хочетъ онъ проклятый
—„Изъ ружья убити!“—

Ой пьетъ Семенъ, ой пьетъ Палій,
Головушку клонитъ:
А ему Мазепинъ чура
Оковы готовитъ.
Ой пьетъ Семенъ, ой пьетъ Палій,
Съ ногъ онъ повалился:

---

[1]) Прислужникъ, оруженосецъ, вѣстникъ, на посылкахъ и въ подѣлкахъ, провожатый: въ качествѣ древнѣйшаго *Чура*, то же что Гермесъ;—см. о томъ „Замѣтку“ нашу при 4-мъ выпускѣ.—[2]) Оковы.

Барзо тому гетьманъ Мазепа
Стоя звеселився [1]).
Ой и крикнувъ панъ гетьманъ Мазепа
На свои гайдуки:
«Гей, озьмить Палія Семена
«За крипкеньки руки [2])!»
Отъ и крикнувъ панъ гетьманъ Мазепа
На свои лейтары [3]):
«Гей, озьмить Палія Семена
«Закуйте въ кайданы!»
Отъ и крикнувъ панъ гетьманъ Мазепа
Та на свои мысливци [4]):
«Гей, озьмить Палія Семена
«Та засадить въ стрильници [5])!»

Сильно тому панъ Мазепа
Стоя взвеселился.
Ой и крикнулъ же панъ гетманъ
На свои гайдуки:
„Гей, возьмите вы Палія
„За крѣпеньки руки!“
Ой и крикнулъ панъ Мазепа
На свои рейтары:
„Гей, возьмите вы Палія,
„Закуйте въ оковы!“
Вотъ и крикнулъ же панъ гетманъ
Да на своихъ ловчихъ:
„Гей вы, взять Палій-Семена,
„Засадить въ стрѣльницу!“

---

[1]) У Срезневскаго: „Задивився.“ Но чему же было дивиться?—[2]) Максимовичъ: „Да у тисныи руки,“ во крѣпкія руки.—[3]) Рейтары, всадники; варіантъ „Янчары,“ янычары.—[4]) Ловчіе, охотники; у Максим. „на свою визницю,“ своему возницѣ.—[5]) Въ башнѣ.—Это, по представленіямъ творчества, первое, мѣстное заключеніе Палія. — Максим. „Да вкиньте въ темницю.“

Не давъ Палію гетьманъ Мазепа
Ни пити, ни исти,
Доки не выславъ, проклятый,
На столицю [1]) листы.
[А якъ же выславъ гетьманъ Мазепа
Листы на столицю,
Веливъ закинуть Палія
У темну темницю [2]).]
«Отъ-то жъ тоби, промовляе, царю,
«Естъ Палій изминникъ:
«Винъ тебе хоче вже одступати,
«Въ пень Москву рубати,
«А самъ хоче та на столици
«Царемъ царствувати [3]).»
Озоветься [4]) Палій Семенъ
Сидячи въ темници [5]):

Не далъ Палію Мазепа
Ни пити, ни ѣсти,
Пока не послалъ, проклятый,
Грамотъ на столицу.
[А какъ выслалъ онъ, Мазепа,
Грамоты въ столицу,
Велѣлъ закинуть Палія
Въ темную темницу.]
„Вотъ, тебѣ, царь,—говоритъ онъ,—
„Палій есть измѣнникъ:
„Хочетъ тебя отступиться,
„Москву рубить въ корень,
„А самъ хочетъ на престолѣ
„Царемъ царевати.“
Отзовется Палій Семенъ,
Сидючи въ темницѣ:

---

[1]) Первоначально это значитъ *престолъ*, столъ сидѣнья властителя, а оттуда и самое названіе *столицы*.—[2]) Эти 4 стиха, у Срезневскаго, лишніе и разбавлены.—[3]) Варіантъ у Срезневскаго не важный.—[4]) Вар. „Тоди озоветься.“ Максим. „Обизветься.“—[5]) „Зъ темнои темници.“

—Бреше, бреше гетьманъ Мазепа
—Въ царя на столици!
—Отъ же жъ тоби, да праведный царю,
—Самъ гетьманъ изминникъ:
—Винъ тебе хоче уже одступати,
—Въ пень Москву рубати [1]),
—А самъ хоче та на столици
—Царемъ царствувати [2])!—

Ой що взмовлять мосцивыи [3]) паны
До праведна царя:
««Выпускай ты, да праведный царю,
««Палія зъ темници,
««А то будуть бусурманы Шведы
««На твоій столици!»»

(Кн. Церетелевъ 1819, Максимовичъ 1834 съ поправками по списку Ходаковскаго; потомъ съ перемѣнами (чаще нарушающими складъ) Срезневскій 1834—38; какъ и выше, замѣтна естественная близость склада къ пѣснямъ Московскимъ того времени, о чемъ см. „Замѣтку“).

*

—Брешетъ, брешетъ панъ Мазепа
—У царя въ столицѣ!
—А вотъ тебѣ, царь праведный,
—Самъ гетманъ измѣнникъ:
—Хочетъ тебя отступиться,
—Москву рубить въ корень,
—А самъ хочетъ на престолѣ
—Царемъ царевати!—

Ой что взговорятъ вельможи
Царю правосудну:
„„Выпускай, царь правосудный,
„„Палія съ темницы,
„„А то бусурманамъ Шведамъ
„„Быть въ твоей столицѣ!““

*

---

[1]) Вар.: „Ой, царю, каже, Мазепа змининкъ, Хоче Москву рубати.“—[2]) Слѣдующій за симъ, необходимый конецъ находится у Церетелева и выброшенъ Срезневскимъ: онъ доказываетъ, что *въ этой* Думѣ представлялось только *одно*, мѣстное заключеніе Палія, ибо въ слѣдъ за тѣмъ непосредственно онъ на свободѣ и подъ Полтавой, о чемъ и сказывается далѣе. — [3]) Вельможные.

б)

Палій на свободѣ, битва подъ Полтавой.

Король утекаетъ за одно съ Мазепой [1]).

Та ще хмилю [2]) та ще зелененькій
На тычину не извився [3]):
А вже Палій пидъ Полтавою
Изъ Шведомъ побився.
Та ще хмилю та ще зелененькій
Головокъ не схиливъ:
А вже Палій пидъ Полтавою
Тай Шведивъ побивъ [4]).

б)

Еще хмѣль еще зеленый
Тычинкой не взвился:
А Палій ужь подъ Полтавой
Со Шведомъ сразился.
Еще хмѣль еще зеленый
Головокъ не клонитъ:
А Палій ужь подъ Полтавой
Шведовъ бьетъ и гонитъ.

---

[1]) Пѣсня эта у Церетелева и Максимовича, какъ и слѣдуетъ, непосредственно соединяется съ предыдущею.—[2]) Такъ у Церетелева, сообразно съ древнѣйшимъ складомъ; у Срезневскаго повторенія: „Та ще хмилю, хмилю.“—[3]) Максим. и Срезн. „не звився.“—Еще до осени, середи лѣта: по Московскимъ пѣснямъ „Середь было краснаго лѣта.“ Палій высвободился 1708 года: по пѣснямъ весною, великимъ постомъ прибылъ въ Москву (какого года, разумѣется, не говорится), а на вешняго Николу прибылъ подъ Полтаву (1709).—[4]) Слѣдующее за симъ только у Срезневскаго: это лишнее повтореніе, когда пѣвецъ разохотился сравненіями.

[Та ще хмилю та ще зелененькій
Козакивъ не згубивъ:
А вже Палій зъ пидъ Полтавы
Тай Шведивъ отбивъ.]
Ой кликне-покликне да королю Шведській [1]),
На гармати [2]) стоя:
«Утикаймо скорійшъ, гетьмане Мазепо [3]),
«Зъ Полтавського поля!»
Тоди вони утикали
Уси зъ пидъ Полтавы:
«Бо-дай вони не диждали
«Биться зъ козаками [4])!»

(Кн. Церетелевъ 1819, Максимовичъ 1834, за ними Срезневскій 1834—38, съ поправками по спискамъ).

*

[Еще хмѣль еще зеленый
Козаковъ не губитъ:
А Палій изъ подъ Полтавы
Шведовъ прочь бьетъ-рубитъ.]
Ой кликнетъ-воскликнетъ
Король земли Шведской,
Стоючи на пушкѣ:
„Побѣжимъ скорѣй, Мазепа,
„Съ Полтавскаго поля!“
Тогда они утекали
Всѣ изъ подъ Полтавы:
„„Дай Богъ, впередъ не дождаться
„„Битвы съ козаками!““

*

---

[1]) У Срезн. „Тоди крикне, крикне ясный король Шведській.“—[2]) Армата, армада—сперва вообще „орудіе,“ потомъ пушка.—[3]) Срезн. „Утикаймо, Мазепо.“—[4]) Этимъ кончается у Церетелева, и явно, что это дѣйствительно конецъ: слова бѣгущихъ, въ 3-мъ лицѣ.—Ср. въ нашихъ Былинахъ слова бѣгущихъ Татаръ: „Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву, Не дай Богъ намъ видать Русскихъ людей“ и проч. У Срезн. продолжается далѣе, но слабо и растянуто.

в)

Погоня за Шведами до Бендеръ. Палій съ Гречкой [1]).

Отъ-то Шведы [2]) утикали
Зъ Полтавського поля:
Зхаменулась [3]), звеселилась
Козацкая доля.
Отъ-то вони хутко [4]) утикали
Та не шляхомъ [5]), стежкой:
Була війску порада
Тай Палію зъ Гречкой....
Тоди швидко [6]), швидко Шведы утикали,
Дорожку взнавали,
Тай ще тую дороженьку
До Бендеръ держали...

И т. п. Не вносится симъ ничего особаго, ни историческаго, ни замѣчательнаго творчествомъ.

(Срезн. въ „Запор. Стар.“ 1834—38).

* *

Въ томъ же почти порядкѣ, хотя и съ нѣкоторыми особыми чертами, излагаетъ дѣло слѣдующая, самая лучшая и цѣльная Дума:

в)

Вотъ какъ Шведы утекали
Съ Полтавскаго поля:
Проснулась, повеселѣла
Козацкая доля.
Вотъ какъ быстро утекали,
Не дорогой, тропкой:
Была войску въ томъ отрада
И Палію съ Гречкой....
Скоро, скоро утекали,
Путь себѣ пытали,
Еще ту ли путь-дорожку
Къ Бендерамъ держали...

* *

---

[1]) Какъ сказано, это непосредственно соединяется съ предыдущимъ.—[2]) Такъ въ строфахъ ниже: для соединенія съ предыдущимъ у Срезн. „Отъ-то вони тоди шибко.“ — [3]) Очнулась, проснулась. — [4]) Охоче, старательно. — [5]) Schlag, торная, большая бойная дорога.—[6]) Geschwind.

3.

Съѣздъ Русскихъ. Свобода Палію и походъ его съ Шереметевымъ подъ Полтаву. Король и Мазепа, ихъ бѣгство.

Шведського року, несчастливого лита,
Не одна-то душа христіянська
Безневинно [1]) пійшла зъ сёго свита.

То тоди-то у городи у Лебедини [2])
Цари й князи великимъ вси [3]) дивомъ дивовали,
Единъ до единого словами промовляли:
««Про що то, панове [4]), у земли христіянській
««Не стало порядку ставати?»»
—«Про то, панове [4]), що стали

3.

Въ ту́ ль годину Шведску, въ безсчастное лѣто,
Не одна-то душа христіянска
Отошла безвинно съ сего свѣта.

Во ту́ пору, во городѣ во Лебединѣ,
Цари и князи великимъ дивомъ дивовались,
Такими словами другъ ко другу говорили:
„„За что-й-то, господа, въ землѣ христіянской
„„Не стало порядку становиться?““
—„За то, господа, что стали

---

[1]) Двойное отрицаніе (какъ при сравненіяхъ въ языкѣ народномъ, см. выше).—[2]) Объ этомъ-то въ Московскихъ пѣсняхъ говоритъ Шереметевъ, предчувствуя себѣ бѣду „на полѣ Лебединомъ,“ см. выше. Здѣсь была въ 1708 г. главная квартира Русскихъ войскъ.—[3]) *Си?*—[4]) У Срезн. странная прибавка—„молодци.“

—«Проклятыи бусурманы
—«Христіянъ братами называти.»—
««Хто жъ тее зачинавъ?»»
—«Начинавъ тее проклятый Мазепа,
—«Якъ Искру и Кочубея
—«Безневинно самъ зъ сёго свита зогнавъ,
—«Семена Палія на Сибиръ завдавъ.»—
То цари и князи
Единъ до единого словами промовляли,
Да [1]) Семена Палія зъ Сибиру
На Москву высылали [2]).

Скоро [3]) то ставъ Семенъ Палій
Великимъ постомъ, весняною погодою,
До Бѣлого царя [4]) на столицю прибувати,
То свитъ праведный государь

—„Проклятые бусурманы
—„Христіянъ братьями называти.“—
„„А кто жь это зачалъ?““
—„Начиналъ то проклятóй Мазепа,
—„Когда Искру съ Кочубеемъ
—„Безвинно спровадилъ съ сего свѣта,
—„Семена жь Палія въ Сибирь предалъ.“—
Такъ цари и князи
Такими словами другъ ко другу говорили,
Да Семена Палія съ Сибири
Въ Москву высылали.

Скоро Семенъ Палій прибываетъ,
Въ Постъ Великій, весенней погодой,
Ко Бѣлому царю на столицу,
А свѣтъ правосудный государь-царь,

---

[1]) Или *та*: удивительно, за чѣмъ Срезневскій предлагалъ исправленіе *що*,— не было бы смыслу.—[2]) *Выслали*?—Это, по народному творчеству, второе заключеніе Палія—въ Сибири; послѣ заключенія у Мазепы, онъ былъ сосланъ въ Енисейскъ 1804 г. и возвращенъ 1708, ср. выше.—[3]) Какъ скоро, когда.— [4]) И въ Малорусской поэзіи, какъ въ Московскихъ пѣсняхъ, это прозваніе усвоено по преимуществу Петру I-му.

Велику (винъ) радость мае,
Що до себе великого лыцаря
Семена Палія у гости сподивае.

То Мазепа тоди якъ почувъ,
Що ёго, проклятого Мазепу,
Лихо доганяе,
До короля (винъ) Шведського
Таки ричи промовляе:
«Королю Шведській, добродію,
«Найяснійшій [1]) мій пане!
«Чи будемъ мы больше
«Города Полтавы доставати,
«Чи будемъ зъ-пидъ города [2])
«Зъ-пидъ Полтавы утикати?

Великую радость онъ имѣетъ,
Что великаго рыцаря въ гости,
Семена Палія принимаетъ.

А Мазепа тогда, какъ почуялъ,
Что его, проклятаго Мазепу,
Бѣда нагоняетъ,
Онъ тогда королю Шведовъ
Говоритъ такія рѣчи:
„Благодѣтель, король Шведскій,
„Пресвѣтлѣйшій господинъ мой!
„Добывать ли намъ еще Полтаву,
„Или будетъ лучше изъ-подъ града,
„Изъ-подъ той Полтавы утекати?

---

[1]) *Наияснійшій*? Издатели весьма правы, приводя въ обычный порядокъ народную рѣчь *на письмѣ*: но въ устахъ, именно при пѣніи, по требованію склада, конечно были и есть отмѣны (какъ всегда на Великой Руси. См. объ основномъ складѣ въ 7-мъ выпускѣ).—[2]) „Изъ-пидъ“ или „зъ-пидъ града?“ Если дѣлается подобный отрѣзокъ въ 7 или въ 5, вѣрно стихъ былъ подлинно и первоначально въ 8 или 6 слоговъ.

«Бо не дурно Москва стала
«Насъ кругомъ оступати;
«Бо въ Семена Палія [1])
«Хочъ и не великое війско охотнее [2]),
«Тилько одна сотня,
«А буде нашу тысячу
«Гнати й рубати,
«Буде намъ, великимъ паномъ,
«Великій страхъ завдавати [3])!»
То король Шведській тее зачувае,
Словами (винъ) промовляе:
—Мазепо, безумна главо!
—Чи въ мене війско не збройне,
—Чи у мене [4]) війско не панцырне?

„Вѣдь не съ дуру Москва стала
„Насъ кругомъ съ тобою обступати;
„У Семена вѣдь Палія
„Пусть и не вели́ко охочее войско,
„Только одна сотня,
„А будетъ тысячу нашу
„Гнати и рубити,
„Будетъ намъ, панамъ великимъ,
„Великій страхъ задавати!“
То заслышитъ король Шведскій,
Такими словами говоритъ онъ:
—Голова безумная, Мазепа!
—У меня ль войско не въ бро́нѣ,
—У меня ли не въ панцыряхъ войско?

---

[1]) То же о семъ стихѣ. — [2]) *Охотне?* Указываетъ слѣдующая рѳма. — [3]) Совершенно подобнымъ образомъ, по Московскимъ пѣснямъ, королю „на рѣчахъ кавалеры доносили.“ Ср. выше.—[4]) Вотъ еще доказательство: у Максимовича въ подобныхъ случаяхъ *у* полугласное, что переходитъ въ *вз*; такъ и печатаетъ обычно Срезневскій *вз*: но здѣсь, по складу, не усумнился же принять *у*.

—Та я ще [1]) тую Москву
—Могу сикти и рубати,
—Ще не зарикаюсь [2])
—У Билого царя
—На столици побувати!—

Скоро ставъ Палій Семенъ,
На святого отця Миколая,
Изъ Шереметомъ Борисомъ Петровичомъ,
Пидъ Полтаву прибувати,—
То ставъ король Шведській
Изъ Мазепою тайно втикати,
На царськихъ людей вдаряти.
Много царськихъ людей побивали [3]).

—Еще я ли Москву эту
—Могу сѣчь я и рубити,
—Еще я не зарѣкаюсь
—У Бѣлаго царя побывати,
—На его—царя—столицѣ!—

На святаго отца Миколая,
Подъ ту подъ Полтаву,
Скоро сталъ ли Палій прибывати,
Съ нимъ Борисъ Петровичь Шереметевъ,—
Тутъ (скорѣй того) король Шведскій
Сталъ съ Мазепой тайно утекати,
На людей на царскихъ ударяти.
Много царскихъ людей побивали.

---

[1]) „Тай ще?“—[2]) Обратно предыдущему, у Срезневск. „йще не зарикаюся (7),“ а Максимовичь, по чутью склада, печатаетъ „ще не зарикаюсь.“—[3]) Напрасно полагалъ Срезневскій, что слѣдующее за симъ „должно разумѣть не о Батуринѣ, лежащемъ на Сеймѣ, а о Переволочнѣ.“ Тотчасъ послѣ обличенія Мазепы, 3 Ноября 1708 г. Меншиковъ взялъ его резиденцію Батуринъ, опустошилъ въ тѣхъ самыхъ чертахъ, какъ говоритъ пѣсня, побиты жители, даже женщины и младенцы, разорено, взято или попалено все имущество гетмана и жителей, оставшееся здѣсь. Этого не могъ забыть народъ и тотчасъ же поставилъ это въ упрекъ Мазепѣ: въ слѣдующей за симъ Думѣ тѣмъ же порядкомъ переходятъ къ Батурину, чтобы еще разъ проклясть Ма-

А въ городи у Батурини
Мужикивъ та жинокъ
У пень сикли да рубали,
Церкви палили,
Святсти та иконы
Пидъ ноги топтали,
Плиты справляли [1]);
На той бикъ Днипра утикали.

То Семенъ Палій
Пидъ Полтаву прибувае:
Сиче и рубае,
На вси стороны якъ полову митае.

А въ Батуринѣ во градѣ,
Мужиковъ да жонокъ
Въ корень сѣкли и рубили,
А церкви палили,
Святыни-иконы
Подъ ноги топтали
[А плиты сплавляли];
На тотъ бокъ Днѣпра всѣ утекали.

Такъ-то Семенъ Палій
Подъ Полтаву прибываетъ:
Сѣчетъ онъ и рубитъ,
Какъ плеву на всѣ стороны разметаетъ.

зепу. Связь такова: Враги бѣжали передъ лицомъ Палія и козаковъ, но царскихъ—Московскихъ—людей они продолжали еще бить и много побили; да и тѣ, съ Менщиковымъ, не пощадили Батурина и, въ разореньѣ его, ты же, Мазепа, виновенъ. Послѣ этого эпизода, пѣсня возвращается къ бѣгущимъ и прибавляетъ, что теперь сцена перенесена была за Днѣпръ.—[1]) Срезневскій „плоты наводили“ и за тѣмъ уходили. Но Максимовичъ, вопреки правиламъ своего правописанія, пишетъ здѣсь не *о* со значкомъ, а просто *плиты*. Потому мы соединяемъ это съ предыдущимъ и полагаемъ: самыя плиты, металлическія, переплавляли (*сплавляли*) или передѣлывали (справляли),—такъ точно и поступали тогда съ плитами помостовъ и гробовъ, окладами, ризами.

До Днипра (винъ) добувае,
На той бикъ Днипра поглядае,
Що король Шведськiй изъ Мазепою
На тимъ боци Днипра похожае,—
То винъ-то мечемъ махае,
Словами (винъ) промовляе:
«—Помоли ты, Мазепо, за мене Бога,
«—Що я тебе не догнавъ:
«—Альбо бъ посикъ, альбо порубавъ [1]),
«—Альбо живьемъ на вичну каторгу завдавъ [2])!» —

*

Земле, земле христiянсько!
Егда ты була смутками
И печальми наполнена,

До Днѣпра онъ достигаетъ,
На тотъ бокъ Днѣпра поглядываетъ,
Какъ съ Мазепою тамъ король Шведскiй
По ту сторону похаживаетъ,—
Тутъ мечемъ Палiй помахиваетъ,
Словами онъ приговариваетъ:
„—Ну, молить тебѣ, Мазепа, Богу,
„—За меня, что не догналъ я:
„—Либо я тебя посѣкъ бы,
„—Не посѣкъ бы,—зарубилъ бы,
„—А не то тебя живьёмъ бы
„—Въ вѣчну каторгу пустилъ бы!—“

*

Земля, земля христiянска!
Какъ была ты засмущона,
Изнаполнена печальми,

---

[1]) „Не посѣкъ, не порубилъ!“ переводитъ Срезневскiй (!).—[2]) Слѣдующее за симъ—внѣ событiя, заключенiе Думы, заключительный припѣвъ пѣвца.

Не знала (ты), де родина
Объ родини промышляе [1]).
Дай Богъ честь и хвалу
Свитъ-праведному государю,
Да й Семену Палію,
Превеликому пану,
Що не давъ Шведу
Христіянъ на поталу [2])!
Ой дай, Боже, усимъ христіянамъ
Многія лита,
Да счастливого прожитія
У симъ свити!

(Срезнев. 1834—38, „со словъ бандуриста;“ Максимовичъ 1849; чисто-народное произведеніе, и потому-то, какъ показано, сходится съ Былинами Московскими).

* *

За симъ снова, третій разъ, повторяется почти то же, съ нѣсколькими лишь иными чертами и выраженіями:

Ты не знала, какъ родные
Объ родныхъ и промышляютъ.
Дай Богъ честь и славу
Свѣтъ-праведну государю,
Еще ль Семену Палію,
Превелику господину,
Да что не далъ Шведу
Христіянъ въ добычу!
Подай, Боже, и всѣмъ христіянамъ
Многія лѣта,
Да счастливо имъ прожити
На семъ свѣтѣ!

* *

---

[1]) Ср. Слово о Полку Игоревѣ и заключеніе Былинъ Сербскихъ, съ намекомъ на Славянскую рознь: „Тешко свуда своме без своега.“ Всюду тяжко своему безъ своего (роднаго)!—[2]) Полонъ; ср. древнее *таль*—заложникъ, военноплѣнный.

4.

а)

Мазепа. Судьба Искры и Кочубея. Разоренъ Батуринъ.

Мазепо гетьмане,
Израдливый пане!
Злее починаешь,
Зъ Шведомъ накладаешь
И на царя восточного
Руки пидіймаешь:
Пиднявъ еси орду,
Изробивъ тревогу [1]).
А при тій измини
Був Кочубій(да)-Искра:

4.

а)

Ты гетманъ Мазепа,
Панъ ты вѣроломный!
Злое зачинаешь,
Сходишься со Шведомъ,
На царя восточнаго ты
Руки подымаешь:
Поднялъ силу многу,
Учинилъ тревогу.
А при той измѣнѣ
Былъ Кочубей съ Искрой:

[1]) Два стиха дурны, новы, для риѳмы.—*Орда*—не Турецкая, а скопъ войска, ополченіе.

Пишли жъ вони зъ-пидъ Полтавы
Да до царя знишка [1]);
А царь виры не динявъ,
До Мазепы одиславъ.
Скоро жъ [2]) ихъ Мазепа взривъ,—
Барзо звеселився:
А Кочубій изъ Искрою [3])
Слезами облився.
Уси паны, сенаторы,
Уси бенкетъ мали [4]):

Пошли они съ-подъ Полтавы
Къ царю потихоньку.
А царь вѣры имъ не взялъ,
Ихъ къ Мазепѣ отослалъ.
Скоро узрѣлъ ихъ Мазепа,—
Сильно взвеселился:
А Кочубей съ Искрой
Слезами облился.
Всѣ господа, сенаторы,
Всѣ пиръ пировали:

---

[1]) Ср. наше *нишни*, молчи, притихни. — [2]) Какъ скоро. — [3]) Такъ у Максимовича, по чувству склада, въ 8 слоговъ; Срезн. „зъ.“—И здѣсь, какъ выше, всѣ стихи въ 7 предполагаютъ подлинникъ въ 8 или 6 слоговъ. Ходъ сего склада таковъ: отъ основнаго 8-ми до господствующаго 10-ти, потомъ до 12-ти; 12, не столь любимое, раскалывается по поламъ, 6+6; движеніе продолжается дальше и даетъ 13, т. е. 8+5 (а 5 половина 10-ти),—складъ любимый; но еще далѣе, 8+6, то есть съ отломкомъ половины 12-ти (а 12 само не любимо), рождается 14, и отсюда-то половина—въ 7 слоговъ: это уже уродливость, искаженіе склада. Плохо и 15, 8+7. Складъ на этомъ пути возстановляется лишь тогда, когда доходитъ до 16-ти, то есть снова основное 8+8 (ср. замѣтки въ вып. 7).—[4]) Банкетъ.—Кажется, должно разумѣть съѣздъ Русскихъ, помянутый выше, при которомъ, говоритъ пѣсня, вспомнили и судьбу Кочубея съ Искрой, и ссылку Палія: здѣсь, напротивъ, пѣсня хотѣла упрекнуть пирующихъ и выставить вѣрность одного Апостола.

Кочубія жъ изъ Искрою [1])
Барзо забували.
Тильки ты ихъ не забувъ,
Миргородській пане [2]),
Що Кочубій изъ Искрою
За Вкраину стали [3])!

У Кіеви на Подоли
Порубаны груши:
Погубивъ же песъ Мазепа
Невинныя души.
Ой выгоривъ весь Батуринъ,
Зосталася хата [4]):

Кочубея жь они съ Искроё
Скоро забывали.
Только ты ихъ не забылъ,
Властель Миргородскій,
Не забылъ, что они съ Искрой
За Украйну встали.

Во Кіевѣ на Подолѣ
Порублены груши:
Погубилъ же песъ Мазепа
Невинныя души.
Ой выгорѣлъ весь Батуринъ,
Осталась лишь хата:

---

[1]) Также народно, но гораздо слабѣе и новѣе предыдущаго; если Дума равняется нашей Былинѣ или, скорѣе, Побывальщинѣ (съ полуразрушеннымъ складомъ), то это совершенно то же, что у насъ „бабья Старина,“ Былевая Пѣсня въ вѣдѣніи женщинъ, женская по складу и употребленію; совершенно тотъ же ходъ—отъ 8 къ 12, отъ 12 по поламъ къ 6-ти слогамъ; ср. напр. Стихъ, „Восплакался Адамъ, Передъ раемъ стоя,“ „Кал. Перех.“ вып. 6, а здѣсь выпускъ 7-й.—[2]) Вѣроятно *Данило Апостолъ*, отставшій отъ Мазепы и бывшій послѣ гетманомъ.—[3]) Народъ не могъ забыть и проститъ Мазепѣ, по его винѣ, разоренія Батурина: онъ къ этому переходитъ совершенно также, какъ въ предыдущей Думѣ, и зачинаетъ, какъ эпизодъ, особымъ сравненіемъ.—[4]) На мѣстѣ разоренія оставалось нѣсколько хатъ до самого возобновленія въ 1750 г., при Разумовскомъ.

Да вже-жъ твоя, псе [1]) Мазепо,
И душа проклята.
35. Бувъ у тебе, псе Мазепо,
Одинъ хлопець Нимець [2]):
Пишло жъ твое, псе Мазепо,
Усе добро ни-ве-ць [3])!

(Максимовичъ 1834, оттуда Срезневскій 1834—38).

*

б)

Мазепа подъ Полтавой со Шведами. Царь Московскій и побѣда. Бѣгство къ Бендерамъ и смерть Мазепы [4]).

Ой трапилось [5]) проклятому Мазепи
Та коржики [6]) исти:

За то твоя, песъ Мазепа,
И душа проклята.
35. Былъ у тебя, песъ Мазепа,
Одинъ слуга Нѣмецъ:
Все добро твое, Мазепа,
Пошло все ни во́ что!

*

б)

Удавалося проклятому Мазепѣ
И лепешки ѣсти:

---

[1]) У Срезн. „твоя-то,“ хотя и замѣчено, что перепечатано изъ Максимовича.— [2]) Начальникъ Сердюковъ, гвардіи Мазепы, *Кёнигсена*: пѣсня воспользовалась симъ для риѳмы, но съ разсчитаннымъ вмѣстѣ упрекомъ.—[3]) Ни-во-что (ни-въ-че).— [4]) Относится къ предыдущему какъ продолженіе, подобно 2-му и 3-му образцамъ. И складъ сходенъ: второй стихъ въ 6, первый попадается въ 8; только первый чаще растянутъ, и преимущественно по желанію налечь на имя *проклятаго Мазепы*.—[5]) Наше *трафилось*: trefften.—[6]) Печеныя лепешки. И ему удавалось попировать, поважничать, „поѣсть писаныхъ пряниковъ.“

А то ще й потрапилось проклятому Мазепи
Пидъ Полтавой систи.
Та не довго католики
Пидъ Полтавой станомъ стояли:
Казавъ царь Московськiй,—Ура, хлопци!—
То якъ пухъ розимчали.

А де ты, вражiй сыну, Мазепа проклятый,
Теперя [1]) усився?
А де ты зъ сердюками-вовчатами,
Вовче, вгораздився?
Кажуть люди, у городи у Бендери
Чого-сь смутно стало:
Чи то того, що Йвана Мазепу
Лихо доконало?
Ой то того, що Йвана Мазепу
Лихо доконало [2]);

Удавалося и то ему, Мазепѣ,
Подъ Полтавой сѣсти.
Да католики не долго
Подъ Полтавой станомъ постояли:
„Ура, хлопцы!“ сказалъ царь Московскiй,—
Такъ въ пухъ разметали.

А гдѣ жь, вражiй сынъ Мазепа,
Теперя усѣлся?
Куда жь угораздило тя, волка,
Съ волчатами-сердюками?
Люди скажутъ, въ городѣ Бендерахъ
Что-то смутно стало:
Ужь не то ли, что Мазепу
Лихо доконало?
Точно правда, что Мазепу
Лихо доконало;

---

[1]) „Тепера?“ — [2]) Связь такова. „Куда-то, Мазепа, ты дѣвался? Сказываютъ, какое-то горе, смута въ Бендерахъ: такъ не тамъ ли ты, не тебя ли тамъ постигла бѣда и смерть, не по тебѣ ли горе? Именно такъ, правда: отъ того

Ой то того, що Мазепина слава
Марно [1]) пропала.
Ой то того, що Мазепина слава
Марно пропала,
Якъ ёго тило бусурманське у Бендери
Земля при(ни)мала.

(Со словъ бандуриста, изъ трехъ списковъ, у Срезн. въ „Запор. Стар.“ 1834—38; народно, но слишкомъ потерпѣлъ складъ, отъ помянутыхъ причинъ).

* *

Послѣ этихъ трехъ, частями разрушенныхъ, но внутреннею связью цѣльныхъ и полныхъ Былевыхъ Пѣсней, слѣдуютъ уже тѣ, гдѣ передается *отдѣльно* и *особенно* судьба *Палія*. Первая однако изъ нихъ, и лучшая, художественно округляетъ одинъ, строго опредѣленный моментъ,—заключеніе Палія въ Сибири: это такой же эпизодъ, какъ напр. о Батуринѣ, но только развитой, подобно какъ развитъ эпизодъ о Гордіенкѣ и Запорожцахъ; вѣроятно, какъ эпизодъ, пѣсня входила *въ составъ цѣльной Былины*, до насъ не дошедшей, на томъ мѣстѣ, гдѣ творчество касалось ссылки Палія, какъ это видимъ по предыдущимъ образцамъ. Можетъ быть даже она входила въ среду предыдущихъ (тогда еще цѣла была связь ихъ первоначальнаго состава), на примѣръ послѣ 2 а) и передъ б).

Точно правда, его слава
За даромъ пропала.
Точно правда, его слава
За даромъ пропала,
Какъ его въ Бендерахъ тѣло бусурманско
Земля принимала.

* *

тамъ смута, тамъ пропала слава Мазепы, тамъ смерть его постигла.—Погребенъ близь Бендеръ, въ Варницѣ.—[1]) Суетно, всуе, за даромъ, по напрасну (ср. *мар-ево*).

5.

а)

Палій въ Сибири.

Высоко сонце [1]) зходить,
Низенько ложиться:
Ой де-сь-то панъ Палій Семенъ
Тепера журиться?
Высоко сонце зходить,
Низенько заходить:
Ой де-сь-то панъ Палій Семенъ
По Сибиру бродить?

«Ой чуро [2]) мій, чуро,
«Мій вирный Стоўсю!

5.

а)

Высоко солнце восходитъ,
Низенько ложится:
Ой гдѣ-то панъ Палій Семенъ
Теперя горюетъ?
Высоко солнце восходитъ,
Низенько заходитъ:
Ой гдѣ-то панъ Палій Семенъ
По Сибири бродитъ?

„Ой чура мой, чура,
„Мой вѣрный Стоўсю!

[1]) По складу м. б. „сонечко?“—Замѣтно примѣненіе образа: высоко поднявшійся Палій глубоко упалъ бѣдою.—[2]) См. выше; служка.

«Ой ходимо у каплицю [1]):
«Богу помолюся.
«Ой Богови помолюся,
«Святимъ поклонюся:
«Зледащивъ, понурый [2]),
«Старенькимъ здаюся.
«Старенькимъ здаюся,
«Молитися мушу [3]):
«Хай милуе [4]) Милостивый
«Мою гришну душу [5])!»

Ой [6]) натягнувъ ёму чура
Да сирую свиту,
Да давъ ёму да у руку
Иловую виту [7]).

„Пойдемъ-ка мы во храмъ Божій:
„Богу помолюся.
„Ой Богу я помолюся,
„Святымъ поклонюся:
„Захудалъ, понурый,
„Старикомъ кажуся.
„Старикомъ кажуся,
„Молиться пришлося:
„Да милуетъ Милосердый
„Мою грѣшну душу!“

Натянулъ же ему чура
Да сѣрую свитку
И далъ ему въ его руку
Еловую клюшку.

---

[1]) Часовню; здѣсь вообще храмъ.—[2]) Такъ у Максимовича, вездѣ чутка-го къ народному складу; у Срезн. вставлено „я,“ въ 7 слоговъ; *ледащій*—плохенькій, худой, сродно съ *лядъ* (Land), пустопорожнее, заброшенное мѣсто, не воздѣланная земля; ledig.—[3]) Müssen.—[4]) Опять у Максимовича; Срезн. „помилуе,“ вопреки складу.—[5]) Это рѣчь Палія.—[6]) Опять у Срезн. нѣтъ.—[7]) Вѣтку, сукъ: здѣсь—клюку, разсоху, посохъ.

Пійшовъ панъ Палій Семенъ
Богови молиться:
Не то Богови молиться,
А не то журиться [1]).
Прійшовъ [2]) панъ Палій до дому,
Дай сивъ на помити;
На бандурци выгравае:
«Лихо жити въ свити!
«Той [3]), душу заклавши [4]),
«Свиту, бачъ, гаптуе [5]),
«А той по Сибиру
«Мовъ въ лузи дубуе [6])!»

(Максимовичъ 1834; Срезневскій 1834—38, „со словъ бандуриста, съ поправками по тремъ другимъ спискамъ.“ Особенно замѣтно, что сложено современно самой были).

* *

Пошолъ тутъ панъ Палій Семенъ,
Богу онъ молиться:
Не то—Богу онъ молиться,
Не то—горевати.
Пришолъ же панъ Палій домой,
Сѣлъ онъ на крылечкѣ;
Играетъ онъ на бандурѣ
[Самъ выигрываетъ]:
„Лихо жить на свѣтѣ!
„Одинъ, предавъ душу,
„Смотришь—свиту краситъ,
„А другой въ Сибири
„Какъ въ золѣ золится!“

* *

---

[1]) Богъ вѣсть—молиться ли, а Богъ вѣсть—погоревать, поплакать. Срезневскій переводитъ: „Не такъ Богу молиться, какъ горевать.“ Напротивъ, то и другое: колебаніе, необычайно ярко и художественно выраженное (ср. у насъ пѣсни жены Грознаго, Ксеніи и Лопухиной).—[2]) Срезн. „А якъ прійшовъ (вотъ къ чему привела *поправка* по спискамъ).“—[3]) Срезн. „Що той.“—[4]) Сгубивъ, зломъ, ради міра; заложивши ее свѣту.—[5]) Вышиваетъ шитьемъ—серебрянымъ и т. п.: шитые кафтаны, съ галунами, по нашему—шитый мундиръ.—[6]) Можно бы думать, что послѣдніе 4 стиха,—заключеніе позднѣйшаго пѣвца

Это изъ разряда пѣсней «Невольницкихъ» у Малоруссовъ, у насъ «Темничныхъ:» какъ въ Малороссіи (Кулишъ, «Записки о Южн. Руси,» т. I, 1856), такъ и у насъ, по всѣмъ даннымъ, сочинялись эти пѣсни *самими* заключенными. Прямо можно сказать, что это «*Пѣсня Палія.*» Переходъ отъ 1-го лица къ разсказу въ 3-мъ самый обычный (ср. примѣры у насъ выше): особенно этотъ пріемъ возобладалъ, конечно, когда пѣсня была вставлена въ Думу, въ Былину, въ связь цѣльнаго и длиннаго разсказа; тогда же противу перваго склада кое-что добавлялось: и отъ лица сложившаго, перваго пѣвшаго, и отъ лица пѣвца новаго, поющаго Былину.

За тѣмъ слѣдуютъ о Паліѣ еще два разряда пѣсней и сказаній: въ однихъ, б) втораго разряда, Палій обставленъ фантастическими представленіями народными (помѣщено у Кулиша, въ 1-мъ т. «Запис. о Ю. Р.»). Онъ вѣщій, чародѣй. Онъ предсказалъ Петру, что

и противуположеніе горюющаго Палія ликующему Мазепѣ. Но вѣроятнѣе продолженіе думы самого Палія, чѣмъ же именно лихо жить, гдѣ на себя намекаетъ въ 3-мъ лицѣ.—Срезневскій переводитъ: „какъ дубъ въ перелѣскѣ одинъ одинокъ (одинешенекъ?).“ Точно, *лугъ* значитъ лѣсъ (собственно роща, съ просвѣтомъ, *lucus*, какъ *гай*—съ прокрикомъ и проходомъ, *saltus*); труднѣе вести *дубовать* отъ *дуба*—жить дубомъ; но еще невозможнѣе объяснить тогда *мовъ*—словно: „Одинъ по Сибири какъ въ лѣсу живетъ дубомъ!“ Такъ можно объяснять развѣ тому, кто помнитъ нашего Мерзлякова: „Высокій дубъ, развѣсистый, Одинъ у всѣхъ въ глазахъ, Одинъ, одинъ, бѣдняжечка, Какъ рекрутъ на часахъ.“ Напротивъ, по нашему, *лугъ* здѣсь значитъ, какъ и у Поляковъ, и Бѣлой Руси, *золу* и *щолокъ* (изъ пережженнаго *луга*, лѣсу, Нѣм. *Lauge*, ausgelaugte Asche), а *дубовати* то же, что и наше *дубѣть*, *дубиться* (также отъ *дубъ*, дубильной кислоты),—коржавѣть, крѣпнуть, жестѣть, заскорузнуть въ ѣдкой жидкости (древній у Нестора „квасъ уснія-ный,“ усмянный, въ которомъ мочили кожи). Образъ и золы, и щолока, и дубленья сходятся: о кожѣ, переносно о тѣлѣ и вообще о человѣкѣ, который жестѣетъ, золится, перегараетъ въ щолокѣ,—во злѣ и бѣдахъ (*зло* и *зола* одного корня), какъ говоритъ Болгарская пословица, „Терпи, душа, чернѣй, кожа („трай, душе, чьрнѣй, кожѣ“). Образъ народный, простой, обиходный и вмѣстѣ выразительный. Одинъ въ Сибири золится золой, терпитъ въ щолокѣ, жестѣетъ (какъ дѣлаютъ и съ платьемъ, *свитою*, очищая ее), а другой свиту шьетъ себѣ серебромъ и украшаетъ; душа одного терпитъ, страдаетъ, а другой ликуетъ, вовсе забывъ о душѣ своей, предавши ее міру.

крестникъ Петровъ Мазепа поднимет на него руки,—заключенъ за то, тридцать лѣтъ томится, еле живъ, наконецъ выпущенъ — когда сбылось пророчество, объѣхалъ Мазепино войско, тамъ одурѣли и другъ друга перекололи, наконецъ прокололъ Мазепу (какъ дракона), сжегъ и пепелъ развѣялъ. За Мазепу Петръ крѣпко разгнѣвался на Украину, велѣлъ было всѣхъ рубить, да послѣ помиловалъ.— Передается еще, въ другой легендѣ, которая сохраняетъ всѣ моменты приведенныхъ выше пѣсней: Царь восточный звалъ Мазепу «батюшкой;» довѣдавшись, что хочетъ Мазепа со Шведомъ на Царя, пошли съ вѣстью Искра и Кочубей,—Царь не взялъ вѣры. Между тѣмъ правда выяснилась: эпизодъ о Батуринѣ, какъ Мазепа вставилъ пушки на самую церковь и палилъ оттуда въ Царское войско. Царь кличетъ охотниковъ ратоборцевъ: старый Запорожецъ идетъ сказать ему про Палія; «а первый императоръ такой былъ строгій, что солги—голову сниметъ.» —Нѣтъ Палія, говоритъ Царь: погибъ.— «Нѣтъ, Царь, живъ, только въ Сибири.» Просятъ его спасти царство: Палій прежде выслушиваетъ службу Божію. Потомъ выбираетъ, не выберетъ коня: едва нашолъ своего, на немъ воду возили. «Палій воевалъ не волшебствомъ, а ангельскимъ чиномъ:» невидимкой свезъ Царя въ Мазепино войско, далъ послушать рѣчи Мазепы, Шведа и Турка; потомъ собралъ войско: Мазепа наученъ былъ чародѣйству отъ Палія, *да не всему;* Палій указалъ, какъ палить. За побѣду проситъ одного дара: «Не разоряй гетманщины (тенденціозно).» —Хорошо, сказалъ Царь, для тебя дарую.—Здѣсь, повтораемъ, сохранены всѣ моменты Думы, какъ Были, но вокругъ нихъ раскинулся безпредѣльный міръ южной фантазіи.—Совсѣмъ обратно въ третьемъ разрядѣ, в): весьма прозаически, хотя и въ пѣснѣ, изображенъ Палій *по просту*, какъ представлялся онъ не въ народномъ творческомъ образѣ, а жилъ въ дѣйствительности, съ точки зрѣнія житейскихъ отношеній. Пѣсня напечатана въ «Запор. стар.» 1838, со списка: Срезневскій цѣликомъ ее заподозрилъ. «Ошибокъ противъ народности нельзя же приписать писцу, а этихъ ошибокъ такъ много, что всю пѣсню можно считать ошибкой.» Правда, двѣ-три ошибки, два-три книжныхъ выраженія; разоренъ и складъ,—

совершенно какъ наши Старины бабьи, съ переходомъ въ скорого-ворку. Тѣмъ не менѣе поразительная простота взгляда, въ ней слѣды взгляда историческаго и безпристрастнаго, порой и меткіе очерки творческіе. Приведемъ въ сокращеніи и переводѣ:

Охочія ватаги
Козаками богаты:
А между ними пущій
Семенъ Палій,
Полковникъ онъ Хвастовскій [1]).
Что Турокъ, что Полякъ,
Татаринъ, иль Москаль,
Ихъ одинако нашь Палій одолѣваетъ,
Имѣнье отнимаетъ,
Головушки ихъ рубитъ.
Живетъ себѣ въ довольствѣ,
Какъ гетманъ самъ:
Своя ему ватага,
Самъ подати сбираетъ
И старшаго не знаетъ.
Семенъ Палій—козакъ прямой:
Хмельницкаго онъ батькой называетъ,
Гетманщинѣ удачь желаетъ,
Отъ всѣхъ враговъ ее обороняетъ.
Его Поляки не взлюбили,
Известь его Поляки положили:
А онъ того не знаетъ, не гадаетъ,
Въ Ляховщину вступаетъ,
Костёлы, сёла выжигаетъ.
Летала птица въ полѣ,
Да въ клѣточку попалась:

[1]) Въ Хвастовѣ.

Палій все Ляховъ воевалъ,
Католиковъ рубилъ,
Да и въ неволю къ нимъ попалъ.
Ой, птица сидитъ въ клѣткѣ,
Палій нашъ въ Танобурхѣ [1]):
И вороги раденьки,
И козаки смутненьки,
Вдовы же сироты бѣдненьки.
Ой вылетѣла птица съ клѣтки,
Палій изъ Танобурха:
И вороги смутненьки,
И козаки раденьки,
Вдовы-сироты веселенькі.

За тѣмъ эпизодъ о борьбѣ по ту сторону Днѣпра, «тогобочныхъ» гетмановъ съ Поляками.

Палія же тамъ нѣту:
Сидитъ Палій нашъ дома.
Козацка бѣдна доля
И пропадетъ ихъ, можетъ, воля!

Но Поляки побѣждены.

По эту сторону Днѣпра
Гетманствуетъ Мазепа:
Украйну въ свои руки забираетъ,
Никому власти онъ не допускаетъ,
Никого въ свѣтѣ онъ не уважаетъ.
«Тогобочны» полковники
Въ его же волѣ:
Самусь ему ужь сдалъ свои клейноты [2]),
А самъ остался лишь «Полковникъ Богуславскій.»

---

[1]) Въ Динабургѣ, въ крѣпости: третье мѣсто заключенія Палія.—[2]) Регаліи гетманскаго достоинства.

Да онъ и не козакъ,—покойникъ,
И воевать, и гарцовать онъ не охотникъ.
Вотъ нашь Семенъ Палій
Козакъ прямой:
И старшаго не знаетъ,
Свою ватагу онъ имѣетъ,
Пьетъ да гуляетъ.
«Вотъ уже мнѣ Палій
«Бѣльмо въ очахъ:
«Меня онъ докаряетъ!»
Такъ говоритъ Мазепа
И извести его желаетъ.
Фортуна ты, Фортуна [1]),
За чѣмъ ему ты послужила!
Въ Сибири нашь Палій,
Козакъ прямой,
Полковникъ онъ Хвастовскій.
Бѣда ему, бѣднягѣ!
Ой, нужно шубу: да гдѣ взяти?
А знатные Сибирскіе морозы:
Кому далось ихъ знать,
Тому ихъ не забыть [2])!

Вернули нашего Палія:
Да только лишь поздненько.
Москаль со Шведомъ уже бьется,
Онъ бьется подъ Полтавой,
Надъ Ворсклою онъ бьется.
Ой, Ворскла, рѣчка невеличка!

---

[1]) Не диво въ Малорусской рѣчи, подъ вліяніемъ книжнымъ: ср. ниже много примѣровъ.—[2]) Замѣтно, что „излагатель“ чуть ли самъ этого не извѣдалъ; отчасти, какъ будто, склонялся и къ католикамъ, по крайности человѣкъ книжный, „цивилизованный“ и даже немного „тенденціозный.“ Тѣмъ не менѣе народныя черты сильно проглядываютъ.

Издавна она славна,
Что не водою, а войною:
Полегъ тамъ Шведъ своею головою [1]).

Ой кто да гдѣ, ой кто да гдѣ,—
Палій на Украинѣ:
Живетъ да поживаетъ,
Бывальщину онъ вспоминаетъ,
Мазепу проклинаетъ [2])!

Строй струнъ не высокъ и новъ: а замѣчателенъ.

Палія нѣтъ въ нашемъ Былевомъ творчествѣ: ему, во многихъ положеніяхъ, отвѣчаетъ «Донской козакъ (см. выше);» лично же, козацкимъ героемъ, всего больше Краснощоковъ, который однако переходитъ въ слѣдующую эпоху (см. вып. 9-й).

* *

Къ Полтавскому дѣлу относятся Малорусскія пословицы: «Добувся якъ Шведъ пидъ Пилтавою,»—досталъ той же доли, какъ Шведъ подъ Полтавой; «не пивъ Полтавскои воды,»—не пилъ воды Полтавской, не вкусилъ горя. Говорятъ, будто къ Искрѣ же и Кочубею примѣняютъ Малоруссы пословицу, хотя она есть и у насъ, и у другихъ Славянъ: «Знявши голову, по волосьямъ не плачуть,»—снявши голову по волосамъ не плачутъ.

*

Къ «Полтавскому кругу» Малорусскаго пѣснотворчества относятся, какъ видно изъ предыдущаго, а) цѣльныя Думы, то же, что наши Былины и Побывальщины; б) разложившіяся изъ нихъ Старины, съ разрушеннымъ и болѣе новымъ складомъ, отрывками или частями; в) пословицы; г) при нихъ, чисто-народныхъ, нѣкоторыя съ прикрасою и книжною обработкой; наконецъ д) чисто-книжныя произведенія, и эти послѣднія помѣстятся у насъ для сравненія ниже.

* * *

[1]) Это самое народное и лучшее мѣсто въ Старинѣ: оно сходится съ образами Московскихъ Былинъ, а тѣ въ семъ случаѣ возвращаются къ Слову о Полку Игоревѣ, см. выше. — [2]) Опять народно: Палій вѣченъ, типъ козака, и самъ помнитъ „бывальщины,“ и бывальщина не перестаетъ вспоминать объ немъ.

«Пробудись ты, нашь батюшко,
«[Нашь батюшко] православный царь!
«Погляди на свое войско милое,
«Что на милое и на храброе:
«Безъ тебя мы осиротѣли,
«*А осиротѣвъ* обезсилѣли.»

(Пѣсенникъ Шоровскій, 2-е изд. 1791 г.; ср. такіе же образцы съ именемъ выше).

* * *

Слѣдующій отдѣлъ не принадлежитъ собственно *общей* эпохѣ и дѣятельности Петра 1-го, напротивъ, выгораживая его, обращаетъ быль творческую, согласно были исторической, *къ отдѣльнымъ лицамъ* того времени.

XXVIII.

Въ 7-мъ выпускѣ, при пѣснѣ о томъ, какъ убитъ Разинымъ *Прозоровскій*, кстати мы помѣстили другую, гдѣ убитъ (вообще) „Астраханскій *воевода* (*губернаторъ*),“ и третью, также точно сродную, гдѣ убитъ воевода Астраханскій *Репнинъ* (изъ Кирши). Но мы съ намѣреніемъ задержали еще одинъ образецъ. Въ „Микулинскомъ“ рукописномъ сборникѣ пѣсней (отысканъ г. Пекарскимъ, извлеченъ и отчасти объясненъ г. Пыпинымъ „Отеч. Зап.“ 1858, № 1), съ такимъ же началомъ и въ той же самой мѣстности, какъ пѣсни помянутыя, встрѣчается Былевая пѣсня *о князѣ Репнинѣ Борисѣ*. Имя это только вставлено; сама же она относится прямо къ Петровскимъ и идетъ въ настоящій отдѣлъ:

1.

Какъ пониже было города Саратова,
Что повыше было города Царицына [1]),
Протекала-пробѣгала мать Камышенка-рѣка,
Мать Камышенка-рѣка, круты-красны берега,
Круты-красны берега и зеленые луга.
Какъ по той ли по матушкѣ Камышенкѣ-рѣкѣ,

[1]) Такъ слѣдуетъ, и по сравненію съ помянутыми однородными пѣснями; въ сборникѣ „пониже“ и „повыше“ переставлено.

Вдоль плывутъ тутъ—выплываютъ три есаульные стружки [1]).
Ой на тѣхъ стружкахъ всё ль удáлы молодцы:
На нихъ смурые кафтаны кумачомъ подложены,
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
Ой зеленъ сафьянъ—сапожки и съ зачосомъ чулки [2]).

Они въ вéсельцы гребутъ, сами пѣсенки поютъ,
Они хвалятъ-выхваляютъ [православнаго] царя,
Православнаго царя и всея Россіи Петра,
Ой кленутъ они—бранятъ князь-Бориса Репнина:
««Заѣдаетъ воръ-собака наше жалованье,
««Кормовое-годовое, наше денежное,
««Не даетъ намъ воръ-собака вдоль по Волгѣ погулять,
««Вдоль по Волгѣ погулять, «Вз-Дунаю [3])» воспѣвать.»»

* *

1-й отдѣлъ Былевой этой пѣсни относится къ убитому Астраханскому Воеводѣ, 2-й называетъ прямо Репнина *Бориса*. Князь Борисъ, въ 1627 г. стольникъ, въ 1640 бояринъ, былъ Воеводою въ Астрахани. Въ 1643 г. велѣно ему съ товарищемъ высылать высылки изъ Астрахани на Яикъ противу воровскихъ Донскихъ козаковъ, которые ходили съ Дону на Яикъ и обратно, на море (Каспійское) и на Волгу, именно велѣно отправлять ратныхъ людей и „промышлять надъ ними всякими мѣрами.“ Вотъ чѣмъ князь навлекъ себѣ смерть (1670?), пѣсня же о немъ связалась съ Разинскими (а старше даже съ Карамышевымъ) и, какъ выраженіе общаго неудовольствія, съ пѣснями о Меншиковѣ. Такимъ образомъ 2-я половина предлежащаго образца только *вста вляетъ имя* памятнаго Бориса Репнина, а наоборотъ пѣсня изъ Кирши объ убитомъ Астраханскомъ Воеводѣ именуетъ его *княземъ Данилою Александровичемъ*, то есть, явно, именемъ Меншикова, *Александромъ Даниловичемъ*.

Какъ первая половина пѣсни утвердилась преимущественно на были XVII вѣка и составляетъ началомъ своимъ отличительный признакъ тогдашняго творчества, такъ на оборотъ строй второй половины закрѣпленъ (фиксировался) въ вѣкѣ XVIII-мъ, именно на лицахъ князей Меншикова и Гагарина, подпавшихъ одинакому, соединенному творческому воззрѣнію, образу и выраженію:

*

---

1) Д. б. „стружка.“—2) Это начало одинаково съ пѣснями объ убитомъ Астраханскомъ воеводѣ, а еще старше, о Карамышевѣ (вып. 7). Но за симъ уже начинается то, что собственно принадлежитъ Петровской эпохѣ.—3) По складу (бо-

Князь Меншиковъ.

2.

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала-пролегала мать Камышенка рѣка,
Какъ съ собой [1]) она вела круты-красны берега,
Круты-красны берега и зеленые луга;
Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку.
Что по той ли быстринѣ [2]), по Камышенкѣ рѣкѣ,
Какъ плывутъ тутъ—выплываютъ два снарядные [3]) стружка.
Хорошо были стружечки изукрашены,
Они копьями, знамёны [2]) будто лѣсомъ поросли:
На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,
Удалые молодцы, все Донскіе козаки,
Да еще же Гребенскіе, Запорожскіе,
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны, кумачомъ подложены,
Астрахански кушаки полу-шолковые,
Пестрединныя рубашки съ золотымъ галуномъ,

лѣе позднему) здѣсь слѣдуетъ „Вздунинаю.“—Выраженіе это, часто встрѣчающееся въ пѣсняхъ „по рѣкамъ“ и „по морю,“ въ первобытной формѣ звучитъ „Возъ-Дунаю,“ т. е. вверхъ по Дунаю и имѣетъ при себѣ другую—„Вдоль Дунаю.“ Въ разныхъ отдѣльныхъ образцахъ форма эта, кстати и некстати, вставляется выраженіемъ: „Возъ-Дунаю“ или „Вдоль Дунаю погуляю.“ Конечно это начало той, древнѣйшей, пѣсни, которую пѣли Русскіе, даже не отдѣлявшіеся еще рѣзко отъ прочихъ Славянъ, *плавая по Дунаю*, во время своей *При-Дунайской жизни*. Послѣ уцѣлѣла одна лишь формула, начало пѣсни, имя ея: плавая по рѣкамъ и морямъ, наши непремѣнно поютъ „Вздунаю, Воздунаю, Вздунинаю, Вздунинай-най“ и считаютъ эту пѣсню, судя по словамъ самихъ пѣсней, гдѣ вставлено такое выраженіе, непремѣннымъ спутникомъ плаванія, пѣснею лучшею, главною, признакомъ воли, раздолья, разгула, такъ что запретить, помѣшать ей,—значитъ лишить всякой свободы.

[1]) У Трутовскаго: „За собой.“—[2]) У Прача: „быстринкой (быстренькой).“—Знаменами, творит.—[3]) Трут. „снаряжоные.“

Что зелёнъ сафьянъ сапожки, кривые каблуки [1]),
И съ зачосами чулочки [2]), да все [3]) гарусные.

Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ,
Они хвалятъ-величаютъ [4]) православнаго царя,
Православнаго царя, императора Петра,
А бранятъ они—клянутъ князя Менщикова [5]),
Что съ женою, и съ дѣтьми, и со внучатами:
««Заѣдаетъ воръ-собака наше жалованье,
««Кормовое, годовое, наше денежное,
««Да еще же не пущаетъ насъ по Волгѣ погулять,
««Внизъ по Волгѣ погулять,—«съ-Дунинаю» воспѣвать.»»

(Пѣсенники Чулковскій, Новиковскій, Трутовскаго, Прача и позднѣе; потомъ съ поправкою у Курганова, Сахарова и другихъ „деликатныхъ“).

* *

Но, если пѣсня о Меншиковѣ заняла свое начало отъ Репнинской, Прозоровскаго, Астраханскихъ воеводъ и вообще пѣсней Разинскихъ, то о Гагаринѣ творчество почерпнуло себѣ зачѣвъ изъ старшихъ Былинъ о Карамышевѣ (ср. вып. 7-й):

Князь Гагаринъ.

1.

(Губ. Московской, с. Ильинское).

Какъ по рѣчкѣ по рѣкѣ, тутъ пятьсотъ стружковъ плывутъ,
А на всякіемъ стружечкѣ по пятисотъ человѣкъ,
Они ѣдутъ—въ вёслы бьютъ, сами пѣсенки поютъ,
Разговоры говорятъ, князь-Гагарина бранятъ:

---

[1]) Трут. „Что сафьянные сапожки и кривые каблучки.“—[2]) У Сахарова для разнообразія: „чулки.“—[3]) Въ другихъ „всѣ.“—[4]) Трут. „выхваляютъ.“ [5]) И. И. Дмитріевъ вовсе выбросилъ эту пѣсню; Курганов въ письмовникѣ вмѣсто „князя Меншикова“ поставилъ (вопреки складу) „злаго боярина;“ Сахаровъ, по извѣстному намъ обычаю, сочинилъ „воеводу,“ другіе послѣдовали тому же или кончили пѣсню стихомъ предыдущимъ.

30. ««Одѣялицо новѝнькое лежитъ;
««Какъ подъ этимъ одѣяломъ,
««Князь Гагаринъ тутъ лежитъ,
««Бѣлу рыбицу глядитъ.»»

(Запис. П. М. Перевлѣсскимъ).

*

Безъ образцовъ предыдущихъ мы не поняли бы слѣдующаго, гдѣ очень рано скрыто имя князя:

5.

Ужь какъ въ низъ было по матушкѣ по Волгѣ рѣкѣ,
Какъ плывутъ тутъ—выплываютъ три снарядные стружка,
Ужь на тѣхъ ли на стружкахъ удалы̀е молодцы̀,
Удалы̀е молодцы̀, все Донскіе козаки;
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
На нихъ шта̀ники кума̀шны въ [1]) три строчки строчены̀,
Александрійски [2]) рубашки съ золотымъ галуномъ,
На нихъ бѣленьки чулочки, сафьянны сапожки.
Они сѣли да гребнули, сами пѣсенки запѣли,
Что про князя, и съ дѣтьми, и со внучатами:
««Заѣдаетъ [3]) воръ-собака наше жалованье,
««Кормовое, годовое, третье денежное;
««Ужь на тѣ ли онъ на денежки палаты становитъ [4]),
««За мучнымъ большимъ рядами [5]), за Неглинною рѣкой,
««Что не хуже и не лучше государева дворца,
««Только тѣмъ они похуже, что верхи не золочены̀.
««Похвалялся этотъ князь во Казанѣ побывать,
««Во Казанѣ побывать,—верхи вызолотить.
««Ужь какъ тамъ, братцы, князёкъ и головку положилъ,
««Онъ головку положилъ, его громъ тамо [6]) убилъ.»»

(Пѣсен. Чулковскій, Новиковскій, за ними Сахаровъ и друг.).

* * *
* *

Конецъ пѣсней 8-го выпуска.

---

[1]) Во?—[2]) Д. б. „Лександрійскія.“—[3]) *Сахар.* прибавилъ „онъ.“—[4]) становилъ?—[5]) Д. б. „рядомъ.“—[6]) *Сахар.* „тамъ.“—Объ этой чертѣ см. „Замѣтку.“

Какъ отвѣтъ держатъ милыя его дѣтки:
««Ты гори, гори, горница новая,
««Ты умри, умри, мачиха молодая,
««Ты живи, живи, матушка родная!»»

(Запис. А. Хр. Востокобымъ, сообщено намъ кн. Н. А. Церетелевымъ; ср. въ вып. 5-мъ стр. 68—127, въ вып. 7 Прилож. стр. 18—36).

Выпускъ 6.

Грозный царь Иванъ Васильевичь и козаки Гребенскіе.

1.

Не сизые орлы клóхчутъ,
Не сѣрые гуси возголóсятъ,
Они пить и ѣсть хотятъ,—
Гребенскіе наши козаки
Предъ царемъ говорятъ,
Передъ Грознымъ Царемъ
Иваномъ Васильевичемъ:
««Ахъ ты батюшка нашь, надёжа,
««Православный государь!
««Ты чѣмъ насъ порадуешь,
««Чѣмъ пожалуешь?»»
—Подарю васъ, козáченьки,
—Рѣкою вольною,—
—Что не быстрымъ Терекомъ
—Горыновичемъ,
—Что отъ самаго Гребня
—До Сúняго моря,
—Что до Синяго моря
—До Каспійскаго.—

(Рукописный сборникъ, доставленный намъ С. М. Любецкимъ; желательно бы отыскать другой подлинникъ или разночтенія: это наши desiderata).

Вотъ еще къ стр. 127—133 выпуска 7-го образецъ пѣсни, какъ

Убитъ Карамышевъ.

1.

Ужь какъ внизъ-то было по матушкѣ Камышь-рѣкѣ,
Сопротивъ того было устьца Самары рѣкѣ [1],
Что плыветъ тутъ—выплываетъ легкая лодочка.
Что во лодочкѣ сидитъ съ Москвы посланникъ царевъ,
Коромышевъ князь Семенъ да сынъ Констянтиновичь.
Онъ во правой [2] рукѣ держитъ государевъ указъ,
Онъ во правой рукѣ держитъ саблю вострую.

Что по крутому по красну по бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
Собирались козаки, братцы, во единой кругъ,
Они думали думу крѣпкую за единую,
И палили они въ лоточку во легкую,
Потопили-подмочили государевъ указъ.

(Сборникъ „Микулинскій,“ отысканный г. Пекарскимъ, въ статьѣ г. Пыпина „Отеч. Зап.“ 1858, № 1).

* * *

Съ этимъ же убійствомъ связаны Былины, какъ выше помянуто, о Репнинѣ, потомъ объ Астраханскихъ воеводахъ со временъ Разина до Петровскаго Гагарина и Казанскаго Голицына (ср. вып. 7, стр. 148—152, и выше вып. 8). Подлинникъ, раньше другихъ явившійся въ нашей печати, таковъ:

---

[1]) Согласно со стихомъ предъидущимъ.—[2]) Д. б. „во лѣвой.“

Убитъ Астраханскій Воевода.

1.

Что повыше было города Царицына,
Что пониже было города Саратова,
Протекала-пролегала мать Камышенка рѣка:
За собой она вела круты-красны берега,
Круты-красны берега и зелёные луга;
Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку.

Что по той ли было матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
Какъ плывутъ тутъ—выплываютъ есаульные стружки,
На стружкахъ сидятъ гребцы—всё бурла́ки молодцы́,
Все бурлаки молодцы, все За-волгски [1]) удальцы.
Хорошо, братцы, моло́дцы переря́жены сидятъ:
На нихъ шапочки собольи, верьхи бархатные,
Однорядочны кафтаны, всѣ камкой подложены́,
Канаватные [2]) бешметы въ одну нитку строчены́,
Всё тафтя́ныя рубашки, галуномъ обложены́,
На нихъ шта́ники суконны по стари́нну кроены́,
Что желто́й сафьянъ сапожки всѣ (и)—ши́льцомъ каблучки [3]);
Они вёслами гребутъ—сами пѣсенки поютъ.

Становилися стружечки среди Волги къ островку:
Они ждали-поджидали губернатора къ себѣ,
Губернатора къ себѣ, Астраханскаго еще [4]).
Ахъ что взго́ворятъ моло́дцы (и) бурла́ки удальцы:
««Еще что́ то на водѣ у насъ бѣлѣется?»»
Забѣлѣлися тутъ флаги губернаторскіе:
Кого ждали-поджидали, того лядъ [5]) и несетъ.

---

[1]) Заволжскіе: выговаривается „Заволскіе.“—[2]) См. объясненіе въ вып. 7.—[3]) Вострые, заострёные, отточеные: этотъ каблукъ идетъ у насъ еще съ богатыря Чурилы.—[4]) Стихъ не хорошъ отъ того, что выпало историческое имя.—[5]) См. вып. 7.

Астраханской губернаторъ догадается [1]):
—Ахъ вы гой еси, бурла́ки, люди вольные!
—Вы берите золотой казны, что [2]) надобно,
—Вы берите цвѣтно́ платье губернаторское,
—Вы берите всѣ диковинки заморскія,
—Вы берите ли вещицы Астраханскія!—
Ахъ что взго́ворятъ моло́дцы, люди вольные:
««Намъ не до́рога твоя ли золота́ казна,
««Намъ не до́рого цвѣтно платье губернаторское,
««Намъ не до́роги диковинки заморскія,
««Намъ не дороги вещицы Астраханскія,—
««Дорога́ намъ буйная твоя головушка!»»

Какъ срубили съ губернатора [3]) бу́йну го́лову,
Они бросили головку въ Волгу матушку рѣку
И что [4]) сами молодцы́ насмѣялися ему:
««Ты добрѣ ли [5]), губернаторъ [6]), къ намъ строгой былъ,
««Ахъ ты билъ ли насъ—губилъ, много въ ссылку посылалъ,
««Ахъ ты жонъ нашихъ—дѣтей на воро́тахъ разстрѣлялъ!»»

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій, потомъ при Жизни В. Кашна въ числѣ его пѣсней и далѣе у другихъ; подлинникъ цѣльнѣе, чѣмъ приведенный у насъ въ 7-мъ выпускѣ изъ Кашина).

* *

Первоначальныя невзгоды Разина со стороны Астраханскихъ воеводъ, затруднительныя стоянки и даже зимовки на островахъ, возбудившія рѣшимость проникнуть въ Астрахань и овладѣть ею, указаны нами по нѣсколькимъ Былевымъ пѣснямъ въ 7-мъ выпускѣ, стр. 140—143 и выше 32, 33; сюда примыкаютъ еще двѣ слѣдующихъ, изъ которыхъ вторая замѣчательна кромѣ того дословнымъ сходствомъ выраженій съ отрывками у Кирши Данилова:

---

[1]) Догадался и сказалъ.—[2]) Сколько.—[3]) Самый складъ стиха требуетъ старшаго—„съ воеводы.“—[4]) Ишто, ещё.—[5]) Ты ужь больно, черезъ чуръ,—[6]) Слышится старшее—„воеводушка.“

Стоянка Разина.

1.

Что пропились робятушки, промоталися,
Во косточки и въ карты проигралися:
На что́-то мы, робята, понадѣялись?
Понадѣялись робятушки на Синё море,
Что на Си́нее на мо́ре на Хвалынское!

Соберёмтесь же, робята, во единый кругъ,
И мы срядимте, робята, легку лодочку,
Еще лёгкую ли лодочку—семиса́женну,
Какъ мы грянемте [1]), робята, вдоль Синя́ моря,
Вдоль Синя моря вдоль Хвалынскаго,
Мы приста́немте, робята, къ круту бережку,
Какъ взойдёмте жь [2]) мы, братцы, на круту́ю гору,
Поглядимте мы, робята, на Синё море:
Каково-то наше море становилося?
Что ни чѣмъ наше Хвалынское не воро́хнется:
Замерзало наше су́дно въ воровскихъ островахъ.

Потянула тутъ погода со святой Руси́,
Какъ взломало [3]) наше море изъ конца въ конецъ,
Выплываетъ наше су́дно изъ [4]) воровскихъ острововъ.

И мы взяли это судно да поѣхали,
Что разъѣхавшись робята роззаво́дились [5]).

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій).

*

---

[1]) Выраженіе объяснено выше.—[2]) Должно быть „же.“—[3]) Безлично. —
[4]) Д. б. „зъ, съ.“—[5]) Раззавелись, снова завелись и обзавелись добычей.

2.

Какъ изъ славнаго царства [1]) Астраханскаго,
Что не грозная тутъ [2]) туча подымалася:
Подымалась-снаряжалась [3]) грозна высылка,
Что разъѣздъ она держитъ до Кругла острова [4]),
До славнаго пристанища молодецкаго,
До соборища бурлацкаго, до притону ли козацкаго.

Козаки тамъ сидя [5]) догадалися,
Что во легкія во лодки пометалися [6]),
Одного ли добра мо́лодца покинули,
Что не лучшаго ль изъ мо́лодцевъ яса́ула [7]).

Добрый мо́лодецъ по острову похаживаетъ,
И онъ добрую свою фузею [8]) за плечамъ [9]) носитъ,
И онъ острою своею саблей подпирается [10]),
Самъ горю́чими слезами обливается [11]).
Онъ вскричалъ ли—возопилъ ли громкимъ голосомъ [12]):
«Государи мои, братцы [13]) товарищи!
«Не покиньте добраго мо́лодца при бѣдности [14]):
«Ужь какъ въ нѣкоторо время пригожусь, братцы, вамъ [15]),

---

[1]) Въ изданіи Жизни В. Каина 1793 разнорѣчія: „изъ царства.“—[2]) „тутъ“ опущено.—[3]) „собиралась.“—

[4]) „Что ко славному ко Круглому ко острову.“ Слѣдующихъ двухъ стиховъ нѣтъ.—[5]) „Молодцы на островѣ.“—

[6]) Что въ косныя легки лодочки металися.—

[7]) Одного тутъ покидали добра мо́лодца,
Что ни лучшаго войско́го есаулушку.—

[8]) См. выше.—[9]) Народная форма.—

[10]) Какъ пошолъ тотъ добрый молодецъ по острову,
За плечомъ несетъ ружье онъ Турецкое
И онъ вострой саблей подпирается.—

[11]) „заливается.“

[12]) Что возго́воритъ удалый-добрый молодецъ.—

[13]) „братцы вы.“—[14]) При бѣдѣ; въ разнорѣчіи:
Не покиньте добра молодца на островѣ.

[15]) Что какъ въ нѣкое время пригожусь я вамъ.

«Замѣню я вашу смерть животомъ моимъ [1]),
«Животомъ моимъ и грудью бѣлою!»

Какъ товарищи отъ мо́лодца уѣхали:
Поима́ли [2]) молодца на островѣ.

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій; впрочемъ, кромѣ Кирши, повторяются тѣ же выраженія, какъ увидимъ, послѣ и при Краснощековѣ).

* *

Также точно пополняется новымъ образцомъ Былевая пѣсня выпуска 7-го, стр. 34—40, 144—146:

Сынъ Разина. Попытки проникнуть въ Астрахань.

1.

Какъ во славномъ было городѣ во Астрахани,
Проявился тутъ дѣтинушка—незна́мой человѣкъ:
Гордо-щепетко [3]) по городу погуливаетъ,
Чорну шляпу съ позументомъ на правомъ ухѣ надѣлъ,
Чорный бархатный кафтанчикъ на распашечку несётъ,
А шелко́вый кушачокъ по землицѣ волочётъ.

Какъ увидѣлъ Воевода изъ косящета окна,
Закричалъ онъ—завопилъ зычнымъ голосомъ своимъ:
«Гой вы слуги-молодцы, вы ребятушки мои,
«Вы возьмите—приведите удало́го молодца!»

---

[1]) „своимъ.“—[2]) Поймали.—Въ пѣсняхъ Кирши кончается стихами:

А не животомъ своимъ—грудью бѣлою,
А не грудью-то бѣлою—буйной головушкой.

У Кирши Данилова:

У похмѣльнаго добраго мо́лодца буйна голова (по складу: „у похмѣльна добра молодца головка“) болитъ.
А вы милы мои братцы, товарищи-друзья!
Вы купите винца, опохмѣльте молодца,
Хотя горько да жидко, давай еще,—
Замѣните мою смерть животомъ своимъ:
Еще нѣ въ кое время пригожусь я вамъ всѣмъ.

[3]) См. 7-й выпускъ.

Какъ ведутъ-то молодца́—крыльцо зыба́ется [1]),
А муравлены балясы [2]) разсыпаются.
И ужь началъ Воевода его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, дѣтинушко, уда́лый молоде́цъ,—
«Изъ Казани ты, молодчикъ, или съ Астрахани,
«Иль большо́го городочка—каменно́й-славной Москвы?»
—Не съ Казани я молодчикъ и не съ Астрахани,
—Не съ большого городочка—каменной-славной Москвы:
—Я со Камы со рѣки—Стеньки Разина сынъ!—

Закричалъ тутъ Воевода зычнымъ голосомъ своимъ:
«Поведите молодца́ въ бѣлокаменну тюрьму!»
—Береги ты, Воевода, буйну голову свою:
—Ужь какъ завтра къ тебѣ батюшка мой по́дъ городъ придетъ,
—Ужь какъ завтра къ тебѣ будетъ онъ стрѣлы стрѣлять,
—На стрѣлахъ-то къ тебѣ будетъ онъ письмы писать [3]).—

(Записано П. А. Полевымъ, доставлено намъ кн. Н. А. Церетелевымъ).

* *

Не скрывая ни въ какомъ случаѣ, напротивъ постоянно оговариваясь, что всѣ такого рода Былины, если только онѣ прямо *не называютъ* Разина и яркихъ признаковъ его времени, относятся весьма часто къ обширной области Козачества съ Ермака до Краснощокова и отчасти даже до Пугачева, мы считаемъ не лишнимъ прибавить къ 148—154 страницамъ 7-го выпуска, по нѣкоторымъ чертамъ, пѣсню, которая *могла* употребляться *при Разинѣ*, а теперь можетъ называться—

---

[1]) Дрожитъ, колеблется.—[2]) Перила, по бокамъ для рукъ рѣзные „травчатые“ столбики.—[3]) Образъ этотъ нерѣдко повторяется съ Былинъ Богатырскихъ, Новгородскихъ (о Буслаевѣ) и Старшихъ Стиховъ (о Ѳедорѣ Тиронѣ).

Пѣсня Разинская.

1.

Еще что́ же вы, братцы, призадумались,
Призадумались, ребятушки, закручинились,
Что́ повѣсили свои буйныя го́ловы,
Что́ потупили ясны очи во сыру́ землю?
Еще ходимъ мы, братцы, не первый годъ,
И мы пьемъ-ѣдимъ на Волгѣ все готовое,
Цвѣтно платье носимъ припасёное.
Еще лихъ на насъ супостатъ злодѣй,
Супостатъ злодѣй—генералъ [1]) лихой:
Высылаетъ изъ Казани часты высылки,
Высылаетъ всё-то высылки солдатскія [2]),
Они ловятъ насъ—хватаютъ добрыхъ мо́лодцевъ,
Называютъ насъ ворами (и) разбойниками.
И мы, братцы, вѣдь не воры не разбойники:
[Мы] Люди добрые, ребята все повольскіе [3]),
Еще ходимъ мы по Волгѣ не первый годъ,
Воровства и грабительства довольно есть.

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними при Жизни В. Каина, другіе пѣсенники и Сахаровъ).

* * *

Нѣкоторыя черты и выраженія приведенной сейчасъ пѣсни оживаютъ въ «собственной» Пѣсни Разинцевъ, которая помѣщена нами въ 7-мъ выпускѣ отрывкомъ со словъ покойнаго М. А. Стаховича (стр. 154, 155), а теперь вторично провѣрена и пополнена изъ устъ самого Н. Е. Лясковскаго, первоначально напѣвшаго ее Стаховичу въ Берлинѣ:

---

[1]) Сахаровъ, возстановляя черты эпохи, поставилъ своего любимаго „воеводу.“—[2]) У Сахарова потому же „стрѣлецкія.“—[3]) Поволжскіе; см. выше.

Пѣсня Разинцевъ [1]).

1.

(Губ. Тамбовской, у. Борисоглѣбск.).

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою,
надъ высокою [2]);
Надъ горою да надъ высокою,
Надъ долиною надъ широкою,
надъ широкою!
Ты освѣть насъ, красное солнушко:
Мы не воры и не разбойнички,
не разбойнички,
Атамановы мы помошнички,
Стеньки Разина мы работнички,
мы работнички [3]).

Шли два плотничка—два ли растопо́рничка [4]):

---

[1]) Стаховичь почему-то неправильно называлъ ее „бурлацкою.“—[2]) Способъ раздѣленія словъ при пѣніи указанъ нами въ 7-мъ выпускѣ.—[3]) И такъ далѣе, по этому способу дѣленія и размѣщенія стиховъ.—[4]) Стихъ растянутъ (напѣвъ это дозволяетъ), древнѣе конечно—

Шли два плотничка-растопорничка.

Первоначально же, согласно съ нашимъ взглядомъ на основы народнаго стихосложенія, высказаннымъ отчасти въ 7-мъ выпускѣ, а подробнѣе развитымъ въ Чтеніи на Московскомъ Археологическомъ съѣздѣ 1869 года,—стихи были еще короче. Здѣсь господствуетъ 10 слоговъ, размѣръ „господствующій;“ размѣръ же „основной“ въ 8, на примѣръ:

Ты взойди, солнце красное,
Надъ горою высокою,
Надъ долиной широкою!
Освѣти добрыхъ молодцевъ:
Мы не воры-разбойнички,—
Атаману помошнички, и т. д.

Это доселѣ отзывается въ напѣвѣ, ибо онъ *переламывается* за два слога до конца, то есть *на восьми* слогахъ. Разинцы, слагая свою пѣсню, какъ дѣлаетъ весь народъ, взяли ее конечно не съ вѣтру, а изъ старшихъ основныхъ образцовъ творчества. — *Растопорничка* — съ топорами: *топ-оръ* отъ корня *теп-*, *теп-ать*, рубить, тесать, и это сохранилось въ словѣ *рас-топ-ыр-ивать*, растёсывать топоромъ; *плотники*—что сплачиваютъ, *топорники*—растесываютъ, двѣ стороны плотничьей работы.

Они [1]) строили церковь славную,
Церковь славную, седмиглавную;
Какъ на той церкви крестъ серебряный,
Крестъ серебряный, позолóченый;
На крестѣ сидитъ мелкая [2]) пташечка,
Мелкая [2]) пташечка кенареечка,—
Высокó сидитъ, далекó глядитъ.

Ужь какъ пó морю-мóрю Синему [3]),
Тамъ и плаваютъ два кораблика,
Два кораблика, третья лодочка:
Хорошо [4]) лодка изукрашена,
Пушками [5]), рýжьями устанóвлена,
Пистолетами изуты́кана [6]),
На кормѣ сидитъ есаулъ съ весломъ,
У руля стоитъ атаманъ съ ружьемъ.

(Отъ Н. Е. Лясковскаго, съ дѣтства заучившаго пѣсню изъ устъ народа, въ большомъ употребленіи тамошней мѣстности, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ; у Стаховича въ I-й тетрати „Собранія," СПБ. 1851, съ нотами).

* * *

Былины, примыкающія къ Руси Древней, которыя можно съ извѣстной точки зрѣнія назвать «несобственнымъ» именемъ *Татарскихъ* и которыя въ своемъ происхожденіи достаточно разъяснены нами на стр. 54—62, 166—213 выпуска 7-го, неожиданно пополнились двумя замѣчательными, весьма рѣдкими образцами. Соединяя ихъ со старшею Былиной, нами напечатанной, объ «Авдотьѣ Рязаночкѣ,» сопоставляя выдающіеся признаки ихъ—*Рязань*, *Оку*, *Литовскаго пана* въ сою-

---

[1]) Лучше: „Какъ мы;" разумѣется постройка церкви въ Черкасскѣ.—[2]) Д. б. „мелка."—[3]) Разумѣется Хвалынское, Каспійское.—[4]) У Стаховича „Хороша."—[5]) Д. б. „Пушкамъ-ружьями," или „Пушками-ружьемъ."—[6]) Краски уже испорчены сравнительно съ древнѣйшими образцами подобныхъ Былинъ: см. выше.

зѣ съ *Татариномъ*, трехъ представителей на поприщѣ дѣйствія —*Литвина*, *Татарина* и Русскаго *Воеводу*, такія же три области равносильныя—*Татарскую*, *Литовскую и Московскую*, совпаденіе именъ *Руси* и *Москвы*, и т. п., убѣждаемся, что восходятъ эти пѣсни своимъ происхожденіемъ къ XIV вѣку, ко временамъ Олгерда и Ягеллы, Олега, Димитрія и Мамая; не дивимся потому, что имя Мамая является старшимъ и главнымъ въ нашихъ Былинахъ, какъ вставка для выраженія нашихъ отношеній къ Восточникамъ. Позднѣе уже того слѣдуютъ Крымцы, до Годунова и до пѣсни «изъ Крыму изъ Нагаю;» рядомъ появляются съ Ермака пѣсни Сибирскія — съ Ураломъ, Дарьей, Байкаломъ и т. п.; наконецъ Турки, переступающіе въ XVIII-й вѣкъ. Очень жаль, что не означена мѣстность, гдѣ записаны слѣдующія пѣсни; но имя записавшаго, А. Хр. Востокова, придаетъ имъ значительный авторитетъ подлинности, не говоря уже о народномъ-чисто складѣ, о древности и яркости всего ихъ творчества:

Татарскій полонъ.

1.

Не спала млада—не дремала,
Ничего во снѣ не видала,
Только видѣла–сповида́ла [1]):
Со восточную со сторонку [2])
Подымалася туча гро́зна,
Со грома́ми—съ молонья́ми,

---

[1]) То есть—не во снѣ видѣла, а на яву.—[2]) Согласованіе, извѣстное въ языкѣ народнаго творчества и въ Древней Руси (употребленіе родительнаго вмѣсто винительнаго въ муж. родѣ перенесено, въ обратномъ положеніи, на родъ женскій; такъ „съ горсть, со щепотку“ и т. п. равняется родительному раздѣлительному, genit. distribut.).

W 301
136

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ

П. А. БЕЗСОНОВА.

23

Выпускъ 9.

МОСКВА.

Въ типографіи Бахметева, на Срѣтенкѣ, д. Карлони и въ Университетской (Каткова и К°), на Страстномъ бульварѣ.

1872.

согласно тогдашней дѣйствительности. — Старшій *Шереметьевъ дворъ* (и домъ) нужно отличать отъ болѣе поздняго, извѣстнаго подъ симъ именемъ на противуположной сторонѣ Никольской улицы (откуда названъ прилежащій Черкасскій переулокъ) и поступившаго къ Петру Борисовичу Шереметеву по женѣ Варварѣ Алексѣвнѣ (Черкасской): старшій же родовой пріобрѣтенъ въ слѣдъ за симъ для Синодальной Типографіи и, назначенный для храненія книжныхъ запасовъ, въ наше время и на нашихъ еще глазахъ представлялъ въ нетронутой внутренности замѣчательную красоту постройки, сводовъ, оконъ, нишей, слѣдовъ домашней церкви (съ воротами на улицу подъ всевидящимъ окомъ), старинной штукатурки, затвердѣвшей и лоснившейся мраморомъ, пока все это уступлено было недавно въ аренду г. Порховщикову и совершенно передѣлано подъ разные магазины или лавки, съ новымъ проѣздомъ къ стѣнѣ города.—Здѣсь же, какъ сохранило воспоминаніе слѣдующая пѣсня, происходили засѣданія суда.

*

2.

(Земля Войска Донскаго).

Ужь ты ягодка ты смородинка,
Ты когда взошла, когда выросла?
Я весною взошла, лѣтомъ выросла,
Зеленёхунька позалóмлена,
Нó три прýтичка въ пучки вязана,
По дороженькѣ поразбрóсана [4]).

На томъ-то было дворѣ Шереметьевомъ,
За столомъ-то сидятъ три генералушка.
Передъ столомъ-то стоитъ красная дѣвушка,
Красная дѣвушка проситъ генералушковъ:
«Раскуйте моего батюшку, развéрзните [5]) мою матушку!»

---

[4]) Все это начало принадлежитъ пѣснямъ „Петровскимъ“ и представляетъ здѣсь послѣдовательную связь съ ними: на оборотъ, пѣсни о кончинѣ Петра и послѣдующемъ горѣ „разбрасываютъ смородинку“ и счастіе Руси, выраженное этимъ образомъ, „до того ли села *Шереметьева* (ср. у насъ вып. 8, стр. 278 и далѣе 338 и дал.).“ — Сопоставленіе это въ непосредственномъ народномъ воззрѣніи говоритъ нашему отвлеченному выводу: какъ смерть Петра простерла утраты по всей Россіи и отозвалась (конечно по тѣсной связи) на Шереметевыхъ, такъ новое горе Шереметьева дома возводитъ память къ былой недавней, утраченной порѣ Петровской.—[5]) Развяжите.

«— Не плачь, Прасковьюшка, не тужи, не кручинься:
«— Не можемъ мы, генералушки, расковать твоего батеньку,
«— Не можемъ мы развéрзнуть твоей матушки.
«— Ты пойди къ самому царю Бѣлому [6],
«— Подойди тихóхенько, попроси смирёхунько,
«— (Попроси смирёхунько), поклонись низёхунько,—»

Идетъ Прасковьюшка къ самому царю Бѣлому:
На крыльцѣ-то сидитъ православный царь [7].
Какъ возгóворитъ рѣчь Прасковьюшка
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ты прости, православный царь,
«Моего батеньку и мою маменьку,
«Прикажи, царь, расковать моего батеньку,
«Прикажи развéрзнуть мою маменьку!»
Какъ возгóворитъ въ отвѣтъ православный царь:
— Не прощу я, Прасковьюшка, твоего отца-матерю,
— А сошлю я его подъ Сибирь-городъ, а ее на фабрику [8].—

(Ср. сборникъ г. Савельева, 1866 г.).

Пѣсня эта, по главнымъ чертамъ своимъ явно историческаго происхожденія, съ одной стороны тѣсно примкнувшая своими образами и выраженіями къ ближайшей передъ тѣмъ эпохѣ Петровской, а съ другой забѣжавшая нѣсколько впередъ изображеніемъ судилища, въ срединѣ между тѣмъ и другимъ выразительно сосредоточиваетъ описанное событіе на „дворѣ Шереметьевомъ," или лучше, въ Шереметьевскомъ семействѣ, которое застигнуто здѣсь тяжкимъ горемъ и суровымъ приговоромъ, послѣдствіемъ чего была ссылка и разлука супруговъ. Такимъ дѣломъ, въ этомъ мѣстѣ и въ этомъ отрѣзкѣ времени, было только знаменитое дѣло, мгновеннымъ счастіемъ и такимъ же быстрымъ злополучіемъ соединившее Ше

[6]) Подъ симъ именемъ, какъ мы знаемъ изъ выпуска 8-го, спеціально разумѣютъ пѣсни „царя Бѣлаго Петра Перваго," хотя и перешло оно дальше на его преемниковъ (но было для народнаго слова перервано рядомъ „государынь"). Такимъ образомъ, и снова въ помянутомъ смыслѣ, пѣсня восходитъ къ ближайшему рубежу, только что покинутому, къ Петру Первому.—[7]) Это изображеніе царя, положенія его и способовъ суда опять совершенно то же, какъ во многихъ пѣсняхъ о Петрѣ (см. вып. 8).—[8]) Явное искаженіе (между прочимъ „фабрика" поставлена здѣсь вмѣсто „заводовъ," куда ссылались наши преступники и преступницы): въ немъ несомнѣнно только указаніе на ссылку, на Сибирь и на разлученіе супруговъ.

реметевыхъ и Долгорукихъ. Въ дѣйствительности исторической возможная, для народнаго творчества явилась дѣйствительною просьба съ ходатайствомъ за осужденныхъ и ссылаемыхъ: просьба или а) дочери за родителей, какъ здѣсь, то есть бывшей царской невѣсты Екатерины Алексѣевны и новобрачной невѣстки Натальи Борисовны (дочери Бориса Петровича) за осужденныхъ стариковъ Долгорукихъ, или, на оборотъ, б) просьба матери новобрачныхъ, старухи Долгорукой, за сына Ивана Алексѣевича и невѣстку. А соображая, что здѣсь помнится послѣдовавшее *разлученіе* супруговъ и что ходатаицею является *Прасковья*, склоняемся къ убѣжденію, что это выведена старуха Прасковья Юрьевна Долгорукая, урожденная Хилкова. Пѣсни Петровскія, изъ коихъ, по своимъ образамъ и выраженіямъ, истекла очевидно и эта, именно о казни, предстоявшей „князю, большому боярину, атаману стрѣлецкому,“ или „атаману козацкому, козаку“ и просто „молодцу,“ въ своихъ развѣтвленіяхъ (ср. вып. 8) выводятъ печалующихся за осужденнаго, то убѣждающихъ его искать помилованья, то надѣющихся на милость царскую и прямо къ ней прибѣгающихъ: въ этой роли является или отецъ съ матерью, или жена осужденнаго, подруга его, даже сама царица предъ царемъ. На такомъ пути, а особенно при искаженіи образца и при далекомъ распространеніи пѣсни (она записана у Донцовъ), кромѣ того при страхѣ и тайнѣ, кои окружали опальныхъ, народному творчеству легко было, и почти неизбѣжно, переставить роли, тѣмъ больше, что обѣ были возможны и не встрѣчали противорѣчія въ творческой дѣйствительности: мать Прасковья Юрьевна, ходатайствующая за ссылаемыхъ дѣтей (а она не могла не ходатайствовать по народному воззрѣнію, если уже событіе сдѣладось ему извѣстно), претворена, при распространеніи пѣсни, въ дочь, просившую за родителей; ходатайствовать же, послѣ генеральскаго суда, опять не передъ кѣмъ, кромѣ царя; а такимъ царемъ, грознымъ и могущимъ миловать, представлялся свѣжій еще, живой еще образъ Петра; и точно, судя по всѣмъ чертамъ и выраженіямъ, выведенъ здѣсь Петръ. Представить его живымъ еще, и съ царицею, помогло конечно то, что недавно скончавшійся и смертію своею виновникъ Шереметьевскаго горя былъ также *Петръ Алексѣевичь*, а нареченная царица его, *Долгорукая* — именно героиня воспѣтаго событія. Удержать же крѣпко имя *Прасковьи*, тогда какъ старуха Долгорукая была для сего недостаточно популярна, народному творчеству удобно было отъ того, что въ исторіи Шереметевыхъ, около которыхъ пѣсни вращаются, имя это памятно особенно по другой героинѣ, которую встрѣтимъ на концѣ XVIII столѣтія.

*

Слѣдующій образецъ, по тому же послѣдовательному пути еще болѣе искаженный, дѣлаетъ изъ молодаго князя—молодаго маіора (какъ это обычно, ср. на прим. вып. 5 и тотъ же 8), заставляетъ его самого просить о помилованіи, но за то и царя рисуетъ на крыльцѣ *съ царицею*, подобно Петровскому образцу (напр. стр. 100 и дал. въ 8 вып.):

3.

(Оттуда же).

Ужь ты ягодка ты смородинка,
Ты когда взошла, когда выросла?
Я весною взошла, лѣтомъ выросла,
Зеленёхунька позалóмана,
По три прутичка въ пучки вязана,
По дороженькѣ поразбросана.

У крыльца у дворца государева.
На крыльцѣ-то сидитъ православный царь,
Православный царь со царицею.
Передъ нимъ стоитъ молодой маіоръ,
Молодой-то маіоръ со маіоршею:
«Ты прости, прости, православный царь!»
— Не прощу я тебя, молодой маіоръ,
— А сошлю я тебя да во Грузію [1]),
— А маіоршу-то твою на фабрику.—

*

Когда, занятымъ изъ Петровскаго творческаго періода яркимъ образомъ, очерчена судьба, постигшая домъ Шереметьевъ съ Долгоруковскимъ, быстрый всходъ и мгновенный возрастъ его счастья, ранній разломъ, непрочность и расторженіе союза, участь молодыхъ, только что сочетавшихся, и вотъ уже „разбросанныхъ по дороженькѣ," и дороженькѣ дальной, въ ссылку; когда прямо съ этой ягодой-смородинкой сопоставлены молодые супруги (№ 3), обреченные на ссылку и разлуку (№ 2): тогда въ слѣдъ за симъ мы непремѣнно должны отъ памятливой Русской пѣсни ожидать прямаго изображенія сихъ супруговъ, съ подробностями ихъ изгнанія, болѣе доступными для народнаго взора, съ именемъ кого либо изъ нихъ, съ описаніемъ казни и смерти супруга, однимъ словомъ ожидать

---

[1]) Слова „*да во Грузію*" всего легче могли быть испорчены, по созвучію, изъ словъ „*до Берёзова*" или „*ко Берёзову*," особенно на югѣ Россіи, гдѣ записана эта пѣсня и откуда Березовъ гораздо дальше, чѣмъ знакомая Грузія съ Кавказомъ.

пѣсни *о князѣ Иванѣ Алексѣевичѣ и Натальѣ Борисовнѣ Долгорукихъ*. Это и получаемъ въ слѣдующихъ трехъ образцахъ.

Чтобы уразумѣть ихъ, нужно опять вспомнить предварительно пѣсни Петровскія, о тогдашнихъ казняхъ, относительно которыхъ новыя были естественнымъ послѣдствіемъ и продолженіемъ. Тамъ, во первыхъ, кары и казни, вообще явленія „грозныя“ взяты пѣснями, въ извѣстномъ готовомъ и выработанномъ образѣ, изъ временъ Грознаго царя и цѣликомъ почти, по крайности съ повтореніемъ главныхъ чертъ, перенесены въ эпоху Петровскую: въ этомъ экономія творчества народнаго; оно пользуется однажды законченнымъ своимъ созданіемъ, безъ нужды не творитъ вновь и не тратится напряженіемъ силъ, а примѣняетъ ихъ только къ тому, чтобы на основѣ матеріала прежняго *спеціализировать* область новую; многое изъ эпохи Ивановской повторено въ Петровской, но въ иномъ уже, новомъ и дальнѣйшемъ видѣ (см. вып. 8). Во вторыхъ, въ самихъ пѣсняхъ Петровскихъ, частныя черты исторической дѣйствительности конечно собраны творчествомъ и сосредоточены въ нѣсколько опредѣленныхъ образовъ, тѣмъ болѣе выразительныхъ, чѣмъ ихъ менѣе числомъ, чѣмъ давнѣе работаетъ надъ ихъ отдѣлкой творческій геній народа: таковы — „Молодецъ на правежѣ,“ „Донской козакъ“ — сперва „въ плѣну Турецкомъ,“ потомъ „въ тюрьмѣ и на допросѣ предъ царемъ,“ отчасти „князь стрѣлковскій“ и „князь Голицынъ,“ на коего палъ гнѣвъ царскій, всего же болѣе „стрѣлецкій атаманушка, *Иванъ Ивановичъ, большой бояринъ* и *князь*,“ веденный на казнь и казненный въ сопровожденіи *отца-матери, сестры* и особенно *молодой жены*. Въ третьихъ, что касается до мѣста, то въ 8-мъ выпускѣ нашемъ многократно замѣчено, какъ сцена дѣйствія постепенно переносилась съ Дона и Азова, съ Балтики и Украйны въ Москву, отчасти же, позднѣе, и въ Петербургъ. Творчество, по самой необходимости его, такъ любитъ опредѣленность рамки, что даже не рѣдко съуживаетъ ее до послѣдней возможности: все переносится на Мясницкую изъ Кремля, Тверскую и Дмитровку (ср. кн. Волконскаго), а лучшимъ примѣромъ кн. В. В. Голицынъ, который, со всею пѣхотой, козаками и егерями, переведенъ изъ Крыма къ Москвѣ, поставленъ на дорогу къ Троицѣ, куда онъ ѣздилъ къ царю на грозныя очи, наконецъ весь умѣстился на узенькой Тверской, между Тверскими воротами, Казанскимъ Соборомъ и Кремлемъ. Вспомнимъ, какъ симъ же точно способомъ при Грозномъ Новгородскія и Псковскія событія съ казнями и лицами ихъ сведены творчествомъ въ Москву, гдѣ явилось даже и самое поле Куликово. Наконецъ, въ четвертыхъ, при постепенномъ искаженіи, крупныя историческія имена и лица замѣнены простыми „козаками, маіорами, сержантами, драгунами, мóлодцами безъимянными.“ — Теперь, въ соотвѣтствіе сказанному, пѣсни о ссылкѣ Долгорукихъ и казни главнаго героя, начинаясь непосредственно послѣ Петровскихъ, примыкаютъ къ симъ послѣднимъ, именно къ перечисленнымъ выше, съ тѣми же совершенно образами, чертами, даже оборотами и выраженіями: творчеству это легче было и потому уже, что здѣсь та же ссылка, боль-

шая дорожка изгнанныхъ, стража впереди и сзади, въ сопровожденіи дѣйствительно отецъ и мать (см. выше), сестра (бывшая царская невѣста), молодая жена, а въ концѣ концовъ казнь; кромѣ того главный герой также „бояринъ и князь.“ Какъ при Иванѣ и Петрѣ, такъ и здѣсь тѣмъ больше не возможно и не нужно было удерживать Берёзовъ, ни даже Новгородъ, историческое мѣсто казни: дѣло завершается „въ Москвѣ,“ „ведутъ по „Дмитровкѣ,“ и довольно уже, если уцѣлѣвшіе образцы замѣчаютъ, что ссылка совершается „въ *Сибирь* (см. выше)“ и ведутъ „*по большой дорожкѣ* (см. ниже).“ За то, сверхъ сихъ чертъ, все это съ избыткомъ обособляется (спеціализуется): отношеніемъ къ „двору *Шереметьеву*,“ застигнутому горемъ (см. выше); указами, которые постепенно объявлялись сосланнымъ черезъ нарочныхъ, а въ пѣсни выражены судомъ „генераловъ,“ которые отказываются сами рѣшить дѣло, ссылаясь на высшее распоряженіе царской власти; покушеніемъ просить о пощадѣ власть царскую, о чемъ сама Н. Б. Долгорукая говоритъ въ запискахъ („я крѣплюсь, не плачу, а уговариваю свекра и мужа: какъ можно безъ вины и безъ суда сослать! Я имъ представляю; поѣзжайте сами къ государынѣ, оправдайтесь.“); яснымъ намекомъ, что сосланные молодые супруги были именно *разлучены* (см. выше); изображеніемъ не только царя (по памяти Петра I-го и недавней смерти Петра II-го), но и *царицы*, отъ коей въ дѣйствительности зависѣло рѣшеніе; особенно же и прямо именемъ *князя Долгорукаго*, притомъ *Вани*, *Ванюшки*. Если же здѣсь кромѣ того выведена сама Наталья Борисовна, исторически не бывшая при казни мужа: то это было совершенно необходимо въ пѣсни, и по связи съ другими образцами сего рода, о коихъ мы говорили, и, что̀ то же, для оживленія подобной сцены, которая иначе и не могла представиться народному воображенію. Эта кажущаяся анти-историчность на самомъ дѣлѣ дала для пѣсни поводъ высказать такую черту и подробность, которую увидимъ сей часъ ниже и которая оказалась самою историческою изъ историческихъ, а вмѣстѣ окончательно обособила пѣсню за Долгорукими и Шереметевыми, такъ что ее некому приписать больше кромѣ нихъ. Наконецъ, если вспомнимъ, что подвиги, обстоятельства, слава, пѣсни Бориса Петровича и пѣсни о немъ, все это и столь недавно передъ печальнымъ событіемъ, пронеслось по всей Руси отъ Азова до моря Варяжскаго и отъ Пскова до Полтавы (см. вып. 8): то очевидно, что творчество народное настроено уже было сильно, какъ никогда, къ произведенію новому, лишь только настало въ семъ Шереметьевомъ дворѣ и домѣ новое событіе, и столь разительное. Съ другой стороны, въ концѣ той же первой половины XVIII вѣка, а еще больше во все его продолженіе, въ слѣдъ за женидьбой Петра Борисовича на В. А. Черкасской, для сложенія и для распространенія пѣсенъ о Шереметевыхъ явилось не маленькое мѣсто и вмѣстилище: десятки тысячь преданнаго и любящаго крестьянства по всей Россіи, крестьянства богатаго, болѣе досужаго, болѣе настроеннаго къ творчеству. Но, въ той же самой мѣрѣ, на такомъ пространствѣ, между столькими устами и въ теченіе 130

лѣтъ, пѣсня должна была принять на себя довольно искаженій, всякого рода округленій и безлицовокъ: отсюда мы видѣли выше вставленнаго уже маіора съ маіоршею. А тутъ, кромѣ того, въ самомъ началѣ, прибавилось обстоятельство неблагопріятное: объ опальныхъ, ссыльныхъ и казненныхъ, по крайности въ теченіе лѣтъ до государыни Елизаветы, пѣть было и опасно, и просто невозможно пѣть громко, по крайности публично. Тому мы знаемъ рѣзкіе примѣры на пѣсняхъ о Ксеніи, Волконскомъ, отчасти о Разинѣ, особенно о Лопухиной, пѣсняхъ или документально запрещавшихся, или навлекавшихъ на поющаго бѣду, или, по тому самому, замѣтно сдержанныхъ, осторожныхъ, вынужденныхъ обобщать, округлять, безлицовать, безъименовать. Въ концѣ сего выпуска, и по поводу тѣхъ же Шереметевыхъ, мы увидимъ совершенно такое же явленіе, гдѣ событіе само по себѣ было прекрасно и отрадно, но по временнымъ обстоятельствамъ сдерживало поющихъ осторожностью.—Послѣ этого, кажется, намъ совершенно ясны будутъ историческія пѣсни:

Князь Ваня Долгорукій

и

молодая жена его боярыня

(Наталья Борисовна).

Казнятъ князя Долгорукаго.

1.

(Тульской губ. и Тул. уѣзда).

По большой дорожкѣ [1])
Не купца ведутъ, не боярина [2]),
Самого́ князя [3]) Долгорукаго.
По бокамъ идутъ два полка́ солдатъ,
Два полка солдатъ, два тысячныхъ;
Наперёдъ идетъ самъ грозно́й палачь;

---

[1]) Этимъ, по забвеніи Новгорода, устранена Москва и кромѣ того помнится дальняя ссылка „большой Владимірской дорогой (хотя собственно сначала Рязанской, а послѣ на Березовъ).“ Разнорѣчіе: „По большой было по дорожкѣ.“—[2]) Разнорѣчіе: „не простаго боярина.“—[3]) Это „самого“ то же, что знаменитаго, передоваго тогда: „первая персона въ нашемъ государствѣ,“ говоритъ Н. Борисовна.

деніе извѣстной минуты, отвѣчающей извѣстному историческому событію въ XVIII вѣкѣ; скажите намъ „Пишетъ-пишетъ государынѣ письмо,“—и мы отвѣтимъ утвердительно, что это пѣсня о Шведской войнѣ при Елизаветѣ, хотя бы вмѣсто Шведскаго короля писалъ тутъ Прусскій и даже султанъ Турецкій. Короче, отъ исторіи народа, создавшей Эпосъ или старшую Былину, отъ исторіи внѣшней и политической, отразившейся въ пѣснях Историческихъ, мы возвращаемся именно во внутреннюю исторію „самого пѣснотворчества,“ во внутреннюю область пѣсни и въ соотношенія различныхъ ея родовъ или видовъ, часто уже вовсе не Эпическихъ и не Историческихъ. Къ сожалѣнію, эта „послѣдняя“ по ходу нашихъ изданій исторія (она же по существу и первая), эта исторія самого пѣснотворчества, въ XVIII вѣкѣ,—послѣ рѣзкаго рубежа Петровскаго,—представляетъ уже эпоху не столько созиданія и новаго творчества, сколько разложенія, мельчанія, дробленія, ослабленія или одного только условнаго „возпроизведенія“ старины; собственное „произведеніе“ и его творческая „производительность“—почти ничтожны. Просимъ только не забывать, что слова наши относятся лишь къ дѣлу Эпоса и Пѣсни Исторической: „прочіе“ роды пѣснотворчества имѣютъ свои условія, другую судьбу, иную постановку,—продолжаются, возсоздаются, творятся вновь или разлагаются иначе, по своему особому пути, о которомъ пока рано и не кстати здѣсь давать объясненія.

Осадили Азовъ-городъ —
Генералъ Левашовъ и Фельдмаршалъ.

1.

Не сонъ меня клóнитъ, не дремота долúтъ [1]):
Сыпúтъ-валúтъ кручина добра мóлодца,
Стоючú на караулѣ государевомъ,
Смотрючú, братцы, на Азовъ-городъ,
Что на тѣ ли на роскаты на широкіе,
Что на тѣ ли на стѣны на Турецкія.

Какъ со вечера солдатамъ приказъ óтданъ былъ,
Чтобы ружья были чисты и кремни востры̀,
Палаши отпущены̀, штыки прúмкнуты,
Чтобы перевязи-портупеи были навóхрены [2]),
Манишки-рубашки и щиблеты были бѣлыя:

[1]) Одолѣваетъ.—[2]) Вохрою, краскою на бѣлилахъ.

Что заýтра намъ, солдатамъ, на приступ̀ъ итти,
Съ генераломъ Левашовымъ и Фельдмаршаломъ [3]),
Со любимыми полками—со пѣхотою,
Съ бѣлокаменной стѣною—съ гранодерами,
Со большими лбами—со Калмы́ками,
Съ широкими бородами—со коза́ками.

(Ср. пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, а выше у насъ другія пѣсни о прежнихъ осадахъ Азова).

Здѣсь-то начинаются подвиги Краснощокова и потому въ пѣсняхъ (см. ниже) судьба его связуется между прочимъ съ фельдмаршаломъ „Лессеномъ.“

* *

Война Шведская
(Елизавета).

1.

(Шенкурскъ).

Еще пишетъ король Шведской
Государынѣ самой [1]):
«Я прошу тебя, государыня,
«Не прогнѣваться,—
«Ужь я буду, государыня,
«Въ гости къ тебѣ!
«Ты построй мнѣ полатушки
«Бѣлока́менныя;
«Ты поставь-ко мнѣ столики
«Бѣлодубо́вые;
«Разстели-ка ты мнѣ скатерти
«Шито-бра́ныя;
«Составь-ко мнѣ кушанья—
«Яствы саха́рныя,
«Напитки пьяные.»

Тутъ-то наша государыня
Призадумалась,

---

[3]) Минихомъ и потомъ Ласси (Леси).

[1]) Расколовшійся стихъ отдѣляетъ меньшую половину въ припѣвъ.

Хотя въ настоящемъ случаѣ, по пѣснямъ, война Шведская легко переходитъ въ Прусскую (какъ было отчасти на самомъ дѣлѣ) и еще легче съ нею смѣшивается, но болѣе рѣзкимъ и наглядным переходомъ къ Пруссіи служатъ слѣдующія двѣ Донскія пѣсни, выставляющія впереди всѣхъ своего любимаго героя Краснощокова и проникающія съ нимъ отъ Шведской границы черезъ Прусскую до Саксоніи. Вообще, если объ этомъ времени у насъ сохранилось пѣсней нѣсколько больше и если онѣ лучше въ народномъ смыслѣ, то это на половину благодаря участію Донцовъ въ тогдашнихъ событіяхъ.

Донцы на границѣ Шведской, оттуда до Саксоніи.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Въ полѣ шляхъ-дороженька [1]) пролегала,
Не широкая, въ длину конца-края не было [2]):
Какъ на этой на дороженькѣ собирались всѣ други,
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе [3]).
Собирались они, братцы, во единый кругъ,
Избирали они себѣ атаманушковъ.

Не золотая трубушка вострубила,
Не серебреная жалобно заговорила,—
Какъ возгóворитъ надёжа [4]) православный царь:
«Кого пошлемъ на Шведскую границу,
«Кого пошлемъ взять Шведскую заставу?
«Чернышова послать—не дослаться;

---

[1]) То же, что наша „путь—дороженька;“ употребительнѣе Малоруссами, а оттуда Донцами, съ нѣм. Schlag, собственно просѣка (древній путь между лѣсомъ).—[2]) Должно быть, по старому, „Шириною-долиною конца-краю нѣту.“—[3]) Привычная эпическая прибавка при Донцахъ, хотя бы они были одни.—[4]) У г. Савельева „надежда“. — Посылки на заставу ср. съ Владиміромъ въ богатырскихъ былинахъ.

«Салтыкова [5]) послать—не дождаться;
«А пошлемъ мы Донскаго генерала [6]),
«Со славными Донскими козаками:
«Донскіе козаки службу знаютъ
«И приказъ весь мой исполняютъ [7]).»

*

2.

(Оттуда же).

На желтóмъ разсыпчатомъ песочкѣ
Раскинуты бѣлые шатры стоятъ [8]),
У бѣлыхъ шатровъ (верхнія) маковки золотыя,
Подзóренки [9]) жемчужныя, поджáтенцы [10]) шелковыe.
Стоитъ среди шатра размётно [11]) стуло золотое,
На стулечкѣ сидитъ Саксонъ-король, земли Шведской,
Передъ нимъ стоятъ два думчіе [12]) сенатóрушки.
Какъ возгóворитъ Саксонъ-король своимъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы, думчіе мои сенатóрушки!
«Сдѣлайте мнѣ вахшурéю [13]):
«Поставьте солдатъ-драгунъ во карéю,
«А славныхъ Донскихъ козаковъ во линéю.»

Саксонъ-король изволитъ прогуляться,
Проѣзжаетъ онъ всѣ карéи,

---

5) См. обо ихъ ниже.—6) Краснощокова, пожалованнаго „бригадиромъ (см. ниже).“—7) При забвеніи „государыни,“ предупрежденіемъ выставленъ Петръ III, имя, какъ извѣстно, любимое, распространенное и знаменательное для 2-й половины XVIII вѣка.

8) Плохо записано и складъ перебитъ: вообще рядомъ со стариною много новаго.—9) Подзоры: подвѣсныя каймы, оборки.—10) Перехваты для поджатыхъ половинъ и складокъ.—11) Складной, раскладной.—12) Члены думы, совѣта.—13) Wachsturm, разводъ, примѣрный приступъ, сторожевая нарочная тревога; *штурмовать* осмыслено у насъ въ старое народное выраженіе о примѣрныхъ воинскихъ играхъ, особенно козацкихъ—пиками, о поединкахъ—турнирахъ и т. п., *шуро метать*, при чемъ сближалось уже со Speer и т. п. (см. прежде).

15. Доѣзжаетъ до козачей до линѣи,
У линеюшки Саксонъ-король становился,
Донскимъ козакамъ удивился:
«Что̀ это у Бѣлаго царя за люди?
«У нихъ бороды большія— окладныя [14])....
20. «У нихъ жалованье не большое,
«Противъ моего въ годъ третное [15])!»

(Ср. Сборн. г. Савельева 1866).

Хотя обѣ пѣсни забѣгаютъ отъ рубежа, съ коего идемъ мы, далеко впередъ, въ Саксонію и вѣроятно къ памяти даже тѣхъ примѣрныхъ сраженій, коими послѣ любовался самъ Фридрихъ—на примѣръ съ Румянцевымъ: но онѣ же и начинаютъ здѣсь раньше другихъ, связуя Донцовъ и Краснощокова еще со Шведами; ср. выше, какъ любовался Шведскій король на Русское войско при началѣ войны съ Петромъ (вып. 8).

* *

Къ этому также рубежу относятся первыя пѣсенныя черты Румянцева: но онѣ оживляются, полнѣютъ и обособляютъ героя послѣ, гдѣ мы съ ними и встрѣтимся.

Слѣдующія пѣсни точнѣе, въ шагъ за событіями, хотя и при нихъ нужно помнить, что Шведская война вообще близко сливается съ Прусскою, а за тѣмъ иногда съ послѣдовавшею (при Екатеринѣ) Турецкою, Кистринъ съ Костроманомъ—Кермантомъ—Караманомъ — Гостиномъ—и Хотиномъ, имя одного героя съ другимъ ближайшимъ.

Война Прусская.

*

Походъ въ землю Прусскую.

1.

(Москва).

По Московской по широкой по дороженькѣ
Не ковыль-трава, братцы, зашаталася [1]),

[14]) За симъ похвала къ невыгодѣ козацкой фигуры: образы, которые легко видѣть во многихъ другихъ пѣсняхъ и потому здѣсь не характерные.—
[15]) Противъ моего годоваго у нихъ третное: въ трое больше моего; ср. выше при Петрѣ, какъ по мнѣнію Карла XII въ Россіи „жить младцамъ прекрасно.“

1) Въ иныхъ „зашаталась.“

И не шлетъ Пруцкóй Король [3])
Пищи никакóю [4]);
Хоть и шлётъ Пруцкóй Король,
Къ намъ пища не доходитъ.
А прислалъ-то намъ Пруцкóй Король
Вѣстоньку [5]),
Бѣлую грамотку за черную печати [6]).
Какъ пришла-то къ намъ, мóлодцамъ,
Мука-то [7]) кулевая:
А мука-то добрымъ мóлодцамъ
Очень надокучáла [8]).

(Записано П. В. Шейномъ; ср. его сборникъ).

*

4.

(Оттуда же, Станичное).

Прошли козачушки съ моря Чорнаго,
Со Чорнаго со моря, со Каспицкаго.
Со тово ли со батальица со Турецкаго [1]).
Утомлённыхъ своихъ коней въ поводахъ ведутъ,
А кровавое цвѣтно платьице въ торокахъ везутъ,
А булатными тупейцами подпираются [2]).

Случилóсь итти мимо городу,
Мимо городу—мимо Питеру;

---

[3]) Здѣсь, по забвенію, Король представляется „своимъ," союзникомъ: а подобныя черты внесены послѣ вслѣдствіе войны французской.—[4]) Для размѣра стиховъ при пѣніи; записано плохо. — [5]) Д. б. „Что прислалъ намъ вѣстку." — [6]) Здѣсь смѣшана приведенная въ образцахъ предыдущихъ вѣсть „самому Королю," а равно вѣсть солдатамъ съ родины. Д. б. „Бѣлу грамотку за чорною печатью."—[7]) Д. б. „Мука."—[8]) Д. б. „докучала." Вотъ настоящая причина горя: голодъ въ чужой землѣ и страхи отъ Прусскаго Короля.

[1]) Это начало нисколько не подрываетъ историчности: оно обычно во всѣхъ Донскихъ козацкихъ пѣсняхъ, встрѣчается чаще съ Петра (см. вып. 8) и съ того же времени соединяетъ Русскій Югъ или Турокъ съ походами противу странъ Западной Европы, Шведовъ, Прусаковъ и наконецъ Французовъ.—[2]) Только лишь послѣ этого начинается пѣсня собственно о Прусскомъ походѣ.

Увидѣла милосердная государыня [3]),
Призываетъ она молоденькаго полковничка.
«Охъ ты гой еси, молоденькой-младъ полковничекъ!
«Молодёхонекъ ты упиваешься!
«Ты не отдалъ чести городу Питеру:
«Не чаялъ ты въ городѣ государыни [4])?»
—Охъ ты гой еси наша матушка,
—Бѣлосвѣтная государыня!
—Напоилъ-то насъ Прутскóй Король,
—Трюмя пóйлами, трюмя розными:
—Перво пóйлицо—свинцомъ-порохомъ,
—Друго пойлицо—саблями вострыми,
—Третье пойлицо—копьими вострыми.

(Отъ Языкова).

*

Эта пѣсня еще больше оживаетъ и полнѣетъ историческими чертами при лицѣ Краснощокова: см. ниже. Но она еще имѣетъ при себѣ нѣсколько другихъ однородныхъ, Безъимянныхъ или Молодецкихъ, частію старшихъ и частію младшихъ, изъ которыхъ мы кстати приведемъ здѣсь нѣкоторыя на выдержку. Вмѣсто Государыни тутъ простая „государыня-матушка," а начало пѣсней (въ запѣвѣ) совершенно одинаково съ предыдущими образцами о Прусской войнѣ:

5.

Не травушка—не ковылушка въ полѣ шаталася:
Какъ шатался-волочи́лся удалъ-добрый мо́лодецъ,
Въ одной тоненькой въ поло́тняной во рубашечкѣ,
Что во той-то было въ кармазинной во черкесочкѣ;
У черкесочки рукавчики назадъ закинуты,
И камчатны его полочки назадъ застегнуты,
Бусурманскою онѣ кровію позабрызганы.
Онъ идетъ, удалъ-добрый молодецъ, самъ шатается,
Горючёю онъ слезою обливается,

---

3) Всѣ черты указываютъ на Елизавету: ср. еще ниже Краснощокова. —
4) Развѣ не чаялъ надъ собою грозы, не зналъ, что въ столицѣ государыня?

«Прикажи меня поить-кормить;
«Не прикажешь ты поить-кормить,
«Прикажи на волю выпустить;
«Не прикажешь на волю выпустить,
«Прикажи меня скорó казнить!»
Какъ возгóворитъ Прускóй Король:
—Ужь ты гой еси, Россíйскій графъ,
—Чернышовъ Захаръ Григорьевичь!
—Послужи мнѣ вѣрой-правдою,
—Какъ служилъ ты царю Бѣлому! —
«Ужь ты гой еси, Прускóй Король!
«Послужилъ бы я тебѣ вѣрой-правдою,
«Если бъ была бы моя сабля вострая,
«Надъ твоею шеей тóлстою!
«Напишу я нá Донъ грамотку [3]):
«Всѣ козáки возволнуются!»
Не успѣлъ онъ рѣчь окончити,
Какъ нагрянули Донскіе козакú:
Загремѣла артилерія,
Засверкали сабси вострыя,
И разбили весь Кистри́нъ-городъ [4]).

*

4.

(Земля Войска Донскаго).

Ой зоря моя — зóрюшка,
Ты зоря моя вечерняя [1]),
Ты звѣзда моя восхожая!
Высокó звѣзда восходила:
Выше лѣсу выше тёмнаго,
Выше садику зелёнаго,
Выше города Костры́нскаго.

---

[3]) Признакъ того, что пѣсня употреблялась ужь на Дону или Донцами —
[4]) Въ концѣ прибавка прозаическая, на книжный ладъ.
[1]) Изъ другихъ запѣвовъ, но по тому поводу, что зоря часто сближается въ пѣсняхъ со звѣздою.

Надъ Костры́нскими воро́тами,
Какъ стоялъ тамъ сыръ-зелёный садъ.
Сыръ-зелёный садъ, со вишенкой;
Ой во томъ ли во зелёномъ во саду,
Стояла тамъ темна́я те́мница,
Распроклятая заключевница:
Подъ ключомъ [2]) сидитъ невольничекъ,
Невольничекъ Россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичь.
Онъ по те́мницѣ похаживаетъ,
Рѣзвыя [3]) ноженьки ута́ливаетъ [4]),
Бѣлы ру́чушки поламливаетъ,
Часто въ окошечко посматриваетъ:
Что не ѣдетъ ли Пруско́й Король,
Королевское величество,
Со своими бригадирами [5]).

Случило́ся [6]) королю ѣхати,
Случило́ся младцу́ [7]) видѣти:
«Ахъ ты батюшка, Прусско́й Ко́роль!
«Прикажи, сударь, поить-кормить,
«Прикажи на волю выпустить [8])!»
—Когда будешь Королю служить,
—Прикажу [9]) поить-кормить,
—Прикажу на волю выпустить [10]).—

«Ой, Таланъ ты мой, худой таланъ,
«Злое несчастіе [11]) моё горькое!
«Знать на роду молодцу написано
«И по жребію [12]) досталося,
«Что сидѣть молодцу во те́мницѣ,

---

[2]) Въ заключеніи.—[3]) Д. б. „Рѣзвы".—[4]) Расширенная форма отъ „утолять:" ухаживаетъ, размариваетъ ходьбой. — [5]) Извѣстный намъ пріемъ „предупрежденія (Король проѣхалъ мимо случайно)."

[6]) Д. б. „Случило́сь."—[7]) Ошибка вмѣсто „младца," Чернышова.—[8]) Пропущено: если не будешь поить-кормить.—[9]) Добавьте „тебя."—[10]) За симъ пѣсня Чернышова отставлена къ концу, какъ выраженіе отчаянія.—[11]) Дурно записано: „Зло несчастье."—[12]) „И по жеребью."

«Въ распроклятой заключевницѣ,
«Знать отъ младости до старости!
«Наточу жь я шашку острую,
«Перерублю [13]) жь я шею толстую [14])!»

(Ср. сборникъ г. Савельева 1866 г.).

*

5.

(Черниговскія Слободы).

Ты звѣзда ль моя ты, звѣздочка,
Ты звѣзда ль моя восхожая,
Ты звѣзда ль моя золо́тая!
Высоко́ ты, звѣзда, восходила:
Выше солнца, выше мѣсяца,
Выше облака ходячаго,
Выше лѣсу ли стоячаго,
Выше лѣсу выше тёмнаго,
Выше садика зелёнаго,
Освѣтила весь Кистри́нъ-то градъ.

Подъ Кистри́нскими воро́тами
Какъ стояла темна тёмница:
Какъ во той ли темной тёмницѣ
Засажонъ сидитъ Россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичь.
Онъ по тёмницѣ похаживаетъ
Да бородушку поглаживаетъ:
Отростилъ себѣ бородушку
Ниже пояса шелко́венькаго,
Отростилъ себѣ русы кудри́
По самы́е могу́тные плечики.
Случило́сь тамъ Прусу ѣхати
Мимо той ли темной тёмницы:
—Ужь и кто здѣсь засажонъ сидитъ?—

---

[13]) „Перрублю.“—[14]) Конецъ такъ дурно выходитъ, какъ будто Чернышовъ грозитъ самому себѣ: между тѣмъ „шея толстая“ у Прусскаго Короля, какъ въ другихъ пѣсняхъ у Татарина и всякого иностранца или врага.

««Ты взойди, взойди, красное солнышко,
«««Обогрѣй ты иасъ, добрыхъ мо́лодцевъ,
«««Добрыхъ мо́лодцевъ, сиротъ бѣдныихъ,
«««Сиротъ бѣдныихъ, безпашпортныихъ!»»

Ниже города—ниже Нижняго,
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
По прозванью рѣчка Волга-матушка:
Течетъ Волга матушка
Съ дикимъ-мелкимъ камушкомъ.
Какъ по рѣчушкѣ плыветъ легка лодочка:
Эта лодочка изукрашеная,
Вся молодчиками изуса́женная [9])...

(Запис. П. В. Шейномъ отъ Никол. Картавенка, ср. „Чтенія“).

Замѣчательно, что Сахаровъ, конечно знавшій подобныя историческія пѣсни по старшимъ пѣсенникамъ, почти всѣ пропускаетъ у себя, какъ ближайшія и слишкомъ еще щекотливыя, по его понятію, своими личными историческими чертами и намеками.

* * *

Теперь, какъ мы говорили, слѣдуетъ другой герой современный, извѣстный и всему народу, но особенно славный между Донцами, Краснощоковъ. При немъ встрѣтимъ еще и черты Кистрина съ Чернышовымъ, и Лопухина съ Гроссъ-Егерсдорфомъ, и другія отличія Прусской или Шведской, даже Турецкой войны: но въ особенности Берлинъ, яркіе образы Короля Прусскаго, раннее начало и далеко протянувшійся конецъ, а отцвѣтъ всему преимущественно козацкій—Донской.

Генералъ Краснощоковъ, Атаманъ Донской.

1.

Первая пѣсня объ немъ начинается еще съ Петровскихъ Шведскихъ битвъ и переходитъ въ Шведскую войну при Аннѣ—Елизаветѣ: ту и другую эпоху соединяетъ имя *Лёвенгаупта*, и потому передъ нимъ впервые пред-

---

скую, а дальше уже спеціальная пѣсня Разинцевъ „ты взойди:“ см. ее въ 7 и 8-мъ выпускѣ.—[9]) Это осколокъ еще четвертой пѣсни, обычной Волжской, о поѣздкѣ на судахъ, особенно о бѣдѣ Атамана и его полюбовницѣ: ср. у насъ выпуски 7-й, 8-й и послѣдующіе.—Пѣсня, кромѣ того, что сама искажена въ устахъ народа, еще плохо размѣчена на стихи и отпечатана.

сталъ Краснощоковъ. Пѣсня эта напечатана у насъ въ вып. 8-мъ, отд. XIII, стр. 137: тамъ Краснощоковъ разыгрываетъ ту же роль, какъ „Маіоръ земли Шведскія“ обратно передъ нашимъ полководцемъ Шереметевымъ и какъ недавно въ глазахъ нашихъ сталъ въ то же положеніе Чернышовъ передъ Королемъ Прусскимъ.

*

2.

Краснощоковъ съ Петромъ Лессеномъ.

За тѣмъ первые историческіе подвиги Краснощокова оказались въ Крымскомъ походѣ фельдмаршала Петра *Ласси, Лесси* или *Леси*: тогда-то, въ 1736 году, Походный Атаманъ отбилъ Русскихъ плѣнныхъ, по неосторожности попавшихся, и поразилъ толпы Татаръ, о чемъ пѣсня, въ нѣсколькихъ образцахъ, хотя безъ имени Краснощокова и на основахъ еще старшихъ, помѣщена у насъ въ выпускѣ 8-мъ, отдѣлѣ VII-мъ, въ „Донскихъ и Азовскихъ дѣлахъ (стр. 75—78).“ Послѣдній, отпечатанный тамъ, образецъ подъ № 3-мъ закидываетъ уже черты попавшагося въ плѣнъ „Атамана,“ котораго „на уморъ морятъ въ тёмной тёмницѣ, не даютъ ему, доброму молодцу, ни пить, ни ѣсть,“—черты, которыя развиваются тутъ же въ цѣльный образъ „Донскаго козака среди плѣну Азовскаго.“ Но тотъ же Петръ Лессенъ (какъ зоветъ его народъ, правильнѣе, чѣмъ Ласси) явился начальникомъ въ Шведскую войну при Аннѣ-Елизаветѣ,—и отъ него же гибнетъ Краснощоковъ, попадаясь въ Шведскій плѣнъ (къ Лёвенгаупту):

Какъ затѣемте [1]), ребята, пѣсню старую [2]),
Мы которую пѣвали [3]) — сами плакали,
Что про храбраго кавалера [4]) Краснощокова.
Отъ чего ему скора смерть солучилася?
Солучилась ему скора смерть отъ измѣнника [5]),
Отъ Петра Петрова сына Лессена.
Онъ писалъ ли о немъ къ непріятелю,

---

[1]) Въ подлинникѣ болѣе народномъ вѣроятно „Затянемте.“—[2]) Въ знакомомъ для насъ значеніи: привычную, сложенную на опредѣленный случай и распространенную: сама по себѣ, пѣсня была еще нова и даже напечатана современно Краснощокову.—[3]) Оборотъ довольно народный: книжное было бы „которую мы пѣвали.“—[4]) Онъ былъ точно, и въ Шведскую уже войну, „кавалеръ и бригадиръ,“ почему называется въ пѣсняхъ „генераломъ.“—[5]) По привычкѣ народа и войска сваливать все на „измѣну:“ ср. выше.—

Къ непріятелю въ землю Шведскую,
Къ генералу ли надъ той арміей [6]):
10. «Мы хотѣли залучить своего недруга:
«Что за ýтро Краснощокову въ разъѣзду ѣхати,
«Какъ со малою съ партіей съ козáками [7]).»
Отъ-того-то ему смерть и случилася:
Отъ Петра Петрова сына Лессена.

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій; въ позднѣйшихъ перепечатывалось безъ перемѣнъ).

Въ томъ видѣ, какъ мы получили въ печати, образецъ носитъ нѣсколько слѣдовъ книжнаго вліянія: но сама по себѣ пѣсня хороша и близко отвѣчаетъ знакомому для насъ типу Московскому, по сжатости, опредѣленности, немногословности и ясности вывода, такъ сказать логичности, съ указаніемъ обыкновенно причинъ и послѣдствій.

*

Слѣдующая пѣсня начинается съ Лопухина, но изъ Прусской войны возвращается въ Шведскую: въ Шведскую потому, что послѣ Крымской прославился здѣсь также Краснощоковъ. Имя его смѣшано, ибо образецъ пѣсни записанъ не изъ лучшихъ устъ, но образъ героя ясенъ и еще разъяснится намъ впослѣдствіи. Дѣло въ томъ, что Шведская война будитъ предыдущую Петровскую, отъ Петра ведетъ къ Азову, отъ Азова къ образамъ XVII вѣка и такъ дальше, все выше. Образъ героя переодѣтаго, именно „купцомъ," какъ въ этомъ видѣ является онъ ко врагу и врага обманываетъ, а послѣ одолѣваетъ, крайне древенъ въ нашемъ пѣснотворчествѣ: онъ начинается собственно съ баснословнаго Саломона (ср. выше по поводу Каина и нашу „Замѣтку" ко II-му тому Рыбникова). Потомъ, какъ историческая басня, вставленъ въ лѣтопись объ Олегѣ и Игорѣ: „Придоста къ горамъ Кіевьскимъ, и увидѣ (увѣдѣ) Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, *похорони вои въ лодьяхъ*, а другія назади остави (какъ скрывалъ Саломонъ своихъ воителей), а самъ приде нося Игоря дѣтьска (какъ дѣйствуетъ Саломонъ, дитя и юноша, черезъ посредника, въ семъ значеніи „чернорабочаго" и „чернаго," раба, переодѣтаго еще въ двойную маску— „купца"). И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя (повтореніе— образъ былъ любимый), и присла ко Асколду и Дирови глаголя, *яко гость есмь* (купецъ), идемъ въ Греки;" потомъ вызвалъ Оскольда съ Диромъ, обругалъ ихъ—какъ слѣдуетъ, и убили ихъ. Въ эпосѣ Владиміровомъ это начинается тотчасъ же, съ Ильи Муромца: какъ, посредникомъ Владиміра и царя

---

[6]) Лёвенгаупту; строка книжнаго оборота.—[7]) То есть: намъ обоимъ надоѣлъ Краснощоковъ: тебѣ какъ прямой врагъ а Лессену славою и безпорядкомъ своихъ козачьихъ полчищъ. Завтра онъ пустится съ малымъ числомъ: и словленъ, и претерпѣлъ смерть.

восточнаго, является онъ переодѣтый поваромъ, въ сажѣ, „чорный,“ ругаетъ врага, завязываетъ битву, побиваетъ непріятелей. По прочимъ былинамъ и въ Новгородѣ повторяется это на тотъ или другой ладъ (см. ту же Замѣтку при Рыбниковѣ). Въ Московскомъ періодѣ крѣпнетъ это въ образахъ еще больше опредѣленныхъ, хотя все на одинъ же ладъ, и сосредоточивается около крупнѣйшихъ историческихъ лицъ или событій. Въ семъ самомъ видѣ отправляется Скопинъ брать Азовъ; Одоевскій брать Астрахань; при Петрѣ Иванъ Заморянинъ, прочіе Донцы и самъ Петръ въ образѣ „богатаго гостя“ брать Азовъ; послѣ Азова Петръ также точно является въ Стокгольмъ, какъ „купчинушка по городу гуляетъ“ и едва успѣваетъ спастись оттуда. Но за то сейчасъ тутъ же зараждается образъ Краснощокова и непосредственно переходитъ на ближайшую войну Шведскую при Елизаветѣ. Краснощоковъ, мы видѣли, сгибъ уже отъ Петра Петрова сына Лессена; чтобы снова выплыть на свѣтъ Божій, ему нужно посредство с таршихъ образовъ пѣснотворческихъ:

3.

Краснощоковъ и Королъ Шведскій.

(Шенкурскъ, Арханг. губ.).

Какъ на лу́гу на лугу́
Стоитъ армія въ кругу:
Лопухинъ ѣздитъ въ полку́,
Куритъ трубку табаку.
Онъ не для́ того куритъ,
Чтобы пьяному быть:
Для того трубку куритъ,
Чтобъ смѣлѣе поступить,
Чтобъ смѣлѣе поступить,
Да всю армію избить.
Свято-Русскіе палятъ—
Съ огнемъ ядрышки летятъ;
А какъ Шведски-то палятъ,—
Выше лѣсу дымъ валитъ.
Только видно-то въ дымку́:
Капитанъ ѣздитъ въ полку́.
Они билися-рубилися
Четырнадцать часовъ;

На пятнадцатомъ часу́
Стали тѣла разбирать,
Стали армію считать:
Нашли, братцы, убитыхъ
Енараловъ до пяти,
Полковничковъ до семи [1]).

*

Ужь какъ нашь-то капитанъ [2])
Къ Шведу въ гости поѣзжаетъ,
Ужь какъ къ Шведу ли, къ злодѣю,
Къ Краснощокому Королю [3]).
Ко двору его пріѣхалъ,—
Подъ окошкомъ колотился [4]),
Ноцевать къ нему просился.
Король Шведскій не призналъ [5]),
На рѣзвы ножки ставалъ,
Онъ воро́та отворялъ,
Онъ купчинушку встрѣчалъ [6]).
«Купчинушка молодой!
«Ужь я въ вашемъ во полку́
«Капитановъ знаю всѣхъ,
«Полковничковъ до пяти:
«Одного тебя не знаю.
«Сколько хошь казны бери,—
«Про одного капитана скажи [7])!»

---

1) Это, какъ сказано, совсѣмъ другая пѣсня—о Лопухинѣ, связанная только временемъ Прусской войны.—2) Въ этомъ придирка перейти къ Краснощокову: начальникъ-голова Лопухинъ, таковъ же Краснощоковъ, а вотъ еще что сдѣлалъ нашь начальникъ.—3) „Краснощоковъ къ Королю:“ какія еще примѣненія изъ этого имени сдѣлалъ народъ, увидимъ послѣ.—4) Стучался.—5) Не узналъ, кто такой (хотя и прежде вовсе не зналъ).—6) За симъ слова Короля; одинаковый допросъ, какъ предъ Лёвенгауптомъ, какъ Донцамъ предъ Королемъ Шведскимъ, и т. п. ср. вып. 8.—7) По народному обычаю, наивный допросъ: я всѣхъ у васъ знаю, одного Краснощокова не знаю, разскажи, каковъ онъ, чтобы его признать. А между тѣмъ выходитъ „я одного *тебя* не знаю,“ ты самъ Краснощоковъ, ты же и разскажи объ себѣ.

—Мнѣ на что казна твоя?
—Я и такъ могу сказать[8])!—

Со двора-то онъ похóдитъ;—
Насмѣхается,
На добрà коня садится,—
Да ругается [9]):
—Ахъ ворона ты, ворона,
—Молодой Шведской Король!
—Не умѣла ты, ворона,
—Въ саду сокола имать [10]),
—Ручки-ножки-то связать,
—Головы́ со плéчекъ снять!—

(Запис. г. Борисовымъ).

Въ послѣдній разъ для историческаго пѣснотворчества повторяется послѣ эта исторія на Платовѣ (см. вып. 10).

*

Но собственное ея мѣсто, въ дѣлѣ Краснощокова, при *Королѣ Прусскомъ и Берлинѣ*, при чемъ спеціальнымъ заголовкомъ пѣсни является „Берёзынька," потомъ „Ковыль," „Полынь" и т. п.

4.

Краснощоковъ и Король Прусскій.

(Губ. Оренбургской).

Ты Россíйская земля [1]),
Много нужды приняла!
За то ее сударыня [2])
Жаловала [3]).

---

[8]) Узнаешь меня самъ по словамъ и дѣламъ, по тому, что́ увидишь и услышишь дальше.—[9]) Ругательство, естественное въ данномъ случаѣ, какъ упрекъ и насмѣшка за недогадливость: но оно поддерживается, какъ мы видѣли, давнимъ эпическимъ пріемомъ и является обязательной необходимостью.—[10]) Взять, словить.

[1]) Т. е. Русскіе люди, подразумѣвается—въ войнѣ.—[2]) Государыня, Елизавета, какъ во многихъ пѣсняхъ этой эпохи, черта отличительная.—[3]) Д. б. „*много* жаловала," какъ въ другихъ пѣсняхъ этого рода.—Такое начало

Краснощокова-тъ [4]) король [5])
Къ Прусу въ гости заѣзжалъ:
Онъ безъ спросу, безъ докладу
Во палатушки вбѣжалъ.
Пруцкой Король не узналъ,
На рѣзвы ноги вставалъ;
На рѣзвы ноги вставалъ,
Рюмку водки наливалъ,
Купчиною называлъ [6]):
«Ахъ, ты выкушай, купчинушко,
«Купеческій сынокъ!
«Какъ у васъ ли я во Россіи,—
«Во Россійской во землѣ,—
«Во Россійской во землѣ
«Генераловъ знаю всѣхъ:
«Одного только не знаю—
«Краснощокаго короля.
«Много бы, много бы казны далъ,—
«Краснощокаго спозналъ [7])!»
Краснощокова-тъ король
Таки рѣчи говоритъ:
—На что казны давать?
—Можно такъ его признать:
—Кудёрушки на немъ,—
—Какъ на батюшкѣ на родномъ [8]);
—Черна шляпынька на немъ,—
—Какъ на братцѣ на моемъ [9]).—

извѣстно по нѣсколькимъ нѣснямъ, изображающимъ работу по каналамъ и линіямъ, нужды, походы; въ настоящемъ случаѣ разумѣется „царская служба“ на войнѣ Прусской, какъ увидимъ сейчасъ въ образцахъ дальнѣйшихъ и откуда въ нихъ примѣняется сравненіе съ „Берёзой,“ „Ковылемъ,“ „Полынью.“—[4]) Т.-е. „Краснощоковъ-тъ,“ съ оглашеннымъ *ерома* (ср. прежніе выпуски и наше изслѣдованіе о Новоболгарскомъ языкѣ при изданіи нѣсней 1855 г.).—[5]) Возникло, по недоразумѣнію и забвенію, изъ „Краснощоковъ и Король“ или, какъ въ предыдущемъ образцѣ, „Краснощоковъ къ Королю:“ какъ-бы то ни было, только этимъ путемъ Краснощоковъ самъ сдѣланъ Королемъ, а Король Краснощокимъ (см. еще ниже).—[6]) Какъ переодѣтаго „купцомъ:“ см. прежде.—[7]) Еслибъ узналъ Краснощокова.—[8]) По кудрямъ весь въ отца.—[9]) По шляпѣ похожъ на брата—сравненіе изъ устъ

Выходилъ же Краснощокой [10])
На высокъ-красёнъ крылецъ,
Закричалъ онъ—засвисталъ
Своимъ громкимъ голосóмъ:
—Ахъ вы гой еси, робята,
—Мои вѣрные слуги!
—Вы подайте поскорѣе
—Мого добрато коня,
—Мого добраго коня
—Ко высокому крыльцу,
—Ко высокому крыльцу,—
—Ко точёному столбу!—
На коня онъ сталъ садиться,—
Что ясёнъ сокóлъ взлетѣлъ;
Со двора онъ сталъ съѣзжать [11]),—
Насмѣхаться надъ нимъ сталъ:
—Ты ворона, ты ворона,
—Подгумённый грачь!
—Не умѣла ты, ворона,
—Яснаго [12]) сокола пымать,
—Яснаго сокола пымать,
—Въ когтяхъ крѣпко держать!—

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

Переодѣванье этого рода, со скрытыми позади главнаго героя войсками, совершается обычно изъ за города, который предстоитъ взять или отсто-

---

дѣвушки. Оба сравненія изъ другихъ семейныхъ пѣсней, а смыслъ болѣе отвлеченный таковъ: Краснощоковъ уродился въ родъ свой; а онъ мнѣ братъ; стало быть, коли хочешь его знать, смотри на меня, я таковъ же.—
[10]) Обычный у насъ переходъ прилагательнаго изъ качественнаго въ притяжательное и обратно, откуда изъ личныхъ прозвищъ прозвища рода и фамиліи: Долгорукій, Долгорукаго, Долгоруково, Долгоруковъ; Дурной, Дурнаго, Дурново, Дурновъ; Толстой—Толстаго—Толстовъ и т. п. Въ настоящемъ случаѣ смыслъ прозвища слишкомъ ярокъ, нагляденъ и доступенъ (не такъ, на примѣръ, какъ въ Чернышовѣ, противуположнаго цвѣта, а еще меньше въ Скопинѣ и т. п.): отъ того, какъ увидимъ, развилось изъ него много примѣненій.—[11]) Скорѣе д. б. „Со двора онъ соѣзжалъ.“—
[12]) Д. б. „Ясна.“

ять: въ старшихъ пѣсняхъ—при Саломонѣ изъ за его отчины Ерусалима (та же исторія въ Эдипѣ классическомъ); при Олегѣ и Муромцѣ изъ за Кіева; въ XVII вѣкѣ изъ за Астрахани; при Скопинѣ, Донцахъ и Петрѣ—изъ за Азова, при Петрѣ наконецъ изъ за Стокгольма. Городъ же, по отношенію къ „Матери городовъ," Кубелѣ или Купалѣ, представляется обыкновенно женщиною, Матерью или, въ случаѣ его добыванія чаще еще,—Дѣвицею: такова при Саломонѣ Мать его и Невѣста или Царица Южская съ загадками; при Муромнѣ и Олегѣ „Мать городамъ Русскимъ," какъ назвалъ (будто бы) Олегъ взятый имъ Кіевъ; въ Словѣ о П. И. добываніе города Всеславомъ представляется какъ подвигъ изъ за его „любой дѣвицы;" въ Стокгольмѣ врагомъ Петра является „дѣвица, королевна (ср. подробности о связи этихъ образовъ въ нашемъ изданіи „Бѣлорусскихъ пѣсней" 1871 года)." Такъ точно теперь, по проторенной дорогѣ, является *Берлинъ*, а въ немъ завоевывается *королевна* или вообще царскаго рода *дѣвица*.

Теперь же вступаетъ спеціальное отличіе пѣсни въ заголовкѣ. Еще со времени Былинъ о Добрынѣ отправка на подневольную службу и въ дальній походъ, а вмѣстѣ прощанье съ родомъ-племенемъ и низкій поклонъ ему изображается сравненіемъ и картиною природы въ заголовкѣ, какъ „бѣлая берёзынька къ землѣ клонится и листочки ея по землѣ разстилаются (ср. вып. 2)." При Петрѣ такъ или иначе вторятся эти образы при выступѣ противъ Шведовъ, особенно ярко на Шереметевѣ, при прощаньѣ его съ семьей и родными (вып. 8). Но, какъ скоро береза къ землѣ наклонилась и листочки разостлались, въ воображеніи народномъ, а отсюда въ образахъ пѣсни появляется „Ковыль," потомъ вообще „Трава разстилается," а наконецъ трава „Полынь," прибавляющая свою горечь къ изображенію тяжкой службы и многообразныхъ нуждъ похода.

Вотъ пока еще одинъ запѣвъ или заголовокъ, безъ самой пѣсни:

5.

(Губ. Оренбургской).

Какъ далече–далеченько, во чистóмъ полѣ,
Еще того подалѣ—во раздольицѣ,
Какъ не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
Не бумажные [1]) листочки раздуваются,
Не шелкóвая ковыль-трáвынька разстилается:
Еще стелется–разстилается полынь горькая.
Охъ, и нѣтъ тебя горчѣе во чистóмъ полѣ:
А еще того горчѣе—служба царская!

---

1) О появленіи на бѣлой березѣ бѣлыхъ листочковъ „бумажныхъ (съ теченіемъ времени)" см. выпуски прежніе.

Что ни день-то, ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону нѣтъ:

Темна но́ченька приходитъ,—
Намъ солдатушкамъ на караулѣ быть;
Бѣлъ денёчекъ наступаетъ,—
Намъ солдатушкамъ во строю стоять;
Во строю стоять намъ солдатушкамъ,—
По ружью держать;
Пристоялися рѣзвы но́женьки ко сыро́й землѣ,
Придержалися бѣлы ру́ченьки къ строево́ ружью,
Приглядѣлися наши гла́зыньки на часты́ звѣзды!

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

А вотъ и самая пѣсня въ связи:

Тѣ же и Берлинъ съ Королевной.

6.

(Губ. Московской, у. Звенигор., Воронки).

Что не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
Не шелко́вая въ полѣ травушка разстилается:
Разстилалась въ полѣ травушка—полынь горькая.
Что горчѣй того намъ, солдатушкамъ, служба царская!

Пристоялись наши но́женьки ко сыро́й землѣ,
Приглядѣлись наши гла́зыньки на укрѣпущку [1]).
Ты укрѣпа моя, укрѣпушка, Берлинъ-городъ!
Ты кому, моя укрѣпушка, достанешься?
Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому [2]),
Что тому ли генералу Краснощокову.

Ходилъ-гулялъ Краснощоковъ купцомъ по́ ряду,
Закупаетъ Краснощоковъ свинцу-пороху [3]),

---

[1]) Крѣпость, которую приходилось брать.—[2]) По связи пѣсней этого времени съ періодомъ Петровскимъ: см. прежде.—[3]) Эта картина, отселѣ господствующая, въ связи съ переодѣваньемъ Краснощокова купцомъ. Нужно вспомнить также общія жалобы пѣсенъ той войны на недостатокъ военныхъ

Заряжаетъ Краснощоковъ сорокъ пу́шечекъ,
Закатáетъ Краснощоковъ сорокъ пу́лечекъ:
Убиваетъ Краснощоковъ (у) Прусскóго Матушку,
Молодую Королевну во полóнъ берётъ [4]).
Онъ не бьётъ её—не вѣшаетъ, только спрашиваетъ:
«Ты скажи-скажи, Королевна, куды Прусъ-Король бѣжалъ?»
— Я голосомъ вамъ кричала, вы не слы́шали,
— Шелковы́мъ платкомъ махала, вы не ви́дѣли:
— Онъ на 'ко́шечко садился—сизымъ го́лубемъ,
— Подъ столомъ сидѣлъ Прусскóй Король—сѣрымъ котикомъ,
— Онъ изъ те́рему вылётывалъ—вольной пташечкой,
— На черну́ю грязь садился—чорнымъ во́рономъ,
— Во синё море бросался—бѣлой рыбицей,
— На 'стровóчекъ выплываетъ—сѣрой утицей,
— На корабликъ онъ садился—добрымъ мóлодцемъ,
— По кораблику разсыпался—бѣлымъ жéмчугомъ [5]).—

(Запис. самимъ П. В. К-мъ 1833 года, Іюля 23).

*

припасовъ и продовольствія, откуда выше мы видѣли: „свинецъ-порохъ развозили маркитанты,“ и т. п., а также извѣстный разсказъ объ Апраксинѣ, какъ онъ изъ Пруссіи отправилъ женѣ съ маркитангомъ нѣсколько боченковъ, наполненныхъ червонцами.—[4]) Такъ, по основному народному представленію, вышепомянутому, пѣсня при взятомъ городѣ соединяетъ и Мать, и Дѣвицу-Королевну, но особенно останавливается на послѣдней.—[5]) Эти превосходныя и яркія краски истекаютъ также изъ глубокой пѣснотворческой древности: а) При взятомъ городѣ Король явился богатыремъ и баснословнымъ героемъ, со всѣми оборотами его вѣщей души, какъ хитрый оборотень: какъ древній Саломонъ; потомъ у насъ Олегъ, Вольга́ и Волхъ (при Царьградѣ), Всеславъ по Слову о Полку Игоревѣ, князь Романъ, Романъ Дмитріевичъ и Романъ Московскій (при нападеніи Литовскихъ королевичей на Москву); сравните тѣ же краски по предыдущимъ выпускамъ.—б) Дѣвица-Королевна при немъ получила тѣ же свойства, она непріятельница намъ, но она же и предательница своимъ, измѣнница, изъ за нее или черезъ нее разныя бѣды: такова она при Саломонѣ; при Олегѣ и Игорѣ, какъ мстительница коварная за мужа; при Дунаѣ и Владимірѣ какъ королевична Апраксія; при

7.

(Губ. Московской, с. Ильинское).

Не бѣлая берёзушка къ землѣ клонится,
Не шелко́вая въ полѣ травушка разстилается:
Растилалась въ полѣ травушка—полынь горькая.
Что горчѣ тебя, полы́нушка-травушка, во всемъ полѣ нѣтъ:
Что труднѣе тебя, служба царская, во всемъ свѣтѣ нѣтъ!

На строю́ стоять,—на крутой горѣ:
Пристояли мы рѣзвы ножки ко сырой землѣ,
Приморозили мы бѣлы ручки ко стальну́ ружью.

Ходитъ нашь генаралушка съ купцомъ [1]) по́ торгу,
Закупаетъ нашь генаралушка дроби-пороху,
Заряжаетъ нашь генаралушка сорокъ се́мь пушекъ,
Пробиваетъ нашь генаралушка стѣну ка́менну.
«Ты Пруска́я Королевна, гдѣ твой Пру́ской Король?»
—Мой Прускóй Король подъ столикомъ—сѣрымъ котикомъ,
—На синѣ море опущается—яснымъ со́коломъ.—

А укрѣпа моя, а укрѣпушка,
А укрѣпушка ты Бѣли́нъ-городъ [2])!
Ты кому жь, моя укрѣпушка, ты достанешься?
Доставалася моя укрѣпушка царю Бѣлому,
Царю Бѣлому, генаралушкѣ Краснощокому [3]).

(Запис. П. В. К—мъ въ 1832 году; пѣсня „тягольная“, протяжная).

*

Добрынѣ какъ Маринка; при Потыкѣ — (Марья) Лебедь Бѣлая и Авдотья Лиховидьевна; въ томъ же видѣ при Романѣ; при Муромцѣ какъ Королевишна и т. д., до самаго Петра, при которомъ царитъ и хитритъ въ Колывани и въ Стокгольмѣ. Отселѣ она вступаетъ на сцену всё болѣе и болѣе широкую, принимая разные виды, на время переходя отъ Краснощокова даже къ Румянцеву и останавливаясь только при семъ послѣднемъ на образѣ чисто-историческомъ, послѣ котораго дальше итти было уже некуда: тамъ ее снова и увидимъ.

[1]) Вмѣсто „купцомъ:“ см. выше.—[2]) Берлинъ.—[3]) „Опять „Краснощокой“ вм. „Краснощоковъ.“—По подлинному образцу, все это обращеніе къ Берлину

8.

(Губ. Рязанской).

Не кавы́лъ–то въ полѣ травушка разстилается:
Разстилается въ полѣ травушка—полынь горькая.
Что горчѣе тебя, полы́нушки, во всёмъ полѣ нѣтъ:
Только есть горьчѣе тебя, полы́нушки, служба царская,
А горчѣе царской слу́жбицы во всёмъ полѣ нѣтъ!

Пристоялися наши но́женьки ко сыро́й землѣ,
Придержа́лися наши ру́ченьки къ строеву́ ружью,
Приглядѣлися наши гла́зыньки за Дунай–рѣку́ [1]),
Что на славную на укрѣпушку—на Берли́нъ–городъ.
Тамъ ходилъ–гулялъ Краснощокій графъ [2]) купцомъ по́ торгу,
Закупаетъ Краснощокій графъ свинцу–пороху,
Заряжаетъ ли Краснощокій графъ сорокъ се́мь пушекъ,
Сорокъ се́мь пушекъ, всё осадныихъ,
Пробиваетъ ли Краснощокій графъ сте́ну ка́менну,
Что во плѣнъ беретъ Краснощокій графъ Пру́скую Матушку [3]).
«Ты скажи–скажи, Пру́ская Матушка, куда Прусъ бѣжалъ?»
—Ужь вы глупые–неразумные генералушки!
—Подъ столомъ–то сидѣлъ Пруско́й Король—сѣрымъ котикомъ,

есть обращеніе отъ лица войска, послѣ того какъ описана тяжесть похода и стоянки подъ укрѣпушкой. Но здѣсь оно вынесено къ концу и помѣстилось *возлѣ* рѣчи Королевичны: вотъ отчего, при порчѣ, въ послѣдующихъ образцахъ, постепенно переходятъ эти слова къ Королевнѣ и наконецъ къ самому Королю, существенно измѣняя тѣмъ складъ и видъ пѣсни.

1) Рѣка типическая, тѣмъ болѣе здѣсь необходимая, что трудно было назвать и запомнить Прусскую.—2) Опять благодаря тому, что „Краснощокій," а не „Краснощоковъ." Дѣйствуетъ *Краснощокій*: но это вѣдь образъ его, качество, свойство, а кто же таковъ онъ былъ самъ? Конечно лицо важное, хоть и забытое: въ стихъ же по размѣру ложился только либо „графъ," либо „князь." И вотъ Краснощоковъ очутился графомъ, а далѣе и княземъ.—3) Здѣсь одна лишь „Матушка," наиболѣе приличная при Берлинѣ, этой „Матери городовъ Прусскихъ."

—На окнѣ-то сидѣлъ Прускóй Король—сизымъ гóлубемъ,
—Черезъ армію перелеталъ—яснымъ сóколомъ,
—По крутой горѣ гулялъ—добрымъ мóлодцемъ.—

(Запис. П. В. К—мъ).

*

9.

(Москва).

Ты полынь, полынь ли горькая!
Ты вó полѣ уродилася, ужь ты полынь горькá:
Ужь нѣтъ-то горчѣй тебя, службы царской!

Ты укрѣпа ль моя, укрѣпушка Берлúнъ-городъ!
Ты кому, укрѣпа, доставалася?
Доставалася укрѣпушка царю Бѣлому,
Ужь тому генералу Краснощокому.

Ужь генерала-тъ Краснощокій по городу гуляетъ,
Свинцу-пороху закупаетъ.
Сорокъ семь пушекъ заряжаетъ,
Пробиваетъ Краснощокій стѣну бѣлу-кáменну,
Беретъ въ полонъ Пруску́ жену:
«Ты скажи-скажи, Королева [1],
«Гдѣ твой Прускóй Король?»
—Мой Прускóй Король сидитъ подъ столикомъ—
—Сѣрымъ котикомъ,
—На окнѣ сидитъ—черными вóрономъ,
—Въ окно вылетѣлъ—яснымъ сóколомъ,
—На синé море—сѣрой утицей.

---

1) Здѣсь впервые героиня является „Королевой:“ и, хотя мы знаемъ изъ прежнихъ выпусковъ, что названія Королевы, Королевны и Королевичны почти постоянно чередуются безъ особаго различія, но здѣсь ближайшимъ поводомъ сдѣлать супругу было конечно первоначальное выраженіе передъ симъ,—„Пруска жена.“ Сначала это была вообще „женщина,“ а потомъ, по извѣстному нашему словоупотребленію, осмыслили здѣсь жену-супругу, Королеву.

20. —По чисту́ полю полетѣлъ—бѣлой лебедью:
—За нимъ гонится Краснощокій—яснымъ со́коломъ!— [2])

(Запис. П. В-чемъ отъ 70-лѣтней старухи, изъ Рогожской: она родилась еще въ эпоху самого Краснощокова).

*

10.

(Симбирскъ).

Ты дале́чинька моя, дале́чинька во чисто́мъ полѣ [1]),
А еще того подалѣе во раздольицѣ,
Стоючи́ на крутой горѣ,
Глядючи́ на свою укрѣпушку—
5. На Берлинъ-городъ [2])!
Ты укрѣпа моя, укрѣпушка,

---

[2]) Новая и красивая черта, но едва ли принадлежавшая подлиннику.—Перенесеніе словъ лица дѣйствующаго непосредственно къ словамъ лица повѣствующаго или поющаго о дѣйствіи—самое обычное, какъ мы уже знаемъ изъ многихъ примѣровъ.

[1]) „Далече-далеченько“ слишкомъ часто начинаетъ наши пѣсни (ср. вып. прежніе и послѣдующіе): оно употребляется не нарѣчіемъ безжизненнымъ или кристаллизованнымъ, а *именемъ прилагательнымъ ср. р.*, каково и есть оно по происхожденію, склоняясь въ родительномъ и предложномъ (изъ далеча, во далечѣ); далѣе отсюда *именемъ существительнымъ* (какъ „добро, зло“ и т. п.); наконецъ, еще живѣе, болѣе лично и олицетворенно, употребляется, благодаря произношенію, *женскимъ родомъ*, какъ здѣсь и какъ вообще нашъ народъ, по старинѣ, не долюбливаетъ средняго рода, отвлеченнаго и позднѣйшаго, охотно переводя его гдѣ можно въ женскій. Это иначе, или по нынѣшнему,—„Далёкая сторона.“—[2]) Мы знаемъ по предыдущимъ образцамъ, что все это начало произошло здѣсь отъ забвенія историческихъ подробностей пѣсни: черты раздѣльныя пришлось здѣсь, такъ сказать, смазать въ одинъ общій обликъ (подобно какъ въ лубочныхъ картинахъ одна краска прошла по десятку лицъ, рукъ и ногъ). Нынѣшніе граматики здѣсь, пожалуй, не нашли бы даже предложенія, а одно только „обращеніе“ и „обстоятельство.“ Тѣмъ не менѣе эта кажущаяся анаколуѳія весьма послѣдовательна и логична въ устахъ народа. Ближе къ намъ мы могли бы перевести ее такъ: „Сторона ты моя далекая, стоянье тяжелое, глядѣнье долгое! Стоючи и глядючи, по неволѣ скажется: „Ты укрѣпа-укрѣпушка,“ и т. д. За этимъ и слѣдуютъ слова войска, истомленнаго при осадѣ долгимъ ожиданіемъ.

Ты кому–то, укрѣпа, достанешься?
Доставалася ты, моя укрѣпушка,
Царю Бѣлому, воину Краснощокому.

Онъ по рынычку похаживатъ,
Свинцу–пороху закупаетъ,
И семь–то сотъ пушечокъ заряжаетъ,
Пробиваетъ–то онъ стѣнушку бѣлокаменну:
Никого–то онъ въ городѣ не застигаетъ,
Только засталъ–застигъ одну Королевнушку Пру́цкую.
Онъ бить–то её не бьетъ, только спрашиватъ:
«Ты скажи–скажи, Королевнушка,
«Куды твой Прусакъ ушолъ,?»
—Не видать–то вамъ моего Пру́цкаго
—Какъ ушей своихъ:
—Мóе–тъ Пру́цкое–тъ [3]) по горенкѣ похаживатъ
—Сѣрымъ котикомъ,
—По поднéбесью полётыватъ
—Яснымъ сóколомъ.—

(Отъ Языкова).

*

Теперь мы заключимъ образцомъ, который совмѣщаетъ въ себѣ, хотя отчасти съ перебивкою, всѣ главныя черты того разряда пѣсней Краснощоковскихъ, который идетъ у насъ. Отличія этого разряда: [1]) запѣвъ съ „Березынькой," „Ковылемъ", „Травушкой" и изъ травъ съ „Полынью;"—[2]) жалоба осаждающаго войска на истомленіе;—[3]) въ слѣдствіе того обращеніе войска со словомъ къ самому Берлину;—[4]) участь Берлина, взятаго Краснощоковымъ;—[5]) образы самого богатыря, то переодѣтаго „купцомъ," то „купцомъ" же закупающаго боевые снаряды;—[6]) взятая вѣщая „Королева—Королевна" и вѣщій „Король."

---

[3]) То есть „Мой-тъ Пруцкой-тъ," съ оглашеніемъ полугласнаго *а* (ср выше).

Но слѣдующій образецъ кромѣ того предначинаетъ собою особый разрядъ, за нимъ потянувшійся. Для современниковъ, но не участниковъ осады, а тѣмъ болѣе позднѣйшихъ, казалось неловко сочетать въ началѣ пѣсни отчаянныя жалобы съ завершившимся торжествомъ побѣды (на самомъ же дѣлѣ, мы знаемъ, это пріемъ обычный: переходъ отъ лица говорящаго къ разсказу объ немъ); несоотвѣтственны становились и выраженія „*моя* укрѣпушка," тогда какъ Берлинъ городъ чужой. Творчеству нужно было выйти изъ этихъ кажущихся затрудненій: и вотъ, на той же горѣ, гдѣ стояли солдаты, помѣщается самъ Король, тѣмъ больше, что онъ уже описанъ вѣщимъ; онъ-то и жалуется, онъ и вопитъ къ „*своей* укрѣпушкѣ," къ нему-то и идутъ сравненія съ берёзой суклонною, съ травой разстилавшейся, съ полынью. Пока еще впрочемъ, въ первомъ слѣдующемъ образцѣ, это не такъ рѣзко, ибо онъ еще тѣсно примыкаетъ къ предъидущимъ:

11.

(Съ Урала).

Не бѣлая берёзынька во чистомъ полѣ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки раздуваются,
Не шелкóвая ковыль-трáвынька разстилается:
Растилается въ полѣ трáвынька—полынь горькая.
Ужь нѣтъ-то этой полынушки горчѣе изъ всегó поля:
А еще есть горчѣе этого—служба царская!

Что ни день-то, ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону нѣтъ:
Тёмная ноченька приходитъ,—въ караулѣ быть;
Бѣлый день наступаетъ,—во строю стоять;
Во строю стоять,—по ружью держать.
Пристоялися наши ноженьки ко сырóй землѣ,
Примахалися бѣлы рученьки строевымъ ружьёмъ,
А буйная-то наша головушка съ плечь скатилася [1]).

Краснощокаго генерала сынъ [2]) гуляетъ по гóроду,
И закупаетъ Краснощоковъ свинцу-пóроху,

[1]) За симъ во слѣдъ выпущено обращеніе войска къ Берлину, и потому-то оно вставлено ниже отъ лица Короля.—[2]) Возникло изъ стиха „Краснощокова-тъ генералъ *самъ* по городу гуляетъ" и поддержано тѣмъ, что онъ называется ниже „купеческій *сынъ*."

И заряжаетъ Краснощоковъ сорокъ сéмь пушекъ,
И пробиваетъ Краснощоковъ стѣны каменны:
Худыхъ людей Краснощоковъ казни́тъ-вѣшатъ,
А хорошихъ людей Краснощоковъ въ полонъ беретъ;
Душу-Марьюшку [3]), красну дѣвушку, за собой ведетъ,
За собой ведетъ и выспрашиваетъ:
«Ты скажи-скажи, душа Марьюшка, гдѣ Пруцко́й Король?»
—Нашь Пруцкой Король въ каменны́хъ стѣнахъ,
—Подъ столикомъ сидитъ—сѣрымъ котикомъ,
—Изъ окошечка вылетаетъ—сизымъ голубемъ,
—По чисту́ полю летаетъ—яснымъ со́коломъ,
—По высокимъ горамъ гуляетъ—добрымъ мо́лодцемъ [4]).—

Какъ растужится-расплачется Пруцко́й Король,
Глядючи́ [5]) на прекрасѣ [6]), — на крутой горѣ,
Глядючи-то на крѣпость—на Берли́нъ-городъ:
««Ты крѣпость моя, крѣпость, Берли́нъ городъ!
««Ты кому-то, моя крѣпость, достанешься?
««Доставалася моя крѣпость царю Бѣлому,
««А еще-то тому генералу Краснощокому [7]).»»

Краснощоковъ генералъ къ Прусу въ гости заѣзжалъ.
Онъ безъ спроса—безъ велѣнья на широкой дворъ взъѣзжалъ,
Безъ докладу во полатушки вбѣгалъ;
Пруцко́й Король не узнавалъ [8]), на рѣзвы́ ноги вставалъ,
За бѣлы́ руки прималъ, за дубовый столъ сажалъ,
За дубовый столъ сажалъ, рюмку водки наливалъ,
Рюмку водки наливалъ, на подносѣ подносилъ:
««Ты выкушай, купчинушка, купеческій сынокъ!

---

[3]) Это имя истекаетъ конечно изъ „Марьи Лебеди Бѣлой,“ „Маринки,“ „Марьи Юрьевны,“ „Романовны“ и т. п. (см. выше): но оно примѣнено послѣ къ дѣйствительности чисто-исторической и пригодится намъ ниже для разъясненій.—[4]) Отсюда слѣдуетъ вставка, перенесенная съ верху отъ войска на Короля.—[5]) Д. б. „Сидючи“ или „Стоячи,“ какъ жаловалось войско стоя на осадной горѣ.—[6]) Чаще *прикраса*: обыкновенный эпитетъ (по грамматикѣ собственно „приложеніе“) холмовъ, горъ.—[7]) Съ этихъ поръ вставка извѣстнаго намъ по прежнимъ образцамъ приключенія, гдѣ богатырь, переодѣтый купцомъ, появляется во вражескую ставку.—[8]) Согласно раз-

««Я у васъ ли во Россіи, во Россійской во землѣ,
««Во Россійской во землѣ генераловъ знаю всѣхъ:
«««Одного только не знаю—Краснощокаго короля [9]).
«««Ужь много бы казны далъ, кабы Краснощокова спозналъ!»»
«На что̀ казны давать? Можно такъ его спознать:
«Краснощоковъ-то король—ровно братецъ мой родной,
«Ровно братецъ мой родной, только матери не одной,
«Черны ку̀дерки на немъ, какъ на братцѣ на моемъ [10]).»

Выбѣгаетъ Краснощоковъ на высо̀къ-ново̀й крылецъ,
Закричалъ Краснощоковъ своимъ громкимъ голосо̀мъ:
«Охъ вы гой еси, ребята, мои вѣрные слуги,
«Подавайте-ка, ребята, моего добраго [11]) копя!»
Краснощоковъ садился, какъ ясенъ соколъ вылеталъ,
Отъѣзжавши отъ крыльца насмѣхаться надъ нимъ сталъ:
«Ты ворона, ты ворона, гуменный грачь!
«Не умѣла ты, ворона, яснаго сокола ловить,
«Яснаго сокола ловить—Краснощокаго короля!»

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

Отселѣ всѣ помянутыя составныя части пѣсни, по ея главному образцу, смѣшиваются или переставливаются по порядку, какой пригоднѣе кажется позднѣйшему, по крайности далекому отъ самого событія, пѣвцу. Отличіемъ существеннымъ остается здѣсь только *жалоба Прусскаго Короля* на потерю Берлина; переходомъ же служатъ тѣ образцы, въ которыхъ забытъ исконный „запѣвъ“ и прямо начинается съ „жалобы,“ а такимъ способомъ естественно было ее отнести къ самому Королю, упоминаемому тутъ же рядомъ:

12.

(Москва).

Ты укрѣпа-ль моя, укрѣпушка, Берлѝнъ-городъ!
Ужь кому-то моя укрѣпушка достанется?

мѣру стиха, должно быть обычное у народа произношеніе „не взналъ.“—[9]) „Королемъ“ явился онъ по сопоставленію съ „Прусскимъ,“ съ котораго снято имя на бригадира.—[10]) Ср. выше. Другими словами: „Краснощоковъ таковъ точно, каковъ я.“—[11]) Д. б. „мого“ или „добра.“ И ниже поправьте подобнымъ образомъ — „ясна“ и т. п.

Доставалася укрѣпушка генералу Краснощокому.

Какъ гуляетъ-то Краснощоковъ графъ [1] съ купцомъ [2] по́ торгу,
Покупаетъ же Краснощоковъ графъ свинцу-пороху,
Заряжаетъ же Краснощоковъ графъ сорокъ се́мь пушекъ,
Онъ стрѣляетъ же во Берли́нъ-городъ,
Прошибаетъ стѣну бѣлу-каменну,
Застаетъ-то онъ Прусскаго Короля матушку:
«Ты скажи-скажи, Прусачинька, куда Прусъ бѣжалъ?»
—Вылеталъ-то онъ въ окошко—яснымъ со́коломъ,
—Подъ небёсы летѣлъ—чорнымъ вороно́мъ.—

(Запис. П. В. К—мъ отъ мѣщанки Рогожской части).

*

13.

(Симбирскъ).

Укрѣпа моя, укрѣпушка,
Ты Берлинъ-городъ!
Ты кому, моя укрѣпушка,
Ты достанешься [1]?
Доставалася укрѣпушка
Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому Павлу Петровичу [2].

Въ полонъ взяли мою укрѣпушку.
Королевну его полонимши,
Стали [3] крѣпко спрашивать:
«Ты скажи-скажи, Королевна,
«Гдѣ твой Пру́сской Король?»

---

[1] Какъ скоро сталъ забываться дѣйствительный титулъ „атамана," потомъ „бригадира" и наконецъ „генерала," а Краснощоковъ сведенъ съ „королемъ," послѣдовательно сдѣлался онъ и „княземъ," и „графомъ."—[2] Вмѣсто „купцомъ."

[1] Черезъ отрѣзки въ концѣ постепенно образуется стихъ „двойной," изъ двухъ короткихъ половинъ (см. о немъ часто въ нашихъ изданіяхъ прежнихъ).—[2] Черта времени, когда окрѣпъ образецъ пѣсни этого вида.—[3] Уже безлично.

—Мой Прусской король—
—Онъ догадливъ былъ:
—Подъ столомъ сидитъ—
—Сѣрой кошечкой;
—Какъ на́ море улётывалъ –
—Сѣрой уточкой;
—По синю́ морю плавалъ—
—Бѣлой рыбицей;
—Со синя́ моря поднимался—
—Бѣлымъ лебедемъ;
—Надъ армеюшкой взвивался—
—Яснымъ со́коломъ;
—По армеюшкѣ гуляетъ—
—Добрымъ мо́лодцемъ.—

(Записано Дм. А. Валуевымъ).

Съ этихъ поръ роль Прусскаго Короля съ жалобою уже утвердилась, хотя бы иногда сохранялось и старое начало, и въ началѣ былъ искон ный запѣвъ:

*

14.

(Губ. Симбирской).

Не бѣлая берёзынька къ землѣ кло́нится,
Не шелко́вая ковы́л–тра́винька разстилается:
Тутъ растужится–расплачется Пруцко́й Король,
Сидючи́ онъ на прикрасушкѣ—на крутой горѣ,
Глядючи́ онъ на укрѣпушку—на Берлинъ–городъ:
««Ты укрѣпа моя, укрѣпушка, Берлинъ–городъ!
««Кому ты, моя укрѣпушка, доставалася?
««Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому,
««Тому генералу что Краснощокову!»»

Краснощокова–тъ генералушка ходитъ по́ торгу,
Закупаетъ же генералушка свинцу–пороху,
Разбиваетъ же генералушка стѣну каменну,
Выбиваетъ генералушка жену Пру́цкую,

Дѣво́нюшку Прасковьюшку [1]) въ полонъ возьму [2]):
15. «Ты скажи-скажи, дѣвонюшка, гдѣ твой батюшка?»
—Моя-тъ батюшка во чистóмъ полѣ—чорнымъ ворономъ,
—А подъ нéбесемъ—яснымъ сóколомъ,
—Подъ столикомъ—сѣрымъ котикомъ.—

(Отъ Языкова).

*

15.

(Губ. Калужской, у. Боровскаго).

Не берёзынька къ землѣ клонится,
Не шелкóвая въ полѣ травушка разстилается:
Она стелется-разстилается—полынь горькая.

Растужится и расплачется нашь [1]) Прусскóй Король,
5. Сижучи́ на укрѣпушки,
Гляжучи́ на Берлинъ-городъ [2]):
««Укрѣпа-ль ты моя, укрѣпушка,
««Кому ты достанешься?
«««Доставалась моя укрѣпушка
10. «««Царю Бѣлому, генералу Краснощокому.»»»

Ходилъ-то гулялъ Краснощокой съ купцомъ по́ торгу [3]),
Закупалъ-то Краснощокой съ купцомъ свинцу-пороху,
Заряжалъ Краснощекой сорокъ сéмь пушекъ,
Пробивалъ-то Краснощекой стѣну кáменну,
15. Самоё-то Королеву онъ въ полонъ беретъ.
Онъ ни бьетъ ее, ни рубитъ, только спрашиваетъ:

---

[1]) Одно изъ любимыхъ именъ XVIII вѣка: ср. выше и ниже.—[2]) Отвлеченно то же, что „беретъ:“ но картинный народный оборотъ, въ разсказѣ отъ 1-го лица о 3-мъ. Имъ объясняется между прочимъ, какъ мы знаемъ весьма многое въ происхожденіи историческихъ пѣсенъ, присвоенныхъ въ собственность извѣстному лицу. На этомъ складѣ построены цѣлыя пѣсни, гдѣ подъ 1-мъ лицомъ (я, меня, мнѣ и т. д.) слѣдуетъ всегда разумѣть разсказъ о 3-мъ (объ немъ): и на оборотъ, такъ возникли многія „хороводныя“ изъ „былевыхъ“ и „бытовыхъ.“

[1]) О которомъ мы поемъ.—[2]) Объясненное выше распаденіе стиха на двѣ половины.—[3]) См. выше.

«Ты скажи-скажи, Королева, куда Прусъ пошолъ?»
—Охъ, мудёръ-то, мудёръ [4]) Прусскóй Король:
—Онъ сѣрымъ котикомъ по столику похаживаетъ,
—Бѣлымъ лебедемъ вонъ вылетываетъ.—

*

16.

(Губ. Симбирской, въ Ярославѣ).

Какъ далече-далече, во чистóмъ полѣ,
А еще того подальше—во раздольицѣ,
Не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
Не шелкóвая ковыль-травынька разстилается,—
Какъ растужится-расплачется нашь Прускóй Король,
Сидючи́ то онъ на прикрасушкѣ—на крутой горѣ,
Глядючи́-то онъ на укрѣпушку—на Берлинъ-городъ:
««Ты укрѣпа моя, укрѣпушка, Берлинъ-городъ!
««Кому-то ты, моя укрѣпушка, достанешься?
««Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому,
««Тому-ли она генералушкѣ Краснощокину.»»

Гуляетъ онъ, Краснощоковъ князь [1]), купцомъ по́ торгу,
Закупаетъ князь свинцу-по́роху,
Пробиваетъ онъ, Краснощоковъ, стѣну каменну.

(Записано Языковымъ).

*

Слѣдующій образецъ, какъ и слѣдуетъ собственно по эпическому воззрѣнію народа, отождествляетъ „Королевну“ съ „городомъ,“ такъ что утрата ея значитъ вмѣстѣ потерю города:

17.

(Москва).

Какъ не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
Не бумажные листо́ченьки разстилаются,—

---

[4]) То же, что„ вѣщій“,—болѣе древнее.
[1]) Ср. выше „графъ“ и т. п.

Да растужится—расплачется нашь Пруцкóй Король
По своей-то, де, молодой женѣ—Королевичнѣ [1],
Сидючи́-то онъ на прикрасушкѣ—на крутóй горѣ,
Глядючи́-то онъ во бесѣдушкѣ [2], на Берли́нъ-городъ.

Ужь и станутъ-то молоду жену, Королевичну, крѣпко спрашивать:
«Ты скажи-ка, скажи, молода жена, Королевична,
«Ужь каковъ-то твой Пруцкóй Король—онъ мудрёнъ живётъ [3]?»
— Ужь такой-то мой Пруцкóй Король мудрёнъ живётъ:
— Еще первый-то у насъ боя-тъ былъ при чистóмъ полѣ,
— А моя-тъ Пруцкой Король чорнымъ вóрономъ леталъ;
— А другой-то у насъ боя-тъ былъ при темнóмъ лѣсу́,
— А моя-тъ Пруцкой Король волкомъ сѣрымъ гулялъ;
— А третéй-то боя-тъ у насъ былъ при синёмъ морѣ,
— А моя-тъ Пруцкóй Королъ бѣлой рыбицей гулялъ.—

*

Въ слѣдующихъ образцахъ или вовсе теряется типическій запѣвъ и прямо начинается съ жалобы Короля, или же при этомъ прибавляется запѣвъ новый, которымъ по обычаю сравнивается громкій голосъ Короля съ тѣмъ или другимъ народнымъ музыкальнымъ орудіемъ:

18.

(Тамъ же).

Что стоялъ-стоялъ Прускóй Король на крутой горѣ,
Что смотрѣлъ-то—глядѣлъ на Берли́нъ-городъ:
««Охти́, батюшко [1], укрѣпушка, Берлинъ-городъ!
««Ты кому же, моя укрѣпушка, достанешься?
««Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому,
«««А еще генералушкѣ Краснощóкому!»»

---

[1]) Вотъ доказательство наглядное, что „Королевична“ въ то же время можетъ быть и „Королевой.“—[2]) Если *сидить* и тѣмъ больше *говорить*, то по народному словоупотребленію онъ *во бесѣдѣ* (скамья и разговоръ); а за тѣмъ уже и *въ бесѣдкѣ*—подъ навѣсомъ вѣтвей (Laub) или тесовымъ (Wölb-, Ge-wölbe).—[3]) По нашему нынѣшнему: въ чемъ мудрость, вѣщее свойство Короля.—[4]) Бой-тъ; у насъ—Прусаковъ съ Русскими.

[1]) Это самое позднее представленіе о городѣ, послѣ древнѣйшей „дѣвицы“ и „матушки:“ таковы уже „Батюшка Ярославль-городъ“ и т. п. Отъ того у Славянъ всѣ древнѣйшіе города (не исключая Кіева, Кракова, и т. п.)

У какъ ходитъ Краснощокій съ купцомъ по́ торгу,
Закупаетъ Краснощокій свинцу-пороху,
Заряжаетъ Краснощокій сорокъ пу́шечекъ,
Пробиваетъ Краснощокій стѣну каменну,
Достаетъ Краснощокій Короля Пру́сскаго [2]):
Какъ Пруско́й Король подъ столикомъ—
Сидѣлъ сѣрымъ котикомъ;
Изъ палатъ-то онъ вылетывалъ
Чорнымъ во́рономъ;
По синю морю высплавливалъ [3])
Сизымъ се́лезнемъ.

(Запис. П. В. К—мъ отъ Т. А. мѣщанки-старухи).

*

19.

(Тамъ же).

Не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются;
Что не золотая тру́бынька вострубила́,
Не серебряная сиповочка [1]) возыграла, —
Что растужится-расплачется Пруцко́й Король,
Сидючи́-то онъ на прикрасѣ—на крутой горѣ,
Глядючи́-то онъ на укрѣпушку—на Берлинъ-городъ:
««Ты укрѣпа моя, укрѣпушка, Берлинъ-городъ!
««Кому ты, моя укрѣпушка, достанешься?
««Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому,
««Тому-ли же генералу Краснощокому.»»

первоначально почти безъ исключенія *женскаго* рода, изъ женскаго *въ среднемъ* (какъ Вильно, Ковно, Гродно и т. п., древнѣе—*на*), и только гораздо позже въ *мужескомъ* родѣ.—[2]) Замѣчательно, гдѣ городъ—батюшка, тамъ и представитель его—Король, а Королева и Королевна исчезли.—[3]) Отъ основнаго глагола „*восплывать*," плавать по верху, по поверхности (*воз-*): отъ того у народа корабль, судокъ, лодочка и т. п. обыкновенно „плыветъ-*восплываетъ*" (а просто „плавать," какъ рыба, птица, животное и отчасти человѣкъ, значитъ собственно — внутри, входя частями или орудіями въ глубь)."

[1]) Сопѣль, сопѣлка: орудіе духовой музыки.

Краснощокова-тъ генералъ гулялъ по городу,
Закупаетъ Краснощокой [2]) свинцу-по́роху,
Заряжаетъ Краснощокой сорокъ пу́шечекъ,
Пробиваетъ Краснощокой стѣну каменну,
Во полонъ беретъ Краснощокой молоду сноху [3]),
Молоду сноху Прасковьюшку [4]).
Онъ и честью, онъ и лестью сталъ выспрашивать:
«Ты скажи-скажи, Прасковьюшка, гдѣ Пруцко́й Король?»
— Пруцко́я-тъ Король подъ столикомъ—сѣрымъ котикомъ
— Возвивался же Пруцкой Ко́роль—чернымъ вороно́мъ,
— По дико́й-то степи летаетъ—сизымъ голубемъ:
— Краснощокой-то летаетъ—яснымъ соколомъ [5]).—

*

20.

(Губ. Симбирской).

Не золоты трубушки
Вострубили [1]),
Не серебряны сиповочки
Заигрывали.
Тутъ восту́жился-восплакался,
Самъ Пруско́й Король,
Сидючи́ онъ на украсѣ—
На крутой горѣ,
Глядючи́ онъ на украсу—
На Берли́нъ-городъ:
««Ты украса моя, украсушка,
««Ты Берлинъ-городъ!

---

[2]) Рядомъ обѣ формы, на *овъ* и *ой*.—[3]) Жену для сына, невѣстку: эта черта намъ послѣ пригодится.—[4]) См. выше и ниже объ этомъ имени въ XVIII в.—[5]) Въ противуположность Королю, отъ него перешли вѣщія свойства и на Краснощокова, а творчество выиграло новый образъ.

[1]) Отрѣзки съ конца перваго стиха образуютъ стихъ второй, короче перваго (не по ровнымъ половинамъ, какъ въ „двойномъ“).

««Доставалася моя украсушка
««Царю Бѣлому,
15. ««Его главному генералу
««Краснощокову.»»

*

Вторая половина этого образца переходитъ уже къ Очакову и Потемкину, а потому см. ее ниже.

Слѣдующій образецъ заключаетъ собою однородный разрядъ пѣсенъ. Въ немъ изображается торжественный возвратъ войска въ Москву и за симъ, какъ разсказъ возвратившихся, взятіе Берлина представляется дѣломъ уже совершившимся (хотя и въ устахъ еще Короля):

21.

(Губ. Тульской, у. Чернскаго).

Что не стадичко изъ черныхъ галочекъ подымалося,
Подымалася наша армія государева:
И не много, и не мало,—семьдесятъ семь полковъ.
Впередъ бѣжитъ молодой почтарь,
5. Молодой почтарь, самъ не трёхнется,
По плечамъ бѣжатъ русыя кудерьки,
Русы кудерьки не ворóхнутся.
Подбѣгаетъ къ матушкѣ каменной Москвѣ,
На устрѣчу Московскіе цѣловальнички;
10. Цѣловальнички испугались, всѣ разбѣглися:
«Вы не бойтесь, цѣловальнички, не пугайтесь ничего!
«Отпустите вы сладкой водочки на пять сотъ рублей,
«Зелена вина на всю армію государеву [1])!»

На оградѣ сидѣлъ Прусскóй Король—чернымъ вóрономъ,
15. По поднéбью леталъ Прусской Король—яснымъ соколомъ,
Подъ столомъ-то сидѣлъ Прусской Король—сѣрымъ котикомъ.
Какъ возгóворилъ Прусской Король:

---

[1]) За симъ разсказъ возвратившихся, изображеніемъ и словами Короля

««Ты укрѣпа–ль моя, укрѣпушка,
««Славный Берли́нъ–городъ!
««Ты кому же, моя укрѣпа, достанешься?
««Доставалась моя укрѣпа царю Бѣлому,
««Царю Бѣлому, генералу Краснощокому.
««Я строилъ тебя, укрѣпушку, ровно тридцать лѣтъ:
««Разорили тебя, укрѣпушку, въ три́ часа!»»

* *

Какъ мы видѣли выше въ пѣсняхъ возвратъ войска изъ походовъ Шведскихъ и Прусскихъ, такъ и послѣдующій небольшой разрядъ пѣсенъ описываетъ возвратъ изъ похода съ Краснощоковымъ, но такъ, что мо́лодецъ, обыкновенно при этомъ изображаемый какъ типъ ранней гибели отъ врага, смѣшивается съ самимъ, умирающимъ будто бы отъ ранъ, Краснощоковымъ.

Возвратъ войска изъ похода съ Краснощоковымъ.

22.

(Губ. Оренбургской).

Мимо города мимо Питера,
Мимо матушки каменно́й Москвы,
Туто шли–прошли два полка солдатъ.
На перёдъ полкъ идётъ веселъ и ра́дошенъ,
А другоя–тъ полкъ идетъ не веселъ, не радошенъ:
На перёдъ идутъ съ барабанами,
По бокамъ–то идутъ со синовками,
Позади–то идутъ съ музыкантами,
Посередь–то ведутъ коня сиваго,
Коня сиваго, свѣтлогриваго.
На конѣ–то сидитъ добрый мо́лодецъ,
Добрый мо́лодецъ, Краснощоковъ князь.
Онъ не пьянъ–то сидитъ,—самъ шатается,
Подъ нимъ добрый конь подгибается.

Увидала его родна матушка
Изъ высокаго, новаго терема,

Изъ подъ краснаго изъ окошечка:
«Ты дитятко мое милое,
«Чадичко возлюблённое!
«Не ходи-ка ты на царёвъ кабакъ,
«Ты не пей-ка, не пей вино царское,
«Вино царское, государское!»
— Государыня моя, родна матушка!
— Не ходилъ-то я на царёвъ кабакъ,
— Ужь я не пилъ-то вино царское,
— Вино царское, государское;
— Напоилъ-то, де, насъ Краснощоковъ князь,
— Тремя пóйлами, тремя разными:
— Еще перво-то пойлице—свинцовà пуля,
— Другое-то пойлице—строевò ружье,
— А третье-то пойлице—кленовà стрѣла.—

(Сообщено В. И. Далемъ).

*

23.

(С. Головино, губ. Симбирск.).

Какъ по Питерской было по дороженьки,
По Московскою по широкою,
Тутъ шли-прошли солдаты.
Веселы полки, очень радостны,
А одинъ-то полкъ не весёлъ идетъ,
Не весёлъ и не радошенъ:
Добрыхъ коней въ поводу ведутъ,
Краснощокова на рукахъ несутъ.

Увидала его родна матушка:
«Охъ ты дитятко мое милое!
«Ты за чѣмъ больно пьянъ напиваешься?»
— Государыня моя, родна матушка!
— Я не самъ-то пьянъ напиваюся,
— Напоилъ-то меня супостатъ Прусскòй Король,

15. — Тремя пойлами, тремя разными:
— Первое пойлице—сабля острая,
— Другое пойлице—ружье огненно,
— Третье пойлице—каленà стрѣла.—

(Записано Языковымъ.).

* *

Къ этой же эпохѣ происхожденіемъ своимъ примыкаетъ пѣсня *о взятой полонянкѣ* (даже двухъ полонянкахъ), видимо возникшая сперва на рубежахъ Шведскихъ (быть можетъ въ связи еще съ королевной Шведскою, о которой въ 8-мъ выпускѣ), потомъ на Прусскихъ (гдѣ мы также видѣли недавно взятую королевну), а наконецъ и Турецкихъ, смотря по ходу событій и войнъ. *Кермантъ* сливается здѣсь съ *Кистриномъ—Костромановъ*, потомъ съ врагомъ *Караманомъ*, *Кистринъ* и *Гостинъ* съ *Хотиномъ*. Постепенно изъ этого явленія, совершенно естественнаго, обычнаго и частнаго, вырабатывается пѣсня съ чертами *чисто-историческими*, при чемъ въ ней повторяются многіе образы и выраженія, свойственные кругу Краснощоковскому; но, кромѣ того, *Румянцевъ*, тогда же начавшій свое поприще и въ началѣ, какъ извѣстно, отмѣченный на границѣ между прочимъ любовными похожденіями, Румянцевъ, по народному воззрѣнію и словопроизводству какъ генералъ *румяный*, связуется съ другимъ генераломъ *Краснощокимъ*, то есть, какъ мы знаемъ, *Краснощоковымъ*. Къ Румянцеву, въ его спеціальную пѣсню, переходитъ многое изъ пѣсни Краснощоковской. Когда это сліяніе случаевъ, образовъ, именъ и выраженій совершилось для народа, тогда вмѣстѣ съ тѣмъ при Румянцевѣ пѣсня окрѣпла и примѣнена, говоримъ, къ событію чисто-историческому: но это совершилось уже при Екатеринѣ, гдѣ мы и напомнимъ это, и приведемъ самую пѣсню въ ея исторической обстановкѣ. Пока же помѣстимъ здѣсь нѣсколько образцовъ ея перваго зародыша въ постепенномъ развитіи.

Взята дѣвушка на границѣ.

24.

(Москва).

Подъ городомъ подъ Кéрмантомъ,
Служили тамъ два братца,
Не поручикъ ли съ капитаномъ. —

Не подъ городъ подступали [1]),
Земляную стѣнушку разбивали:
Во полóну-то они взяли
На [2]) Шведскую панью, млáдую княгиню.
Восплакалась наша Шведская панья,
Востужилася наша млáдая княгиня:
Утѣшаютъ её на [2]) два братца,
Утѣшаютъ ее на два родные,
Не поручикъ ли съ капитаномъ:
«Не плачь ты, не тужи, на Шведская панья,
«Мы возьмёмъ тебя за сестру родную!»

(Записано П. В. К—мъ).

*

25.

(Воронки, у. Звенигородскаго).

Приворачивай, ребята, ко царёву кабаку,
Ко царёву кабаку, зеленóго вина пить [1])!
Не успѣли вина пить, въ барабáны стали бить,
Въ барáбаны выбивали, насъ мóлодцевъ высылали,
Насъ мóлодцевъ высылали, лёгки шляпы надѣвали,
Лёгки шляпы со перáми, съ генералами гуляли [2]).
Генералъ съ нами гулялъ, сорокъ пушекъ заряжалъ,
Сорокъ пушекъ заряжалъ, въ Костроманъ городъ стрѣлялъ [3]).
Костроманъ городъ—приволье, питья-кушанья довольно.
Ой, вó лужкахъ-лужкáхъ ходятъ дѣвушки въ кружкахъ,
Двѣ дѣвушки танцовали, насъ мóлодцевъ забавляли [4])....

(Запис. П. В. К—мъ 1833, Авг. 20).

*

[1]) То же, что иначе: „ужь какъ подъ городъ они подступали (объ отрицательномъ оборотѣ ср. у насъ во многихъ мѣстахъ выше).“—[2]) То же, что выше „не, но,—ино.“

[1]) Слова солдатъ и солдатской пѣсни.—[2]) Т. е. „мы.“—[3]) Ср. эти черты и самыя выраженія съ пѣснями о Прусскомъ походѣ при Краснощековѣ.—[4]) Пѣсня не кончена въ этомъ образцѣ: слѣдовало, какъ взяли дѣвушку на Русь. *Двѣ* же дѣвушки, вмѣсто одной, отвѣчаютъ выведеннымъ выше *двумъ* братьямъ, вмѣсто одного (двоихъ же увидимъ ниже и при Румянцевѣ: отца и сына).

Прежде, чѣмъ перейти къ Румянцеву (о чемъ ниже), образъ полонянки, взятой на Русь за мужъ, переходитъ, какъ мы говорили, ко Краснощокову, этому многообъемлющему герою по мѣсту и времени дѣйствія, на границу „Турецкую," гдѣ, благодаря богатству козацкаго творчества, образуетъ слѣдующую прекрасную пѣсню:

26.

Краснощоковъ и полонянка.

(Земля Войска Донскаго).

Между Кумъ-рѣки, между Терекомъ [1]),
Между тѣхъ-то, было, трехъ Кумскихъ отно́женокъ [2]),
Тамъ ходилъ-гулялъ удалъ-добрый мо́лодецъ,
Младъ Донской козакъ, младъ охотничекъ.
За плечами онъ носилъ пищаль Турску,
(Пищаль Турску) все винтовочку,
Долгомѣрную, семипядную, восьмибляшную;
Вмѣсто цѣлика врѣзанъ у винтовочки бральянтъ камень;
У винтовочки насѣчка позлачо́ная;
У винтовочки подсо́шечекъ [3]) кизиловый.
На винтовочкѣ какъ написано-напечатано:
Что «Иванъ-то сударь Краснощоковъ сынъ.»

Онъ шелъ-то не стёжкою, не дорожкою,
Всё тропинкою (всё) звѣриною:
На встрѣчу ему мать сѣра́ ланья сы ланятами.
Какъ раскидываетъ онъ подсошечекъ кизиловый,
Онъ прикладывается, благословляется:
«Ты позволь, мать сѣра ланья, по тебѣ стрѣлять,
«По тебѣ стрѣлять, по твоимъ дѣточкамъ?»
— Ты меня убьешь—не шубу сошьешь,
— Ланятъ побьешь—не о́пушишь [4]):
— Ты пойди, пойди, младъ Донской козакъ,

---

[1]) Между Кумою и Терекомъ.—[2]) *Отногъ, Отнога*, старое Славянское слово (какъ *отрогъ* нт. п.): развѣтвленіе, извитіе—горъ, корней (radices—pedes montium).—[3]) Какъ у сохи въ древнѣйшихъ былинахъ: подставка (растопыреная рогатка) подъ ружье.—[4]) Шубу.

— Младъ Донской козакъ, младъ охотничекъ,
— Въ зеляны́ лу́га, въ заповѣдные:
— Тамъ ходитъ Турчинъ со Турчаночкою,
— Онъ ублажаетъ молодую [5]) Турчаночку,
— Забавляетъ въ звончатны́я [6]) гусельки.
— Ты Турчина убьешь,
— А Турчаночку за му́жь возьмешь.—

(Ср. Сборникъ г. Савельева 1866 г.).

* *

Послѣ мнимой или такъ сказать подставной бѣды и смерти Краснощокова при возвратѣ войска изъ Прусскаго похода, настаетъ по пѣснямъ дѣйствительная, подлинная *неволя* и *смерть Краснощокова*, гдѣ онъ гибнетъ уже самъ собою, никого собою не замѣняя и ни съ кѣмъ не обмѣниваясь своимъ историческимъ именемъ, то есть настаютъ именно такія пѣсни, которыя, по извѣстнымъ признакамъ, выше въ подробности означеннымъ, мы называемъ спеціально *историческими*.

Это не значитъ, впрочемъ, что пѣсни эти *впервые и цѣликомъ* сложены про Краснощокова: по извѣстнымъ намъ пріемамъ, онѣ воспользовались мотивами, образами и чертами гораздо старшими. Такъ, первая изъ нихъ, *о неволѣ*, прямо повторяетъ образы и даже выраженія *пѣсни Разинской*, напечатанной нами въ 8-мъ выпускѣ, Дополненія, стр. 316, 317, № 2; въ сборникѣ у Кирши, какъ извѣстно, повторяется то же въ другой обстановкѣ и съ инымъ примѣненіемъ.

Краснощоковъ
въ неволѣ.

27.

Не отъ тучи, ни отъ грома, ни отъ солнышка,—
Отъ великаго оружія солдатскаго
Загоралася въ чистомъ полѣ ковыль-трава.
Добиралася [1]) до бѣлаго до ка́мышка:
Что на ка́мышкѣ сидитъ младъ-ясенъ сокóлъ.
Подпалилъ онъ свои бы́стрыя кры́лышки.

---

[5]) Д. б. „мла́дую.“—[6]) Чаще „звончатыя.“

[1]) Загорѣвшаяся трава, трава съ огнемъ

Обожóгъ онъ свои скорыя нóженьки.
Прилетали [2]) къ сóколу стадо вóроновъ,
Что садились чóрны вóроны вокругъ его,
И въ глаза ли ясному [3]) соколу насмѣялися,
Называли они сóкола воронóю:
««Ты воронá, ты воронá подгумённая!»»

Ахъ, что взгóворитъ въ кручинѣ младъ-ясёнъ сокóлъ:
«Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
«Отрощу я свои крылья, крылья быстрыя,
«Оживлю я свои ноги, ноги скорыя,
«Я взовьюся, младъ-ясёнъ сокóлъ, выше óблака,
«Опущуся въ ваше стадо я скорѣй стрѣлы́,
«Перебью я черны́хъ вóроновъ до единаго [4])!»

Ахъ, когда былъ Краснощоковъ во неволюшкѣ,
Онъ вскричалъ ли, онъ взвопилъ [5]) громкимъ голосомъ:
«Ой вы гой еси, друзья-братья-товарищи!
«Не покиньте добраго [6]) мóлодца при бѣдности:
«Ужь какъ нѣкоторо время пригожусь, братцы, вамъ,
«Замѣню я вашу смерть животомъ моимъ,
«Животомъ моимъ и грудью бѣлою!»

(Первоначально въ пѣсенникѣ Чулковскомъ и Новиковскомъ, потомъ въ послѣдующихъ, на примѣръ въ Кузнецовскомъ, съ заглавіемъ „пѣсня о заключеніи Краснощокова“ и съ замѣткою, что „голосъ протяжной и громкой.“ Разнорѣчій мало; нѣсколько больше ихъ, по формамъ рѣчи, въ слѣдующемъ образцѣ:)

28.

(Земля Войска Донскаго).

Ни отъ тучи, ни отъ грома, ни отъ солнышка,—
Отъ великаго оружія солдатскаго
Загоралась въ чи́стомъ полѣ кавыль-травушка.
Добиралась (ся) до бѣлаго до ка́мышка:

---

[2]) Множественное при собирательномъ „стадо,“ какъ обычно въ древнемъ языкѣ.—[3]) Д. б. „ясну.“—[4]) Доселѣ сравненіе.—[5]) Книжное; д. б. „онъ скричалъ ли—возопилъ“ или „возвопилъ.“—[6]) Д. б. „добра.“

Что на ка́мышкѣ сидитъ младъ-ясёнъ соко́лъ.
Подпалилъ онъ свои быстры крылышки,
Обжогъ онъ свои скорыя но́женьки.
Прилетало къ соколу́ стадо во́роновъ,
Что садились черны́ во́роны вокругъ его,
И въ глаза ли ясному (ясну) со́колу насмѣхалися,
Называли они со́кола воро́ною:
««Ты воро́на, ты воро́на подгумённая!»»

Какъ возго́воритъ во (въ) кручинѣ младъ-ясёнъ соко́лъ:
«Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
«Отрощу я свои крылья, крылья быстрыя,
«Оживлю я свои ноги, ноги скорыя,
«Я взовьюсь (ся), младъ-ясёнъ соко́лъ, выше о́блака,
«Опущуся (ся) въ ваше стадо я скорѣй стрѣлы́,
«Перебью я черныхъ во́роновъ до единаго!»

Ахъ, когда былъ Краснощоковъ во неволюшкѣ,
Онъ вскричалъ ли, онъ взопилъ громкимъ голосомъ....

(Ср. Сборникъ г. Савельева 1866 г.).

* *

Подобнымъ образомъ и слѣдующая пѣсня, *о смерти* Краснощокова, основана вся на старшихъ, именно Петровскихъ, приведенныхъ у насъ о разныхъ лицахъ въ 8-мъ выпускѣ, и даже еще на старшей, съ которой собственно и начинается весь этотъ разрядъ, о князѣ Семенѣ Пожарскомъ, что напечатали мы въ выпускѣ 7-мъ. При лицѣ Краснощокова пѣсня только вторично „спеціализована," одинаково и предъ Лёвенгауптомъ (ср. у насъ выше), и предъ ханомъ Крымскимъ.

29.

Краснощоковъ умираетъ.

Что сказать ли вамъ, братцы, про диковинку,
Какъ про вѣрнаго слугу про Краснощокова?
Отъ чего, братцы, ему скора смерть солучилася?
Солучилася ему скора смерть отъ измѣнщика

Поймали же Краснощокова на черно́й грязи [1]).
Онъ слѣзалъ ли Краснощоковъ со добра коня,
Вынималъ ли Краснощоковъ саблю острую,
Онъ срубилъ ли со добра́ коня буйну голову;
Онъ срубивши голову, говорилъ ему:
—Не доставайся ты, мой добрый конь, злу Татарину [2])!—

Ужь какъ взяли Краснощокова за бѣлы́ руки,
Повели же Краснощокова къ хану Крымскому,
Ужь какъ стали Краснощокова крѣпко спрашивать:
««Ты скажи, скажи, Краснощоковъ, истинну,
««Еще много ли у васъ силы со фельдмаршаломъ [3])?»»
— Со фельдмаршаломъ у насъ силы—ей смѣты нѣтъ.—
««Еще много ли у васъ силы съ Краснощоковымъ?»»
— Съ Краснощоковымъ у насъ—что цвѣтовъ въ поляхъ.—
««Послужи же намъ, Краснощоковъ, вѣрой-правдою!»»
Ахъ что взго́воритъ Краснощоковъ злымъ Татаринамъ:
— Послужу я вамъ, друзья мои [4]), саблей острою
— Что надъ вашими ль надъ буйными головками!—
Еще тутъ ли Татаре осердились,
Они стали надъ Краснощоковымъ наругатися,
Принялись у Краснощокова ноги рѣзати.
Они разными муками его мучили:
А правды изъ него не вывѣдали.
(Хоть съ живаго съ него кожу со́драли,
Но души изъ него не вынули [4]).)

*

(У Чулкова и Новикова; потомъ мелкія отмѣны у прочихъ, изъ которыхъ приведемъ подъ слѣдующимъ № текстъ пѣсенника Театральнаго и Кузнецовскаго, съ поправками И. И. Дмитріева, обозначая главныя изъ нихъ курсивомъ).

---

[1]) Первоначально это указывало на имя опредѣленной мѣстности, какъ при Пожарскомъ на Конотопъ.—[2]) Совершенно тотъ же мотивъ, какъ при смерти знаменитаго Сербскаго Кралевича Марка.—[3]) То же при Шереметевѣ или съ Краснощоковымъ при Леси и Минихѣ.—[4]) Отзывается книжною подправкою.

30.

Сказать ли вамъ, братцы, про диковинку,
Про вѣрнаго слугу Краснощокова?
Отъ чего скора смерть ему случилася?
Случилася ему скора смерть отъ измѣнника [1]).

Поймали же Краснощокова на черной грязи.
Онъ слѣзалъ, Краснощоковъ, съ добра коня,
Вынималъ Краснощоковъ саблю острую,
Онъ срубилъ со добра коня буйну голову,
Онъ срубивши голову, говорилъ ему:
— Не доставайся ты, мой доброй конь, злу Татарину!—

Ужь какъ взяли Краснощокова крѣпко спрашивать [2]):
««Ты скажи, скажи, Краснощоковъ, *правду* истинну,
««Еще много ли у васъ силы со фельдмаршаломъ?»»
— Со фельдмаршаломъ у насъ *силамъ* смѣты нѣтъ.—
««Еще много ли у васъ силы [3]) съ Краснощоковымъ?»»
— Съ Краснощоковымъ у насъ—что цвѣтовъ въ поляхъ.—
««Послужи же намъ, Краснощоковъ, *съ* вѣрой-правдою!»»
Какъ возговоритъ Краснощоковъ злымъ *Татаревамъ*:
— Послужу я вамъ, друзья мои, саблей острою,
—*Поскуй ей вашы буйны головы*!—
Тутъ невѣрные озлобились,
Они стали надъ Краснощоковымъ ругатися.
Они разными муками его мучили:
А правды изъ него не вывѣдали.
Хоть съ живаго съ него кожу содрали,
Да души *его* не вынули.

(Печаталось съ надписью: „Воспоминаніе о Краснощоковѣ. Голосъ печальной.“)

* *

---

1) „Измѣнщика.“—2) Такъ сокращено; или: „Ужь какъ взяли Кр. за бѣлы руки, Повели же Кр. крѣпко спрашивать.“—3) „Силы“ нѣтъ.

Имя и подвиги Краснощокова встрѣчаются какъ „воспоминаніе“ и въ пѣсняхъ позднѣйшихъ, которыя увидимъ ниже.—Одна пѣсня объ немъ („Пріутихло-пріумолкло“) приведена у Корниловича въ „Русской Старинѣ“ съ голосомъ на нотахъ, стараніемъ Кольбе.

Объ этомъ крупномъ историческомъ лицѣ нѣтъ доселѣ дѣльной монографіи, ни біографіи его, даже у самихъ Донцовъ, столь имъ прославленныхъ. Самые обильные наши историки, по необходимости встрѣчая его имя, отзываются объ немъ на вопросы наши совершеннымъ незнаніемъ.

А между тѣмъ это *послѣдній Русскій богатырь*, въ смыслѣ, близкомъ къ древности: съ именемъ и лицомъ его связаны *послѣднія* наши *Былины* въ собственномъ смыслѣ; никто послѣ него не вызвалъ въ народѣ подобнаго былеваго творчества. Онъ, какъ герой, сопровождается пѣснею съ молодыхъ лѣтъ до смерти: и, какъ видѣли мы, нѣсколько разъ исчезаетъ, нѣсколько разъ гибнетъ и умираетъ на разные лады (значитъ не совсѣмъ еще умираетъ за разъ, а черезъ промежутки снова воскресаетъ въ творческомъ сознаніи), подобно Ильѣ Муромцу. Подобно сему же послѣднему, соединяетъ онъ имя *богатыря* и *козака, атамана*: но, кромѣ того, еще новаго *бригадира, генерала*, связуя собою древность съ самою послѣднею новизною; народъ, видѣли мы, дѣлаетъ его даже *королемъ* и *княземъ*. По силѣ его значенія, къ образу его привлечены былевыя богатырскія черты и выраженія изъ самыхъ старшихъ Былинъ: соприкоснувшись съ нимъ, именно этому обязанъ всего больше Король Прусскій, получившій также древнѣйшія богатырскія отличія, подобно какъ симъ способомъ воскресали и живо изображались разные *враги* нашихъ богатырей. Ему же, говорили мы, обязанъ Румянцевъ, тѣмъ, что стяжалъ въ пѣснѣ нѣсколько очертаній и выраженій народныхъ. Платовъ, единственный, напоминающій нѣсколько Краснощокова, счастливъ единственно тѣмъ, что повторилъ при себѣ отголоски Краснощоковскихъ Былинъ, что былъ оттѣнкомъ, тѣнью Краснощокова. Другаго же, *равнаго* Былеваго образа во всемъ блескѣ послѣ Краснощокова, повторяемъ, вовсе уже не было. Прочіе, послѣдующіе и пресловутые наши герои прославлены искусственнымъ словомъ, не въ пѣснѣ исторической, не въ Былинѣ народной: много, если имъ отданы пѣсни Солдатскія. Краснощоковымъ Былевое наше пѣснотворчество, можно сказать, замыкается на всегда въ смыслѣ собственномъ и въ силѣ производительной.

* *

Теперь, по закону XVIII вѣка, нами разъясненному, послѣ геройской стороны свѣтлой, сейчасъ изображенной, въ пѣснотворчествѣ народномъ готова соотвѣтственная темная, хотя также въ своемъ родѣ героическая и во всякомъ случаѣ историческая. На этотъ разъ продолжаются послѣдствія эпохи Каиновской: воспоминается связанный съ нею и съ Камчаткою Балчугъ, смерть одного изъ Каиновыхъ послѣдователей, *Васьки Ремзова*, и въ особенности казнь, постигшая извѣстную намъ *Аннушку* (теперь уже купеческую вдову), рукою палача Андрея, по всему видно—за измѣну, жертвою которой былъ сначала Каинъ, потомъ выданный Ремезовъ.

Спиридовъ [1]) генералъ по кораблику гуляетъ,
Онъ Россійскихъ матросовъ утѣшаетъ,
Утѣшаетъ ихъ, забавляетъ:
«Не тужите вы, дѣти, по своей отчизнѣ [2]),—
«Не вóвсе мы на синёмъ морѣ погибнемъ!
«Воротимся мы въ Русь со побѣдой [2]),
«Увидимся съ отцами-матерями,
«Со брáтами и съ сестрáми,
«Со молодыми своими женáми,
«Со мáлыми дѣтьми со родны́ми!»
Матросы печаль забываютъ
И съ радостью еще пробыть тамъ желаютъ [3]).

(У Новикова и позднѣе, кое гдѣ въ устахъ).

* *

Зоричъ въ бѣдѣ.

Память о Краснощоковѣ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Не черны́мъ-то зачернѣлось,—
Зачернѣлось Турецкое чи́сто поле;
Не плугами поле—не сохами пораспáхано,—
А распахано поле конскими копытáми;
Засѣяно поле не всхожими сѣмянами,—
Засѣяно козачьими головами,
Заволо́чено поле козачьими чорными кудря́ми [1]).

Какъ не доѣхавши поля, Зоргинъ [2]) генералушка
Становился надъ козачьими головушками,

---

[1]) Въ нѣкотор. „Спиридоновъ“.— [2]) Болѣе видные слѣды сочиненія.— [3]) Тѣ же слѣды.

[1]) Образы и черты Слова о Полку Игоревѣ, извѣстные намъ по пѣснямъ Петровскимъ.—[2]) Зоричъ, въ извѣстной бѣдѣ его при Рябой Могилѣ.

10. Становившись онъ прослезился:
«По напрасну эти буйныя головушки пропадаютъ,
«Безъ вѣрнаго-то служителя съ Дону государева,
«Безъ Ивана сына Матвѣева Краснощокова [3])!»

(Ср. сборн. Савел. 1866).

* *

Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, собственно намъ нужно бы поставить пѣсню о Бендерахъ и Румянцевѣ (съ Панинымъ): но, такъ какъ съ нею, извилистыми развѣтвленіями, связанъ совершенно особый кругъ пѣсенъ, частнаго примѣненія и значенія, то мы пока отлагаемъ ее и почѣстимъ ниже послѣ всѣхъ Румянцевскихъ дѣйствій и послѣ первой Турецкой войны. А теперь пока о 1771 годѣ и Долгоруковѣ (въ пѣсню также проникли слѣды сочиненія):

Долгоруковъ.

Перекопъ. Кафа.

1.

(Губ. Оренбургской).

Въ семьдесятъ первомъ году,
Отъ Яицкаго плоту [1])
Покачáлися всѣ гóры,
Потряслась сырá земля,
5. Пошли рыбы всѣ на нúзъ
И всѣ птицы съ тёплыхъ гнѣздъ [2]).

Походъ нá весну намъ сказанъ,
Въ Крымъ итти прямо показанъ.
Мы въ походъ поидёмъ,
10. Турку дáры понесёмъ.

---

[3]) Еслибы бы онъ былъ здѣсь, только развѣ онъ могъ бы спасти насъ.

[1]) Флота, лодокъ: откуда нѣкогда шла помочь и гдѣ пѣлась эта пѣсня.—[2]) Произноси „гниздъ“.—Первый и сильный походъ на Турцію изображенъ тѣми же почти красками, какъ первые походы Варяжской дружины съ Олегомъ, въ былинахъ объ немъ (см. прежніе вып. и Рыбникова).

Мы которую пѣвали [1])...
Во походѣ мы не пѣсенки пѣвали,—
Горевали мы, подъ городомъ стояли,
Подъ Селистромъ за быстрóю
За рѣченькой за Дунаемъ.
А не вéсело наша армеюшка пьетъ-гуляетъ,
А не вéсело солдатушки во строй собирались;
Во строю-то стоятъ солдатушки—сами плачутъ,
Жалобу-то творятъ солдатушки на фицеровъ:
««Загналъ-то, загналъ Прусскóй король въ ину землю,
««Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки,
««Ни словеснаго отъ батюшки приказа [2])...»»

(Запис. А. М. Языковымъ).

* *

Каменскій съ Донцами за Дунаемъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

За славной-то было за рѣчушкой—быстрúмъ Дунаемъ,
Собиралась тамъ наша армеюшка:
Повелитель у ней былъ самъ Каменскій графъ,
У Турецкой было армеюшки—паши-мурзы.

Пишетъ паша-мурза ко графу Каменскому:
«Прошу тебя, Каменскій графъ, не прогнѣваться,
«Ты за чѣмъ зашелъ—завелъ армію Россійскую?
«Я солдатъ-драгунъ повырублю,
«А Донскихъ-то козакóвъ во полонъ возьму,
«Со Донскими козакáми я служить пойду!»
А Каменскій-то графъ во отвѣтъ ему:
— Врешь ты, паша-мурза, облыгаешься,

---

[1]) Дополните, по прежнимъ образцамъ: „сами плакали“.—[2]) Отдается и вспоминается, при одинакомъ случаѣ, страхъ, заданный нѣкогда Прусскимъ королемъ (ср. выше).

— Небылѝми рѣчьми [3]) забавляешься,
— Не поймавши гуся сѣраго—ты щипать сталъ;
— Я твою-то братію повырублю,
— А съ тебя-то кожу сниму, соломою набью! —

(Ср. Сборн. Савел. 1866).

* *

Нападеніе на Шуменъ и отпоръ Турокъ.

1.

(Оттуда же).

На ровной площади, на большой полянѣ,
Стоялъ тамъ Второй Тацынъ полкъ,
Стоялъ три недѣлюшки.
На четвертой-то на недѣлюшкѣ приказъ они получили [1],
Да иттить-то полку Тацыну подъ Шумной городъ.

Не пошелъ-то молодой полковничекъ большой дорогой:
Онъ пошелъ, молодой полковничекъ, крутыми горами,
Онъ крутыми-то горами, большими лѣсами.
Среди-то, было, пути—среди дороженьки несчастьице случилося:
Какъ не чорные-то во́роны изъ лѣсовъ солеталися,
Турки храбрые изъ за крутыхъ горъ на Тацына нападали.

Тутъ-то мои малолѣточки [2]) дюжа [3]) перепужалися,
По темны́мъ-то лѣсамъ они разбѣжалися.
Кричитъ-то кричитъ молодой полковничекъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы стойте, мои малолѣточки, стойте—не робѣйте,
«Государева свинцу-пороха не жалѣйте!»

---

[3]) Небылицами.

[1]) Отселѣ стихъ *двойной*.—[2]) Такъ обыкновенно въ пѣсняхъ, присутствіемъ малолѣтокъ, козаки объясняютъ неудачи.—[3]) Крѣпко.

отъ народа—нѣтъ особой пѣсни. Народу въ пѣснѣ представляется онъ счастливымъ гулящимъ человѣкомъ, на котораго чешутся руки, либо разбойникомъ-преступникомъ, либо „несчастнымъ," либо даже смѣхотворомъ: геройской черты ни одной и хоть какого либо подъема повыше, способнаго настроить творчество величавѣе —не видно нигдѣ. Просто Пугачевъ —и концы въ воду.

Милиція въ войскѣ Яицкомъ.

1.

(Губ. Оренбургской).

По славной было по низовой линіи
И при славномъ было при Красноярскомъ форпостѣ,
Собиралося небольшо войско Яицко.
Прибѣгалъ къ войску скорóй курьеръ.
Матвѣюшка сынъ Петровичь
По фамиліи Шубиченковъ;
Привозилъ отъ Государыни повелѣньице:
Объявилъ войску службу лиціонну.
Тутъ воспла́кнули всѣ коза́ки горючьми слезьми:
««Знать мы, до́брые мо́лодцы, передъ Господомъ согрѣшили,
««Милосердой Государынѣ прослужились!»»

Собира́лися коза́кн во единый кругъ,
Они думали крѣпку думу за едину:
««Нѣтъ ли изъ насъ, коза́ковъ, таковыхъ до́брыхъ мо́лодцевъ,—
««Ѣхать къ Государынѣ съ челобитною,
««Просить о службѣ лиціонной [1])?»»
— Гой еси, милостивая наша Государыня!
— Въ чемъ мы тебѣ прослужились,
— Или гдѣ измѣну сдѣлали?
— Не можно ли отмѣнить службу лиціонну,
— Намъ, войску Яицкому?

---

[1]) За симъ уже слова посланныхъ.

— Заставь, наша матушка, за себя Богу вѣчно молиться!—
Принимала Государыня просьбу слезну отъ войска Яицкаго
И простила во всѣхъ винахъ,
И отмѣнила войску Яицкому службу лиціонну.

(Сообщено В. И. Далемъ).

* *

Пѣсня въ этомъ образцѣ не кончена; она продолжается въ слѣдующемъ (который зато при пѣніи и записываніи лишенъ былъ начала):

Пугачевъ.

1.

(Губ. Симбирской, Головино).

Въ тѣмъ Сударыня [1]) простила [2]),
Жить по старому пустила.
Полтора года страдали:
Всё царя себѣ искали.
Нашли себѣ царя—
Донскаго козака,
Емельяна Пугача
Сынъ-Ивановича.

Онъ со силой собрался,
Подъ Гурьевъ поднялся:
Стрѣльба была несносна,
Стоять было не можно.
Онъ видитъ, что не взять:
Воротился въ задъ.
Съ большой силой собрался,
Подъ Яикъ поднялся:
Подъ Яикъ подходилъ,
Батальицу сочинилъ.
Они зачали палить,

---

1) Государыня Екатерина.—2) Козаковъ.

Силу-армію валить.
Изъ Яика-городка
Протекла кровью рѣка,
Круты́ го́ры закачались,
Сыра̀ земля затряслась;
Сыра земля затряслась,
Ме́лка рыба внизъ пошла,
Мелка пташка со гнѣзда.
Мелка пташка со гнѣзда [3])
Укрѣпила Пугача
Сынъ-Ивановича.

(Записано Языковымъ).

*

2.

Въ Оренбургѣ, на Яикѣ и Самарѣ.

(Губ. Симбирск., у. Корсунскаго, выселокъ Александровъ).

Охъ ты батюшка, Ленбу́рхъ городъ!
Про тебя, Ленбу́рхъ, идетъ славушка,
Слава добрая, нарѣчье хорошее:
Будто ты, Ленбу́рхъ, на красѣ стоишь,
На красѣ стоишь, на крутой горѣ,
На крутой горѣ, на желты́мъ пескѣ,
На желтымъ пескѣ разсыпчатымъ,
На трехъ рѣчушкахъ, да на устьицахъ [1]).
Да первая рѣчушка течетъ—Самарушка,
Другая рѣчушка—Яикъ-рѣка,
Третья рѣчушка—Уралъ-рѣка:
По Уралѣ-рѣкѣ живутъ Коза́ченьки,
По Яикъ-рѣкѣ Калмыченьки,

---

[3]) Какъ выше „малютки:“ новобранцы, новые сообщники.

1) Обыкновенное начало при обращеніи ко многимъ городамъ, особливо Волжскимъ, Ярославлю и т. п.

По Самарушкѣ живутъ Татарушки.
15. По Уралу гулялъ генералъ Пугачь.

Какъ во матушкѣ было во каменной Москвѣ,
Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, себѣ рѣчи говоритъ:
«Не даютъ-то мнѣ, доброму мо́лодцу, волюшки—
20. «Во Ленбу́рхъ сходить, Пугача́ убить!»

(Ср. сборникъ П. В. Шейна, 1-го изданія.—„Дальше, къ сожалѣнію, пѣвецъ не помнилъ' а говоритъ, что пѣсня довольно долгая.“ Запис. отъ К. Ослова).

*

3.

(Губ. Оренбургской).

Изъ за лѣса-лѣса тёмнаго
Не бѣла зоря́ занималася,
Не красно́ солнце выката́лося:
Выѣзжалъ туто добрый мо́лодецъ,
5. Добрый мо́лодецъ Емельянъ коза́къ,
Емельянъ козакъ сынъ Ивановичь.
Подъ нимъ до́брый конь—сивъ-буръ-ша́хматный [1]),
Си́ва гривушка до сыро́й земли.
Онъ идетъ—спотыкается,
10. Востро́й са́белькой подпирается,
Горючьми́ слезьми заливается [2]):
«Что́ ты, мой добрый конь, рано спотыкаешься [3])?
«Али чайшь [4]) надъ собой невзгодушку,
«Невзгодушку, кроволитьеце?»

15. Мы бились троя суточки,
Не пиваючи, не ѣдаючи,
Со добра коня не слѣзаючи.

(Сообщено. Очевидно не кончено, только начало).

*

1) Вмѣсто „косматъ.“—2) Изображеніе переходитъ отъ коня на самого козака.—3) Д. б. „Что ты, добрый конь, спотыкаешься?“—4) Чаешь.

4.

Судъ надъ Пугачевымъ. Панинъ.

(Губ. Симбирской, Головино).

Судилъ тутъ графъ Панинъ вора Пугачева:
«Скажи, скажи, Пугáченька, Емельянъ Иванычь,
«Много ли перевѣшалъ князей и боярей?»
— Перевѣшалъ вашей братьи семь сотъ семи тысячь.
— Спасибо тебѣ, Панинъ, что ты не попался:
— Я бы чину-то прибавилъ, спину-то поправилъ,
— На твою-то бы на шею варóвинны [1]) возжи,
— За твою-то бы услугу повыше подвѣсилъ!—

Графъ и [2]) Панинъ испужался, руками сшибался [3]):
«Вы берите, слуги вѣрны, вора Пугачева,
«Поведите-повезите въ Нижній городочекъ,
«Въ Нижнемъ объявите, въ Москвѣ покажите [4])!»

Всѣ Московски сенатóры не могутъ судити [5]).

(Отъ Языкова).

*

5.

Поѣздъ къ Москвѣ. Пугачевъ и сообщники.

(Губ. Орловской, у. Малоархангельскаго).

5.

По́ морю по Латынскому [1]),
Тамъ плывуть два насада,

---

[1]) Варовые, помягче и порастяжнѣе.—[2]) Только для стиха *и.*—[3]) Всплеснулъ.—[4]) Накажите?—[5]) Не дается судъ: всѣмъ ловкій и рѣзкій отвѣтъ.

[1]) Съ тѣхъ поръ какъ, съ Петра, море Верейское — Латынское сочеталось съ прочими Русскими, имя его переносится на другія и обратно (ср. вып. 8).

Два насадика, два зеленыхъ.
На насадикахъ сидять люди,
Сидять люди, всё Рязанцы,
Всё Рязанцы, всё Казанцы.
На цѣпяхъ они крѣпко прико́ваны;
Какъ одинъ Рязанецъ не прико́ванъ,
По насадику гуляить,
Во звончаты́я во гуслицы играить,
Насъ невольничковъ забавляить:
«Ужь вы братцы, вы Рязанцы!
«Мы поѣдимъ по матушки [2]) по мо́рю,
«Мы пріѣдимъ у матушку у Мо́скву,
«Мы ку́пимтя сибѣ Бога [3])—
«Николая Угодника Чудотворца,
«А мы станимъ ему Господу молитца:
«Авось Господи насъ простить!»

(Запис. П. И. Якушкинымъ).

*

Поѣздъ къ Москвѣ встрѣтился по сказанію, какъ мы знаемъ, съ ѣхавшимъ въ ссылку Андреемъ Селивановымъ: оба Петра Третьихъ; „и повезли,—на голо шпаги, у мужиковъ деревенскихъ у всякого была палка въ рукахъ, и деревенскія бабы провожали отъ деревни до деревни. Въ ту пору, когда Пугачева везли, и онъ на дорогѣ встрѣтился: и его провожали полкъ полкомъ, и подъ великимъ везли карауломъ, а меня (говоритъ Селивановъ) везли вдвое, и весьма строго везли. И тутъ, который народъ меня провожалъ, за нимъ пошли, а которые его провожали, за мной пошли.“ Ср. выше при Каинѣ.

6.

Судьба Пугачева.

(Губ. Калужск., у. Боровскаго, с. Слобода).

Ужь при славной было при царицѣ,
При матушкѣ при царицѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ,
Ужь весь-то народъ Русскій жилъ во счастьицѣ,

---

[2]) *Моря*, женскаго рода.—[3]) Икону.

Во счастьицѣ, во раздольицѣ, во богатыемъ житью.
Ужь какъ всѣ-то купцы себѣ домъ накопляли,
А бѣдные-то ни въ чемъ нужды не видали:
Всѣ жили и молили за царицу,
За матушку Катерину Алексѣевну.

Но вдругъ [1]) настало время злое,
Время злое, несчастливое:
Ужь какъ нанесло-то вихремъ [1])
На святую Русь бѣду пагубную [1]),
Бѣду пагубную, не минуемую.
Проявился у насъ на славной на землѣ,
На славной на землѣ, на святой Руси,
Проявился воръ-собака, проклятый человѣкъ,
Проклятый человѣкъ, Пугачевъ козацкій сынъ.

Ужь какъ этотъ-то собака вздумалъ по Руси гулять,
Вздумалъ по Руси гулять, а себя царемъ казать.
Много казнилъ, много вѣшалъ, много головы рубилъ,
Много головы рубилъ и во ямушки валилъ.

Какъ пымали-то собаку во чистомъ полѣ,
Привезли эту собаку во Москву-городъ гостить,
Во Москву-городъ гостить, буйну голову рубить.
Какъ казнили-то собаку на главной площади,
Ужь казнили, пятерили, буйну голову срубили.

(Записано самимъ П. В. К—мъ отъ 70-лѣтней старухи Катерины Андреевны).

*

Пѣвица или, лучше, пересказчица намъ извѣстная: она сообщила Петру Васильевичу и другія историческія пѣсни, и много Стиховъ (жила подъ конецъ въ Москвѣ, въ Рогожской; см. прежніе выпуски, особенно 7-й). Усердная, памятливая, говорливая: но скучная и тяжелая. Всё у нея выходило „бабьей старяной:“ нахватано изъ разложившихся былинъ, растянуто, не сложено въ цѣлости народомъ, а пересказано за ново усиліемъ умѣлой разсказчицы. Нельзя этого вытолкнуть изъ области народной: нельзя и принять иначе, какъ что-то натянутое и искусственное.

---

[1]) Не народно.

Таковъ же, совершенно съ обратной стороны, и слѣдующій образецъ: хотѣлось чѣмъ-то насмѣшить, усиленное смѣхотворство. Имя Пугачева взято на прокатъ и въ шутку.

7.

Пугачь-Мигачь
въ Астрахани и въ Москвѣ.

(Москва).

Что во славномъ было городѣ—Астраханѣ,
Вдоль по улицѣ Мигачь [1]), вдоль по ши́рокой Мигачь,
Вдоль по ши́рокой Мигачь всё похаживатъ,
И онъ съ ножки на ножку прискакиваетъ,
Онъ сапогъ объ сапогъ покалачиваетъ,
Ко дѣви́чьему двору́ приворачиваетъ.
«Ахъ дѣвичья красота, изсушила ты меня,
«Изсушила ты меня: отпирай ворота́,
«Отпирай ворота́, пропускай Мигача́,
«Пропускай Мигача сына Ивановича [2])!»

И онъ скокъ на крыльцо, и онъ брякнулъ въ кольцо [3])
Что во то ли кольцо въ [4]) серебряное,
Во серебряно колечко, позоло́ченое.
Красна дѣвка выходила—прибранивала,
Отпирала ему—приговаривала:
— Ахъ ты гдѣ, Мигачь, бывалъ и ты что́, Мигачь, слыхалъ,
— И ты что́, Мигачь, слыхалъ, что́, Ивановичь, видалъ?—

Въ [4]) Москвѣ Мигачь бывалъ, три диковинки видалъ,
Три диковинки видалъ: саламату ѣдалъ [5]),
Саламату ѣдалъ, и съ дѣви́цами гулялъ,
И съ дѣви́цами гулялъ, съ молодицами бывалъ [6]).

---

[1]) Мигачь—что подмигиваетъ, волокита; передѣлано, для замаскировки, изъ Пугача (филина), какъ у Малороссовъ (ср. ниже).—[2]) Какъ Емельяна Ивановича.—[3]) Д. б. „брякъ во кольцо“.—[4]) Д. б. „во.“—[5]) Кашицу, розги, плети, казни.—[6]) Въ Астрахани не успѣлъ и только всего успѣлъ въ Москвѣ: вотъ краткій, „отвлеченный“ смыслъ.

Моло́душка молода́, бѣлолица, хороша:
У ней о́смеро въ запасѣ, на девятаго глядитъ,
На девятаго глядитъ, по десятаго пошлетъ,
А десятой—тотъ придетъ и еще приведетъ.

(Пѣс. Новиковскій и образцы устные).

Ср. Пугача ниже у Малоруссовъ.

* * *

Теперь продолжаемъ народную пѣсню тогдашней Русской славы, прерванную было, по обычаю XVIII вѣка, безобразіемъ.

Война Союзниковъ противъ Турокъ.

Вторая Турецкая война

1.

(Москва).

Пишетъ Князь Цеса́ринъ [1]) къ Государынѣ въ Москву:
«Ты Росейская Сударыня, ты пожалуй мнѣ силы войской [2]),
«Силы войской двадцать пять полковъ!»
А Сударыня съ сенато́рами думу думала,
Она думала думу крѣпкую за единое:
Набирала она силу войскую двадцать пять полковъ.
Набрамши она силушку, перправлять стала
Черезъ матушку черезъ рѣченьку, черезъ Тихій Донъ.
Переправимши свою силушку, въ строй поставила.
Въ строй поставимши, Государыня перекликала:
— Охъ вы гой еси, князья со боярами!
— Послужите вы вѣрою-правдою Князю Цесарину,
— Съ бѣлокаменной стѣною—со пѣхотою,
— Со свирѣпыми люда́ми—со гусарами,
— Со проворными люда́ми—со Калмыками!—

(Въ нѣсколькихъ образцахъ).

* *

---

1) Цесарь, Австрійскій.—2) О словѣ „войскій“ выше.

Не кончено. По другимъ образцамъ (см. прежніе выпуски) слѣдуютъ объяснительные отвѣты Королевны, притворство ея, а наконецъ прямая измѣна вмѣстѣ съ городомъ въ пользу милаго.—Въ практическомъ быту походномъ, какъ мы упоминали, этому отвѣчаютъ, весьма часто помогающія, интриги полководцевъ, офицеровъ и солдатъ съ жительницами города.

*

Теперь закончимъ отрывкомъ, который по видимому смѣшиваетъ дѣло съ первою Турецкою войной и подвигами нашего флота:

9.

(Сызрань, г. Симбирск.).

Подъ славнымъ было подъ городомъ подъ Очаковымъ,
Тутъ ходитъ—тутъ гуляетъ младъ Турéтчанинъ,
Глядитъ-то младъ Турéтчанинъ на синё море:
И что̀ по синю̀ морю за корабль плывётъ,
На корабличкѣ стоитъ деревцо купарисовое,
На деревцѣ тонки снáсточки всё шелкóвыя,
А на снасточкѣ виситъ рáинка позолоченая,
На рáинкѣ тóнки парусы, канифасовы,
На кормѣ сидитъ самъ хозяинъ пріуряжнѣе всѣхъ...

(Отъ Языкова).

Этимъ кончаютъ народныя устныя пѣсни съ Очаковымъ.

* * *

10.

Сборы Донцовъ къ Бендерамъ. Потемкинъ.

(Земля Войска Донскаго).

Пишетъ-пишетъ Потемкинъ князь къ Исаеву,
Чтобъ былъ готовъ Исаевъ въ легкую партію.
Позамедливши немножко, онъ еще прислалъ
Къ любимому есаулу Филипу Ивановичу,
Филипу Ивановичу Араканцеву,
Чтобъ взялъ козáковъ изъ семи полковъ,
Изъ семи полковъ, что ни лучшіихъ.

Шолъ-прошолъ Араканцевъ подъ Бендеръ-городъ.
Не дошедши до Бендеръ, Араканцевъ становился,
Потревожилъ онъ всю армеюшку Турецкую,
Потревоживши армеюшку, на отводъ пошолъ.
Тутъ-то Араканцева больно ранили:
И падаетъ Араканцевъ коню на черну́ гриву,
А съ чорной гривы на сыру́ землю.
Съ сыро́й земли Араканцевъ подымается,
На любимыхъ своихъ станичниковъ огля́дается,
На острую-то свою саблю опирается:
«Ой вы, станичники мои любимые,
«Подводите ко мнѣ коня моего черногриваго!»

(Ср. сборн. г. Савельева 1866 г.).

* *

11.

Вендеры и Суворовъ.

(Тульск. губ. и уѣзда).

Какъ у насъ было за городомъ за Венде́рой,
Не двѣ ту́ченьки не двѣ грозныя онѣ выкатались:
Выката́лася сила-армія во чисто́е поле,
Во чисто́мъ полѣ въ широкое раздолье.
Выходилъ тутъ сама-тъ [1]) батюшко графъ Суворовъ,
Камы́шевой своей тросточкой онъ комендру́етъ [2]):
«Становитеся вы, солдатушки, по пра́вому фланку,
«Вы берите, робята, и не робѣйте,
«Своихъ бѣлыхъ рукъ не жалѣйте!»

(Записано въ Новгородѣ отъ солдата, 11 Сентября 1834 г., самимъ П. В. К—мъ).

Симъ собственно и кончаются народныя устныя пѣсни о войнѣ Турецкой.

* *

Слѣдуютъ вообще:

---

1) Самъ-тъ: см. выше.—2) Командуетъ.—Ср. о Суворовѣ ниже.

Донцы при Екатеринѣ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Лежала дорожка изъ Питера прямо до Черкаскаго:
Пишетъ-то Государыня указъ повторительный,
Чтобъ собрать-то Донское войско во единый кругъ.
Собралъ-то нашь атаманушка войско Дóнское во единый кругъ,
Началъ-то нашь атаманушка указъ во слухъ читать:
Пишетъ-то наша Государыня, чтобъ выдали ей трехъ виновниковъ,—
Перваго-то виновника—сына Есаулова,
Какъ втораго-то—козáка Стародубова,
А третьяго виновника—сына Гурьянова.

*

2.

(Оттуда же).

Отъ чего Тихій Донъ смущается?
Смущается Тихій Донъ отъ генераловъ трехъ:
Отъ перваго генерала—отъ Поповича,
Отъ другаго генерала—отъ Гудовича,
Отъ третьяго генерала—отъ сына Камéнцова [1].

Каменцовъ сынъ всю ночь не спалъ,
Онъ съ Москалями проигралъ,
Не въ шашечки, не въ бирюлечки, а въ карточки:
Проигралъ онъ славный Тихій Донъ.
Проигравши, сѣлъ призадумавшись,
Онъ роняетъ свои слёзы на шóлкову скатерть:
«Не бывать мнѣ, сыну Каменцову, на Россеюшкѣ,

[1] Каменскаго.

«Не видать мнѣ, сыну Каменцову, отца и матушки,
«Быть мнѣ, сыну Каменцову, въ застѣнушкѣ!»

* *

Кстати:

Гудовичъ
противъ шаха Персидскаго.

1.

(Оттуда же).

На зорѣ-то было, всё на зо́рюшкѣ,
На бѣло́й зорѣ на утреннѣй,
На закатѣ было мѣсяца яснаго,
На восходѣ было солнца краснаго,
Проявились у насъ вѣсти новыя,
Вѣсти новыя—Грузинскія:
Растворялись го́ры кру́тыя,
Кру́ты го́ры Кавказскія;
Засверкали пики вострыя,
Пики вострыя козацкія;
Какъ пошли войска̀ Россійскія
На того шаха Персидскаго.

Напереди [1]) идетъ Гудовичь графъ,
Онъ грозитъ шаху Персидскому:
«Ты собака, ты Персидскій шахъ!
«Ты по што отрѣзалъ голову
«Славному князю Цинціанову [2])?
«На кого ты, собака, попадѣялся?»
— Я попадѣялся [3]) на Грузію, на Грузинскихъ князей.
— Больше всего на Александрушку на царевича.—

*

---

[1]) Напередъ?—[2]) Тиціанову.—[3]) Д. б. „Попадѣялся я.“

Взятъ Костюшко.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Не ясёнъ-то соко́лъ по крутымъ горамъ летаетъ:
То Костюшко-варваръ по своей армеюшкѣ разъѣзжаетъ.
Онъ фронты-то свои—знамёнушки украшаетъ,
Своихъ мызничковъ-генералушекъ [1]) ублажаетъ:
«Вы не плачьте же, мои мызнички, право-генералы [2]),
«Не рыдайте жь вы, мои свирѣпые кавалеры [3]):
«Какъ зау́тра у Бѣла царя будетъ праздникъ,
«Не маленькій праздникъ, праздничекъ Петровъ день [4]);
«Всѣ рынушки-трактирушки будутъ растворёны,
«Всѣ гусарушки, всѣ уланушки будутъ пьяны,
«Козаки́ наши Донецкіе всѣ загуляютъ.»

Какъ на тотъ-то разъ коза́ки-други были осторо́жены:
Всю ночушку козаки́-други не спали,
Во рукахъ во своихъ борзыхъ ко́ней продержали.
На бѣло́й-то зорѣ на утренней «ура» закричали,
Закричали они—загича́ли: Костюшку поймали.
Да велѣли жь его скоро, Костюшку, на крѣпко связать,
Приказали у него скоро допросъ допросить.

(Ср. сборн. г. Савельева 1866).

Ср. ниже передѣлку Великорусскую изъ Малорусской.

* * *

Заключается пѣснями или, лучше, плачами о смерти Государыни. Происхожденіе ихъ и длинный рядъ послѣдовательныхъ образцовъ достаточно нами объяснены въ выпускахъ предыдущихъ. Образцы Екатерининскіе не прибавляютъ къ прежнимъ никакихъ новыхъ яркихъ чертъ или образовъ и, кромѣ именъ, ничѣмъ больше „не спеціализируютъ“ событія, ни пѣснотворческаго типа.

---

[1]) Фермеровъ, однодворцевъ, шляхту.—[2]) Настоящіе, въ правду генералы (иронія поющихъ).— [3])Любопытно, что въ эту эпоху въ Россіи, въ Западныхъ губерніяхъ и въ Польшѣ называли обыкновенно кавалерію, особенно гусаровъ, „свирѣпыми“ (подобно какъ это имя усвоено табуну дикихъ лошадей).“—[4]) Смѣшали 29-е Сентября съ 29-мъ Іюня.

А въ Жадченка у Степана
20. По-за но́гтями спички.

По времени и значенію нашей Пугачевщинѣ отвѣчаетъ у Малороссовъ „Уманьская рѣзня,“ воспѣтая нѣсколькими пѣснями, которыя всѣ однако мѣстныя и исключительныя, безъ общаго Русскаго интереса, а потому здѣсь не приводятся нами.

Пугачевъ и самъ собою на Украйнѣ имѣетъ откликъ, но какъ у насъ скрывали опасное имя подъ передѣлками (см. выше), такъ и тамъ воспользовались названіемъ „пугача“—филина:

7.

Пугачъ—Пугачевъ.

Ой спавъ Пугачъ на могилѣ [1]) да й крикнувъ винъ «Пу́гу!»
Чи не дасть Богъ коза́ченькамъ хочъ теперъ потугу?
Що день, що ничь,—усе́ ждемо: поживы не маемъ,
Давно була́: Хмельни́ченька уже не згадаемъ [3])!
5. Ой коли-сь мы воёвали; да бильше не будемъ:

У Жадченка жь у Степана
20. Подъ ногтями спицы-спички [6]).

7.

Ой спалъ Пугачь на могилѣ [1]), да и крикнулъ „Пу́гу!“
Не дастъ ли Богъ коза́ченькамъ хоть теперь подмогу [2])?
Что де́нь, что но́чь, всё-то ждемъ мы: а нѣту поживы,
Давно была: Хмельниченька нѣту уже въ живѣ [3])!
5. Когда-то мы воевали; да бо льше не будемъ:

---

[6]) Остатокъ пытки, которою его мучили.

[1]) И по словопроизводству, и особенно потому, что весь Югъ нашь усѣянъ могилами — курганами и холмами, „могила“ часто значитъ простой „пригорокъ.“—[2]) Утѣху.—[3]) Ни вздумать, ни згадать его (ср. Слово о П. Игор.): не воротить.—Юрій Хмельницкій.

Того счастя й той доли по викъ не забудемъ!
Да вже шабли заржавили, мушкеты безъ ку́ркивъ:
А ще сердце козацькее не боиться Туркивъ!

*

8.

Пропала Сѣчь Запорожская [1]).

Да встань, Харьку [2]), да встань, батьку: годѣ вже намъ спати!
Ой ходи́мо до Царицы милости прохати:
««Ой Царице, наша мати! Змилуйся надъ нами,
««Ой дай же намъ прежни степы зъ темными лугами!»»
— Не дозволю Запорозьцямъ степомъ обладати,
— Да прикажу Москалеви всю Сичь розоряти!—

Ой ходить нашъ панъ Кошовый, шабельку стискае,—
Таки жъ бо вонъ Москалеви виры не діймае—:

Того счастья и той доли по вѣкъ не забудемъ!
Заржавѣли наши сабли, мушкеты безъ ку́рковъ:
А всё сердце козацкое не боится Турковъ!

8.

Встань-ко, Харько [2]), встань-ко, батько: будетъ же намъ спати!
Ой пойдемъ мы ко Царицѣ милости прашати:
„„Ой Царица, наша мати! Смилуйся надъ нами,
„„Отдай же намъ прежни степи съ темными лѣсами!““
— Не дозволю Запорожцамъ степью обладати,
— А прикажу Москалю я всю Сѣчь разоряти!—

Ой ходитъ нашъ Кошево́й панъ, сабельку сжимаетъ, —
Вѣдь всё-таки Москалю онъ вѣры не имаетъ—:

---

[1]) Просьбы Запорожцевъ Екатеринѣ относятся къ 1774, уничтоженіе Сѣчи къ 1775 году.—[2]) Герой Уманьскаго дѣла: по воспоминанію.

«О хто хоче зъ шабельками, а мы зъ кулаками,—
«Не хай пійде наша слваа по-межъ козака́ми!»

*

9.

О томъ же.

Изъ-за горы, зъ-за Лиману, витеръ повивае:
Да вже жъ Москва Запоризья кругомъ обступае.
Ой облягла, обступила, да въ городъ вступила,
Московьскими знаменами городъ закраси́ла.
Пишла Москва по куренямъ запасу збирати [4])...
Ой набрали сребла-злота да й стали гадати:
««Ой якъ бы намъ, мили братья, Запоризья взяти?»»
Взяли сотню Кошового й Писаря Полкового,
Щобъ не було Запоризья поки свита сёго.

„Иной хочетъ съ сабельками, а мы съ кулаками [3]),—
„Пусть же пойдетъ наша слава между козаками!“

9.

Изъ загорья, съ-за Лиману, вѣтеръ повѣваетъ:
Москва уже Запорожье кругомъ обступаетъ.
Облегла и обступила, и въ городъ вступала,
Московскими знаменами городъ украшала.
Пошла Москва куренями, запасъ въ нихъ сбирати [4])...
Ой набрали сребра-злата и стали гадати:
„„Какъ бы намъ, милые братья, Запорожье взяти?““
Взяли сотню Кошеваго да Писаря Полковаго,
Чтобы Запорожья въ свѣтѣ не стало другаго [5]).

---

[3]) Иди на насъ: а мы противъ сабель съ кулаками!—[4]) За симъ пропущенъ стихъ, выражавшій конечно негодованіе и кончавшійся словомъ „мати..“—
[5]) Чтобъ не было Запорожья пока свѣтъ стоитъ.

10. Ой покрылось Запоризье густыми лозами:
Да вмылися Москалики дрибными слезами!

*

10.

О томъ же [1]).

Та казавъ еси, Калнышъ кошовый [2]), що у Сичи мудро:
Ой якъ выйшлы изъ Сиченькы, на серденьку нудно.
Та казавъ есы, Калнышъ кошовый, що у Сичи гречи:
Ой якъ выйшлы изъ Сиченькы, оббывъ ворогъ плечи.
5. Ой у Сичи на базари побыто колочкы:
Идуть наши Запорозци та и безъ сорочкы.
Та у Сичи на базари загачена гребля:
Ой якъ выйшлы изъ Сиченькы, побывъ ворогъ ребра.

*

---

10. Ой покрылось Запорожье густыми лозами:
Умылися Москалики слезными слезами [6])!

10.

Говорилъ ты прежде, Ка́лнышь [2]), что въ Сѣчи все стройно:
Какъ мы вышли изъ Сѣченьки, въ сердцѣ неспокойно.
Говорилъ ты прежде, Ка́лнышь, что въ Сѣчи есть гречи:
Какъ мы вышли изъ Сѣченьки, оббилъ ворогъ плечи.
5. А у Сѣчи на базарѣ повбиты колочки:
Идутъ наши Запорожцы, кто и безъ сорочки.
Да у Сѣчи на базарѣ загачена гребля:
А какъ вышли изъ Сѣченьки, побилъ ворогъ ребра.

*

---

[6]) Не разъ послѣ вспомнили и пожалѣли, глядя на пустыню и не имѣя передоваго оплота противъ Татаръ-Турокъ.

[1]) По тексту Метлинскаго.—[2]) Послѣдній кошевой атаманъ Запорожскій: ревнитель и—по преданію—даже пѣвецъ Запорожья. Хорошо было въ Запорожьѣ по словамъ его: и точно, по выходѣ постигло Запорожцевъ зло и горе.

11.

О томъ же [3]).

За лисомъ—за пролисомъ, за калыновымъ мостомъ,
Тамъ стоялы хмары війска Запорожецька.
Помижъ козакамы молодый отаманъ йде,
Винъ ходе, винъ гуляе, такъ росказуе:
«О нуте жъ вы, осаулы молоде́нькыи!
«Ой збырайте вы худобу Запорожецькую,
«Вычищайте коныченькивъ все Украиньскыхъ,
«А сидлайте сиделечка все Черкеськыи:
«Ой у ранци, Запорозци, на Дунай широкый!»
Ой якъ выйшовъ нашъ отаманъ на крутую гору,
Якъ ударывъ нашъ отаманъ объ сырую землю:
«Сыра земля, мать-матинька, хмары війска прыняла,

---

11 [3]).

За лѣсомъ-перелѣсьемъ, за мостомъ калиновымъ,
Тамъ стояли тучи войска Запорожскаго.
Молодой атаманъ ходитъ межь козаками,
И онъ ходитъ, онъ гуляетъ, онъ приказъ даетъ:
„А нуте-ка, есаулы молодёшеньки!
„Собирайте-ка вы бѣдность Запорожскую,
„Вычищайте вы коньковъ своихъ Украинскихъ,
„А сѣддайте вы сѣделечки Черкасскія:
„Ой за-утра, Запорожцы, на широкъ Дунай!“
Какъ взошелъ ли атаманъ на крутую гору,
Какъ ударился ли онъ объ сырую землю:
„Приняла ты войска тучи, мать сыра земля,

---

[3]) Оттуда же. Предыдущая пѣсня рисуетъ выходъ: а эта переходъ на Дунай (и за Дунай). Самъ атаманъ, съ горя по отчизнѣ покинутой, умираетъ.—Пѣсня замѣчательна, между прочимъ, своимъ размѣромъ и складомъ, очень древнимъ и сходнымъ съ нашими Былинами.

«Бурлацького, Крымьского, Запорожецького,—
«Прыйми жъ ище, сыра земля, мене молодого!»

*

Г. Костомаровъ („Малорусскій сборникъ“ 1859) изъ Запорожцевъ передѣлалъ Донцовъ, ввелъ ихъ на Балканскую гору—то есть заставилъ служить въ войскѣ Русскомъ при Турецкомъ походѣ, отослалъ въ Москву „на квартеры“ и, вмѣсто кончины отъ скорби по родинѣ,—заставилъ полковника искать смерти съ этого тяжелаго „Московскаго“ зла.

12.

О томъ же.

Галка [1]).

Ой полети, ой полети,
Да чорная галко,
На Донъ рыбы исти:

„Что бурлацкаго, изъ Крыму, Запорожскаго,—
„Прими жь еще молода меня, сыра земля!“

12.

Полети-ка, полети-ка,
Ты чорная галка,
На Донъ рыбу ѣсти:

---

[1]) Какъ „Чайку (см. ниже)“ приписываютъ нѣкоторые Мазепѣ, другіе Кальнашу или еще нѣкоторымъ лицамъ, такъ сочиненіе и этой пѣсни относятъ къ тому же Кальнашу, послѣднему Кошевому Запорожскому атаману: этого не можетъ быть, она пѣсколько позднѣе и принадлежитъ хору войска строеваго. Важно намъ то, что сами ученые Малоруссы, какъ на примѣръ Максимовичъ, видятъ здѣсь пѣсню „сочиненную,“ надъ которою, стало быть, напрасно такъ умиляются и льютъ слезы наши пристрастные (тенденціозные) писатели о Малороссіи, снабжая пѣсню для эффекта подправками и выводя изъ нея чудовищныя заключенія или передѣлывая ее на „Полтаву“ и относя къ старшимъ Великорусскимъ завоеваніямъ (ср. вып. 8, стр. 174, 175 и друг.). Пѣсня дѣйствительно рисуетъ полнѣйшее разрушеніе Сѣчи, но вмѣстѣ относится къ нему съ яркимъ юморомъ, даже

Ой принеси, ой принеси,
5. Да чорная галко
Д' кошового [2]) вісти!

Принеси-ка, принеси-ка,
5. Ты чорная галка,
Кошевыя [2]) вѣсти!

насмѣшкою: конечно она возникла на Украйнѣ, и при томъ при сближеніи со строевыми полками Московскими, при чемъ явился козацко-солдатскій хоръ, въ которомъ Малороссы всегда отличались счастливымъ изобрѣтеніемъ, музыкальнымъ исполненіемъ и прекрасными голосами. — Дѣло въ томъ, что „напѣвъ" Галки вполнѣ сохранился доселѣ и усвоенъ нашему современному „солдатскому (также „сочиненному") хору," напѣвъ отчасти протяжный, отчасти отрывистый и веселый. Именно это—

Эй ребяты, Русскіе солдаты (есть и другое начало)!
А гдѣ жь ваши матки?
Наши матки
Бѣлыя палатки,
Вотъ гдѣ наши матки!
Эй ребяты, Русскіе солдаты,
А гдѣ жь ваши сестры?
Наши сёстры
Сабли, сабли востры,
Вотъ гдѣ наши сёстры! И т. д.

Здѣсь троякій размѣръ: а) Дважды 4 слога или звука = 8; б) 6 слоговъ или звуковъ; в) 4 слога или звука, то есть половина стиха осьмисложнаго. Этому совершенно соотвѣтствуетъ музыка, напѣвъ и дѣленіе на колѣна: осьмисложный стихъ зачинается запѣвалой, четырехъсложный и шестисложный подхватывается хоромъ, при чемъ слышенъ (какъ во всѣхъ подобныхъ хорахъ) строевой маршъ, звукъ барабана и рожокъ или кларнетъ.—Отъ того, при настоящемъ печатаніи, мы имѣемъ возможность привести весь размѣръ въ порядокъ и правильно раздѣлить стихи, чего напрасно стали бы вы искать въ Малорусскихъ изданіяхъ, доселѣ имѣвшихъ руководствомъ *одинъ текстъ*. „Чорная галка"—обыкновенный образъ при началѣ многихъ солдатскихъ хоровыхъ пѣсенъ (есть и въ дѣтскихъ: „Чорная галка, далеко ли была, Много ли вѣстей подъ крыломъ принесла?") Но упоминаніе тутъ же нерѣдко „Марусеньки" указываетъ на вліяніе Малороссіи. Такъ и для предлежащей сочиненной „Галки" была основа въ народной пѣснѣ—„Ой полети, галко."

[2]) Сокращалось при пѣніи изъ „одъ" (съ концомъ предыдущей „галко" это и составляло „одъ"). Но въ подлинникѣ вѣроятнѣе было „кошевыя, кошевыи," вѣсти кошевыя, что̀ дѣлается въ кошѣ.

— Да вже жъ мени не лѣтати
— На Донъ рыбы исти,
— Да вже жъ мени не носити
— Д' кошового висти! —

Ой вы Запорозци,
Ой вы молодыи!
Повдавались 'динъ въ одно́го
Якъ братья ридныи!
Ой вы Запорозци,
Ой вы молодыи,
А де жъ ваши кони?
««Наши кони [3])
««Въ пана на пригони [4]),
««Сами жъ мы въ неволи.»»

Ой вы Запорозци,
Ой вы молодыи!
А де жъ ваши узды?

— Мнѣ ужь больше не летати
— На Донъ рыбы ѣсти,
— Мнѣ ужь больше не носити
— Кошевыя вѣсти! —

Ой вы Запорожцы,
Ой вы молодые,
Уродились другъ во дружку
Какъ братья родные!
Ой вы Запорожцы.
Ой вы молодые,
А гдѣ жь ваши кони?
„„Наши кони
„„На панскомъ пригонѣ [4]),
„„Сами жь мы въ неволѣ.“

Ой вы Запорожцы,
Ой вы молодые!
А гдѣ жь ваши узды?

---

[3]) Это и есть половинный стихъ сравнительно съ осмисложнымъ.—[4]) Въ крѣпостной работѣ на пана.

««Наши узды
«««Въ коней на занузди,
«««Сами жъ мы у нужди.»»

Ой вы Запорозци,
Ой вы молодыи!
А де жъ ваши списы [6])?
««Наши списы
««У пана у стриси [7]),
«««Сами жъ мы у лиси.»»

Ой вы Запорозци,
вы молодыи!
Де жъ ваши ручници?
««Наш' ручници
««У пана въ свитлици,
«Сами жъ мы въ темници.»»

„„Наши узды
„„У коней въ зауздѣ [5]),
„„Сами же мы въ нуждѣ.““

Ой вы Запорожцы,
Ой вы молодые!
А гдѣ жь ваши пики?
„„Наши пики
„„Пану шли на крышки [7]),
„„Намъ лѣса велики [8]).““

Ой вы Запорожцы,
Ой вы молодые!
Гдѣ жь ваши ручницы?
„„А ручницы
„„У пана въ свѣтлицѣ,
„„Сами жь мы въ темницѣ.““

---

[5]) Уздами нашими взнузданы кони на чужую работу; или просто висятъ на зауздкѣ, а кони на волѣ.—[6]) Съ Нѣмецкаго.—[7]) Пошли пану въ слеги на стрѣху, въ соломенную или тростниковую крышку пана.—Пожалуй „Наши копья Въ крышу шли на снопья.“—[8]) Сами же мы въ лѣсу, бѣжали „до лясу:“ намъ самимъ велики, просторны лѣса, можно тамъ надѣлать новыхъ пикъ.

Ой вы Запорозци,
Ой вы молодыи!
А де жъ ваши лу́ки?
««Наши луки
««Побрали гайду́ки [9]),
«Сами жъ мы въ розлуки.»»

Ой вы Запорозци,
Ой вы молодыи!
Де жъ ваши жупаны?
««Наш' жупаны
««Поносили паны,
««Сами жъ мы пропали!»»
Ой полети, ой полети,
Да чорная галко (и прочее, въ концѣ повторяется начало)...

*

Ой вы Запорожцы,
Ой вы молодые!
А гдѣ жь ваши луки?
„„Наши луки
„„Побрали гайдуки [9]),
„„Сами жь мы въ разлукѣ.““

Ой вы Запорожцы,
Ой вы молодые!
Гдѣ жь ваши жупаны?
„„А жупаны
„„Износили паны,
„„Сами жь мы пропали!““
Полети-ка, полети-ка,
Да чорная галка (и прочее, въ концѣ повторяется начало).

*

[9]) Не хайдуки-разбойники, какъ у Южныхъ Славянъ, а господскіе великорослые служители, легко вооруженные, лишь для красоты.

13.

То же объ Украйнѣ.

Чайка [1]).

а)

Ой бида, бида чайци небози,
Що вывела дитки при битій дорозѣ!
«Киги́, Киги́ [2])!» Злетивши въ гору [3]),
Тильки втопиться въ Чорному Морю [4])!

5. Жито поспило,
Приспило дило [5]):
Йдуть женьци жати,

13.

а)

Ой бѣда тебѣ, чайка убога:
Вывела ты дѣтокъ, гдѣ торна дорога!
„Киги, Киги [2])!“ Взлетѣть высо́ко
Да пасть ей въ мо́ре Чо́рно-глубо́ко [4])!

5. Жито поспѣло,
Приспѣло дѣло [5]):
Идутъ жнецы жати,

---

[1]) Это кстати. „Галка“ породила „Чайку:“ уже явно сочиненную, лирическую и даже тенденціозную, стало быть позднѣйшее сочиненіе поэта, котораго называютъ различно, хотя до сихъ поръ безъ точныхъ доказательствъ. Здѣсь уже не Запорожье, а вся Украйна, вся Малороссія, нѣжная мать дѣтокъ; въ куликѣ видятъ Польшу, въ „бугаѣ-бугу („бугу„ его крикъ),“ то есть въ быкѣ или быкѣ-птицѣ, выпи, узнаютъ Москву, Великую Русь. Варіантовъ много (вслѣдствіе большаго употребленія); мы печатаемъ сначала по Максимовичу.—[2]) Крикъ чайки.—[3]) Въ верьхъ.—[4]) Это припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.—[5]) Размѣръ здѣсь измѣняется противу начала: начинается стихъ „двойной,“ съ риѳмою въ концѣ обѣихъ половинъ.

Дитокъ забирати.
«Киги, Киги!» и проч.

«Ой дити, дити!
«Де васъ подити?
«Чи мени втопиться,
«Чи зъ горя убиться?»

И куликъ чайку
Взявъ за чубайку;
Чайка кигиче:
«Згинь ты, куличе!»

А бугай-бугу
Гне чайку въ дугу:
—Не кричи, чайко,
—Бо буде тяжко!—

«Якъ не кричати,
«Якъ не летати?

Дѣтокъ забирати.
„Киги, Киги!“ и про ч.

„Ой дѣти, дѣти!
„Гдѣ васъ мнѣ дѣти?
„Что́ мнѣ, утопиться,
„Иль съ горя убиться?“

Взялъ куликъ чайку
За хохолъ-чубайку;
Чайка вопити:
„Сгинь, пропади ты!“

А бугай-бугу
Гнётъ чайку въ дугу:
—Не кричи, ну же,
—Иль будетъ хуже!—

„Какъ не кричати,
„Какъ не летати?

«Дитки маленьки,
«А я ихъ мати!»
«Киги, Киги!» Злетивши въ гору,
Тильки втопиться въ Чорному Морю!

*

Мы прибавимъ къ этому варіантъ изъ собранія кн. Церетелева, такъ какъ пѣсня очень распространена:

б)

Ой бида, бида
Чайци небоги,
Що вывела дитокъ,
Край самой дороги!
«Киги, Киги!» Взлетивши въ гору,
Прійдется втопиться въ Чорному морю!
Жито пожовтило,
Подобно [1]) поспило:
Идуть женци жаты,
Дитокъ забираты!

И кулыкъ чайку
Взявъ за чубайку;
Чайка кигиче:
«Згинь ты, кулыче!»

А бугай въ лу́гу
Гне чайку въ дугу:
—Не кричи, чайко,
—Буде тоби тяжко!—

„Дѣтки маленьки,
„А я имъ мати!“
„Киги, Киги!“ Взлетѣть высоко
Да пасть ей въ море Чорно-глубоко!

*

[6]) Пѣсня не народная, а потому мы не гоняемся за точнымъ и лучшимъ переводомъ.

[1]) Видимо, по всему.

«Якъ не кричаты,
«Якъ не литаты?
«Дитки маленьки,
«А я ихъ маты!»
«Киги, Киги!» Взлетивши въ гору,
Прійдется втопиться въ Чорному морю!

*

14.

Кинбуръ [1]).

Ой стоялы на гавани, протывъ Яныкóля,
Ой тамъ була хуртовына изъ Чорного моря.
Ой въ недилю по раненьку, якъ стало свитаты,
Ой ставъ нашъ [2]) Головатый на хлопцивъ гукаты:
«Пидыймайте, добри хлопци, паруса вси въ гору,
«Ой бье Турокъ изъ Кинбýру зъ пýшокъ на тревогу!»
Пиднялы [3]) добри хлопци вси паруса въ гору,
Пійшлы Днипромъ протывъ воды корабли на воду.
Пійшлы наши добри хлопци Днипромъ протывъ воды:
Набралыся сердешныи превелыкій биды.

14.

Ой мы въ гавани стояли, противъ Еникóля,
Всё держала злая буря отъ Чернаго моря.
Въ воскресенье ранымъ-рано, какъ стало свѣтати,
Началъ панъ нашь Головатый на хлопцевъ кричати:
„Подымайте, добры хлопцы, паруса въ дорогу,
„Вонъ бьетъ Турокъ изъ Кинбýра пушками тревогу!“
Поднимали добры хлопцы паруса въ дорогу,
По Днѣпру протúвъ воды шли корабли на воду.
Хлопцы шли Днѣпромъ рѣкою, противъ ихъ шли воды:
Сердешные набрался великой невзгоды.

---

[1]) Текстъ по Метлинскому: ср. пѣсни „сочиненныя.“—[2]) „нашъ панъ?“—[3]) „Ой пиднялы?“

Ой оглянувъ [4]) нашъ Головатый въ прозорную трубу:
«Ой теперъ я вражихъ Туркивъ бояться не буду!»

*

15.

Очаковъ.

Збиралися комисары пидъ царьски палаты,
Пишуть листы [1]) на Вкраину—пидъ аршины брати [2]).
Написали на Вкраинѣ вдовиного сына:
««Ой то жъ козакъ уродли́вый [3]), доходить аршина!»»

Ой зачуе жъ стара ненька, Ивасёва мати:
—Ой де жъ тебе, мій сыноньку, я маю сховати?—
«На що жъ мене, матусенько, ты маешъ ховати?
«Буду тоби изъ столици червонныи слати.»
—На що жъ мени, мій сыноньку, червонныи твои,
—Що не́кому поховати головоньки мени?—

Глянулъ трубкою подзорной атаманъ оттуда:
„Вотъ теперь я вражихъ Турковъ бояться не буду!“

15.

Збиралися комисары подъ царски палаты,
Пишутъ листы [1]) на Украйну—подъ аршины брати [2]).
Записали на Украйнѣ вдовинаго сына:
„„Хорошъ козакъ уродился, по мѣркѣ аршина!““

Заслышитъ стара родима, взговоритъ дитяти
Ванюшкина мать:—Сыночекъ, гдѣ жъ тебя дѣвати?—
„На что меня, матушка, ты будешь сберегати?
„Буду тебѣ изъ столицы червонные слати.“
—На что̀ мнѣ твоихъ червонныхъ, сыночекъ мой, горы,
—Какъ некому схоронить здѣсь головушки хворой?—

---

[4]) „Ой глянувъ?“ Всего этого требуетъ размѣръ стиховъ.

[1]) Грамоты, указы (письма).—[2]) Вербовать по росту и мѣркѣ.—[3]) По природѣ хорошій, „по уродѣ:“ у насъ „хорошъ уродился.“

«Поховають, моя нене, тебе добри люде,
«Ой якъ мене, молодого, до тебе не буде.»

Вдовинъ сынокъ, вдовиченко, коня наповае:
Его ненька старесенька въ викно поглядае.
Вдовинъ сынокъ, вдовиченко, коника сидлае:
Его ненька старесенька сильненько рыдае.
Вдовинъ сынокъ, вдовиченко, на коня сидае:
Его ненька старесенька крыжемъ упадае [4]).
Вдовинъ сынокъ, вдовиченко, зъ двора выизжае:
Его ненька старесенька за стремéнъ хапае.

Ой въ городи въ Очакови вдарили изъ лука:
Да вже жъ тоби, вдовинъ сыну, зъ матерью розлука!
У городи въ Очакови вдарили зъ гарматы [5]):
Уже жъ тоби, вдовинъ сыну, матки не видати!

*

„Похоронятъ, родимая, тебя добры люди,
„Какъ меня здѣсь, молодого, при тебѣ не будетъ.“

Вдовинъ сынокъ, сиротинка, коня себѣ пóитъ:
Родимая старёшенька въ окно на то смотритъ.
Вдовинъ сынокъ, сиротинка, коника сѣдлаетъ:
Родимая старёшенька сильненько рыдаетъ.
Вдовинъ сынокъ, сиротинка, на коня садится:
Родимая нá земь пала и крестомъ ложится [4]).
Вдовинъ сынокъ, сиротинка, съ двора выѣзжаетъ:
Родимая старёшенька зá стремя хватаетъ.

Во городѣ въ Очаковѣ стрѣльнули изъ лука:
Это тебѣ, вдовинъ сынокъ, съ матерью разлука!
Во городѣ въ Очаковѣ стрѣльнули изъ пушки:
Больше тебѣ не видати матери старушки!

*

---

[4]) Обычай, отъ католиковъ, ложиться „крыжемъ,“ крестомъ на землю для молитвы: такъ выражается порою и горькое отчаяніе, которому остается прибѣжищемъ одинъ крестъ.—[5]) См. выше.

16.

Тамъ же [1]).

Ой изъ нызу зъ-за Лиману витеръ повивае,
А вже Супрунъ до Калныша лысты посылае:
«Ой чи звелышъ, пане Калнышу, у недилю [2]) рушаты,
«Ой чи звелышъ, пане Калнышу [2]), понедилка ждаты?»
— Ой не велю тоби, козаче Супруне [3]), у недилю рушаты,
— А велю тоби, козаче Супруне [3]), понедилка ждаты.—

Ой не знавъ же козакъ Супрунъ, якъ славы зажиты:
Веде військо Запорозьке пидъ Очакивъ, велыть орду биты [4]).
Ой выстрелывъ зъ малой пушкы, а зъ однеи двичи:
А сунула вража орда а осою въ вичи.
Ой козакови Супрунови та назадъ [5]) руки вьяжуть,

16.

Съ низу было съ-за Лиману вѣтеръ повѣваетъ,
А Супрунъ козакъ Калнышу письма посылаетъ:
„Не велишь ли въ воскресенье, Калнышь, подыматься,
„Или лучше въ понедѣльникъ и его дождаться?“
— Не велю я въ воскресенье, Супрунъ, подыматься,
— А велю я въ понедѣльникъ и его дождаться.—

Ой Супрунъ козакъ не знаетъ, какъ славы добыти:
Ведетъ войско подъ Очаковъ, орду велитъ бити [4]).
Выстрѣлилъ изъ малой пушки, изъ одной два раза:
Налетѣла орда вражья осой въ оба глаза.
Ворогъ козаку Супруну руки назадъ вяжетъ,

---

[1]) По тексту Метлинскаго.—[2]) Судя по размѣру стиховъ, должно быть: „Ой чи звелышъ, панъ-Калнышу,“ „пане Калнышъ“, или „Чи звелышъ, пане Калнышу;“ „въ недилю.“—[3]) Д. б. „Не велю тоби, Супруне;“ „А велю тоби, Супруне.“—[4]) Д. б. „Веде військо пидъ Очакивъ, велыть орду биты;“ а еще вѣроятнѣе, Очаковъ вставленъ позже, съ начала же было: „Веде військо Запорозьке, велыть орду биты.“—[5]) Д. б. „Козакови Супрунови назадъ.“

А козакъ Супрунъ двомъ [6]) мурзакамъ правдонькы не ка-
жеть:
«Ой поведить мене, та два мурзакы, а на Паліеву могылу [7]),
«Не хай же я самъ побачу, де марно загыну!»
15. Ой якъ глянувъ та козакъ Супрунъ а на свою та велыкую
сылу [8]):
«А берите двохъ мурзакивъ, бо я ще не згыну!»

Отселѣ идутъ собственно пѣсни Черноморскія.

*

17.

Тамъ же [1]).

Ой хотивъ же та панъ Супрунъ та славы зажиты,
Веде військо пидъ Очакивъ, велыть Турка биты [2]).
Билы Турка денно-нично и храбро ступалы,
А въ середу по раненьку зъ Кубани рушалы,
5. А восьмои недиленькы у Варшави сталы [3]).

А Супрунъ мурзамъ поганымъ правды все не скажетъ.
„Поведите-ка меня вы на мою могилу [7]),
„Дайте прежде посмотрѣть мнѣ, гдѣ напрасно сгину!“
15. Какъ завидѣлъ тамъ Супрунъ свою велику силу:
„Эй, берите мурзъ поганыхъ, я еще не сгину!“

17.

Захотѣлъ же панъ Супрунъ нашъ славы придобыти,
Ведетъ войско подъ Очаковъ, велитъ Турка бити [2]).
Били Турка денно-ночно, храбро подвизались,
А въ середу по раненьку съ Кубани поднялись,
5. На восьмую на недѣлю Варшавы добрались [3]).

---

[6]) „двомъ“ лишнее.—[7]) Замѣтно, что должно быть первоначально: „Поведить мене, мурзакы, *на мою* могылу;“ древняго и славнаго Палія очевидно пѣвецъ вставилъ ради поэтической вольности и красоты.—[8]) Въ подлинникѣ конечно было: „Ой якъ глянувъ козакъ Супрунъ а на свою силу.“

[1]) Оттуда же.—[2]) Смотри такой же стихъ въ предыдущемъ образцѣ, по требованію размѣра.—[3]) Пѣсня предупреждаетъ послѣдовавшее вскорѣ движеніе козаковъ подъ Варшаву.

А въ недилю по раненьку коникъ розыгрався,
А къ вечеру нашъ панъ Супрунъ въ неволю попався.
Надъ ричкою надъ Дунаемъ орлы загравалы,
А козакы отамана зъ неволи досталы.
Надъ ричкою надъ Дунаемъ короговка вьеться:
Ой тамъ-то нашъ та панъ Супрунъ зъ Татарыномъ бьеться.
Надъ ричкою надъ Дунаемъ короговка мае:
Десь нашого та Супруна на свити не мае.
Ой не стрилы громовыи, гарматы ворожськыи [4])
Напирають на козакивъ та на Запорозцивъ.
««Бійте, бійте та Супруна, пана коменданта,
««Бійте, бійте, не жалуйте, хочъ ридного брата!»»
Ой не орла, не сокола збираються вбиты:
Ой то жъ пана та Супруна ведуть загубиты.
«Ой не ведить мене, братця, въ глыбоку долыну,

Въ воскресенье ранымъ-рано конёкъ разыгрался,
А къ вечеру панъ Супрунъ нашь въ неволю попался.
Надъ рѣчкою надъ Дунаемъ орлы заиграли,
А козаки атамана изъ неволи взяли.
Надъ рѣчкою надъ Дунаемъ хоруговка вьется:
Тамъ-то, было, панъ Супрунъ нашь съ Татариномъ бьется.
Надъ рѣчкою надъ Дунаемъ хоруговку видно:
Что-то нашего Супруна на свѣтѣ не слышно.
Ой не стрѣлы громовыя, а пушка ворожья
Напираетъ на козáковъ, внуковъ Запорожья [4]).
„„Бейте, бейте вы Супруна, пана коменданта,
„„Бейте, бейте, не жалѣйте, хоть роднаго брата!““
Не орла, не сокола́ тамъ сбираются бити:
Ужь какъ пана тамъ Супруна ведутъ загубити.
„Не ведите меня, братцы, въ глыбоку долину,

---

[4]) Д. б. „ворожськы“ или, пожалуй, еще старшая форма „ворожсъци..“ — Чѣрноморцы были внуками Запорожья послѣ истыхъ сыновъ или дѣтей его

«Ой поведить мене, ворогы, на высок у [5]) могылу:
«Не хай буде знаты [6]) Украина, де панъ Сунрунъ згынувъ!»

*

18.

Измаилъ [1]).

Видъ Кылыи до Измайлова [2]) покопани шанци:
Ой вырубалы Туркы Новодинцивъ [3]) у середу въ ранци.
А Чорноморци, храбри Запорожци, черезъ Дунай переиздылы,
Воны жъ тую проклятую Измайливьску орду зъ батареи збилы.
Ой далы жъ, далы Измайливьски Туркы Надольскому баши знаты:

„Поведите на высоку, вороги, могилу [5]):
„Пусть узиаетъ Украина, гдѣ я, Супрунъ, сгину!“

18.

Отъ Киліи къ Измаилу шанцы покопали:
Въ среду рано Новодонцевъ [3]) Туркн вырубали.
Козаки же Черноморцы, славны Запорожцы,
Черезъ рѣку чрезъ Дунай они переѣзжаяи,
Орду тую проклятую съ батарей сбивали.
Измаиловскіе Турки дали пашѣ знати:

---

[5]) Д. б. „Ой поведить на высоку, ворогы, могылу,“ а еще проще, и вѣроятно старше, „Ой поведить мене, братця, на мою могылу.“ Ср: выше предыдущій образецъ.—[6]) Конечно „Не хай знае.“

[1]) Оттуда же.—[2]) По размѣру, которому и мы обычно слѣдовали, нужно бы „до Измайла,“ или, какъ приведенъ г. Метлинскимъ варіантъ, „до Шмайлова.“ Но размѣръ уже явно попорченъ и по два стиха втиснуто въ одинъ.—[3]) Донцовъ, „новыхъ“ козаковъ сравнительно съ Запорожскими и Украинскими.

««Що не мусишъ, Анадольскый башо, противъ Чорномор-
цивъ стояты.»»
Ой ставъ же та Измайливьскый баша билый флагъ выкыдаты:
Ой тоди сталы славны Запорозци запасы й ружъя видби-
раты.
Ой бралы ружъя й кони вороныи,
Бралы й сукна дорогыи,
Усе розмылише... которихъ порубалы,
То тихъ у вострови поховалы,
А котори поранени, у Кылію одправлялы.

*

19.

Таманъ. Гетманъ Потемкинъ.
Пѣсня Черноморская [1]).

Ой годи намъ журитися, пора перестати:
Дождалися отъ Царици за службу заплаты!

„„Что паша ли Анадольскій, паша, глава наша,
„„Нельзя противъ Черноморцевъ тебѣ устояти.““
Ой с алъ паша флагъ свой бѣлый со стѣнъ выкидати:
Ста. и Запорожцы ружья, запасъ отбирати.
Брали ружья, брали коней, кони вороные,
Брали коней, брали сукна, сукна дорогія.
Все побрали, растрепали... Кого порубили,
Тѣхъ на острову, какъ должно, въ землю хоронили,
А который былъ пораненъ, въ Килію возили.

19.

Полно же намъ тосковати, пора перестати:
Дождалися отъ Царицы за службу заплаты!

---

[1]) Потемкинъ набралъ изъ Запорожцевъ охочее войско, подъ именемъ Черноморцевъ, и, послѣ Очакова, гдѣ они отличились, самъ получилъ ти-

Дала [2]) хлибъ-соль и грамоты за вирныи службы:
Отъ, теперъ мы, мили братця [3]), забудемъ вси нужды!
Въ Тамани жить, вирне служить, границю держати,
Рыбу ловить, горилку пить: ще й будемъ багати!
Да вже треба женитися и хлиба робити,
А хто прійде изъ невирныхъ [4]), то якъ чорта [5]) бити [6])!
Слава Богу и Цариди, а покой Гетьма́ну [7]):
Заличи́ли въ сердцахъ нашихъ [8]) великую рану!
Благодари́мъ мы Царицю, моли́мося Богу,
Що вона намъ указала на Тамань дорогу!

*

Дала [2]) хлѣбъ-соль и грамоты за вѣрныя службы:
Вотъ теперь мы, милы братья, забудемъ всѣ нужды!
Жить въ Тамани, служить вѣрно, границу держати,
Рыбу ловить, пить горѣлку: вотъ будемъ богаты!
Да ужь нужно намъ женкться, свой хлѣбъ заводити,
А кто придетъ изъ невѣрныхъ, ихъ какъ чорта бити [6])!
Слава Богу и Царицѣ, а покой гетма́ну [7]):
Залѣчили въ сердцахъ нашихъ великую рану!
Мы благодаримъ Царицу, молимся мы Богу,
Что она намъ указала на Тамань дорогу!

*

тулъ ихъ Гетмана, а Черноморцы въ 1792 г. поселены на Тамани. На праздникѣ, по случаю присланныхъ утвердительныхъ Царскихъ грамотъ, 15 Августа 1792 года, явилась и пѣта означенная пѣсня: сочиненіе ея приписываютъ Войсковому Судьѣ, который привезъ въ Черноморскій кошь и грамоты, *Головатому*, извѣстному также „Вершею,“ которую онъ произнесъ Потемкину отъ лица Запорожцевъ въ Свѣтлое Воскресенье („Христосъ воскресъ, радъ міръ увесь:“ собственно это его передѣлка, ср. „Калѣки Перехожіе“). Пѣсня помѣщалась и въ нашихъ Пѣсенникахъ, но тамъ она приводится какъ „сочиненіе извѣстнаго *Сковороды* (такъ шатки вообще всѣ эти указанія на лица при пѣсняхъ „сочиненныхъ:“ ср. во многихъ мѣстахъ выше).—[2]) Варіантъ „Дали.“—[3]) Вар. „миле братья.“—[4]) „Хто прійде къ намъ изъ невирныхъ.“—[5]) „Якъ враги.“—[6]) Значительный варіантъ (послѣ встрѣчи съ Черкесами): „Тутъ-то мы будемо жити, и рыбу ловити, И вражого да Черкеса по кручамъ (высотамъ) гонити.“—[7]) Потемкину.—[8]) Вар. „Зличили намъ въ сердцахъ нашихъ.“—Между прочимъ лѣченьемъ указана наставшая безжонным и безработнымъ Запорожцамъ необходимость—жениться и обработывать пашню для хлѣба.

20.

Костюшко.—Потоцкій [1]).

На широкимъ поли билый орелъ вбитый:
Пишли жъ наши Ляшки Французамъ служити.
Костюшко Французамъ за надежду служитъ:
Охъ, якъ же винъ дуже за Польщою тужитъ!

Домбровского [2]) пришлють насъ всихъ вызволити:
Не будемъ Москалямъ видъ души платити.
Въ тотъ часъ вдаримъ твердо на наши сусиди,
Що насъ набавили нужды и всей биды:
А де очерета, тамъ люде сидали,
А де жизны [3]) поля, Москали стояли;
Матери и батьки очи выплакали,
Що ихъ сыны чужи війска въ рекруты забрали.

20.

На широкомъ полѣ бѣлый орелъ вбитый:
Пошли наши Ляхи Французамъ служити.
Костюшко Французамъ по надеждѣ служитъ:
Да какъ же о Польшѣ онъ крѣпко и тужитъ!

Домбровскаго [2]) прiйшлютъ насъ освободити:
Москалямъ не будемъ подушны платити.
Мы ударимъ твердо, пусть знаютъ сосѣды,
Отъ которыхъ вышли всѣ нужды и бѣды:
Плетень тростниковый,—тамъ люди садились,
Гдѣ житное поле,—съ Москвы становились;
Матерямъ ли, батькамъ, слезъ имъ недостало,
Какъ дѣтей чужое войско въ рекруты забрало.

---

[1]) По тексту О. М. Бодянскаго, изъ „Чтеній“.—Образецъ не хорошъ по складу и языку.—[2]) Генерала того времени.—[3]) „Житны?“ Хотя по лѣтописямъ жито именуется и „жизнью,“ и „жиромъ (ср. Слово о П. И. Игор.).“

Ой ты, пане Потоцькій, Воеводьскій сыну [4]),
Запродавесь [5]) Польшу, Литву й Украину!
Твоя гадка була королемъ зистати:
Пишовсь [5]) до Царици помощи прохати!
Прійде тотъ часъ, прійде, и тая година,
Счезнешъ, бисе проклятый, и твоя родина!

*

(Текстъ Малорусскихъ пѣсенъ приведенъ нами всего чаще по Максимовичу, Метлинскому нѣкоторымъ другимъ.)

21.

Костюша [1]).

(Губ. Московск., у. Звенигор., с. Ильинское).

Лежатъ Ляхи на три шляхи [2]), москаль на четыре [3]):
Лежатъ ранены Поляки по сту по четыре,
По сту по четыре, ни каждой долинѣ.
Л. житъ раненъ панъ Костюша у бѣлаго камня.
Къ нему панья [4]) пріѣзжала, жена молодая,
Она плакала-рыдала, слезно причитала:
«Не я ль тебѣ, панъ Костюша, не я ль говорила,
«Говорила я, Костюша, не ѣзди въ Бѣлой городъ [5]),

Ой ты, панъ Потоцкій, Воеводскій сыну [4]),
Запродалъ ты Польшу, Литву, Украйну!
Думалъ и гадалъ ты королемъ въ нихъ быти:
Пошолъ ты къ Царицѣ помощи просити!
Придетъ тебѣ часъ тотъ, придетъ тое время,
Исчезнешь, проклятый бѣсъ, семья твоя, племя!

*

---

[4]) Глава конфедераціи.—[5]) Запродалъ еси, пошолъ еси.

[1]) Помѣщаемъ въ концѣ Малорусскихъ пѣсенъ, такъ какъ это явная передѣлка изъ нихъ.—[2]) По тремъ большимъ дорогамъ (съ Нѣмецк., см. выше).—[3]) Это начало чисто-Малорусское изъ нѣкоторыхъ тамошнихъ пѣсенъ.—[4]) Госпожа.—[5]) Бѣлостокъ?

«Полно, полно, панъ Костюша, съ Москвой воевати,—
10. «Москва славна и велика, больше нашей Польши [6])!»

(Записано П. В. К—мъ въ 1833 году).

Эта Великорусская передѣлка изъ Малорусской пѣсни крайне замѣчательна, и по характерности, и потому, что подлинника Малорусскаго не имѣемъ.

Г. Мордовцевъ („Литературный сборникъ“ 1859) вздумалъ было напечатать какую-то хитрую „Малорусскую (хотя плохимъ Малорусскимъ языкомъ писанную)“ сказку, гдѣ очень тонко выводитъ злую бабу „Катерину“ съ войскомъ, „Короля“ и несчастную жертву ихъ „Поланина (не лучше ли назвать собственнымъ именемъ?):“ но мы здѣсь, разумѣется, не помѣстимъ ни такихъ выдумокъ г. Мордовцева, ни фантазій почтеннаго г. Костомарова. При всей внутренней порчѣ, о которой мы говорили, при всей тенденціозности, которая мѣстами сюда проникла по мѣрѣ „сочиненія“ и которая вовсе не помогаетъ, а напротивъ вездѣ вредитъ искусству, наконецъ при всей нескладности или складности искусственной и риѳмѣ, наложенной школярствомъ, приведенныя Малорусскія пѣсни, въ лучшихъ и избранныхъ образцахъ своихъ, достойны величайшаго вниманія и высокой безотносительной цѣны. Многія изъ нихъ, въ борьбѣ внутренней за народность пѣсни и борьбою сей побѣждая трудности, оказываются равны современнымъ для нихъ Великорусскнмъ (Московскимъ по началу) краткимъ Былинамъ или пѣснямъ Историческимъ, въ своей концепціи, сжатой и художественно законченной, въ меткомъ образѣ и словѣ: рѣзкость же и грубость нѣкоторыхъ Великорусскихъ (вездѣ почти проскользающая) замѣняется, восподняется, счастливо вознаграждается и смягчается нѣжностью, деликатностью и какой-то дѣвственностью Малорусской. Кромѣ того, относительно древности, мы встрѣчали (и отмѣчали) столько параллелей со Словомъ о Полку Игоревѣ, старѣйшей лѣтописью, нашими лучшими Былинами и пѣснями старины: а это значитъ, что нить, связующая народное творчество съ его высокимъ прошедшимъ, у Малоруссовъ до конца эпохи, нами оглянутой, была жива и дѣйственна въ значительной силѣ. Такое пѣснотворчество сулитъ много и будущей мѣстной, и всякой Русской литературѣ, если она захочетъ во время воспользоваться естественными стихіями своего искусства. Слабые, какъ опытъ, наши переводы старались поддержать по возможности такое впечатлѣніе.

* * *

[6]) Отзывъ уже чисто-Великорусскій, но умѣвшій выдержать выраженіе „*нашей* Польши.“